
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»

под редакцией Г.А. Бордюгова

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	Журнал «Политический класс», МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Фридрих Фирсов

34 ГОДА В ИНСТИТУТЕ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Воспоминания историка

Москва
2013

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»
ОСНОВАНА В 1994 ГОДУ

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Фирсов, Фридрих.

34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл. – ISBN 978-5-91022-224-7.

Известный и заслуженно признанный научным сообществом историк вспоминает об уникальной советской эпохе и забытых деталях её повседневной атмосферы. Раскрывается деятельность и среда ключевого института в области общественных наук, бытие ученых, пытавшихся примирить партийный долг и интересы науки, директивы сверху и действительные вызовы времени, политическую конъюнктуру и новейшие исследовательские практики. Серьезного внимания заслуживают размышления о формировании лаборатории изучения Коминтерна, мучительные поиски и преодоления историка, емкие и запоминающиеся портреты его родных, друзей и коллег.

ISBN 978-5-91022-224-7

© Фирсов Ф., 2013
© АИРО-XXI, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
-------------------	----

Часть I

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИКА-КОМИНТЕРНОВЕДА

Как я попал в Институт марксизма-ленинизма	18
В Секторе произведений Маркса и Энгельса	25
Первые публикации	44
В Секторе Истории международного рабочего и коммунистического движения	49
Вадя Сегаль и другие друзья	66
Оля	75
Защита кандидатской диссертации	76
Закарпатская рапсодия	81
Первая поездка за рубеж. Чехословакия	85
Дела жилищные	89
Сестры	93
Приход Пospelова в ИМЛ	97
В Отделе Истории КПСС	101
Лекторская деятельность	109
Наташа	113
Статья о тактике единого фронта	114
Заседание парткома	117
Первая крупная работа	121
Италия	127
Володя Логинов	131
Подавление Пражской весны	137

Часть II

КОМИНТЕРНОВЕД

«Краткая история Коминтерна»	141
Саша Резников	149
Снова о «Краткой истории Коминтерна»	151
Соболев и Шириня	157
Мои дорогие подруги	161
Сектор истории Коминтерна	166

Франция	169
«Второй конгресс Коминтерна»	172
Димитровская тема	177
Командировка в Болгарию	179
Второй Димитровский сборник	183
Внеплановые работы	184
Некоторые особенности моей авторской работы	187
Снова жилищная проблема	189
Просьба Искрова	191
Литературные попытки	192
Туристская поездка в Югославию	194
«Третий конгресс Коминтерна»	197
Командировка в Берлин	202
Снова о «Третьем конгрессе Коминтерна»	204
Статья о создании компартии Чехословакии	207
Командировка в Прагу	209
Новый директор Института	212
Докторская диссертация	216
Экспертный совет ВАК	219
Нидерланды и Бельгия	221
Сборник документов VII конгресса Коминтерна	225
Секция документов международного коммунистического движения ЦПА ИМЛ	226
Другие сотрудники партийного архива	230
Рамон Меркадер	233
Коллеги по Отделу	235
Грант Адиебеков	242
Вновь о Саше Резникове	245
О Соболеве	249
Испания	253
«Четвертый конгресс Коминтерна»	256
Возвращение к Димитровской теме	266
На киностудии имени Горького	271
Конференция в Мосте	272
Оля, Наташа, Женечка и Тинка	273
Дача на «42 километре»	275
Вновь жилищная проблема	278
Проблемы друзей	279

Минаев и Ежов	282
Опять Димитровская тема	284
Авторская работа.....	285
Командировка в Уфу.....	288
Греция	290
Как создавалась книга об истории сотрудничества КПСС и КПЧ.....	292
Егоров и Родионов	297
Японские контакты Института	298
Новые Отделы ИМЛ	300
«Первый конгресс Коминтерна».....	301
Командировка в Варшаву	303
Архивные находки	307

Часть III

ПЕРЕСТРОЙКА. ПРОЗРЕНИЕ

Новая ситуация. Георгий Лукич Смирнов	318
Новая должность	321
Дневник Димитрова	322
Статья в журнале «Коммунист». Интервью и выступления	327
В комиссии по «белым пятнам».....	333
Командировка в Белград.....	336
Опубликование статьи о тактике Коминтерна	338
Статья о расправе над компартией Польши	340
Пополнение Сектора.....	344
Книги	346
Семейные проблемы	347
Мама	348
Командировка в Японию	352
Снова Берлин	354
Крым.....	356
Записи воспоминаний коминтерновцев. Разные встречи.	358
«Сталин и Коммунистический Интернационал».....	367
Катализаторы сознания.....	370
Журнал «Проблемы мира и социализма»	373
Семидесятилетие основания Коминтерна.	
Встречи с читателями	375
Снова в Италии.....	379
Бернгард Байерляйн	381

Сентябрьская конференция.....	388
Серебряный бор	393
Женя Витенберг	403
Лекции по истории Коминтерна.....	405
Поездка в Западный Берлин, Вупперталь, Амстердам.....	407
Краткий визит в Берлин	414
«Неизвестный Коминтерн».....	415
Семейные дела	418
Конфликт на заседании Дирекции	420
Флоренция и Рим	422
Реорганизация Института	423
Снова дела семейные.....	425
Путч.....	429
Конференция в Афинах.....	431
Конференция в Ла-Шо-де-Фон.....	435
Последние дни в Институте.....	437
КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ	442
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	452

«Рассказ прежде всего о себе, о своей глупости, о своей интеллектуальной нечестности и об одолении этого. О своем пути освобождения, обретения свободы... Отсутствие стыда за прожитое – это конец нас как личностей».

Юрий Карякин

«Надо стараться все делать хорошо: плохо оно само собой получится».

Андрей Миронов

«Что получилось и получилось ли – не знаю. Но этого не знает никто из тех, кто пытается свои мысли выразить словами и положить их на бумагу».

Владимир Познер

«За все отвечаешь сам, а если что, осудишь, то тоже сам».

Борис Акунин

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 1994 г. мы с женой переехали из Москвы в Линн, пригород Бостона в США, где неподалеку уже несколько лет проживали Лидины сестры со своими семьями. Еще до переезда переслал туда свой архив, накопленный за многие годы исследовательской работы. Несколько лет обрабатывал его, составил подокументальную опись и именной индекс всех материалов, находившихся в тетрадях с выписками, папках с ксерокопиями и т. п. Когда уже заканчивал эту работу, получил предложение Гуверовского Института Войны, Мира и Революции, известного научного центра в Калифорнии, передать им этот архив. Согласился на это, но решил предварительно посмотреть, не удастся ли прежде написать самостоятельную работу.

Перечитав выписки из шифрованной переписки Исполкома Коминтерна с компартиями, понял, что располагаю материалом для книги об этой неизвестной, засекреченной стороне деятельности Коминтерна. Документы свидетельствовали, что на деле он руководил компартиями как путем посылки зашифрованных директив, так и через тайных агентов при лидерах компартий, а также при помощи финансирования. Идеологическим и кадровым контролем добивался подчинения этих лидеров своим указаниям. Шифровки неоспоримо доказывали его тесное сотрудничество с советской разведкой. Решил написать книгу и рассказать в ней не только о шифропереписке Коминтерна, но как бы подвести итоги своим многолетним занятиям историей этой организации.

Увлеченно работал над ее текстом. Было чрезвычайно занимательно копаться в тайных делах и делишках Коминтерна, выяснять подноготную многих его директив, рассказывать не только о видных политический фигурах той эпохи, но и о судьбе рядовых тружеников этой организации, жизнь которых нередко трагически завершалась. Многие шифровки, как оказалось, были связаны друг с другом. Они как будто сами норовили раскрыть свои тайны. Складывалось впечатление, выраженное в известной фразе: «документы заговорили». Ну, а по дневнику Георгия Димитрова

было видно, «откуда ноги растут», поскольку в нем приводились сталинские указания.

Скажу больше, в то время, когда писал эту книгу, ощущая что различные сюжеты складывались в увлекательное для меня повествование, зачастую испытывал чувство, что не столько пишу текст, сколько участвую в его написании, причем ведущую роль в этом играли взаимно притягиваемые друг к другу документы.

Вернувшись позднее к этим строкам, увидел, что сказал об феномене шифровок слишком мало и недостаточно. Возможно потому, что документов оказалось достаточно много, поскольку все шифровки с начала 1930-х годов и до роспуска Коминтерна оказались в одной архивной описи и я имел возможность с ними поработать, выбрать то, что мне казалось наиболее существенным, но прежде потому, что они довольно полно отражали именно ту сторону деятельности Коминтерна, которую считаю самой важной, они и определили в этой книге темы глав, их внутреннюю логику и построение. В некоторых случаях, когда по одной теме их попадалось слишком много, и сама тема представлялась разносторонней, как, например, глава о финансировании компартий, или о добровольцах в Испанской Гражданской войне, мне нужно было лишь принять решение, в какой последовательности рассматривать сюжеты. Также документы практически «назвали» мне многих персонажей, о ком следовало написать и чью судьбу постараться раскрыть.

Разумеется, документы сами по себе не содержали выводов и оценок, сделанных с их помощью, здесь сказались накопленный опыт и приобретенное годами знание истории Коминтерна. Но шифровки во многом подтвердили и уточнили выводы, сделанные в результате изучения истории этой организации.

Много размышлял над тем, удастся ли аргументировано, логично и последовательно изложить свое нынешнее видение того, чем являлся Коминтерн, доказать, что шифропереписка отражает наиболее существенные стороны его деятельности, старался не упустить что-либо важное, не впасть в односторонность оценок. Хотел связать в единое целое самые различные вопросы, соединить изложение основных вех в истории этой организации с анализом ее характера, показав при этом наиболее значимые моменты и факты. Но не стремился написать историю Коминтерна

в целом, считая это непосильной для себя задачей. Пытался сделать свой рассказ интересным для будущего читателя.

В общем примерно за два года написал книгу и отослал архив и свою научную библиотеку в Гуверовский Институт. Предчувствовал, что напряжение в котором находился, обязательно завершится каким-то кризисом. Так и получилось. В дни, когда пересылал архив, пришла тяжелая болезнь (два инфаркта, второй, к счастью, начался в больнице, успел нажать кнопку вызова дежурной медсестры, прежде чем потерял сознание). Из-за операции на сердце и последовавших осложнений пришлось провести в больнице свыше месяца. К счастью, врачи и персонал госпиталя «Масс женерал» в Бостоне сумели вернуть меня к жизни. Всем им мой нижайший поклон и благодарность.

Итак, книга была готова. Джонатан Brent из издательства Йельского Университета, с которым в течение нескольких лет сотрудничал, положительно встретил мое сообщение о ней. Он давно предлагал мне выступить с работой по истории Коминтерна. Отослал ему компьютерный текст с оговоркой, что авторское право на публикацию книги в России оставляю за собой. Однако после этого наступила длительная пауза. Не хотел теребить Brentа, но, разумеется, нервничал.

Подумал об издании книги в России. Вспомнил о своем бывшем коллеге Геннадии Бордюгове, создавшем и возглавившем 20 лет назад Ассоциацию исследователей российского общества (АИРО) со своим издательским центром. Послал ему письмо, напоминая о себе, спросил, не заинтересует ли его моя работа. В ответ получил предложение немедленно прислать текст книги. Дело завертелось неожиданно быстро и через полгода, в том же 2007 г., под названием «Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943», она была опубликована АИРО-XXI и хорошо встречена российской научной общественностью¹.

---

¹ Книга быстро исчезла с прилавков книжных магазинов. Осенью 2009 г. получил от Генерального директора Издательства «РОССПЭН» Андрея Сорокина предложение переиздать ее в серии «История сталинизма». И летом 2011 г. она вновь вышла в свет, немного дополненная и с новым названием: «Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка». Она также не залежалась на полках книжных магазинов.

Интенсивная переписка с Генной, его теплые письма помогли мне преодолеть послеоперационную депрессию. Он посоветовал написать воспоминания об имэловских годах, прислал опубликованные его издательством мемуары людей, которых я знал и высоко ценил. Каждая из этих книг отражала уникальную личность ее автора и наталкивала на раздумье о прошлом, в том числе о событиях институтской жизни.

Все это привело к тому, что снова сел за компьютер. За годы научной работы в моем миропонимании многое изменилось, и попытался проследить, как и почему так случилось. Одни приоритеты и принципы подтвердили свою важность и значимость, другие оказались ложными и от них отказался, хотя это было совсем не простым делом. Хотелось установить, как с годами менялись взгляды на то, чем занимался, как, почему и когда произошел тот сдвиг, который помог посмотреть на то, что раньше делал, другими глазами понять, какую роль в этом сыграли заложенные во мне мамой понятия и представления, накопленный жизненный опыт, среда, в котором вращался, моя работа, особенно авторская, ну и, разумеется, выявить роль внешних событий, в корне изменивших ситуацию. Как все это переплеталось и взаимодействовало?

Нужно было разобраться в самом себе, осознать, какие события показали мне, на что мог пойти, и на что не пошел и никогда не пойду? Как складывались и крепились дружеские отношения с другими людьми, какое влияние они на меня оказали? Представлялось крайне важным найти ответы на эти вопросы, которые, естественно, возникают у того, кто пытается подвести итоги своей жизни. Окажется ли это интересным для других, покажет будущее.

Разумеется, трудно реально представить себя таким, каким был многие десятилетия назад, установить причины тех или иных своих поступков, не подменяя прежние убеждения более поздними. Попытался это сделать. Не искал оправдания за свое прошлое, просто стремился выяснить, почему поступал так или иначе. Испытывал потребность рассказать о людях, с которыми сводила, а иногда и разводила жизнь, о тех, кто оставил в душе

теплоту и радость за дружбу и общение, но и о тех, к счастью, в моей жизни немногих, о ком не мог сказать добрых слов.

Совсем не хотелось писать о детстве и юности, о школьных и студенческих годах¹, даже об аспирантском житье-бытье. Постарался это сделать, как бы мимоходом. Имэловские годы были самым важным этапом в моей жизни, тем самым и определились основная тема и круг проблем, над которыми размышлял. Естественно, нельзя было обойтись без рассказа о семье, той роли, которую она играла в моей жизни. Но поскольку это не только моя жизнь, ограничился только самыми необходимыми строками.

В Институте марксизма-ленинизма поработал в нескольких его подразделениях, познакомился с деятельностью других, общался со многими людьми. Узнал немало о функционировании этого учреждения, игравшего значительную роль в те годы. В восприятии многих моих современников ИМЛ – это идеологический монстр, что в общем верно, но все же эта оценка не учитывает все стороны деятельности Института.

О создании и первых десятилетиях существования Института прекрасно рассказал в своей книге мой друг Володя Мосолов². О последних годах этого учреждения поведал в своих воспоминаниях «Уроки минувшего» Георгий Лукич Смирнов, директор Института времен Перестройки. Но о деятельности этой весьма важной партийной институции в промежуток между этими двумя периодами известно немного. Полагаю, что рассказ об этом Институте человека, работавшего в нем долгие годы, привлечет

---

¹ В воспоминаниях Владислава Смирнова (От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. – Москва, Новый хронограф, 2011), учившегося на Истфаке МГУ на курс старше меня, настолько точно описана студенческая жизнь тех лет, атмосфера, окружавшая нас, названы и охарактеризованы многие профессора и преподаватели, настроения молодежи, что отсылает читателя, интересующегося этими вопросами, к этой книге. Мои впечатления и воспоминания во многом совпадают с тем, что говорится в ней, естественно, исключая несколько моментов, в том числе то, что Слава жил в общежитии, а я был коренным москвичом.

² *Мосолов В.Г.* ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1921–1956. – М.: Новый хронограф, 2010.

внимание тех, кому не безразличны различные проблемы жизни советского общества.

Помимо самой работы пришлось коснуться и различных событий моей семейной жизни, туристских поездок, в которых участвовал, зарубежных впечатлений, прочего, что случилось со мной и моими близкими и друзьями в те годы. Без этого не мог рассказать о своем прошлом. Но прежде всего хотел разобраться в самом себе, продумать и оценить свои размышления и свое поведение, поэтому пошел путем рассказа прежде всего о своей работе. Так получились данные воспоминания. Решил придерживаться примерной хронологии событий, разумеется, при этом возникла «чересполосица».

Хотелось также упомянуть работы, напечатанные не в России, точнее то, что имело то или иное отношение к формированию моих теперешних оценок истории Коминтерна. Казалось важным привести наиболее существенные отрывки из опубликованных документов, введение в научный оборот которых считаю своей заслугой. Старался доказать, и не только читателю, а скорее самому себе, что те или иные выводы возникли не случайно, а основаны на реальных документах и исторических событиях.

Что-то вспоминалось без труда и напряжения, как бы «всплывало само собой». Другое «проявлялось» не столь ясно, не всегда восстанавливалась последовательность событий. Хорошо мысленно вижу тех, с кем приходилось много общаться, а вот те, с кем только пересекался в той или иной ситуации, остаются как бы в «туманной дымке».

В исправлении различных погрешностей, уточнении последовательности событий и создании более точной картины прошлого огромную роль сыграли замечания и советы моих дорогих Лиды, Оли и Наташи, которые были довольно строгими критиками написанного. Мой брат Гарик регулярно снабжал меня книгами, выходящими в Москве и связанными с теми сюжетами, о которых я писал. Он также в нашей семье знает и помнит многое, о чем я или не знал, либо забыл, и помогал мне уточнить отдельные факты.

Нередко за помощью приходилось обращаться к друзьям и коллегам. Они охотно делились со мной воспоминаниями

о прошедших годах, о людях, которые меня интересовали, порой сообщали такие факты, которые в новом свете открывали для меня те или иные события и тех лиц, о которых хотел рассказать. Вот их имена в алфавитном порядке – Гена Бордюгов, Саша Ватлин, Саша Граник, Ира Мительман, Борис Носик, Саша Панцов, Дима Попов, Вадим Стакло, Валя Цырлина, Инна Яжборовская. Всем этим дорогим мне людям приношу самую искреннюю благодарность.

I

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИКА-КОМИНТЕРНОВЕДА

Как я попал в Институт марксизма-ленинизма

Летом 1957 г., когда завершился срок аспирантуры на Кафедре новой и новейшей истории Исторического факультета Московского Городского Педагогического Института имени Потемкина, меня отчислили без направления на работу. Но куда бы я ни обращался в поисках ее, получал отрицательный ответ. Случайно встретил однокурсницу. Она собиралась идти в декретный отпуск и предложила мне временно поработать вместо нее в Библиотеке общественных наук Академии Наук СССР, а потом, мол, все как-то образуется. Ухватился за эту возможность. Меня охотно приняли туда, видимо, благодаря ее рекомендации. Мои служебные обязанности заключались в просмотре поступавших журналов и книг на иностранных языках, составлении карточек с названиями этих материалов и участии в подготовке списков этой литературы, издаваемых ежемесячно библиотекой.

Работа была не трудная, но требовала внимания. Новые поступления надо было пронумеровать, и, готовя такой список, ухитрился что-то напутать, общее количество поступлений оказалось на несколько десятков то ли больше, то ли меньше, не помню. Пришлось все пересчитывать заново. Еще хуже было другое. По дороге из нашей комнаты в зал, где выставлялись по-

лученные новинки, проходил между полок, заполненных старыми книгами. Среди них углядел протоколы заседаний чешского сейма за прошлый век. Угнетала мысль о том, что вокруг столько интересных книг, а не могу их даже открыть. Понял, что в таком качестве оставаться в библиотеке не смогу.

В коридоре библиотеки столкнулся с однокурсником Юрой Черняком, с которым подружился во время последних военных лагерей, куда летом посылали студентов. Перед отправкой домой добывали картошку, чтобы иметь хоть какую-то еду на время, когда нас в теплушках повезут в Москву. Свою вылазку обставили по правилам военной разведки. На поле была сначала послана группа, которая установила, что сторожей нет. Затем, пригибаясь, туда выскочили несколько человек, руками выкапывали картофельные клубни, засыпая после этого развороченные ямки. Картошку оттащили в подолах гимнастеров подальше, развели костер и в раскаленных углях испекли. Ее оказалось не так уж много, но зато какой она была вкусной, когда мы ее дружно уминали!

Юра специализировался по истории Венгрии. Поинтересовался, продолжает ли он этим заниматься. Он со смехом ответил, что давно бросил, иначе венгерские события 1956 г. начались бы значительно раньше. Полностью сменил профиль работы и занимался, как вспоминаю, чем-то вроде математики.

Пожаловался на свое житье-бытье. Он сказал, что в данное время набирают на работу в Институт марксизма-ленинизма. Его мама, Ольга Константиновна Сенекина, была там заведующей Сектором произведений Маркса и Энгельса. Обещал поговорить с ней обо мне. Это был выход из положения, казавшегося просто невыносимым.

Ольга Константиновна приняла меня очень хорошо. Рассказал о себе, изложил свою короткую биографию. Она поинтересовалась моим знанием иностранных языков, предложив что-то почитать в немецкой книге. Ответил, что неплохо знаю чешский и польский, читаю на английском, а вот с немецким дело обстоит гораздо хуже. Запинаясь, прочитал тот текст, но перевести ничего не смог, так как до этого посетил лишь несколько занятий по немецкому языку в аспирантуре.

Сенекина повела меня к заместителю директора Института Евгении Акимовне Степановой. Услышав, что не знаю немецкий язык, резко заявила, что ни о какой работе речи быть не может. Но Ольга Константиновна все-таки взяла меня временно на работу младшим научным сотрудником.

Итак, в конце ноября 1957 г. я стал временным мнс Института. Хотя с тех пор проработал там много лет, переходил из одного подразделения в другое, повышался по служебной лестнице, ни разу не видел какого-либо распоряжения об изменении своего статуса, о переводе в штат Института.

Институт располагался в старинном дворянском особняке позади Музея Изобразительных искусств имени Пушкина, был окружен высоким каменным забором. Здание стояло в парке, в котором увидел скульптурную группу – беседующих друг с другом Сталина и Георгия Димитрова, сделанную по фотографии, когда они шли на физкультурный парад на Красной площади.

Сектор в это время занимался подготовкой Второго издания Сочинений Маркса и Энгельса. Первое издание выпустили в тридцатые годы. Тогда же Институт издавал труды классиков марксизма на языке оригинала. Вышло всего несколько томов, затем работа прекратилась. Тех, кто их готовил, арестовали, и они сгинули. То же самое произошло и с директором Института Давидом Рязановым. Блестящий знаток трудов Маркса и Энгельса, человек, который не раз резко выступал против Ленина, естественно, не мог уцелеть при Сталине. Его сначала сослали, затем арестовали и расстреляли.

Публикация трудов классиков марксизма-ленинизма, как я понял, была главной функцией Института. В конце сороковых – начале пятидесятых годов он готовил к печати и сочинения великого корифея всех времен и народов – Сталина. Выпустил 13 томов, на этом остановились.

После смерти Сталина Институт назывался Институтом Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина (ИМЭЛС), но вслед за XX съездом КПСС его переименовали в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Вместо Сектора произведений Сталина создали Сектор истории партии. Он занимался переизданием протоколов съездов и конференций партии и различных сборников документов по истории КПСС.

В Институте существовал Сектор произведений Ленина, готовивший тогда Полное собрание его сочинений. Это было уже пятое издание трудов основателя Советского государства. В действительности ни одно из этих изданий не было полным. В 1999 г. издали пухлый том под названием «Неизвестный Ленин», в который включили тексты ленинских выступлений, его письма, записки и другие материалы, которые по различным причинам, а прежде всего потому, что показывали истинную сущность этого человека, ранее не публиковались.

Заведовал этим Сектором Владимир Яковлевич Зевин. На меня он произвел впечатление доброжелательного и интеллигентного человека. Довелось с ним общаться значительно позднее, когда уже работал в Секторе истории Коминтерна. Я установил ленинское авторство одного из документов, относящихся к работе IV конгресса Коминтерна. Этот документ напечатали в одном из томов издания, а мне после выхода его из печати от имени Сектора Ленина этот том торжественно подарили. Зевин включил меня в число подготовителей очередного Ленинского сборника, в которых печатались различные черновики ленинских работ, а также документы с пометками Ленина.

Вскоре после поступления на работу довелось стать свидетелем такого события. На открытом партийном собрании, на котором я присутствовал как член комсомольской организации Института, с места вдруг поднялся человек по фамилии Минин и задал вопрос Зевину, не подделал ли тот свои документы, чтобы избежать призыва в армию во время войны. Не запомнил ответа, но полагаю, что он оказался убедительным, ибо Зевин продолжал заведовать Сектором, а по завершении 5-го издания перешел на работу в ЦК КПСС.

Почувствовал, что в коллективе Института существуют довольно острые и серьезные проблемы в отношениях между сотрудниками.

Владимир Яковлевич был сыном Якова Зевина, убитого в числе 28 бакинских народных комиссаров после падения советской власти в Баку. Арестованных комиссаров тогда вывезли в Красноводск и там расстреляли. В Институте мне довелось увидеть также и других потомков известных в прошлом большевиков.

К их числу относился Володя Деготь, работавший также в Секторе Ленина. Наши отношения одно время носили характер чуть ли не приятельских. В архиве нашел интересные документы о его отце Владимире Дегте. Тот в свое время входил в число слушателей большевистской школы в Лонжюмо, позднее стал наркомом в правительстве РСФСР, разумеется, его репрессировали в годы Большого террора. Послеоктябрьские годы он провел во Франции и участвовал в подготовке создания компартии Франции. С удовольствием рассказал об этом Володе и даже написал о его отце в одной из своих статей. Володя был мне очень признателен, даже дал почитать книгу воспоминаний отца. Но вскоре оказался невольным свидетелем его разговора с сотрудницей того же Сектора, с которой он общался не то чтобы грубо, но как-то невежливо. С тех пор только здоровался с ним при встречах.

В Институте существовал Сектор истории Гражданской войны в СССР. Злые языки говорили, что на издание томов ИГВ ушло больше средств, чем на самую войну. Когда этот Сектор закончил издание четвертого, последнего тома, вместо него по решению ЦК КПСС создали Отдел Истории Великой Отечественной войны. Подготовленный Отделом шеститомник соответствовал установкам руководства партии. Если первые тома, вышедшие во времена Хрущева, занимались его восхвалением, то в томах, вышедших после отставки Хрущева, о нем уже не упоминалось. После завершения издания руководящих работников Отдела по секретному решению правительства наградили Ленинской премией.

Важнейшую роль в работе Института играла Библиотека. Это одна из лучших библиотек в стране по общественным наукам. Практически все годы работы в ИМЛ не испытывал потребности в книгах из каких-либо других библиотек. Она получала издания по профилю Института от всех издательств страны, хранила уникальные книги и подшивки газет XIX века на самых разных языках. Даже собрание трудов Вольтера, принадлежавшее Екатерине II, находилось в нашей Библиотеке.

Производил впечатление огромный штат Административно-хозяйственной части Института. В его состав подбирали не случайных людей, многие из них, особенно из ее руководящего со-

става, служили в прошлом работниками охраны или трудились в партийном аппарате на низовой работе. С научными сотрудниками эти люди были обычно очень вежливы. Вообще со стороны могло показаться, что между всеми сотрудниками Института всегда существовали нормальные, хорошие отношения.

Но так только казалось. Об отношении работников АХЧ к сотрудникам Института ярко свидетельствовал такой случай. Заместителю директора Института по хозяйственной части пришлось в голову фиксировать в проходной случаи опоздания сотрудников на работу. В те дни охранники довольно грубо препятствовали тому или иному опоздавшему сотруднику пройти без записи проходную. Вся эта история сразу закончилась, когда таким образом не пропустили в Институт одного из его ведущих деятелей. Тот пожаловался директору и вмиг охранники стали вновь приветливыми, снова лишь выборочно проверяли в проходной удостоверения.

В ИМЛ имелся также небольшой Сектор филиалов, который курировал Институты Истории партии при ЦК компартий союзных республик. Они готовили к изданию на языках своих республик сборники документов, опубликованные нашим Институтом, переводили сочинения классиков марксизма-ленинизма, работали над очерками по истории компартий своих республик.

Институт помогал руководству партии следить за состоянием идеологической работы в стране, давал заключения по работам, в той или иной степени затрагивавшим биографии классиков марксизма-ленинизма, видных деятелей партии, рецензировал различные издания по истории партии. Именно эта сторона его деятельности считалась в обществе служебной ролью Института и создавала ему печальную известность одиозного идеологического орудия, служившего насаждению догматизма и партийного диктата в области идеологии и культуры. В среде интеллигенции работники ИМЛ воспринимались как мракобесы и догматики. Моя бывшая сокурсница Инна Особова сказала мне, что на отдыхе никогда не говорит, где она работает. Мне же отнюдь не приходило в голову это скрывать, да и в том небольшом мирке, в котором тогда вращался, было известно место, где я работаю. К тому же на любой вопрос по этому поводу, у меня скоро появился ответ – какой, расскажу позднее.

Не могу отрицать справедливости негативного отношения к Институту, поскольку за годы работы в нем пришлось повидать всякое, в том числе таких людей, которые только и ждали команды для развертывания идеологической травли. Им доставляло удовольствие поймать кого-либо на идеологической ошибке или приклеить политический ярлык, доказывая начальству свою верноподданность. О них вспоминать не хочется, но все же придется. Вместе с тем в Институте многие просто занимались серьезной исследовательской работой, готовили к изданию документы, особенно труды Маркса, Энгельса, Ленина.

Составной частью Института являлся Центральный партийный архив. Еще будучи аспирантом, зашел туда в поисках материалов для диссертации. Вход охранял милиционер, внимательно проверивший мой аспирантский билет и паспорт. Позвонив по внутреннему телефону, пропустил меня внутрь здания. В читальном зале какая-то женщина объяснила мне, что пользоваться документами архива могут только члены партии. Позднее узнал, что это была Розалия Александровна Ермолаева, мы даже стали с ней друзьями. Я был тогда комсомольцем, так что для меня архив в то время оказался недоступным.

Архив произвел на меня огромное впечатление. Он размещался напротив здания Моссовета, на площади, которая в двадцатые годы называлась Площадью Свободы. На ней некогда стоял обелиск Свободы скульптора Андреева. Впоследствии обелиск снесли. На его месте возвели конную статую Юрия Долгорукого, огромную скульптуру, придавившую площадь.

Непосредственно позади скульптуры начинался небольшой скверик, который завершался памятником Ленину. За ним высилось мрачное здание архива, напоминавшее крематорий. В средней части стены находились огромные окна. Из этих окон просматривалась часть улицы Горького. Много лет спустя, сотрудник нашего Института Алексей Иванович Середа, проведенный долгие годы в заключении, но выживший и даже вернувшийся к прежнему занятию – работе над историей партии, сказал мне: «Мы работали в одной комнате с Григорием Евсеевичем Зиновьевым и видели из окна, как провозили по улице Горького тело убитого в Ленинграде Кирова. Зиновьев тяжело вздохнул и сказал: “Ну, теперь начнется”».

Здание построили в двадцатые годы специально для Института Ленина. Его первым директором стал Лев Борисович Каменев, возглавлявший в те годы парторганизацию Москвы.

Читальный зал архива мне показался огромным. Большие столы, за каждым из которых могли сидеть четыре человека на удобных креслах, а не стульях, как это было принято во всех подобного рода помещениях. Одним словом, он показался мне идеальным местом для работы. Я и не подозревал тогда, что в этом зале проведу многие годы, которые считаю самыми лучшими в моей институтской жизни.

В Секторе произведений Маркса и Энгельса

Меня включили в бригаду, готовившую десятый том Второго издания Сочинений Маркса и Энгельса. В него входили статьи Энгельса периода Крымской войны, которые печатались в американской газете «New York Tribune».

Бригада каждого тома состояла из подготовителя и одного-двух его помощников, и редактора, принимавшего у подготовителя его работу после ее завершения. Подготовитель отвечал за подготовку тома к печати, определял его состав, работал с текстами, помощники трудились над научным аппаратом тома, проверяли факты и цитаты, вычитывали тексты после перепечатки и готовили рукопись к набору.

Подготовителем была Анастасия Константиновна Воробьева, высокая худощавая женщина, весьма строгая, даже суровая, я в основном слышал ее отрывистые команды типа: «Фреда (так она меня звала), надо проверить этот факт по газете». Не успевал открыть толстую подшивку газеты, как прибежал ее основной помощник Веня Галкин с требованием Воробьевой сообщить результаты моего поиска. Или она сама спускалась в полуподвальное помещение, где на стеллажах хранились комплекты разных газет, чтобы проверить, чем я там занимаюсь.

Воробьева, как и многие другие старшие научные сотрудники Сектора, пришла на работу в ИМЛ после аспирантуры в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Для поступления в нее помимо высшего образования полагался определенный стаж партийной работы или приравненной к ней деятельности, например административная должность в какой-нибудь газете. Из выпускников АОН относительно немногие действительно стремились к научной деятельности. Из тех, кого мне довелось встречать, большинство представляло собой специфический вид советского ученого, привыкшего чутко реагировать на малейшие сдвиги в партийной конъюнктуре. На первое место эти люди ставили свой партийный долг, отнюдь не интересы науки.

Подготовитель сверял перевод текста, сделанный профессиональным переводчиком, с оригиналом, для чего требовалось определенное знание иностранного языка. Младший научный сотрудник оказывался в более трудном положении, поскольку ему приходилось работать с литературой на разных языках. Мне пришлось нелегко, так как мой английский желал много лучшего. Надо было браться за немецкий. Здесь большую помощь мне оказала Елизавета Ивановна, преподававшая немецкий язык на кафедре иностранных языков. Запомнился ее совет: при переводе сразу находить в конце фразы глагол и все время держать его, при этом она сжимала кулачок, показывая, как надо это делать.

Редактором тома оказалась Инесса Александровна Арманд, дочь Инессы Арманд, соратницы и некогда любовницы Ленина. Наша Инесса производила впечатление весьма пожилой, молчаливой, довольно строгой дамы. Меня посадили в ее кабинет.

Много позднее понял причину замкнутости и сдержанности в общении, которую проявляла Арманд. Увидел в архиве снимок делегатов IV конгресса Коминтерна, запечатленных во время обеда в перерыве между заседаниями. Среди них была Инесса Александровна. От кого-то слышал, что она была замужем за Гуго Эберлейном, делегатом Компартии Германии на I конгрессе Коминтерна, многолетним членом руководства этой партии. Он в конце 20-х годов попал в число так называемых примиренцев, его перевели на работу в аппарат Коминтерна. В 1937 г. арестовали и впоследствии расстреляли.

Я еще не знал этого и попросил Арманд рассказать мне что-нибудь об этом конгрессе. На мою просьбу резко ответила, что ничего не помнит и ей нечего мне рассказать. Мне даже показалось, что на ее всегда спокойном и замкнутом лице отразился скрытый страх. Подумал, что люди старшего поколения повидали много плохого на своем веку. Был тогда еще очень далек от того, чтобы представить себе ту лавину страха, которая на них обрушилась и наложила отпечаток, как у Арманд, на всю жизнь.

После того как редактор принимал от подготовителя текст тома, его вместе с вариантом предисловия передавали заместителю заведующего Сектором Льву Исааковичу Гольману, который обычно сам его переписывал. Затем этот текст обсуждался на заседании с участием только старших научных сотрудников. После утверждения его этим заседанием, а затем заместителем директора Института, курирующим Сектор, и в аппарате ЦК КПСС, считалось, что он выражает коллективное мнение Института.

Ни один сотрудник не имел права подписывать какую-либо бумагу в качестве сотрудника Института, а только как кандидат или доктор исторических наук. Официальная должность упоминалась только в сопроводилке к отзыву, подписанной заместителем директора Института. Но это ограничение преодолевали. Достаточно было в Отделе кадров попросить заверить свою подпись. Тогда под ней ставилась печать Института и в приписке, сделанной кадровиком, говорилось, что подпись сотрудника имярек Института заверяется. При защите диссертаций, такая бумага расценивалась как мнение Института, хотя она выражала мнение ее автора, но отнюдь не Института.

Одно время мы с Нелли Румянцевой, окончившей ту же Кафедру Истфака годом ранее меня, сидели в крытом переходе между нашим Сектором и центральной частью здания Института, в котором находилась Дирекция. Переходом обычно пользовались сотрудники, вызываемые заместителем директора. Двойная дверь, обитая искусственной кожей, вела в кабинет Степановой. Оттуда обычно не доносилось никаких звуков, но иногда все же мы слышали яростные крики Степановой. Не забуду, как Лев Исаакович, обычно улыбочивый и спокойный, выходил из кабинета с лицом белым, как мел, и, не замечая нас, замерших на своих стульях, сильно хромая, проходил через наш переход.

Говорили, что в прошлом Степанова была довольно спокойным человеком, но совершенно переменялась, когда на XIX съезде партии ее избрали кандидатом в члены ЦК КПСС. Сделали это по прямому указанию Сталина, который, прочитав список избранных съездом членов и кандидатов нового состава ЦК, сказал, что в него надо включить «эту марксистку», фамилию которой он, впрочем, не назвал. Директор Института Геннадий Дмитриевич Обичкин, по слухам, отчаянно боялся своего заместителя.

После согласования тома со Степановой, его отправляли на утверждение в ЦК КПСС, откуда могло последовать любое распоряжение вплоть до изъятия какого-нибудь произведения Маркса или Энгельса. Они в своих работах довольно резко писали о царской России и ее внешней политике. Теперешние хозяева страны не позволяли публиковать текст, который мог быть истолкован в ущерб их властным позициям. Интересы науки забывались, когда они противоречили тому, что в данный момент считалось правильным.

Дисциплина, в Институте была довольно строгой. Всякая работа планировалась, выполнение плана строго контролировалось. В коридоре или на лестничной клетке редко можно было увидеть людей, куривших сигареты и о чем-то беседовавших.

Приходить на работу следовало до 9 часов утра. В вестибюле висели два стенда с номерками. Сотрудник, войдя в вестибюль, снимал свой номерок и опускал его в соответствующую прорезь. Ровно в 9 часов кадровик запирала решетки от стендов. В конце рабочего дня полагалось таким же образом повторить эту процедуру. Примерно через год-два после моего поступления в Институт эта система номерков исчезла.

Научный аппарат тома состоял из примечаний и Именного указателя, дат жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Для уточнения переводов следовало проверить все факты, встречавшиеся в работах Маркса и Энгельса. Их подтверждение искали в литературе, справочниках, газетах. Каждый факт требовалось подтвердить свидетельствами из разных независимых друг от друга источников. Выписки делались на специальных карточках, на обороте которых указывались данные источника. И примечания и Указатель имен содержали политические оценки, которые соответствовали партийным идеологическим установкам.

Когда меня включили в бригаду, работа по составлению научного аппарата заканчивалась. И я занимался дополнительной проверкой фактов. Довольно быстро выяснил, что нельзя доверять второму изданию Большой Советской Энциклопедии, даже если шла речь о датах жизни известного исторического лица. Надежными являлись сведения в немецкой энциклопедии Брокгауза и Эфрона, а также в английских энциклопедиях.

В нашем томе научный аппарат готовил Вени Галкин, довольно флегматичный человек, закончивший Истфак годом раньше меня. Он хорошо знал характер и привычки Воробьевой и умел как-то ускользать из сферы ее внимания. Нередко она посылала меня его разыскать. Услышав, что его требует к себе Анастасия Константиновна, обычно отпускал соответствующее словцо, но затем спешил предстать перед ней.

Иногда меня привлекали к считке машинописных текстов. Ее проводили два человека. Один читал вслух по оригиналу, отстукивая знаки препинания, другой следил за перепечатанным материалом, отмечая пометками на полях ошибки и помарки. Затем все повторялось, но соответственно каждый выполнял уже другую функцию. Для меня это оказалось весьма неприятным делом. Когда читал вслух, очень скоро начинал запинаться. Когда следил за монотонным чтением партнера, быстро впадал в дремоту. Исправлением ошибок, выявленных в результате считки, в нашей бригаде занималась Роза Лебедева, которая вместе со мной считывала текст.

Подготовленные примечания и биографические справки, а также текст с датами жизни и деятельности классиков передавались в Контрольную бригаду Кабинета Сектора. Там проверяли их соответствие выпискам из источников. В случае, если проверяющий находил недостаточно обоснованными сведения в примечаниях, не говоря уже о неточностях, их возвращали на доработку. Запомнились весьма колоритные фигуры сотрудников этой бригады Гелия Ковганкина и Вениамина Иванова. Эти люди, намного старше нас, в прошлом участники войны, спокойно воспринимали нас, недавних выпускников Университета, как своих коллег.

Неоднократно приходилось работать вместе с Гелием. У него была прямо-таки страсть найти в тексте какую-либо ошибку. То-

гда начинал радостно хохотать, но делал это отнюдь не из злорадства, а от того, что видел смысл своей работы в устранении любой неточности. Обладал хорошим музыкальным слухом и на наших вечерах с удовольствием пел арии из классического репертуара. Блестяще знал немецкий язык, и после того, как умерла сотрудница архива, которая одна могла прочитать неразборчивые каракули Маркса, Гелия перевели в ЦПА на ее место.

Вениамин производил странное впечатление. Мне сказал, что во время конфликта 1956 г. на Ближнем Востоке хотел пойти добровольцем на войну, чтобы наказать израильских агрессоров. От своего приятеля Виталия Выгодского узнал, что тихий и незаметный Вениамин в те дни все время что-то кричал, размахивал кулаками. По-видимому, его просто терпели, не решаясь избавиться от бывшего фронтовика. Затем ему удалось получить комнату для жилья и он как-то незаметно исчез.

Однажды ко мне подошла сотрудница, сказала, что ее зовут Велта Поспелова и она – группорг нашей комсомольской организации. Велта окончила Истфак курсом раньше меня, вскоре мы с ней стали друзьями. Мне, как новичку, и, как человеку, не умеющему отказываться от поручений, приходилось тогда выполнять самые различные задания.

Вспомнилось одно из них. Организация проводила опрос среди ветеранов партии и тех, кто мог что-нибудь рассказать, как протекали октябрьские дни 1917 г. в нашем районе. Беседа с одной пожилой женщиной состоялась в домоуправлении. Записал ее воспоминания о событиях тех дней. Позднее мне подарили небольшую брошюрку, в которой нашел тот ее рассказ, записанный мной.

В Институте вскоре после моего поступления проходили соревнования по стрельбе из мелкокалиберной винтовки на расстояние в 50 метров по мишеням. Поскольку на Истфаке одно время увлекался стрельбой, решил принять участие в соревновании. Нас привезли в какое-то здание около Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ), где в длинном и полутемном подвале организовали эти стрельбы. Впоследствии долгое время работал в этом, а особенно в стоявшем сзади него втором здании, так как туда перевели сам Институт. Неожиданно победил на

этом соревновании и мне торжественно вручили в виде премии двухтомник сочинений известного советского журналиста Михаила Кольцова.

Как-то раз получил от члена партийного бюро поручение выступить на общенститутском митинге. В то время Советское правительство объявило о демобилизации около 50 тысяч военнослужащих. Естественно, что это постановление правительства, как и всякое другое, должно было получить единодушную поддержку всех советских граждан, для чего и проводились подобные митинги. Через несколько дней после этого меня вызвали к заместителю директора Института Николаю Ивановичу Шатагину, который, пристально смотря мне в глаза, попросил что-то написать для какого-то его выступления.

А дальше произошло следующее. Меня пригласили к директору Института Геннадию Дмитриевичу Обичкину, которого довольно редко видели рядовые сотрудники Института. Он оказался человеком низенького роста, довольно мягким в обращении с людьми. Я очень удивился, когда узнал, что в его жизни были и весьма неординарные события. В числе немногих российских солдат Обичкина в годы Первой мировой войны переправили во Францию на службу в воинском формировании, состоявшем из русских людей. Немногие оставшиеся в живых смогли вернуться на родину, где к тому времени власть переменялась и участие в войне на стороне Франции уже отнюдь не рассматривалось как позитивное явление. Как он сумел прожить сталинские годы и не стать при этом жертвой сталинской подозрительности к людям, связанным в прошлом с границей, не имею представления. Но не только уцелел, но и каким-то образом завоевал доверие Сталина. Сын Обичкина Олег, мой однокурсник, еще в студенческие годы показал мне макет биографии Сталина. Сказал, что его отец – один из авторов этой книги, которую, как известно, правил сам Хозяин. Поэтому понятна его карьера, увенчанная назначением на пост Директора Института.

Обичкин собирался выступить в Праге с докладом на совещания директоров родственных Институты социалистических стран. Темой его доклада являлся анализ современной литературы о международном рабочем движении. Срок для подготовки

доклада давался что-то около месяца. Мне поручалось подготовить материалы для текста, который следовало написать старшему научному сотруднику Сектора Маркса Николаю Николаевичу Иванову. На деле я подготовил этот доклад.

Помогло то, что за аспирантские годы научился быстро просматривать множество книг и статей, составляя о них какое-то мнение, чтобы изложить его, если понадобится, на экзамене при сдаче кандидатского минимума. Во всяком случае с этой задачей справился. Обичкин поблагодарил меня и спросил при этом у Ученого секретаря Института Михаила Васильевича Искрова, какую зарплату я получаю. Искров ответил что хорошую зарплату в 1000 рублей. Это была минимальная зарплата мнс. Услышав это, Обичкин недовольно хмыкнул. Искров выбежал из кабинета и, вернувшись через несколько минут, доложил, что моя зарплата равна 1200 рублям. С той поры я действительно стал получать максимальную ставку мнс, не имеющего ученой степени.

Н.Н. Иванова вскоре после этого послали в длительную командировку в Китай. По возвращении его назначили директором Музея Маркса и Энгельса, который организовали в бывшем здании Института на улице Маркса-Энгельса. Сам Институт переехал в Ростокино, где занял два здания вблизи от ВСХВ, в которых некогда размещался Исполком Коммунистического Интернационала.

Следующее задание, которое получил от общественного руководства, оказалось весьма приятным. Поручили купить для женщин Сектора цветы к празднику 8 Марта. К этому времени с Юга привозили мимозу. Купил большое количество этих желтых, нежно пахнущих растений, чтобы каждой женщине досталось по несколько веточек. В такой день устраивалось секторское застолье. Все были очень рады посидеть вместе. Помню, как тепло о женщинах Сектора сказал в своем тосте Лев Исаакович Гольман.

На фронте он получил тяжелое ранение. Гольман выделялся среди других своей сердечностью и дружелюбием. С ним было очень интересно разговаривать и он никогда не отказывал в просьбе о помощи. Обладавал потрясающей работоспособностью. Случалось, что при встрече не отвечал на приветствие, а проходил мимо. Просто не видел никого, продолжая думать о работе. Пожалуй, Лев Исаакович сделал больше всех, чтобы Второе из-

дание Сочинений Маркса и Энгельса оказалось на самом высоком научном уровне советских документальных изданий.

Среди старших научных сотрудников встречались и бывшие аспиранты Московского Университета. И по научной подготовке и по своему поведению, по обращению с младшими сотрудниками они весьма отличались от выпускников АОН. Видимо, это не могло не приводить к каким-то трениям между ними. Впрочем, мы в эти проблемы не посвящались. Но иногда кое-что становилось известным.

Таким событием стал конфликт с публикацией работы Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». О нем мне рассказал мой бывший сокурсник Никита Колпинский. Это произведение включили в один из томов Второго издания Сочинений Маркса и Энгельса соответственно времени ее написания. Готовила его к печати Валя Смирнова, спокойный дружелюбный человек, чуть старше меня. Впоследствии наши дачные участки оказались друг против друга и мы довольно часто общались с Валей и ее мужем Николаем, служившим в военной прокуратуре.

Старший научный сотрудник Раиса Павловна Конюшая резко выступила против этой публикации. Мысленно вижу ее довольно хорошо. Это, видимо, было связано с тем, что, обращаясь ко мне, она всегда называла меня Виталием, говоря это сладким голосом, как бы путая меня и Виталия Выгодского, мы с ним оба выглядели как люди примерно одного еврейского типа. Конюшая написала письмо в ЦК КПСС. Там ее поддержали и работу Маркса изъяли из соответствующего тома Сочинений. Это был тот самый случай, когда во имя определенным образом понимаемых интересов партии запретили печатать работу с резкой критикой внешней политики самодержавной России. Виновница этого скандала через непродолжительное время ушла из Института.

Никита мне рассказал еще более чудовищную историю. В Институт приехал сотрудник Берлинского Института. В Москве заболел и попал в больницу. Навестивший его наш сотрудник сказал ему, что, мол, вы, немцы успешно решили еврейский вопрос. Того это так потрясло, что, выйдя из больницы, сообщил об этом разговоре. Впрочем, о ком конкретно шла речь, Никита мне не сказал.

Полагаю, что такое заявление антисемита связано тем, что во главе Сектора тогда находились Сенекина и Гольман, и в самом Секторе было много евреев. Но я лично, кроме той фразы Вениамина и приторного обращения Конюшей ко мне как Виталию, других случаев, когда бы почувствовал веяние ветерка антисемитизма, за все время пребывания в Институте не припоминаю. Впервые, касательно даже не меня, а моего друга Жени Витенберга, вопрос о национальной принадлежности прозвучал в перестроечные времена. После того, как меня назначили заведующим Сектором истории Коминтерна, и назначение получило одобрение в курирующем нас Отделе ЦК КПСС, очень тщательно следившего за кадровым составом Института, встал вопрос о назначении заведующим другого Сектора нашего Отдела. На эту должность директор Института Георгий Лукич Смирнов собирался назначить Женю Витенберга. Но он сам же кому-то признался, что не может так быстро представлять в ЦК на утверждение другого еврея. Об этом мне рассказал Женя. Парадокс заключался в том, что по паспорту и я и Женя считались русскими, так как таковыми были наши отцы. И все же в высших сферах нас воспринимали как евреев. Впрочем, Женю вскоре утвердили в должности заведующего Сектором.

Хотя, естественно, почти все рабочее время отдавалось работе, в Секторе не забывали об отдыхе. Ежедневно в каждой комнате устраивалось чаепитие. Это давало возможность неформального общения, когда вместе собирались, хотя и ненадолго, люди, симпатизирующие друг другу. Однако я них не участвовал. Нелегко сближаюсь с людьми, мешает застенчивость, опасение показаться навязчивым, да и чувствовал себя тогда новичком. Впрочем, впоследствии со многим людьми из Сектора подружился. Вообще всегда считал его сотрудников духовной элитой Института. И дело даже не в иностранных языках, которыми они владели. Они все же в большей степени, по сравнению с другими в ИМЛ, отличались духовностью, интеллигентностью. Разумеется, это не относилось ко всем из них, но все же эти качества в этом Секторе встречались у людей гораздо чаще, чем в других подразделениях Института.

В Секторе работали два моих сокурсника. Никита Колпинский, высокий, красивый, талантливый человек, которого хорошо помнил по нашему курсу. Встретил меня радушно. Поглядев на мое удостоверение, представившее ярко красную кожаную книжицу, где было сказано, что являюсь мнс Института, заметил, то, что раз ее выдали – это хороший знак, который свидетельствует, что меня в нем оставят.

Во время собраний Никита кратко информировал меня о тех, кто выходил на трибуну, вводил меня в жизнь ИМЛ'а, рассказывал о смешных ситуациях, когда, например, на профсоюзных собраниях шла речь о дележке кур, продававшихся в буфете. Я тогда в него заглядывал редко и никаких продуктов там не покупал. Но он действительно играл в жизни сотрудников важную роль. Поскольку на долю Института перепали кое-какие продукты из хозчасти ЦК КПСС, это несколько облегчало жизнь сотрудникам ИМЛ и их семьям.

Запомнилась мне одно высказывание Никиты (правда, услышал его от него значительно позднее): «Что такое демократический централизм? Это когда каждый по отдельности против, а вместе все – за». Услышав это, даже задохнулся, насколько верно это объясняло ситуацию и мои мысли.

Никите был свойственен юмор, подчас, правда, с весьма горьким привкусом. Однажды он и Володя Мосолов поручили новой сотруднице узнать о Триппере, о котором говорилось в каком-то письме Энгельса, что-де некий Дронке привез его из Америки. Ничего не подозревавшая девица начала рыться в энциклопедиях и справочниках. Не могла сообразить, что это был розыгрыш, скорее похожий на издевательство, пока более опытная подружка не объяснила ей бессмысленность такого поиска. А друзья тем временем весело хихикали над бедной простушкой.

Инна Особова (Данилова) только поприветствовала меня при встрече, не проявив при этом особого внимания. Да и на курсе мы, как и подавляющее большинство сокурсников, просто здоровались. Ведь наш курс насчитывал около 250 человек. Но со временем мы с ней, как и с Никитой и Мосоловым, стали большими друзьями.

Кроме них, в Институте встретил еще одного сокурсника, с которым даже учился в одной группе на первом курсе, – Борис Яковлева. Он работал в Секторе произведений Ленина. На семинаре на первом курсе, когда преподаватель спросил, почему вавилоняне казнили своих солдат, побывавших в плену, Борис сказал, что это потому, что, попав в плен, они стали изменниками. Типично сталинское отношение к взятым немцами в плен красноармейцам в начале войны.

В крымском санатории «Ай-Даниль», где мы с Яковлевым несколько раз отдыхали примерно в одно и то же время, Борис каждый день катался на парходике, который из Ялты плыл либо в сторону Гурзуфа, то есть проплывал мимо нашего санатория, либо в другую сторону, вдоль Ливадийского побережья. Помню, как в автобусе долго и занудным голосом бубнил своей спутнице, что получает задания от самого Михаила Андреевича Сулова, во время секретаря ЦК КПСС, отвечавшего за идеологию.

Однажды Воробьева дала мне важное поручение. Включавшиеся в тома Сочинений работы Маркса и Энгельса обычно имелись в фотокопиях, добытых еще во времена Рязанова, редко – в оригиналах. Но некоторые статьи Энгельса в периодических изданиях стали известны только после изучения этих изданий. Они устанавливались, как правило, в результате анализа переписки между Марксом и Энгельсом и между ними и третьими лицами, а также после тщательного изучения тех статей, которые заведомо принадлежали перу Энгельса. В них нередко встречались отсылки на уже опубликованную статью или обещание вернуться к данной теме позднее. Конечно, такие упоминания могла вставить в текст и сама редакция газеты. На каждую статью, которая возможно принадлежала Энгельсу, заводился специальный паспорт. Она анализировалась по смыслу, авторской позиции и другим параметрам. Только после установления принадлежности работы Энгельсу и принятия коллективного решения об этом, она включалась в составготавливаемого тома.

Так вот, я получил задание вновь просмотреть американскую газету, статьи в которой легли в основу десятого тома. Не без душевного трепета принялся за эту работу. И здесь руководствовался тем же правилом – обращать внимание на упоминание

в тексте статей, заведомо известных как произведения Энгельса. Результаты оказались неожиданными. Несколько раз наткнулся на упоминание статей, которые не были включены в том. Записав их название, поспешил доложить об этом Воробьевой. Та как-то странно отреагировала на мое сообщение. Даже не стала смотреть эти новые тексты, а просто сказала, чтобы я больше этим не занимался, мол, такое исследование уже проводилось раньше. В этой связи странно выглядело и само поручение. Подозреваю, что просто испугалась, так как повторная проверка могла бы поставить под сомнение ее работу как подготовителя тома. Но об этом никому не сказал, справедливо полагая, что у меня слишком мало опыта и знаний, чтобы вмешиваться в работу по установлению авторства Энгельса. Больше от Воробьевой никаких заданий не получал и вообще моя работа в составе редакции этого тома вскоре закончилась.

Любопытно, что впоследствии Анастасия Константиновна весьма гордилась мной. Когда однажды Валерия Эммануиловна Кунина спросила ее, кого она вырастила как ученого, заявила: «Я воспитала Фреду». Отмечая свое 60-летие, Воробьева пригласила меня принять участие в торжественном чаепитии по случаю ее юбилея. В общем я с благодарностью вспоминаю ее. Она действительно приучала меня к точности в выполнении плановых заданий, к определенной дисциплине работы. Хотя вряд ли могу сказать, что воспитала меня как историка.

Я еще числился в составе бригады этого тома, когда меня вызвала к себе Сенекина и поручила поехать в Особый архив, в котором хранились трофейные немецкие архивы, вывезенные из Германии. Поработав там, увидел, что он активно использовался сотрудниками КГБ для выявления людей, сотрудничавших с немецкими оккупантами. Как меня, не члена партии, а лишь комсомольца, послали туда, в такой засекреченный архив, ума не приложу. Наверное Сенекиной не хотелось отрывать от дел сотрудников Сектора, а я был вроде не очень занят. Поручение ЦК необходимо выполнить. В то время готовилась поездка Хрущева в Германскую Демократическую Республику и, по видимому, имелось ввиду, что он повезет с собой в виде подарка какие-то немецкие архивы, а для того, чтобы в них не оказались

важные и интересующие советские органы документы, следовало их просмотреть.

В прочитанных мною документах гестапо имелось немало материалов о слежке за людьми, а также личных дел арестованных. Среди них оказались не только коммунисты, но и члены других партий. С тем же неистовством арестовывали гомосексуалистов. Кроме этих материалов, ничего интересного не встретил.

В этом Особом архиве, как узнал позднее, помимо немецких архивов, оказались и архивы французской контрразведки, вывезенные немцами из Франции. С ними уже после краха СССР вышел большой скандал. Российское правительство решило вернуть их Франции. Тогда патриоты в Государственной Думе начали кричать о забвении интересов государства. Этих криков испугались и дело с передачей затормозилось. Все же их вернули французам. В этих материалах, как сказал мне бывший директор нашего архива Владимир Петрович Козлов, находилось немало документов, касавшихся Коминтерна. Мне, к сожалению, не удалось с ними познакомиться. Когда работал в Институте, для этого просто не хватало времени. Впрочем, тогда считал и сейчас считаю, что гораздо важнее было исследовать подлинные коминтерновские материалы. Возможно когда-нибудь французские историки обратятся к этим материалам, впрочем, по-видимому, и для них не просто использовать документы контрразведки, хотя во Франции, как и в других демократических странах, действуют временные сроки, после которых секретные ранее материалы становятся достоянием историков. В России тоже объявлено о сроках давности, но все по существу остается по-прежнему. И сегодня прорваться к ранее секретным документам историку необычайно трудно.

Некоторое время меня использовали на работе в составе бригады другого тома. Его подготовителем был Евгений Иванович Удальцов. Помогал ему Феликс Рябов, закончивший Истфак на год раньше меня. Познакомился с ним в лекторской группе Горкома комсомола. Феликс обладал прекрасной памятью на события и факты, часто рассказывал о вещах, которых нельзя было прочесть в учебниках. Мы с ним как-то оказались в одной туристской группе во Франции. Когда подъезжали к Ватерлоо, Фе-

ликс в автобусе вдохновенно повествовал о том, как там разгромили армию Наполеона. Гид ошеломленно молчал, а шофер, разумеется, не понимавший по-русски, после экскурсии подарил Феликсу красивую куклу.

Феликс в то время считался в Секторе образцовым мнс, поскольку опережал график составления примечаний. Мне довелось проверить несколько из них. Обнаружил, что он, как правило, использовал всего лишь один источник – Российскую военную энциклопедию. В моих глазах авторитет Феликса, как научного сотрудника, упал. Разумеется, дореволюционные российские энциклопедические издания нельзя было ни в какой степени сравнивать со вторым изданием Большой Советской энциклопедии, но все же одного источника для составления примечания явно недостаточно. Впрочем, не нашел в его примечаниях каких-либо ошибок.

Все мы тогда работали по плану. Каждый том имел график прохождения различных стадий по подготовке тома. На долю того, кто его нарушал, выпадали в таком случае большие неприятности. Запомнился мне один эпизод, произошедший намного позднее, с Сергеем Михайловичем Григоряном. Он – по своему образованию экономист, готовил к изданию какую-то работу Маркса. Подошло время отпуска, и ему удалось приобрести туристскую путевку для поездки теплоходом вокруг Европы. Григорян уехал в Одессу, чтобы начать плавание. Однако заведующий Сектором, сменивший на этом посту Сенекину, между прочим его приятель, Александр Иванович Малыш, почему-то пришел к выводу, что эта поездка может помешать выполнению графика. Малыш сообщил об этом директору Института, Петру Николаевичу Федосееву. Тот отдал соответствующее распоряжение. И вот ничего не подозревавшего Григоряна милиция задержала на теплоходе перед самым отплытием, его доставили в отделение милиции. Малыш тогда с трудом отстоял Григоряна от увольнения из Института.

Григорян мне запомнился и по другому поводу. Институтская молодежь увлекалась капустниками. Они стали заметными событиями в нашей довольно однообразной жизни. В память запала строка из одной песенки «В каждой комнате дома готовится

том». И действительно каждая бригада, готовившая к печати тот или иной том сочинений Маркса и Энгельса, обычно занимала одну или две комнаты. Капустники были не только весело-ироничными, но и довольно едкими. Особенно обыгрывалась тема младших и старших научных сотрудников. Если от первых требовалось знание одного-двух языков, то для вторых это не имело значения. И в одной из сценок директор Института, роль его довольно забавно исполнял Слава Зверев, расспрашивая принимаемого на работу, задал ему вопрос, какие тот знает иностранные языки. Тот в ответ заявил, что меня же берут на работу старшим научным сотрудником. «Ну тогда это неважно», – заключил директор. Порой после капустника иной сотрудник, которого публично в нем покритиковали, бежал с жалобой в партком. Так это сделал, упомянутый в капустнике, Григорян, всегда ходивший с сознанием своего достоинства, особенно после того, как защитил докторскую диссертацию по экономическим наукам.

С некоторыми сотрудниками Сектора у меня установились впоследствии весьма теплые, даже дружеские отношения. Прежде всего хочу сказать о Борисе Григорьевиче Тартаковском. Он участвовал в войне, окончил ее в звании капитана и после нее служил в Германии в составе советских войск. По возвращении ему удалось устроиться ученым секретарем Комиссии историков СССР-ГДР. Оттуда перешел на работу в Сектор Маркса. О своей жизни написал очень интересные воспоминания. В них содержится очень точное описание жизни Сектора.

Очень интересным человеком оказался Акоп Акопян. Не встречал никого, кто бы имел такую способность к овладению языками. Он мне говорил, что стоит ему прочитать любое слово, оно навсегда остается в его памяти. Как-то мы шли с ним от станции метро к Институту. Акоп спросил меня, почему я все время говорю о работе, неужели только этим заполнена моя голова? Посоветовал смотреть по сторонам, замечать, какие прекрасные женщины нас окружают. «Ведь это ненадолго, – закончил он свою тираду, – со временем вы, Фред, пожалеете, что упустили время».

Однажды Акопян сказал мне, что ни за что не сядет в одну комнату с азербайджанцем. В то время нельзя было вообще ус-

лышать, что между народами нашей страны существует вражда, даже какие-либо трения. Олицетворением этого мифа являлись позолоченные фигуры фонтана «Дружбы народов» на ВСХВ. Последующие события в годы Перестройки мне показали, как в действительности относятся друг к другу армяне и азербайджанцы, таджики и узбеки и многие другие. В этой вражде повинна не только давняя история этих народов, но и сталинская политика стравливания их между собой соответствующим территориальным делением, когда большие куски территории с населением преимущественно одной национальности, отдавались другой республике, где основной национальностью была совсем другая. Но обо всем этом узнал позднее и слова Акопяна просто меня потрясли. Полагал, что нетерпимость в нашей стране проявлялась только к евреям, впрочем, ее не всегда можно было увидеть, хотя она существовала всегда, но и не подозревал тогда, что этот вопрос был гораздо глубже и больнее. Я ведь был воспитан как советский человек.

Столь одаренная личность, как Акопян, не задержался в Институте. Стоило ему опубликовать статью о том, что с развитием науки и техники численность рабочего класса уменьшится, как его заставили покинуть Институт. Тогдашний директор академик Федосеев категорически отрицал эту тенденцию, хотя она уже явно проявилась в развитых странах и в зарубежной литературе по этому поводу было немало сказано.

Теплые, дружеские отношения у меня сложились с Валерией Эммануиловной Куниной. Очень энергичная, живая женщина с весьма острым язычком, с большим чувством юмора. Как-то мы вместе оказались в одной туристской группе во Франции. В поездке города сменялись один другим, так что я в конец запутался. На ужине в Тулузе, после осмотра величественных храмов этого города, центра известного католического ордена, спросил, собственно, каково название этого города? Сидевшая напротив меня Кунина рассмеялась и сказала: «К черту подробности, где мы все же находимся?».

Самым высоким научным авторитетом в Секторе пользовалась Ирина Алексеевна Бах. Как-то позднее мне попались протоколы заседания Дирекции Института за конец 30-х годов. Време-

ни у меня хватило только на то, чтобы их пролистать. Там прочитал решение комиссии в 1937 г. об Ирине Бах. В нем говорилось, что никакой научной ценности не представляет и ее целесообразно уволить с работы. К счастью, это решение не реализовали. О Бах, как и о Владимире Константиновиче Брушлинском и других ученых, работавших в Секторе, тепло написал в своих воспоминаниях Борис Григорьевич Тартаковский. Нет необходимости повторять сказанное им. Лучше постараюсь чем-то дополнить его воспоминания, особенно о своих сверстниках.

Среди молодежи Сектора выделялся Жора Багатурия. Философ по образованию, он очень серьезно и ответственно относился к своей работе. Мне показался даже несколько замкнутым. Но это ощущение прошло, когда мы с ним сблизились поближе. В отличие от Жоры Виталий Выгодский был веселым и остроумным человеком. Мы с удовольствием общались, а когда через много лет оказались в одном дачном кооперативе, навещали друг друга.

Совершенно поразительной личностью оказался Володя Мосолов. Его всепоглощающей страстью был сбор информации. Читал на многих языках. Когда бы не заходил к нему в кабинет, видел его письменный стол, заваленный газетами, бюллетенями ТАСС. Выгодский говорил мне, что когда они вдвоем работали над какой-то статьей, то просто не успевал за Мосоловым, насколько тот быстро писал, придумывал аргументы, находил необходимые цитаты из сочинений Маркса и Энгельса. Когда директором Института стал Федосеев, он предложил Володе работать у него референтом. Другой директор Егоров оставил Мосолова на этой же должности, но явно заставлял за себя что-то писать. Володя позднее мне сказал, что гордится тем, что за его собственной подписью не было опубликовано ничего зазорного, чего бы следовало стыдиться. Позднее вновь вернулся на работу в Сектор Маркса.

Уже работая в Секторе истории Коминтерна, подружился с Изорой Казьминой. Она была прекрасным спортсменом, хорошим организатором, руководителем наших поездок по стране и туристских выездов за границу. Зоря проявила себя как заботливый опекун по отношению к тем, кто ее окружал.

Те строки, которые написал о людях Сектора, а сумел назвать лишь немногих, рассказать об их работе, на мой взгляд, достаточно опровергают распространенное суждение о нашем Институте как сборище догматиков и партийных чиновников. Правда, здесь пишу о сотрудниках Сектора Маркса, но и в других его подразделениях было немало подобных людей. О некоторых из них расскажу позднее. Разумеется, встречались весьма разные люди, некоторые вполне заслуживали самых острых и язвительных оценок.

На предпраздничных вечерах в Институте выступали звезды эстрады. Вспоминаются Майя Кристаллинская, Эдита Пьеха, Лев Лещенко. Раз в неделю показывали по вечерам кинофильмы, которые получали из аппарата ЦК. Удалось увидеть «Унесенные ветром», «Корабль дураков», «Мир ночью» – о том, как в разных странах проводят субботние и воскресные вечера.

В Институте состоялась встреча с артистами театра «Современник». В начале 60-х он был очень популярным. На встрече с артистами этого театра, заставили выступить и меня. Я говорил о своем впечатлении от спектакля по пьесе Розова «В поисках радости».

Поскольку упомянул о «Современнике», напишу о нем несколько строк. С артистами этого театра дружил Лидин брат Борис. Как-то они пришли в гости к нему на Мещанку. И моя теща Рива Самойловна с удовольствием потчевала этих веселых и вечно голодных ребят. Один из друзей Бориса Виктор Фогельсон впоследствии женился на приме этого театра Лиле Толмачевой. Однажды мы с Лидой пошли на спектакль «Голый король». В фойе встретили Виктора, который не пропускал спектакли с участием Лили. Он посадил Лиду на свое место где-то в первых рядах.

Спектакли этого театра, помимо того, что их исполнители были талантливы и многие из них стали звездами театра и кино, отличались гражданственностью. В них публика искала скрытую критику тогдашнего режима и аплодисментами отмечала реплики, в которых ощущала эти идеи. Театр «Современник» тогда являлся важной составной частью общественной жизни, получившей позднее название времени «шестидесятников». Эти люди

выступали за очищение социализма от сталинщины и за возврат к ленинским идеям. Они разделяли иллюзия о возможности «демократического социализма», «социализма с человеческим лицом». Это нашло отражение в спектакле по пьесе Михаила Шатрова «Большевики». На одном спектакле присутствовал Анастас Иванович Микоян, человек, «колебавшийся вместе с партией», в сталинские годы один из наиболее искусных сталинских лизоблюдов, в брежневские времена отправленный на пенсию. В перерыве он встречался с артистами. Ему задали вопрос, почему при Хрущеве не реабилитировали Бухарина. Он ответил: «А это уже предстоит сделать вам».

Все же несмотря на такую позицию, театр, по-видимому, отнюдь не испытывал гонений со стороны властей. Он получил помещение – сначала на площади Маяковского, а когда это здание снесли, переехал на Чистые пруды в помещение бывшего кинотеатра. Шли годы, менялись зрители и поколения артистов, многие перешли впоследствии вместе с основателем и руководителем театра Олегом Ефремовым во МХАТ. Я чем-то был внешне похож на одного из этих знаменитых артистов, Евгения Евстигнеева, и мне несколько раз незнакомые люди говорили об этом, причем не столько о сходстве с артистом, сколько с персонажем из киносериала «Семнадцать мгновений весны» Юлиана Семенова, доктором Плейшнером. Несмотря на то, что в 70-е годы кумиром молодежи стал любимовский театр «На Таганке», «Современник» сохранил своего зрителя и свою популярность.

Первые публикации

В то время я начал публиковаться в научных журналах. Первая моя рецензия на брошюру Павла Голуба, посвященную чешским интернационалистам, участникам Гражданской войны в России, появилась во втором номере журнала «Вопросы истории КПСС» в 1957 г., когда еще не работал в Институте. Ну а позднее, можно сказать, стал постоянным автором раздела Критики и библиографии этого журнала. Здесь платили довольно неплохо и это

нас несколько выручало. Кроме того, отдавал аннотации на новые книги в журнал «Вопросы истории».

Заведовал Отделом критики и библиографии журнала «Вопросы истории КПСС» в то время Муртуза Садыхович Ахмедов, весьма колоритная личность. У нас установились теплые отношения. Нередко давал мне советы, которые весьмагодились в дальнейшем. Один из них был таким: начинать текст с описания какой-нибудь картинке, чтобы читатель мог ее вообразить. Это пробудит у него интерес к тому, что последует дальше. Предупреждал, что не следует в начале фразы ставить слово «однако». Читатель, читая текст, мысленно спит. Наткнувшись на это слово, просыпается и пытается разобраться, в чем дело. Как правило, закончил свою тираду Ахмедов, оказывается, что «однако» тут не причем. Он работал в журнале недолго и ушел в какое-то партийное учреждение.

Заменил его довольно странный тип, работа которого в журнале закончилась позорно. Его соседи по дому заметили, что дверные ручки их автомобилей нередко были вымазаны человеческим калом. Подозрение сначала пало на дворника. Решили устроить у машин засаду. Оказалось, что этим человеком был наш журналист. Его схватили на месте преступления. Разразился скандал. На собрании этот «говномаз» сказал главному редактору журнала Алексею Павловичу Косульникову: «Вы ведь тоже против частной собственности». Парадоксально, что после увольнения устроился в журнал «За рулем».

Я тогда попробовал силы и не только в заметках о книгах и аннотациях. Первой большой напечатанной статьей стала работа об изучении в Чехословакии революционных связей чехословацкого рабочего движения и народов СССР. Она была напечатана в журнале «История СССР». Предложил мне написать эту статью Александр Харитонович Клеванский. Мы с ним познакомились на защите моей дипломной работы и вскоре подружились на всю жизнь. Я его называл своим Крестным отцом в исторической науке.

Редактором моей статьи был Юрий Карякин. Он сам мне об этом напомнил, когда мы встретились через много лет в годы Перестройки в редакции журнала «XX век и мир». Карякин стал из-

вестным публицистом, видным деятелем демократической оппозиции на Первом съезде народных депутатов.

Клеванский оказался также выпускником Кафедры Истории южных и западных славян, но закончил ее на несколько лет раньше меня. В прошлом фронтовик, был человеком очень дружелюбным, веселым и довольно скромным. Защитил докторскую диссертацию на тему о чешских и словацких интернационалистах, которые принимали участие в защите Советской власти в России в годы гражданской войны. С удовольствием написал рецензию на его книгу о судьбе этих интернационалистов. Мы встречались много раз в Институте славяноведения, где он работал и куда мне очень хотелось попасть после окончания Истфака.

Со многими сотрудниками этого Института у меня сложились прекрасные отношения и я нередко выступал оппонентом на заседаниях его Ученого совета. И свою кандидатскую диссертацию защищал в том же Институте. Он тогда располагался в небольшом старинном особняке, где-то около площади Восстания.

Однажды, когда пришел в этот Институт, а Саша меня радостно обнял, кто-то из присутствующих при этом хмыкнул. Клеванский тут же заметил, что дружит только с хорошими людьми.

Удивительный и светлый человек, он любил пошутить, но шутка его впрочем, выглядела отнюдь не обидной, а скорее дружеской. Такую он и сыграл со мной. Как-то позвонил мне по телефону и попросил стать оппонентом на защите кандидатской диссертации нового сотрудника Кафедры, научным руководителем которого являлся. Тема диссертации относилась к истории межвоенной Чехословакии. К тому времени я уже имел степень доктора исторических наук. Естественно, согласился.

Но когда получил на руки диссертацию и автореферат, расхотелся. Того человека звали Женя Фирсов. Мне даже стало приятно, что на родной Кафедре работает мой однофамилец, причём занимается историей Чехословакии того самого периода, который когда-то изучал я. Когда мы с ним познакомились, Женя мне понравился и, хотя позднее мы редко встречались, всегда общался с ним с удовольствием.

После того, как на защите председательствующий предоставил слово мне как оппоненту, назвав мою фамилию, увидел, что

некоторые члены Совета просто ошарашены. Чтобы снять возникшую напряженность, выступление начал с шутки, что не только не являюсь родственником диссертанта, но и вообще даже его однофамильцем. Раздался смех, лед был сломлен и все дальнейшее пошло уже по накатанным рельсам. После защиты было очень радостно побывать на Кафедре, хотя, к сожалению, почти никого из моих учителей уже не застал в живых.

Пришлось однажды ответить Саше отказом на его предложение войти в состав авторов для подготовки однотомной истории Чехословакии. Институт славяноведения готовил книги такого же типа по истории других социалистических славянских стран. Ссылаясь на занятость, участвовать в ней отказался. Но это сделал отнюдь не только из-за перегруженности своими делами. Понимал, что в Чехословакии с 1968 г. происходит совсем не то, что тогда официально провозглашалось. И принимать участие в работе, в которой неизбежно будут повторяться набившие оскомину фразы об успехах в социалистическом преобразовании страны, не хотелось. Саша согласился с моим объяснением причин отказа и проблема эта отпала.

После неожиданной смерти моего старшего друга Сашина вдова позвонила мне и сказала, что он меня очень любил. Мне в тот момент что-то сильно сдавило горло и в ответ пробормотал нечто нечленораздельное.

Поскольку упомянул Институт славяноведения, хочу назвать еще Флуранса Молока, с которым познакомился там, на каком-то заседании, а потом и подружился. Наши добрые отношения сохранялись много лет, и даже, переехав в США, продолжал с ним переписываться и перезваниваться по телефону, получал его отписки публикаций и отправлял ему свои. Молок был, как и Клеванский, участником войны, но и тут разница в возрасте не помешала нам стать друзьями.

В то время Флуранс еще не имел крупных работ, они появились позднее, он печатал статьи и рецензии, в том числе и по истории Чехословакии, в журнале «Новая и новейшая история». Работал в каком-то учреждении Министерства просвещения. Мне было приятно дарить ему свои работы. Знал, что они будут внимательно прочитаны человеком, не только дружественным ко мне, но и хорошим специалистом по истории Чехословакии.

Возвращаясь вновь к теме главы, замечу, что значительным событием для меня стала публикация критической рецензии на сборник документов Коминтерна, вышедший в Англии и подготовленный Джейн Деграс. Рецензию опубликовал журнал «Новая и новейшая история». Сопоставив тексты, опубликованные Деграс, с их оригиналами, установил, что многие из них печатались с купюрами. Выяснив, что было выброшено, расценил эти сокращения как не случайные, поскольку удалялось из документа все то, что свидетельствовало в пользу Коминтерна. Разумеется, в том смысле, как тогда это понимал. Пришел к выводу, что сборник представлял собой фальсифицированную публикацию документов Коминтерна.

Полагаю, что в научном издании документы необходимо публиковать полностью. Подготовитель имеет полное право при этом высказать свое видение данной проблемы и дать оценку этому документу, но должен предлагать его читателю в полном виде, поскольку в сокращениях любого характера всегда можно увидеть тенденциозность.

Предложил мне написать эту рецензию Юрий Петрович Шарапов. Журналист, фронтовик, он работал в то время в библиотеке нашего Института, но затем его перевели в Сектор Ленина, где стал заместителем заведующего Сектором. Это была совершенно неординарная личность. Когда в Институте началась очередная реорганизация и создали Отдел Истории КПСС, должность, на которой работал Шарапов, была упразднена, а заведующий новым Отделом Дмитрий Михайлович Кукин не захотел взять Юрия Петровича в свой Отдел. Тому пришлось снова обратиться к журналистской деятельности.

Сборник Деграс вызвал к себе интерес и в журнале «Вопросы истории КПСС». Он поручил Н.Н. Иванову написать на него рецензию. Передал ему свои выписки из сборника и свои замечания по этому поводу. И он, не беря в руки сборник, по моим материалам написал свою рецензию. Однако при этом попал впросак. Деграс приехала в Москву и захотела с ним встретиться. Она пришла в проходную Института и попросила, чтобы ее пропустили к Иванову. Оттуда позвонили ему и сообщили об этом. Николай

Николаевич струсил, и не только сказал, чтобы ее не пропускали, но даже спрятался в мужском туалете и сидел там до тех пор, пока не узнал, что Деграс ушла.

В Секторе Истории международного рабочего и коммунистического движения

Работа в составе бригады Удальцова длилась недолго, так как в Институте возник Сектор Истории международного рабочего и коммунистического движения. Это произошло в начале 1959 года. Первыми его сотрудниками стали мы с Ольгой Ивановной Курочкиной. Она до этого времени работала при Дирекции, занимаясь внешними связями Института. Раньше служила в Международном Отделе ЦК КПСС, закончила аспирантуру в АОН, защитив кандидатскую диссертацию по истории рабочего и коммунистического движения в Австралии. Это была довольно молодая женщина, где-то тридцати с лишним лет, очень крепкая физически, энергичная и в то же время спокойная. У нас сложились хорошие отношения. В дни нашей совместной работы Ольга Ивановна дала мне совет. У каждого из нас скапливалось всегда немало листков бумаги с рукописными или машинописными текстами, которые затем складывались в различные папки. Так вот, она сказала мне, что папки следует обязательно завязывать, без такой привычки просто нельзя стать серьезным научным работником. Так это или нет, не могу сказать, но с тех пор стараюсь следовать этому правилу.

Сразу наметилась и цель работы – история Коммунистического Интернационала (Коминтерна). В ЦПА передали архив этой организации, хотя он еще некоторое время хранился в здании ЦК КПСС. Для меня создание Сектора определило, чем буду заниматься практически всю дальнейшую жизнь. Совпали поставленная передо мной задача и мои научные интересы. Это было огромной удачей.

Литературы по истории Коминтерна на русском языке в то время в библиотеке можно было найти совсем немного, поскольку

ку почти все издания, посвященные его истории и опубликованные в 20–30-е годы, изъяли из библиотек вследствие ареста их авторов в 1937–1938 гг. и после войны. Эта организация кратко упоминалась в учебниках по новейшей истории и в лекциях, которые слышал на Истфаке МГУ, были также статьи в первом и втором издании Большой Советской Энциклопедии. Удалось разыскать брошюру Замысловой, в которой давался сжатый очерк истории Коминтерна. Она представляла собой текст лекций, прочитанных автором в Высшей партийной школе. Лишь позднее выяснил, что существует огромное количество книг по истории этой организации, вышедших в разных странах. Кроме того, в наши руки попал пухлый том резолюций и постановлений конгрессов Коминтерна и пленумов его Исполнительного Комитета, выпущенный в Москве в 1933 году

Своеобразное шефство над нами установили два ветерана Коминтерна – Серафима Ильинична Гопнер и Иван Афанасьевич Жолдак. Гопнер принадлежала к тем, кто с молодости был связан с Лениным и большевистской партией, в которую вступила в 1903 году. Участвовала в основании Коминтерна, а позднее довольно долго работала в аппарате ИККИ, какое-то время заведовала Отделом агитации и пропаганды. Ей посчастливилось избежать сталинские чистки, в результате которых погибло большинство ветеранов партии, в том числе и многие коминтерновцы. Тогда она тяжело болела и почти все время провела в больнице. Об этом сама мне сказала, когда между нами сложились достаточно доверительные отношения. Гопнер считала, что от ареста ее спасла болезнь. Насколько мне известно, арестовывали людей и в больницах. Полагаю, что ее пощадил Сталин, которому она в конце двадцатых годов служила верой и правдой. Но ее бывшего мужа, видного деятеля партии, арестовали. Она со слезами на глазах рассказала Курочкиной, что его в камере загрызли собаки.

Серафима Ильинична сохранила свои убеждения и преданность делу партии. Ей принадлежала статья о Коминтерне в первом издании Большой Советской Энциклопедии, она, видимо, входила в числе инициаторов решения ЦК КПСС о разработке его истории, для чего и возник наш Сектор. В 1959 г., когда ис-

полнилось 40 лет с момента основания этой организации, несмотря на свой преклонный возраст, выступила на собрании Института с докладом о Коминтерне. После этого допытывалась у меня, как восприняли ее доклад. Пришлось что-то придумывать, поскольку слушатели сидели на этом собрании по обязанности, а сам доклад даже мне, еще тогда мало знавшему о Коминтерне, показался набором каких-то общих фраз.

В Институте торжественно отметили восьмидесятилетие Серафимы Ильиничны. Доклад о ее жизни и деятельности сделал Обичкин. Я подготовил ему текст. Тогда-то, получив для ознакомления Личное дело Гопнер, узнал многое о ней, в том числе, что она начала свою политическую деятельность в рядах еврейской марксистской партии Бунд, а уже потом примкнула к социал-демократам и стала правоверной большевичкой. Но на всякий случай об этом эпизоде в ее биографии умолчал.

Серафима Ильинична очень хорошо относилась ко мне. Иногда она мне что-то рассказывала. Помню ее возмущение своей сестрой, жившей в Америке, которая ничего не слышала о газете «Юманите», органе Французской компартии. «Представьте себе, это ведь были тридцатые годы, когда во Франции победил на выборах Народный фронт, а эта обывательница говорит, что не имеет понятия о “Юманите”», – с негодованием поведала мне Серафима Ильинична.

О немецких социал-демократах и их роли в послеоктябрьские годы говорила с большой ненавистью. При разговоре с ней старался тщательно подбирать слова. Когда однажды ей сказал, что коммунисты всегда воспринимали социал-демократов как своих главных противников, она тут же возразила, что главным врагом рабочего класса является капитализм. Во всех оценках стремилась сохранять то, что считала ленинским критерием, хотя в действительности вопрос о том, кого коммунисты видели своим главным врагом, более чем спорный.

Прошло еще несколько лет, и мне пришлось написать некролог об этом человеке, видевшем смысл своей жизни в следовании тому курсу, который проводила партия. Я сказал об этом на похоронах Серафимы Ильиничны на кладбище.

Жолдак в коминтерновские времена возглавлял так называемый Красный Спортинтерн, организацию, созданную для объединения пролетарских спортсменов, примыкавшую к Коминтерну. После войны преподавал в Институте иностранных языков. Мне показался человеком малоприятным, слышал, что весьма активно участвовал в кампании по борьбе с космополитами, организованной Сталиным в послевоенные годы.

Как-то он вошел в нашу комнату, напевая комсомольскую песенку тридцатых годов. Серафима Ильинична, немного помолчав, без всякого юмора спросила: «Ну что, будем петь или работать?».

Для нужд Сектора выделили комнату в здании архива и снабдили нас пропусками для прохода в здание ЦК КПСС, поскольку там в то время хранился Архив Коминтерна. С тех пор в моей жизни началось самое главное – изучение документов этой организации. Волнение, которое испытал, взяв впервые в руки документ из этого архива, не забуду никогда.

И до этого мне приходилось работать в различных архивах, делать выписки из хранившихся в них документов, но никакого особого чувства при этом не испытывал. А здесь мне почему-то чудились за каждым из них какие-то тайны, возникало ощущение того, что через эти материалы соприкоснусь с событиями давних лет, смогу узнать, как в действительности все тогда происходило. После XX съезда КПСС и венгерских событий на многое уже смотрел другими глазами. Преодоление тяжкого наследия Сталина видел тогда в возврате к ленинским идеям, и потому первые послеоктябрьские годы и люди, стоявшие в то время во главе страны, приковывали к себе мое внимание. Надеялся, что в этих материалах найду ответы на многие смущавшие меня вопросы. Беспокоило несоответствие реальной жизни с тем, какой она должна быть согласно усвоенной смолоду идеологии. Однако все отступило на второй план по сравнению с тем, что испытал, взяв в руки документ из Архива Коминтерна. По-видимому, интерес к истории Коминтерна и его документам превратился у меня в какую-то страсть, даже не могу назвать его хобби. Изучение этих документов со временем стало занятием, которым хотелось посвятить свои силы. Что бы ни происходило со мной позднее, какие бы соблазны переменить работу ни возникали, считал, что

работа в этом архиве – для меня самое важное и интересное дело и старался не лишиться такой возможности, не хотел даже думать о переходе на работу в другие учреждения. Сознательно оставался имэловцем, хотя знал отношение к этому Институту многих людей, стремившихся мыслить самостоятельно.

В то же время не хотел стать штатным сотрудником этого архива. Хорошо помнил начало своей работы, когда убедился в том, что работа в библиотеке не означает возможность изучать ее сокровища. То же самое было и в архиве. Его работники занимались обработкой и систематизацией документов. Они не знали их истории, того, что скрывалось за архивным листком. А меня-то интересовало именно это.

Пока мы вдвоем с Курочкиной составляли весь штат нового Сектора, у нас не было четкого плана работы. Раздумывали над тем, с чего лучше начать, просматривали ранее вышедшие материалы по истории Коминтерна. Выяснили, что с 1933 г. его документы почти не издавались, за исключением докладов, выступлений и постановлений VII конгресса, состоявшегося в 1935 году. Пришли к выводу, что начать следует с переиздания сборника резолюций и постановлений конгрессов и пленумов ИККИ, руководящего органа этой организации. Я, кроме того, использовал это время для ознакомления в Архиве Коминтерна с материалами компартии Чехословакии за 1929–1933 гг., которые имели большое значение для моей еще ненаписанной диссертации.

Здесь следует объяснить, почему не успел закончить диссертацию в годы аспирантуры, как это полагалось сделать. На 3-ем году аспирантуры, собрав материалы к диссертации, начал готовить ее текст. Но вышло правительственное постановление о том, что для защиты необходимо иметь опубликованные работы, освещавшие основное содержание диссертации. До этого типографски отпечатанный автореферат был достаточным основанием для защиты. Теперь приходилось прежде всего озаботиться публикацией статьи по теме работы. И получилось так, что я и мои товарищи, оказавшиеся в сходном со мной положении, вынуждены были свое основное внимание переключить на подготовку и пробивание в печать статей, что было необходимо для последующей защиты.

Нам в этом деле помогла Кафедра. Основное содержание очередных Ученых записок Педагогического института, сборника, который время от времени выпускала Кафедра, заняли на этот раз статьи аспирантов. Поэтому почти весь последний год аспирантуры посвятил написанию и редактированию статьи для этого сборника. Она получилась довольно большой – около 4-х печатных листов и называлась «Борьба Коммунистической партии Чехословакии за завоевание большинства рабочего класса в 1930–1933 годах». Сборник вышел в свет в 1959 г., значительно позже окончания срока аспирантуры, и лишь после этого получил право на защиту кандидатской диссертации.

Разумеется, эта статья, как и все мои работы того времени, основывались на установках КПСС, которые впитывались со школьной скамьи, закреплялись на университетских семинарах. Преимущества советского строя, признание руководящей роли правящей партии являлись теми канонами, которыми надлежало руководствоваться в научной работе. Это не означало, что не было возможности проводить исследования, собирать факты, оценивать итоги, выявлять те или иные негативные моменты в прошлом, но, разумеется, многие выводы как бы были заранее определены. Поскольку уже прошел XX съезд КПСС и провозгласили ошибочность некоторых сталинских догм, появилась возможность критического анализа деятельности компартий. Противоречивости, непоследовательности такого подхода тогда не видел, хотя полагаю, что какие-то неопределенные сомнения все же существовали. Отражением этого было стремление в моих работах привести как можно больше сведений и документов, выявленных в архивах, нежелание пользоваться ярлыками, методом клеймения, что характеризовало внутрипартийную борьбу и отношение коммунистов к социал-демократии.

Удалось в том же году опубликовать статью о положении рабочего класса Чехословакии в годы экономического кризиса в журнале «Исторические науки», который издавался с целью дать молодым исследователям возможность публикации. Ее заметили в Чехословакии. В ведущем историческом журнале Праги появилась заметка, в которой отмечалось что автор статьи показал «достойное удивления знание реального положения рабочих Чехословакии».

В общем, собранного за годы аспирантуры материала было достаточно для написания диссертации. В то время аспирант не имел возможности писать работу по истории рабочего движения Чехословакии, предварительно поработав в архивах этой страны. Приходилось ограничиваться теми материалами, которые оказались доступными. В «Ленинке» удалось обнаружить полный комплект «*Rudé pravo*», главной газеты компартии, в спецхране этой библиотеки – комплекты чехословацких буржуазных газет 30-х годов. В фондах Библиотеки общественных наук – разные статистические сборники, а также комплекты некоторых журналов.

Работа с газетой «*Rudé pravo*» оказалась нелегким делом. Ее не выдавали в читальный зал, и несколько месяцев пришлось провести в полутемном полуподвале, где у небольшого окошка стоял маленький столик. Лампочка еле светила, а бумага, на которой печаталась газета, пожелтела и стала ломкой. За эти месяцы серьезно испортил зрение. Но просмотр этой газеты стал очень важным делом. Сделал выписки, которые помогли в хронологическом порядке проследить все основные события тех лет в рабочем движении страны.

Пожалуй, еще более полезной оказалась работа в Закарпатском областном архиве. Но все собранные за аспирантские годы материалы потеряли свое значение после того, как удалось посмотреть фонд компартии Чехословакии в Архиве Коминтерна.

Заместитель директора ЦПА Ростислав Александрович Лавров, с которым меня познакомил работавший в архиве мой новый приятель, вскоре ставший другом, Володя Логинов, позволил мне полистать дела с материалами по теме диссертации. Чем и занялся тогда, когда мы вместе с Курочкиной разместились в здании ЦПА.

Лавров был очень интересным человеком, веселым и остроумным, влюбленным в свою работу. Встречая меня, обычно шутил: «А вот и наши старые кадры!» Многие годы фактически руководил ЦПА, его любили и уважали те, кому пришлось работать под его начальством. Именно он разработал систематизацию обработки и хранения архивных материалов руководящих партийных органов в ЦПА.

Среди просмотренных документов наиболее интересными оказались циркуляры, рассылавшиеся ЦК КПЧ областным партийным комитетам. В них указывалось, какие задачи в тот или иной момент становились наиболее актуальными, на решение которых следовало мобилизовать низовые партийные организации. Разумеется, среди архивных материалов были и другие важные документы, в том числе протоколы заседания руководства партии – Политбюро и Секретариата ЦК. Но они были очень краткими, имена участников не назывались по соображениям конспирации. Пражская полиция использовала всякую возможность, чтобы устроить обыск в здании ЦК и конфисковать партийные материалы. Поэтому протоколы составлялись так, чтобы полиции не попали сведения, которые могли бы послужить запрещению партии.

Меня очень порадовало, что нашел в архиве подтверждение нескольких выводов, к которым пришел на основании газетных материалов. По страницам печати установил, что с октября 1930 г. резко увеличилось число выступлений рабочих в защиту своих интересов, количество кратковременных забастовок на предприятиях. Происходило немало демонстраций безработных. Сделал вывод, что причиной тому стала деятельность компартии, подымавшей рабочих на борьбу за свои права. В Архиве Коминтерна увидел циркулярное письмо ЦК КП Чехословакии, разосланное в октябре 1930 г. ко всем членам партии с требованием поставить в центр своей работы организацию выступлений под лозунгами защиты повседневных интересов трудящихся. Вывод был подтвержден документально.

Об этом рассказал Никите Колпинскому, который с интересом выслушал мои слова и в ответ ошарашил меня следующим: «Ты ведь знаешь, что Маркс и Энгельс нередко сталкивались с сопротивлением тех или иных людей, пытавшихся как-то противостоять их политическим установкам. Так вот, одним из приемов, которым пользовались наши учителя, было распространить слухов об оппоненте, что он являлся полицейским агентом. Этот человек оказывался скомпрометированным, опровергнуть слухи был не в состоянии, и выбывал из борьбы». Эти слова буквально потрясли меня, ведь мы воспитывались в поклонении основоположникам марксизма. И вот такое пришлось услышать! Хотя в тот момент

эта новость не поколебала мои взгляды, но какая-то царапка все же появилась.

Короче говоря, после того как увидел материалы описи дел КПЧ, стало ясно, что писать диссертацию нельзя без использования этих документов. Трудность была в том, что не мог на них сослаться, поскольку не имел на это права, ведь мне было разрешено только «полистать дела». Нашел выход из этого положения. В тексте диссертации и соответственно статей, приводил документы Архива Коминтерна, даже их цитировал. За данной цитатой помещал какую-нибудь цитату из документа Закарпатского архива, которая и завершалась сноской. Таким образом использовал документы Архива Коминтерна, не упоминая о нем. Понимал, что тем самым нарушал правила цитирования, но иначе не получалось. Просто излагать своими словами материал, почерпнутый в документах, не мог. Все равно было необходимо ссылкой подтвердить написанное. А приводя вслед за цитатой из коминтерновского архива цитату, взятую из документа ЗОГА, все же оставлял видимость соблюдения правил. Мне представлялось более важным использовать архивный документ, чтобы изложить проблему как можно полнее, нежели соблюдать формальные нормы цитирования, но при этом отказываться от материалов, имевших определяющее значение.

Такой способ использования источников в случае его раскрытия мог бы помешать моей дальнейшей научной работе. Но что было делать? Я оказался перед выбором – основываться только на источниках, которые любой может проверить по моим сноскам, но зато не написать все, что знаю по данному сюжету, или осветить исследуемую проблему, используя весь собранный материал. Признаться, не колебался ни минуты. Приступая к подготовке какой-нибудь статьи, стремился собрать как можно больше сведений. В этом видел необходимое условие научного анализа. Такой подход считаю нормальным и применял его неуклонно в дальнейшем. Но еще более важным было сделать эти сведения общеизвестными.

Вернусь снова к рассказу о работе нашего Сектора. Вскоре в него влились новые сотрудники. Нас перевели в Ростокино, в здание, расположенное неподалеку от Северных ворот Всесоюз-

ной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ), позднее переименованной в Выставку достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ)¹. Там, в бывшем помещении Исполкома Коминтерна, что мне показалось весьма примечательным, нам отвели несколько комнат. В одной из них разместились Ольга Ивановна и я. Позднее к нам присоединилась третий член нашей бригады – Валя Гетман. Туда же несколько позже переехал сам Институт. После этого нас переселили во второе здание, находившееся позади первого.

Старшими научными сотрудниками Сектора стали Евгений Николаевич Соколов и Константин Семенович Трофимов, а младшими – Юра Юрченко, Алла Перминова и Валя Гетман. Заведующим Сектором назначили Геннадия Григорьевича Куранова.

Соколов и Трофимов окончили АОН. Евгений Николаевич участвовал в войне. Знал немецкий и французский языки, защитил диссертацию, посвященную экспансии американского капитала в Европу после войны. Был довольно спокойным, молчаливым и всегда серьезным человеком. Отсиживал на работе положенное время и занимался научной работой как обычным делом. Его не интересовали вопросы и сведения, выходящие за рамки темы, которой он занимался. Сам он комментировал свою позицию так: «Вот когда мне поручат этим заниматься, я буду это знать».

Многие годы мы с ним просидели в одном кабинете, друг напротив друга, но дружеская близость между нами не возникла. Каждый занимался своими делами и разговаривали друг с другом крайне мало. Это, с одной стороны, не мешало, а с другой, было скучновато. И от всего, что писал Соколов, веяло безнадежной скукой. Тексты его мне представлялись донельзя занудными.

---

¹ Впервые вместе с бабушкой посетил эту выставку в 1950 году. Заходили в многие павильоны, гуляли по ее площадям. Увидел окруженного свитой Вильгельма Пика, в прошлом одного из лидеров Коминтерна, а тогда Президента марионеточной Германской Демократической Республики, которая была создана на территории Восточной Германии. Мне и в голову не могло прийти, что проведу значительную часть своей жизни в здании, где в коминтерновские годы работал он, а улица, на которой стояли здания Института, будет носить имя Вильгельма Пика.

После смерти бывшей жены Евгений Николаевич сам растил двух своих сыновей. Младший позднее поступил на работу в наш Институт. Когда Соколову исполнилось 60 лет, он пригласил меня к себе домой отметить день рождения. Там были только родственники. Дома именинник выглядел очень важным, все-таки ученый, работающий в таком высоком учреждении. Мне пришлось ему подыграть, сказать в своем тосте о его большой роли в Институте, о важности его исследований. Позднее мы жили в одном дачном поселке. Вот, пожалуй и все, что я мог бы сказать о человеке, с которым провел в одной комнате свыше 17 лет.

Трофимов написал диссертацию, посвященную деятельности Ленина в международном рабочем движении в 1919–1922 гг. Естественно, его взяли на работу в наш Сектор. Но он не знал иностранных языков, так что делать ему там было нечего. Какое-то время занимался общественной работой, но на этом нельзя было продержаться. Воспользовался возможностью перейти на работу в Комитет партийного контроля.

Заведующему Сектора Куранову было около пятидесяти лет. Когда-то был министром просвещения в Казахской республике. Геннадий Григорьевич стремился наладить исследовательскую и публикаторскую работу в Секторе, но совершенно не обладал критическим подходом к документам, что и выяснилось, когда возникла задача написать историю Коминтерна.

На моей защите в Институте славяноведения Куранов, член Ученого совета этого Института, выступил в дискуссии и сказал, что будет говорить не о работе, а о самом диссертанте, дав мне весьма положительную характеристику. На мою работу он ссылался и при обсуждении в Институте истории подготавливаемых Очерков истории рабочего и коммунистического движения в новейшее время.

Это книгу собирался издать Институт истории АН СССР. Я написал для нее главу о деятельности Коминтерна в начале 20-х годов. Попытался по-новому взглянуть на события 1923 г., когда надежды коммунистов на победу социалистической революции в Германии окончились крахом. В советской историографии к тому времени утвердилась концепция, что основной причиной поражения революционного рабочего движения в Германии стало

поведение правой социал-демократии, выступавшей за сохранение буржуазного строя в стране. Другой причиной считалось предательство руководителей компартии Брандлера и Тальгеймера, которые в решающий момент струсили и даже были тайными агентами полиции, что якобы выяснилось после арестов 1937 года. Мне удалось найти в Архиве Коминтерна документы, которые свидетельствовали о том, что неудача коммунистов была обусловлена совсем другими причинами. В Германии в то время не сложилась революционная ситуация и отнюдь не какие-то субъективные причины помешали победе революции.

Не знаю по какой причине, затея с изданием Очерков не осуществилась. Помню, что меня очень удивило весьма страстное обсуждение нескольких глав, на котором присутствовал. Тогда не понял, что в тех спорах отразились не только различные взгляды участников дискуссии, но и какие-то мне неизвестные личные моменты, борьба между собой различных группировок, существовавших в Институте истории.

Даже не скажу, сказались ли в этом мои неопытность и наивность, но и тогда и позднее считал, что мнение историка определяется прежде всего анализом исторической ситуации на основе изучения максимально большого документального материала. Хотя не отдавал себе отчета в том, что зачастую результаты анализа зависят от идеологической позиции исследователя. Чтобы уяснить это, понадобилось прожить не одно десятилетие, но всегда знал твердо – для вынесения оценки какому-то событию надо собрать о нем как можно больше сведений, представить себе реальную ситуацию. Понимание того, что надо учитывать и позицию не только тех лиц или течений, которыми занимаешься, но и позицию противника и других сил, а также причины принятия того или иного решения, совокупность объективных и субъективных моментов и еще многое другое, пришло только с годами.

Для меня участие в работе над Очерками оказалось важным и потому, что познакомился с доцентом АОН Кириллом Кирилловичем Шириным, который также написал туда главу по 30-м годам. Он подарил мне незадолго до этого изданную им в соавторстве с Борисом Моисеевичем Лейбзоном книгу «Поворот в политике Коминтерна (К 30-летию со времени VII конгресса Коминтерна)».

Юра Юрченко пришел к нам на работу после окончания Института внешней торговли. Был энергичным, сильным, подвижным человеком, довольно горячим. Работал в составе бригады Соколова, как и я, готовил примечания к документам Коминтерна. Научил меня игре в пинг-понг, которой мы с удовольствием предавались во время обеденного перерыва вместе с Жорой Алахвердовым из Отдела Истории Гражданской войны. Этот Отдел в то время доживал последние месяцы. Он также размещался в Ростокино. Там тогда находились и редакции партийных журналов, издававшихся в Москве.

Юра не мог понять, почему Куранов спокойно положил себе в карман половину гонорара за рецензию об одной чешской книге, которую я написал для журнала «Вопросы истории КПСС». В редакции сочли, что одной моей подписи недостаточно и предложили Куранову дать согласие на соавторство в рецензии. Тот согласился. Такое было в порядке вещей. Юра просто возмутился тем, что Куранову не пришло в голову, что отнимает тем самым деньги у своего сотрудника, получающего какие-то жалкие гроши. Однажды Юра выступил на заседании Сектора. Сказал, что, побывав в Ленинской библиотеке, решил узнать, кто из сотрудников Сектора печатается в научных журналах. Там на балюстраде находилась книжная картотека со шкафчиком, который содержал карточки по последним публикациям, составленные по фамилиям авторов. Юра полистал эти карточки и установил, что единственным автором из всего Сектора, к тому же имевшим уже немало таких карточек, был я. Остальные члены Сектора никак не прореагировали на его слова, возможно им было это неприятно слышать. Вскоре Юра перешел в какой-то Институт при Министерстве внешней торговли, а потом уехал на работу в Чили. Больше мы с ним не встречались.

Валя Гетман была выпускницей Истфака МГУ. Показала себя довольно толковым работником. Отличалась очень нервным, нервовым характером. Редко с ней можно было разговаривать спокойно. Видимо, одиночество ее очень сильно доставало.

В противоположность Вале Алла Перминова была этакой вальяжной красавицей, с нами разговаривала немного свысока. Она в бригаде Соколова, как и Валя в нашей, работала над имен-

ным указателем. Позднее перешла в Отдел Истории партии, где руководила группой переводчиков. Оттуда поступила в АОН и после защиты диссертации ее оставили на кафедре, где она стала доцентом. Не видел никаких ее научных публикаций, кроме краткой записки о том, как надо писать диссертацию.

Таков был наш небольшой коллектив. По заданию Куранова мы готовили два тома документов Коминтерна. Первый, посвященный его деятельности в начале двадцатых годов, мы делали с Ольгой Ивановной и Валей Гетман, вторым – по периоду с середины 20-х до конца существования Коминтерна – руководил Соколов.

Работа эта заняла несколько лет. Участие в подготовке сборника дало мне очень много. В документах конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ упоминались самые разные события, и надо было в примечаниях объяснить читателю, о чем шла речь. Перечитал документы, предназначавшиеся в том, отметил в них различные факты, названия организаций, цитаты из других документов и прочее, что следовало прокомментировать. Определил примерный перечень примечаний, приступил к их подготовке.

Практически за это время просмотрел, а подчас даже прочитал, гору книг и исследований по истории революционного движения после окончания Первой мировой войны. Пригодился опыт работы в Секторе произведений Маркса и Энгельса. Из просматриваемых книг и газет делал выписки на карточки, всегда на языке оригинала, и не перефразируя, а так, как было в источнике. Старался найти подтверждение каждого факта в других работах. И только после этого писал примечание. Ну а поскольку эти факты относились к различным странам и разным историческим эпохам, эта подготовительная работа помогла узнать много нового, а главное научила пониманию того, где нужно искать материалы, которые дадут ответ на поставленные вопросы.

Для некоторых своих примечаний использовал тексты примечаний к ленинским сочинениям. Они всегда были весьма подробными, и мне приходилось часть текста снимать. Обратил внимание на то, что эти примечания и именные справки отличались политизированным характером, давали прежде всего оценки тех или иных деятелей, а не просто перечисляли основные факты их

биографий. Применительно к деятелям оппозиции и тем, кто по каким-то причинам был исключен из партии, всегда употреблялась формула «состоял в партии», в то время, как о других говорилось как о членах партии. Также подробно упоминались факты расхождения того или иного человека с партийной линией и назывались даты его исключения из партии. Но о постах, которые занимал этот человек, говорилось весьма неопределенно. Я понял, что в текстах о таких людях полагалось употреблять именно эту нелепую формулировку и порадовался тому, что мне не приходилось писать именных справок на деятелей Коминтерна и тех лиц, которые встречались в сборнике.

Работа над сборниками шла несколько лет. Естественно, приходилось заниматься и другими делами. Много времени посвятил приведению в порядок своих выписок из архивов, чехословацких газет, различных книг и статей, имевших отношение к теме диссертации. Почти от самого дома, мы тогда жили на 3-ей Тверской-Ямской улице, до Ростокино, где находились оба здания Института, надо было ехать на трамвае № 5. Садился на начальной остановке в пустой вагон и выходил на последней. То же было и на обратном пути. Занимал сидение у окна и не беспокоился, что проеду свою остановку. Поэтому брал с собой одну из своих толстых тетрадей с выписками и карточки, на которые вписывал названия различных сюжетов, а также номер и страницы тетради, на которой шла речь по данному вопросу. Например, выступления безработных или Мостецкая стачка горняков весной 1932 г. и т. д. Разумеется, на такую же тему могли встречаться материалы и в других тетрадях. Поэтому приходилось всегда иметь с собой всю картотеку. И вот за время езды в трамвае (на это ушло примерно полтора года) удалось перечитать и как бы каталогизировать выписки по более чем двадцати общим тетрадям, в которых содержалось все, что собрал для диссертации. Это очень мне помогло впоследствии. Если надо было изложить какой-либо сюжет, достаточно было вытащить соответствующую карточку из этого каталога, чтобы знать, где можно найти материалы по данной теме.

Когда в Секторе подготовили сборники к печати, возник вопрос о том, следует ли их издавать вообще. Документы содержа-

ли некоторые оценки и установки, несостоятельность которых стала ясной еще в коминтерновские времена, но открыто они не были названы ошибочными. В печати допущенные ошибки не признавали, просто одни установки заменялись другими, а прежних как бы не существовало. В выступлениях руководителей Коминтерна в таких случаях подчеркивалось, что ситуация изменилась и потому-де необходимо уточнение политического курса и т. п. Например, социал-демократы в 1929–1933 гг. в документах Коминтерна называлась социал-фашистами. Эта формулировка неверна в принципе, так как фашизм и социал-демократия совершенно разные движения как по политическим целям, так и по социальному характеру, организационному строению, исторической роли. Но с таким термином был согласен Сталин и вслед за ним это твердили лидеры Коминтерна, пока жизнь сурово не показала ошибочность подобных взглядов. Эти формулировки позднее перестали применять. Но об их ошибочности нигде не говорилось.

Публикация документов без критической оценки ошибок, содержащихся в тех или иных документах Коминтерна, могла породить путаницу, создать впечатление, что они пригодны и в современных условиях, что принесло бы прямой вред. В сборниках было необходимо сказать спокойно о недочетах и ошибках, имевшихся в документах Коминтерна. Тогда такая публикация имела бы научный характер. Но этого не понимали ни Куранов, ни подготовители томов. Директор ЦПА Александр Арсеньевич Соловьев, которому дирекция Института поручила проконтролировать проделанную Сектором работу, на обсуждении подготовленных к печати сборников резко высказался против их публикации. Единственным, кто отстаивал целесообразность публикации, был Куранов, но не смог привести никаких убедительных доводов. Работу приостановили. Я в общем уже тогда понял, что в таком виде документы Коминтерна печатать не стоит.

В то время в нашем Секторе появился новый старший научный сотрудник, Анастасия Ивановна Картунова, защитившая в АОН диссертацию по истории компартии Китая. Непокоримая уверенная в правильности того, что делает, Картунова отличалась крайней жесткостью, нетерпимостью к мнению других, если оно

расходилось с ее собственным, и в полемике старалась обвинить своего противника в протаскивании антипартийных установок. Была сознательной сталинисткой. Мне как-то сказала, что протоколы XX съезда КПСС следует выбросить, поскольку тогда приняли неверные решения. Думаю, что провоцировала меня на возражение. Я промолчал, спорить с ней не хотел, так как понимал, что ни к чему хорошему такой спор не приведет. Среди сотрудников Института в то время имелось немало людей, также надевавшихся на возвращение сталинских времен.

Физический облик Анастасии Ивановны был подстать ее душевным качествам. Казалось, что ее лицо вырублено топором из куска дерева, причем без использования рубанка. И говорила она довольно громким голосом, весьма категорически и уверенно. Ольга Ивановна, зная ее давно, тихонько сказала мне, что этого человека очень опасно превращать в своего врага, что Картунова способна причинить любую гадость тому, кого не взлюбит.

Картуновой поручили подготовить к печати воспоминания Сен Катаямы, ветерана японского коммунистического движения, руководящего деятеля Коминтерна, умершего в начале 30-х годов. Рукопись его мемуаров хранилась в Архиве Коминтерна. Поскольку была написана по-японски, в помощь Картуновой прикомандировали переводчицу из Института Востока. Я получил задание подготовить для сборника примечания.

Совместная работа с Картуновой не могла для меня хорошо закончиться. Так и произошло. Однажды мне пришлось отлучиться, чтобы отвезти диссертацию оппоненту. Куранов разрешил мне уехать на время из Института, но я не предупредил о своем отъезде Картунову, поскольку ее тогда не было на месте. Этого она мне не простила и, когда я вернулся на работу, устроила мне настоящий разнос. Ответил, что отпросился уехать по делам диссертации у заведующего Сектором. С тех пор мы с ней не разговаривали друг с другом.

Работа в Секторе шла своим чередом. После того, как в Москве прошло Совещание коммунистических и рабочих партий 1960 г., Сектор получил задание подготовить сборник документов, содержащий решения Совещаний 1957 и 1960 годов. Мы решили включить в него отклики компартий на эти Совещания.

Провели большую работу по поиску соответствующих постановлений ЦК разных партий. Придумали название самого сборника «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». Подготовили макет сборника и направили его в ЦК. Но там сочли нецелесообразным включать в сборник отклики компартий, и в результате под этим названием издали брошюру, содержащую только решения Совещаний. Таким образом, за все время существования Сектора появилась только одна книга – мемуары Сен Катаямы.

Вадя Сегаль и другие друзья

Еще до поступления в Институт, познакомился с одним из сотрудников – Володей Логиновым. В дальнейшем он сыграл в моей судьбе немалую роль. О нем речь пойдет позднее. Сначала о Ваде Сегале, от которого впервые услышал о Володе.

Через год после нашей женитьбы мы с Лидой поехали по курсовкам в дом отдыха в Звенигороде. Снимали жилье, но питались в столовой этого дома отдыха. Спали в маленькой комнатке на втором этаже. Там стояла узенькая кушетка, рассчитанная на одного человека. Но мы не были избалованы и вообще оказались впервые вдвоем. Вместо двери висела занавеска. Собственно туда приходили лишь вечером, а весь день проводили на территории дома отдыха.

Было скучновато. Погода не радовала, изредка солнышко, но чаще моросил дождичек. В один из таких дней спрятались от непогоды в клубе дома отдыха. Сели за шахматный столик, используя спички, стали играть в шашки. К нам подошел черноволосый, худощавый мужчина, невысокого роста, крепко сложенный, старше меня лет на пять. «Вы, конечно, женаты, – сказал он, – только супруги могут заниматься такими глупостями». Так мы и познакомились с Владимиром Сегалем, которого всегда называли Вадя. Он томился от скуки и буквально прилепился к нам.

Уже через несколько минут разговора понял, что наш новый знакомый замечает все и всему дает точную характеристику. По-

селив наше жилье, он хмыкнул и заметил: «Мы с моей половиной Женькой спим за закрытой дверью». На вопрос, как они строят свои отношения с родителями (в тот момент для нас это было весьма актуальным), сказал кратко, с тем же характерным смешком: «Когда Женька снимает крышку с кастрюли, отец вдогонку напоминает: “Женя, сними крышку”». Это выражение «Сними крышку» употребляем с того времени более 60 лет.

Вадя преподавал арабский язык в Институте международных отношений. В нем учились в основном дети советской элиты, готовились будущие дипломаты. Он хорошо знал европейские языки, но прежде всего арабский, и написал даже учебник по грамматике этого языка. Впрочем, все это открылось для меня намного позднее, да и самого Вадю изучал всю дальнейшую жизнь, открывая в нем все новые черты и грани, следил за всеми перипетиями его очень непростой судьбы, а главное – ощущая его влияние.

С годами мы с ним становились все ближе друг другу. Последние годы жизни Вадя провел в Америке. В одном из телефонных разговоров сказал мне, что из всех друзей я самый близкий ему человек. Таким был он и для меня. Его уход из жизни стал очень печальным днем.

После окончания Института восточных языков служил в Главном разведывательном управлении Генерального штаба Советской армии. В 1953 г. его как еврея выгнали оттуда и Вадя сумел устроиться на работу в ИМО, сначала на Военную кафедру, а затем на Кафедру арабского языка.

Рассказать о нем – нелегко, он был отнюдь не простым человеком, а главное потому, что мы дружили многие годы. Вадины семья и стала для нас самым близким и дорогим пристанищем, события накладываются друг на друга и перепутываются в памяти, а мы тогда общались при каждой возможности. Так что рассказ о нем неизбежно будет хаотичным.

Запомнилась его энергия, с которой не могу сравнить никого из своих знакомых. Казалось, что для Вадю нет непреодолимых преград, которых он бы не смог преодолеть. Никогда не унывал, а уж видел его в самых различных ситуациях, и в минуты радости, и больших неприятностей, и даже горя.

Он часто предлагал другим о чем-либо рассказать, но долго не выдерживал чужой речи, начинал говорить сам. Не терпел в чем-нибудь оставаться позади. В нашей компании певцом и поэтом был Павел Хмара. Так вот Вадя научился играть на гитаре, и сочинял песенки не хуже тех, что пел Павлик.

В молодости Вадя, как он сам говорил, не оставлял в покое ни одной юбки, да и позднее был весьма расположен к общению с дамами. Когда мы познакомились с Женей, Вадя ей при нас сказал: «Женька, как нам повезло, что я не спутался с этой девкой». Он имел в виду одну девицу, которая явно шла с ним на контакт. Мы однажды сели с ней играть в карты и Вадя увидел, что она плурует. Между ними все сразу было кончено.

Они с Женей к тому времени уже имели годовалого сынишку – Димочку. Проживали вместе с родителями и братом в огромной, по моему тогдашнему представлению, четырехкомнатной квартире на проспекте Мира. После смерти его отца квартира была разменяна, поскольку Вадин брат Марк, мой ровесник, женился и надо было выделить ему жилье. После этого они вместе с мамой остались в трехкомнатной квартире, тоже на Проспекте мира.

Женечка оказалась очень милым существом, с ней у нас сразу установились теплые, сердечные отношения. Она была по-настоящему женственной, доброжелательной, в разговоре старалась каждому сказать что-нибудь приятное, ласковое. Когда впоследствии увидела нашу Олечку, воскликнула: «Смотрите, какие у этого ребенка прекрасные волосы!» Большой радости молодым родителям нельзя было принести.

В детстве Женя Яковлева пережила трагедию, типичную для того времени. Арестовали ее отца. Он находился в подмосковном лагере для осужденных, так что его жена даже несколько раз его навещала. Когда срок заключения подходил к концу, ему устроили провокацию. Встретил человека, который на него донес, плюнул в него, сказав, что никогда ему не простит за то, горе, что тот принес жене и дочурке. Этого оказалось достаточно, чтобы ему дали новый срок, и он умер в лагере.

Эта беда не отразилась на характере Женечки, не ожесточила ее. Она осталась такой же мягкой и доброй к людям, только навсегда потеряла веру в советскую власть. Окончив школу, посту-

пила на Исторический факультет Московского городского педагогического института. Тогда-то и познакомилась с молодым красавцем-лейтенантом и позднее вышла за него замуж, взяв его фамилию. Новая фамилия не понравилась руководству школы, куда ее направили после окончания Института, и Женю начали травить. Вадя забрал ее из школы, обучил азам арабского языка и устроил на работу в Издательство «Прогресс».

Вадя поинтересовался, чем я занимаюсь. Узнав, что через год закончу аспирантуру, сказал, что мне непременно надо устроиться на работу в ИМЛ, где уже работает его друг Володя Логинов.

Мы встретились с Вадей летом 1956-го года. Это было время преодоления некоторых иллюзий и новых разочарований в нашем государстве, жестоко подавившем попытку венгров начать новую жизнь. Впрочем, у Вади, пережившего гонения на евреев в прямом смысле этого слова, таких иллюзий не было. Мы с ним обо всем могли говорить свободно, и это, наряду с тем, что, как выяснилось, на многие вещи смотрели одинаково, очень помогло сближению и дружбе. Наконец-то, у меня появился друг, с которым можно было поделиться мыслями по любому поводу, который был старше и опытнее меня и которому безусловно доверял! Это счастье согрело меня всю жизнь.

Забегая вперед, скажу, что именно от него услышал слова об абсурдности некоторых положений Маркса. Он говорил о ложности такого коренного тезиса марксизма, как утверждение об исторической роли рабочего класса. Это просто не укладывалось в мое тогдашнее мировоззрение. Нелегко было преодолеть идеологическую плотину (Юрий Карякин довольно точно назвал ее «свинцовой заслонкой в мозгах»), возведенную в наших головах с тех пор, как нам объяснили, по каким правилам и законам развивается человеческое общество, а на деле выстроили эту плотину, чтобы мы смотрели на мир так, как полагается советским людям. Но многолетнее общение с Сегалем этому помогло.

Вадя пригласил нас к себе домой. И как только вернулись в Москву, сразу посетили их. Его квартира стала местом, где отмечали праздники, дни рождения, вообще собирались без особого повода, это всегда были радостные и веселые события.

По случаю защиты мной кандидатской диссертации Вадя написал песенку, кусочек которой остался в памяти: «Наш Фредик, хоть и не медик, но можешь поверить вполне, что доктором будет наш Фредик в ближайшие семь-десять лет». После защиты докторской Вадя мне напомнил, что именно это он предсказал.

Однажды Вадя, Женя и Игорь Кошель записали на магнитофон радиопередачу о приземлении из космоса инопланетян. Во время застолья Вадя незаметно нажал кнопку магнитофона и мы услышали вроде бы голос Левитана о приземлении космического корабля. Далее шла запись рассказа очевидца этого события. Затем «Левитан» объявил, что из космического корабля начали выходить его обитатели. Первым был назван заместитель командира корабля по политической работе в космосе, то есть космополит, который являлся одновременно представителем Института фирсовизма-логинизма. Далее под хохот собравшихся услышал песенку: «Наша партия едина, фракция, и не тратьте зря вы силы, фракция! И развеет все темные силы, Маленков, Каганович и Молотов и примкнувший к ним Шепилов!» По этим именам ясно, что вечеринка состоялась вскоре после очередной пертурбации в верхушке партии.

Вадя всегда был душой компании, буквально превращал наши застолья в сплошное веселье, когда голос рассказчика заглушался общим хохотом, где часто звучала гитара, помню, как Павлик пел необычайно трогательную песенку о том, что наступили ночи длинные, что наша молодость прошла, и прочую чепуху.

В этой компании нередко видел много новых лиц, но в основном там встречались те же самые люди. Это были прежде всего Павлик Хмара с женой Ниной, учившейся когда-то вместе с Женей. Очень милое и дружелюбное существо, она работала в каком-то военном ведомстве. Однажды мы с Вадей навестили ее на работе. Комната, в которой она сидела, показалась мне какой-то сказочной. Стены обиты шелком с рисунками на китайские сюжеты. И внутри этого немислимого великолепия стоял небольшой столик с телефонами для Нины.

Павлик был в прошлом летчиком, а когда мы с ним познакомились, служил военным представителем на каком-то заводе. Сочинял стихотворные пародии на корявые стихи и такие же мысли

советских поэтов. Весьма едко и остроумно высмеивал их несурности и кривляния. Печатал свои пародии на 16-й странице «Литературной газеты», а затем много лет работал главным редактором этого раздела газеты.

Лида напомнила мне такой эпизод: мы вместе с Сегаями и Хмарами пошли в кинотеатр «Москва». Как только сеанс закончился, они заторопились домой к детям. А Лида им заметила: «Нам спешить не надо, у нас все свое с собой». Она в то время была беременной и это было вполне заметно. Рассмеявшись, мы расстались.

Постоянными участниками застолья являлись Игорь и Тася Кошели, жившие в соседнем с Сегаями доме. Высокий красивый человек, Игорь работал врачом в Детской онкологической больнице, где пациентами являлись детишки, пораженные этим смертельным недугом. Мне казалось, что общение с детьми, знавшими о своем неизбежном конце, должно было сломить человека, на глазах которого они таяли и погибали. Но, видимо, сказывались профессионализм, умение преодолевать стресс. Впрочем, средством этого являлась водка, и пожалуй, в нашей компании Игорь выделялся своим равнодушным отношением к этому зелью.

Он прекрасно играл на пианино. В юности подвизался даже в каком-то джаз-банде, любил подсесть к пианино, стоящему в уголке Вадиной комнаты и, приговаривая, что видит эту тему вот так, наигрывал что-то ритмичное.

Брак Игоря и Таси оказался недолговечным. Они развелись. Игорь женился на Лиде Ковалевой, тоже гематологе, очень симпатичной и приветливой женщине, которая легко и просто влилась в нашу компанию. С тех пор мы стали собираться не только у Сегалей, но и в квартире Кошелей, а также на их даче, причем не только летом, но и зимой. Вторая семья Игоря оказалась гораздо удачнее первой.

Сажены сливы из сада Кошелей я посадил на нашем участке. Они через несколько лет превратились в настоящие деревья, но долго не плодоносили и дали большой урожай, увы, тогда, когда мы расставались с дачей, да и с Москвой тоже.

Постоянной участницей этих мероприятий была Женя Шолохова, подруга своей тезки с институтских времен. Обычно всегда

молчаливая слушательница, она охотно помогала хозяйке накрывать на стол и его убирать.

Изредка появлялся бывший одноклассник Вади Аркадий Ваксберг. Он еще не стал тем известным журналистом и публицистом, которого позднее узнала страна. Потом не видел его очень много лет, а когда он появился в моем кабинете в архиве, встретились как давние добрые друзья. К тому времени это уже был маститый автор, написавший книгу о сталинском прокуроре Вышинском, переведенную во многих странах. Перу Аркадия принадлежали книги о расследовании наиболее запутанных юридических дел и криминальных преступлений, о сталинском преследовании евреев и ряд других не менее интересных работ. Прославился как разгребатель темных делишек советско-партийных воротил. Его статьями в «Литературной газете» буквально зачитывались, и их очень боялись чиновники. В те годы оказался одним их немногих, кто сумел прорвать стену замалчивания и писал о злоупотреблениях властью.

Я помог ему найти материалы для книги о гостинице «Люкс», являвшейся общежитием коминтерновцев. Однажды меня навестила его дочь, снимавшая документальное кино для болгарского телевидения и взяла у меня интервью. И позднее, уже находясь в США, брал в библиотеке книги Аркадия и с удовольствием их читал. Довелось посмотреть его документальный фильм «Реприза» – кинорассказ о последнем преступлении Сталина – подготовке депортации евреев на Дальний Восток и в отдаленные места Сибири, означавший по существу геноцид евреев. Смерть помешала тирану совершить это злодеяние. С грустью смотрел на постаревшее, но по-прежнему интересное, одухотворенное лицо рассказчика, слушал его неторопливую речь и думал, о том, что он и жил и завершил свою жизнь очень достойно.

У Сегалей мы познакомились с Люсиком и Ирой Гуреничами. Люсик, архитектор по профессии, был давним приятелем Вади. Почему-то заинтересовался моими делами и расспрашивал меня, кого я знаю из уцелевших коминтерновцев, знаю ли, в частности, Мишку. Таково было прозвище Вильгельмины Славуцкой. О ней пойдет речь позднее.

К Сегалям приходили также Юра и Галя Волинские. Юра был тогда уже известным хирургом. Как и Вадя – сгусток энергии, всегда говорил, особенно если это были застольные тосты, быстро-быстро, в результате чего я не всегда понимал о чем шла речь. При нашей последней встрече на квартире Хмары, когда обсуждалось положение в стране в связи с Перестройкой и Кошель выразил свое недовольство возникшими трудностями, мы с Юрой довольно дружно с ним не согласились, заметив, что теперь свободнее стало дышать и открылись условия для самостоятельности людей.

Володя и Августа (мы все называли ее Авочкой) Логиновы первоначально постоянно участвовали в наших встречах, но затем появлялись там редко. В первый же день нашего знакомства Вадя сказал, что в их компании идейный вождь – Володька Логинов. Авочка, красивая, эффектная блондинка, работала тогда в Доме Дружбы, размещавшемся в особняке на Арбате. В песенке Вади о ней говорилось, что днем она «предается дружбе, а ночью, конечно любви».

Логинов сразу мне очень понравился, прежде всего какой-то неординарностью суждений. Остроумный и веселый, уверенный в себе, знающий, что всегда выбирает самый верный путь (последнее качество, пожалуй, было в нем развито несколько сверх меры), блестящий рассказчик, любимец женщин, Володька легко завоевывал внимание людей. Он дружил с драматургом Михаилом Шатровым, и стал неременным консультантом его фильмов и театральных постановок. В театре Юрия Любимова, знаменитой «Таганке», являлся членом Художественного совета. Благодаря ему мне удалось побывать на многих просмотрах спектаклей этого театра.

Володя несколько раз рассказывал мне свою любимую историю. Его всегда включали в комиссию, когда хоронили старых большевиков. Однажды, как председатель комиссии, поехал в больничный морг за телом усопшей. Согласно квитанции получил его и привез на машине в зал, где состоялась гражданская панихида. Но заметил, что родственники покойной повели себя как-то странно Один из них подошел к нему и сказал: «Вы нам привезли тело совсем другого человека». Грозил скандал. Володя

ответил спокойно: «Проверьте квитанцию». На том все успокоились. Все-таки бумага с печатью была самым важным аргументом в любом деле.

Мне самому приходилось принимать участие в подобного рода мероприятиях. Возвращаясь с кладбища, мы зашли в какую-то забегаловку. Левка Жаров сказал, когда мы «приняли»: «Ребята, когда такое произойдет со мной, пожалуйста, не устраивайте ничего. Просто выпейте в мою память».

Другую историю Володя тоже вспоминал несколько раз. Он учился в пединституте вместе с Авочкой, Женей Шолоховой, и Женей Яковлевой. Как-то летом они поехали в Крым в составе археологической экспедиции. Там у него случился аппендицит, а больниц поблизости не было, только родильный дом. И вот однажды его ворота отворились и оттуда еле-еле выползла фигура. Но не роженица, а полуживой Володька. Встречавшие его девицы с трудом подняли его и отнесли в машину.

В те годы, когда мы встретились и подружились, наши денежные доходы были совершенно мизерными. На первый в моей памяти Володькин день рождения он получил в числе подарков бритву и помазок. Времена менялись, и в один из последующих дней его рождения Мишка Шатров подарил Володьке магнитофон, который был размером с чемодан. Помню, как все были смущены этим царским подарком.

Логинов работал в группе, которая занималась запросами, поступающими в архив. Она готовила справки и для реабилитации лиц, осужденных в годы сталинских репрессий. Такого рода документы требовались судебным и партийным органам. Нередко приходили разного рода задания из различных Отделов ЦК КПСС. Таким образом, работники этой группы становились хорошими знатоками архивных материалов. Кроме того, они работали над различного рода документальными сборниками по дооктябрьскому периоду истории партии.

Авочка позднее перешла на другую работу, одно время была директором Лекционного зала в Политехническом музее, затем работала в МГК КПСС. С той поры Логиновы стали очень редко бывать у Сегалей, но с Володей я встречался в Институте и мы вместе ездили отдыхать в санаторий.

Оля

В моей жизни к тому времени произошло много событий, о которых хотелось бы рассказать, но прежде всего о рождении дочери. 16 ноября 1958 г. Лида родила Олечку. Она появилась на свет в том же родильном доме имени Крупской, что и я. Наша жизнь изменилась кардинально. Появился центр, вокруг которого вращалось все. Забота об этой малышке стала для нас с Лидой радостью и самым главным делом.

Сначала жили у Лидиных родителей. Ребенком занималась Рива Самойловна. Чтобы покормить Олечку, Лида прибегала домой в обеденный перерыв (работала в здании Главного почтамта, а Лидины родители жили на Первой Мещанской). Позднее мы вернулись в нашу комнатку на 3-й Тверской-Ямской, оставив Олечку на попечении тещи. По субботам и воскресеньям брали ее к себе. С коляской проделывали путь от одного дома к другому. Когда вспоминаю это время, понимаю, что эти наши пешеходные путешествия стали наилучшими событиями тех дней. Иногда по какой-нибудь причине на время переселялись к Лидиным родителям. Там нам выделяли одну из двух комнат, в которых проживало семейство Носиков. Семья была большая, мы их, разумеется, очень стесняли. Через короткий срок возвращались к себе домой.

Когда девочка подросла, удалось на короткое время нанять няню, которая тоже спала в нашей комнатке. Бабушку на это время забрала к себе мама. Мы спокойно днем работали, а по возвращении домой нас ждала сковородка с жареной картошкой. Но катастрофически не хватало денег. Пробовал немного подзаработать рефератами о статьях в чешской печати в журнале, публиковавшем обзоры литературы по экономическим вопросам. Впрочем, денег это приносило крайне мало. Но это были нормальные трудности молодой семьи, а самое важное было то, что у нас росла дочь.

Защита кандидатской диссертации

Предстояло завершить подготовку кандидатской диссертации. Этому мог уделять только выходные дни, так что пришлось жертвовать некоторыми семейными удовольствиями, прежде всего прогулками, да и свои обязанности по дому тоже переложил на Лиду. К сожалению, это не стало временным явлением, а превратилось в систему.

Написал две статьи. Одну, довольно большую, предложил редакции Ученых записок Института славяноведения. В ней рассказал, как компартия организовывала в годы кризиса движение безработных. Возникли комитеты действия безработных, их выступления проходили организованно, и преследования, даже применение жандармами оружия, не могли сорвать проведение демонстраций. В результате КП Чехословакии удалось добиться некоторых успехов в те годы и расширить свое влияние в массах. Редактор сборника даже выразил удивление количеством архивных документов компартии, которые я привел в этой статье. Разумеется, не открыл ему того, что в значительной части это были цитаты из документов Архива Коминтерна.

Другую статью, посвященную работе коммунистов в армии Чехословакии, предложил журналу «Вопросы истории КПСС». Удалось найти довольно много документов в Архиве Коминтерна. Здесь применил тот же метод, дополняя цитаты материалами Закарпатского архива и давая ссылки на него. Рассказал об агитации компартии среди призывников и организации подпольных солдатских ячеек. Работа проводилась в исключительно трудных условиях, привел в статье зашифрованные документы, подтверждавшие существование связи партии с какой-то частью солдат.

При обсуждении статьи на редколлегии журнала пришлось понервничать. Один членов редколлегии, Николай Васильевич Матковский, в то время директор ЦПА, задал мне вопрос, не содействовала ли такая работа КПЧ в армии тому, что Чехословакия оказалась неспособной оказать сопротивление германской

оккупации. Вопрос поставил меня в довольно сложное положение. Показать человеку, что он говорит полную чепуху, было нельзя. Ни обижать его, ни превращать в своего врага не хотел. Ответил, что в статья посвящена периоду 1929–1933 гг., а последующие раздел Чехословакии и оккупация гитлеровцами чешских земель имели место в 1938–1939 гг. и вообще это событие связано с так называемым Мюнхенским соглашением лидеров Англии и Франции с главарями Германии и Италии. Статью приняли к публикации и напечатали.

Надо было подготовить и саму диссертацию. Работал за круглым обеденным столом. Иногда это происходило так. Сажал к себе на колени Олечку, давал ей в руки карандаш, а сам писал текст. Олечка же рисовала загогульки на обратной стороне исписанных страниц. Тем самым занимал дочурку, получал от нее удовольствие и делал свое дело.

Использование материалов из Архива Коминтерна сильно обогатило фактическую и документальную сторону диссертации. Разумеется, никакой принципиально новой концепции не выдвигал. Но фактический материал, приведенный в ней, был ранее не известен. Наконец закончил диссертацию и представил ее к защите в Ученом совете Института славяноведения. Назвал ее так: «Борьба Коммунистической партии Чехословакии за единство рабочего класса в период экономического кризиса 1930–1933 годов». Именно в те годы КПЧ своей энергичной политикой сумела добиться значительных успехов как в разворачивании забастовочного движения, так и в организации движения безработных. Это привело меня к оценке деятельности КПЧ как отвечающей реальной ситуации.

Мне тогда и в голову не приходило, что нельзя всерьез говорить о борьбе коммунистов за единство рабочего класса. Коммунисты сознательно проводили политический курс на изоляцию социал-демократии и других рабочих партий, на полную гегемонию своей партии в рабочем движении. В этот период Коминтерн осуществлял так называемую тактику класс против класса, согласно которой социал-демократия рассматривалась как буржуазная, даже социал-фашистская партия, а добиваться единства рабочего класса разрешалось только снизу, то есть отрывая соци-

ал-демократических рабочих от руководства своих партий. До осознания того, что нельзя деятельность компартии оценивать без учета определяющих эту деятельность сектантско-догматических установок Коминтерна, было еще очень далеко.

Официальными оппонентами стали доктор Лев Израилевич Зубок и старший научный сотрудник Института славяноведения Валентина Марьина. Известный американист, Лев Израилевич был одним из основателей компартии США. В сороковые годы его называли космополитом и подвергли анафеме, но все же не арестовали.

Защита прошла нормально. Но утверждение диссертации Высшей Аттестационной Комиссией затянулось. Диссертации тогда защищались либо по всеобщей истории (древней, средневековой или новой), либо по истории СССР или истории КПСС. Моя диссертация не подходила ни под одну из этих рубрик, и в ВАК не знали, по какой же ее утверждать. Все же через 9 месяцев утвердили.

Получив кандидатские «корочки», оказался в довольно странной ситуации. В ИМЛ кандидаты наук все были старшими научными сотрудниками, я же оставался младшим, мне только несколько прибавили зарплату.

Работа над диссертацией, а потом длительное ожидание ее утверждения меня сильно напрягли. Когда эта эпопея завершилась, в сердцах сказал, что больше в эту игру играть не буду, на что Логинов посоветовал мне не зарекаться, мол, время покажет. И он оказался прав.

К тому времени стал кандидатом в члены партии. Рекомендации мне дали Серафима Ильинична Гопнер (гордился тем, что получил ее от соратницы Ленина, просто ощущал как бы преемственность времен), а также Ольга Ивановна. Третью – получил от Райкома комсомола.

Вскоре после этого события на меня обрушилась серьезная неприятность. Мой бывший истфаковский научный руководитель Александр Иванович Недорезов прислал в партком ИМЛ заявление, что я отказался ехать по распределению после окончания Университета. Это была заведомая ложь. По просьбе секретаря парткома Института, тогда им был Леонид Михайлович Спирин,

написал объяснение, в котором изложил действительный ход событий. Оно его удовлетворило и он порвал заявление Недорезова и мое объяснение. Ольга Ивановна сказала мне, что это был хороший знак. Если бы секретарь просто положил мою бумагу в сейф, дело не считалось бы закрытым.

Недорезов стал моим научным руководителем, когда я учился на пятом курсе Университета. Его зачислили доцентом Кафедры по совместительству, поскольку он работал в Институте славяноведения. У нас с ним не сложились отношения, я долго не мог понять причин этого. Скорее всего дело было в антисемитизме Недорезова, который тот не мог проявлять открыто ввиду общей атмосферы на кафедре. Могла быть и какая-нибудь иная причина, но во всяком случае о моей дипломной работе он дал довольно кислый отзыв, в то время как официальные оппоненты – доцент кафедры Бася Менделевна Руколь и старший научный сотрудник Института славяноведения Александр Харитонович Клеванский – отозвались о ней очень хорошо.

Кафедра рекомендовала меня и Галю Мельникову в аспирантуру Института славяноведения Академии наук СССР. Но в тот день, когда состоялось заседание Комиссии по распределению на работу, в газете «Правда» появилась статья «Пожалейте Марину» о том, как выпускники институтов избегают направления на работу. Об аспирантуре в такой ситуации речи не могло быть. Мне предложили на выбор работу учителя истории в Саратовской или Калужской областях. Согласился поехать в Калужскую область. Но на следующий день пошел в деканат, и получил справку о рекомендации в аспирантуру. Сказал об этом Гале Мельниковой, она промедлила несколько дней, а когда обратилась в деканат, ей ответили, что после распределения рекомендация потеряла смысл.

От своего однокашника Саши Плевако, которого тоже распределили в Калужскую область, узнал, что он туда съездил и выяснил, что им не нужен. После этого отправился туда же, прихватив рекомендацию в аспирантуру. В Облпросе только заикнулся, что мне нужно время для сдачи экзаменов, как услышал: «Мы в вас вообще не нуждаемся, у нас историков и так девать некуда». Получив от них справку о том, что Калужский Облпрос от меня от-

казывается, пошел в Институт славяноведения, чтобы выяснить вопрос о подаче документов для поступления в аспирантуру.

Там встретил Недорезова, который являлся секретарем партийной организации. Он сухо сказал, что в этом году в Институте не будут принимать в очную аспирантуру. Вообще дал понять, что мне нечего и думать о возможности поступить в аспирантуру этого Института. Совершенно обескураженный зашел на свою Кафедру. Поговорил с заведующим, профессором Сергеем Александровичем Никитиным, посоветовавшим подать документы в аспирантуру Московского Городского Педагогического Института имени Потемкина.

После этого отправился в МГПИ. Заведующий Отделом аспирантуры Института, прочитав рекомендацию Кафедры, согласился взять мои документы для представления в экзаменационную комиссию. Рассказал ему об истории с распределением и о моей поездке в Калугу. В ответ услышал, что необходимо принести подтверждение на отказ от моего распределения из Министерства просвещения.

Пришлось идти в Минпрос. Там сказали, что поскольку меня распределило к ним Министерство Высшего образования следует обратиться туда. Но чиновник Отдела кадров этого Министерства заявил, что меня пошлют в другое место, например, в Сибирь. Мои слова, что согласен, но прошу только учесть, что сначала хотел бы попробовать сдать экзамены в аспирантуру, были отвергнуты. И тут решился на совершенно несвойственный мне поступок – пошел к начальству кадровика. Повторив свои слова, услышал: «Ну что ж, вернитесь снова к тому, у которого вы сейчас были». И на моем заявлении красным карандашом была сделана надпись: «Т... Решите вопрос». Чиновник Отдела кадров, к которому вернулся, написал на справке Минпроса: «Согласен».

Конкурс во время экзаменов в аспирантуру был огромный. Но в результате в аспирантуру были приняты три выпускника Исфака МГУ – Лева Гончаров, Юра Попов и я. Так стал аспирантом этого Института. Аспирантские годы пролетели очень быстро. Значительную часть их провел в Исторической библиотеке, где прочитал и просмотрел массу книг для сдачи кандидатского минимума.

Вернусь к Недорезову. Встретился с ним вновь где-то в середине 70-х годов в городе Фрунзе, где состоялся совместный симпозиум советских чехистов (так называли тех, кто занимался изучением истории Чехословакии, и меня пригласил участвовать в симпозиуме Институт славяноведения) и чехословацких историков. В этот раз Недорезов очень передо мной лебезил и просил включить в состав коллектива, готовившего книгу по истории сотрудничества КПЧ и КПСС. Ничего ему не обещал, так как отнюдь не собирался работать вместе с этим человеком.

Закарпатская рапсодия

Поскольку упомянул выше Закарпатский областной государственный архив (ЗОГА), сделаю небольшое отступление и расскажу о том, что меня связывало с этим чудесным краем.

В мою аспирантскую пору отец, занимавший тогда ответственный пост в системе государственных архивов, познакомил меня с заведующим этим архивом Василием Ивановичем Мисюррой. Тот посоветовал поработать в фондах этого архива, ибо там хранится немало материалов, относящихся к деятельности компартии Чехословакии.

Закарпатскую Украину присоединили в качестве области к Украинской ССР в 1945 г. по соглашению между правительствами СССР и Чехословакии. В межвоенный период этот регион под названием Прикарпатская Русь входил в состав Чехословакии. После оккупации чешских земель нацистской Германией, превратившей их в зависимый от Третьего рейха Протекторат Богемии и Моравии, этот регион захватила хорватская Венгрия. Его освободила в 1944 г. Красная Армия.

Летом 1955 г. два месяца проработал в читальном зале ЗОГА, размещавшемся в помещении бывшей тюрьмы в городе Берегово. Действительно, в этом архиве отложилось огромное число документов, связанных с деятельностью компартии. Полицейские власти рассылали по своим территориальным управам в копиях материалы обысков и конфискации, проводившихся в ЦК ком-

партии. Нашел также немало сведений о деятельности краевой партийной организации, которая в те годы работала весьма активно и многократно организовывала массовые выступления. В общем удалось найти немало интересных документов, относящихся к деятельности КПЧ и событиям в Закарпатье в начале тридцатых годов.

Для меня эта поездка стала первой научной командировкой, поэтому запомнилось многое. Регион в чем-то сохранял еще черты, унаследованные от прошлой жизни. Оказалось, что в Берегово полно маленьких ресторанчиков, в которых можно было вечерами сидеть в компании, слушать цыганскую скрипку, беседовать друг с другом, заказав при этом на всю компанию лишь одну бутылку местного сухого вина. Из своих собеседников хорошо помню аспиранта Истфака Ужгородского Университета Васыля Илько, сотрудника архива по фамилии Славик. Имена других участников наших застолий, к сожалению, в памяти не сохранились. Где-то в конце моего пребывания в Берегово в архив приехал аспирант того же Истфака Алеша Хланта, с которым впоследствии мы много лет дружили.

Когда Мисюра по делам поехал в областной центр – город Ужгород, он взял меня с собой и я посетил библиотеку Университета. Старик-библиотекарь мне сказал, что местные жители считают себя не украинцами, а русинами.

От поездки в Закарпатье остались самые лучшие воспоминания, и через несколько лет мы с Лидой поехали туда по туристским путевкам. Удалось вновь побывать в Ужгороде, пройти пешком и объездить многие города и городишки. Панорама Карпатских гор, невысоких, густо поросших деревьями и кустарниками, оказывала какое то умиротворяющее воздействие. Эти горы, как и красавица Тисса, по которой сплавляли срубленный лес, незабываемы.

Тогда, собственно, мне удалось, как следует разглядеть Ужгород. Увиденное несколько изменило представление о годах «чешского владычества». Примерно за 20 лет чехи построили в центре города комплекс современных красивых жилых зданий, а также прекрасное административное здание, в котором теперь помещалось управление областью.

Поездка закончилась во Львове, который уже относился к Западной Украине. Красивый большой европейский город с огромным количеством католических храмов, с совершенно потрясающей центральной площадью, дома на которой построили в XVII–XVIII веках, произвел неизгладимое впечатление. Нас сводили на кладбище, где погребены останки легендарного советского разведчика Николая Кузнецова.

Еще мы увидели величественное здание оперного театра, сооруженное во времена императора Франца Иосифа I. Экскурсовод рассказал, что архитектор, по проекту которого выстроили театр, покончил с собой, поскольку расходы на строительство многократно превосходили отпущенные на это дело ассигнования.

За театром тянулся длинный бульвар. Вечером мы с Лидой, гуляя по Львову, забрели к зданию Львовской оперы и увидели, что бульвар буквально заполнен толпами молодых мужчин. Вели они себя как-то странно, стояли кучками и что-то горячо обсуждали. Подошли поближе и услышали, о чем они говорили между собой. Оказалось, это болельщики футбола обсуждали состоявшуюся в тот день в Москве игру команд, при этом ни одна из них не имела никакого отношения к Украине.

Из странностей, подобных этой, запомнилась картина, которую наблюдал несколько раз в Ужгороде, но не в ту поездку, а позднее. По вечерам на одну из центральных улиц выходили молодые люди и группками или парами прогуливались вдоль двух кварталов этой улицы. Пройдя их, поворачивались и шли обратно, но при этом улицу не переходили. То же самое проделывали люди, гулявшие спокойно по другой стороне. На перекрестке, примерно посередине непроезжей улицы истуканом стоял какой-то человек, на которого никто не обращал внимания. Хланта сказал мне, что такое происходит в течение нескольких лет, и почему этот человек имеет столь странную привычку столбом торчать по вечерам на улице, никто не знает, просто принимают это как традицию.

Вновь оказался в Ужгороде спустя много лет, став уже доктором наук. Хланта, который к тому времени возглавил Кафедру истории КПСС Ужгородского Университета, прислал от имени Ректората Университета приглашение прочитать несколько лекций студентам. Работа позволяла отлучиться на 10 дней. Посели-

ли меня в Обкомовской гостинице, откуда минут за пятнадцать-двадцать можно было дойти до Университетских зданий. На Истфаке встретил нескольких старых знакомых. Илько стал деканом факультета и даже представил меня студентам на первой лекции. Читал лекции студентам разных курсов Истфака, а также Филологического факультета. Лекция называлась просто – «История Коминтерна».

Каждая лекция занимала два академических часа, которые назывались «парой». На некоторые дни приходилось по одной «паре», но в большинстве случаев – по две, причем в промежутке между ними приходилось переходить из одного здания в другое, а размещались они поодаль друг от друга. Вначале это дело показалось мне интересным, но говорить примерно одно и то же оказалось довольно скучным. К тому же «две пары» с небольшим перерывом между ними были изнурительным мероприятием, и в гостиницу возвращался основательно усталым.

В воскресенье вместе с Алексеем сходили в местный исторический музей, размещавшийся в здании старинной крепости, как-то поужинал в ресторане с профессорами Истфака. Не могу не привести поразивший меня пример. Напротив гостиницы стоял стенд с горделивым заголовком: «В Ужгороде хоккеем быть!» с фотографиями детей из спортивной школы, одетых в хоккейную форму. В Закарпатье, где снег зимой только в горах, где естественно занятие горнолыжным спортом, только чиновничье самодурство могло породить стремление организовать столь дорогостоящий и не подходящий по климату вид спорта.

Я к тому времени уже несколько лет являлся членом Экспертного совета ВАК по всеобщей истории. Как-то Алексей завел разговор о своих диссертационных проблемах. Кандидатскую диссертацию он защитил по теме, касавшейся деятельности КПЧ в чехословацком профсоюзном движении в двадцатые годы. Спросил мое мнение о том, чтобы несколько расширив, превратить кандидатскую диссертацию в докторскую. Я счел такую тему слишком узкой для докторской диссертации и посоветовал рассмотреть эту тематику за весь период Чехословацкой республики, но Хланта не решился на это.

Снова побывал в Ужгороде примерно через год. Меня пригласили принять участие в конференции славистов, которая откры-

лась во Львове, а через пару дней переместилась в Ужгород. В ней участвовали многие мои коллеги и друзья из Института славяноведения. Присутствовал в числе других и Евсей Исакович Спиваковский, специалист по истории Румынии. Хочется упомянуть один разговор. В нем участвовал какой-то украинский историк. Речь зашла о румынском историке, выпустившем немислимое число книг по истории этой страны. Наш собеседник позавидовал его научной плодовитости, Евсей Исакович как-то неопределенно посмеивался. Я же возразил, что, на мой взгляд, гораздо важнее написать книгу, которую бы потом читали и перечитывали, чем опубликовать энное количество трудов, которые потом пылились бы на библиотечных полках.

О первой части конференции особых воспоминаний не сохранилось, только помню то удовольствие, которое получил, пройдя по центру города. А вот о ее второй части, в которой довелось принять активное участие, стоит сказать несколько фраз. Украинские историки, в том числе некоторые коллеги из Ужгорода, критиковали книгу Ширини и Лейбзона за то, что там-де не показана инициативная роль ВКП(б) в разработке стратегии антифашистского народного фронта и решений VII конгресса Коминтерна. В своем выступлении я подчеркнул роль Димитрова и привел его письмо к Сталину, в котором критиковалось понятие социал-фашизма и обосновывалась необходимость применять в борьбе фашизмом другую политическую линию.

На прощание мы с Алексеем Хлантой выпили пивка в специальной пивной, где столики находились внутри огромных бочек, лежащих на боку. На этом закончилось мое общение с этим краем, продолжавшееся 30 лет.

Первая поездка за рубеж. Чехословакия

Сотрудники Института обладали редкой в те времена возможностью совершать туристские поездки за границу, как в социалистические, так и в капиталистические страны. Тогда это было непростым делом. Помимо хлопот в своем учреждении, предстояло

пройти собеседование в комиссии райкома партии, состоявшей из пенсионеров. Они смотрели на таких людей весьма недоброжелательно. Обычно спрашивали, почему выбрана поездка за рубеж, а не по своей стране, на какие деньги покупается путевка и т. д. Далее списки переправлялись в горком и проходили проверку в органах КГБ.

На беседе с членами группы представитель славных органов внушал, как надо себя вести в поездке, поскольку де за туристом неизбежно будут следить враждебные разведки, устраивать различные провокации, попытаются его завербовать. Запрещалось вступать в контакт с местным населением, нельзя было ходить в одиночку и т. д. Если турист нарушал установленные правила поведения советских людей за границей, он лишался возможности зарубежных поездок. И Владимир Высоцкий, и Александр Галич в своих песнях прекрасно высмеяли эту подготовку к поездке и поведение советского туриста за рубежом.

Каждому обменивались по официальному курсу деньги на валюту данной страны. Это были совершенно незначительные суммы, но смелливый человек мог и на эти гроши купить столько, что расходы на путевку частично окупались. Соответственно этому наши люди в поездке старались не делать лишних затрат. В послеобеденное время, когда уже не было экскурсий, бегали по дешевым магазинчикам.

Первой моей поездкой стало посещение Чехословакии в 1962 году. Намеченный парткомом руководитель группы – Феликс Рябов по какой-то причине не смог поехать, и меня назначили на его место. В группу, помимо институтских сотрудников, включили несколько человек из Издательства иностранной литературы, а также была какая-то дама из Министерства культуры.

Перед поездкой был на беседе в ВЦСПС (Всесоюзном центральном совете профессиональных союзов), поскольку считалось, что поездки организовывали профсоюзы. Там мне дали бумажку с номером телефона, по которому должен был позвонить. Позвонил туда, и получил предложение приехать в Приемную КГБ. Она размещалась в красивом особняке на Кузнецком мосту. Меня принял какой-то офицер. Содержания разговора не помню. На мой вопрос, к кому мне следует обратиться, если что-нибудь произойдет, он не ответил.

Туристы заняли целый поезд. Каждая группа размещалась в одном и том же вагоне. Но при пересадке в чехословацкий поезд все бросились в ближайшие вагоны. С трудом удалось добиться, чтобы сидели по группам. Трясло во время движения так, что ходить по коридору вагона можно было только держась за стенки и двери. Одна дама, сотрудница издательства, сильно стукнулась и долго жаловалась на боль в боку.

От возбуждения в дороге не спал. После приезда и размещения в гостинице, нас повезли в Оперу на спектакль «Проданная невеста» Бедржиха Сметаны. Мы сели на свои места. Когда начался антракт, понял, что сразу задремал. Хорошо, что спектакль имел всего два действия.

Прага была прекрасна. Мы объездили и обошли многие ее улицы и площади. Посетили и пивную Гашека, на стене которой висел портрет Франца Иосифа I, пиво там оказалось вполне обычным. Разные сорта пива увидели в другой пивной на открытом воздухе и пили там слегка сладковатое темное пиво.

Мне очень понравилась Новоместская площадь. Был потрясен Карловым мостом и улицей Неруды, которая шла от моста вверх на Градчаны. Осмотрели дворец, в котором жил президент республики Людвик Свобода. В величественном Соборе святого Вита увидели остатки более ранней церкви. Средневековая Злата улочка произвела впечатление игрушечной. На Градчанах с места, отведенного для осмотра панорамы Праги, любовались крышами ее домов, над которыми возвышались звонницы костелов. Посетили и несколько музеев, в том числе бывший Народный дом, где в 1912 г. прошла конференция большевистской партии.

Встретился с своим бывшим сокурсником Михалом Рейманом, и побывал у них дома, где познакомился с его отцом Павлом Рейманом. Он был одним из основателей компартии, функционером Коминтерна, автором первой Истории КПЧ, напечатанной в 30-е годы. Позднее, когда стал директором Института истории КПЧ, под его руководством издали новую Историю КПЧ. Когда он приехал в ИМЛ, организовал ему встречу с ветераном Коминтерна, который уцелел после многолетнего сидения в тюрьмах и концлагерях. В беседе Рейман критически отозвался о деятельно-

сти Коминтерна. Но наш ветеран, испытавший на себе сталинские репрессии, стоял твердо и с Рейманом не согласился. Последнему была свойственна определенная гибкость в оценках, правда, она почти всегда совпадала с новейшими установками партийного руководства.

Рейман поддержал Первого секретаря ЦК КПЧ Александра Дубчека во время Пражской весны. Павла, как и Михала, работавшего помощником Дубчека, после советского вторжения исключили из партии. Старик вскоре умер, а Михала выгнали из Высшей партийной школы КПЧ, где он преподавал. Но это все произошло гораздо позднее. В тот раз, когда я приехал в Прагу в составе туристской группы, он посетил вместе с нами представление в варьете.

Со времен прочтения Гашековского «Швейка» мечтал попробовать знаменитые чешские кнедлики. Однажды утром на завтрак нам подали что-то совсем несъедобное из муки. Наш гид и переводчица уплетали эту еду с удовольствием, а я оставил почти всю свою порцию в тарелке. А потом узнал, что это и были кнедлики.

Из Праги съездили в Карловы Вары, где пили минеральную воду из специальных плоских кружек. Свозили нас и в какие-то деревни. Для этого группу разбили на две части, я поехал вместе со своими институтскими. Встречали очень тепло. В этих местах советских людей не видели с 1945 года. Показали хозяйство кооператива, водили по коровникам. Затем все собрались в трактире. Пили пиво, танцевали. Какой-то маленький человечек подошел к Дине Соломоновне Кислик, немолодой одинокой женщине, которая была весьма высокого роста, и пригласил ее в гости. Та очень смутилась и спросила меня, что ей делать. Разумеется, сказал, что может принять приглашение. На вечеринке по просьбе секретаря местной партийной организации представил членов нашей группы и рассказал, чем мы занимаемся.

Запомнилась поездка в Росице. В этом месте в 30-е годы была горняцкая стачка. Писал о ней в своей кандидатской диссертации. В нашу честь устроили митинг на городской площади. Какой-то школьник там подарил мне памятную медаль. После митинга поехали на стекольный заводик. На его дворе нас восторженно

встречали девушки-работницы, одна из них даже пыталась дотронуться до меня.

Вечером состоялось торжественное собрание. В своем выступлении упомянул стачку горняков Росицко-Ославанского бассейна. Эти слова вызвали бурю аплодисментов.

Последним городом, который посетили, была Братислава. На кладбище, где похоронены советские воины (посещение таких захоронений было всегда обязательной частью программы), возложили венок к подножью памятника Вернулись в Прагу, оттуда выехали в Москву.

Пришлось писать отчет, который отдал в ВЦСПС, а также вновь посетить славных чекистов. Там сказал, что никаких происшествий не случилось и все прошло очень хорошо. На этом все окончилось, и воспоминания о поездке остались самыми радужными.

Дела жилищные

Время от времени Институту передавалось жилье, освободившееся после того, как сотрудникам аппарата ЦК улучшали жилищные условия. После нескольких лет работы в ИМЛ решил обратиться в Местный комитет с просьбой выделить для моей семьи какую-нибудь комнату. Представители Жилищной комиссии, побывавшие у нас дома, были просто ошарашены. В 14-ти метровой комнатке жили моя бабушка и мы с Лидой и Олечкой. В квартире отсутствовало специальное помещение для кухни. Для приготовления пищи использовали часть коридора у нашей двери. Когда-то наша комната и являлась той самой кухней.

Меня включили в соответствующий список, и через некоторое время предложили две комнатки в старом доме с коридорной системой. Одной кухней там пользовались семьей пятнадцать. Мы с Лидой согласились. Но оказалось, что Хозотдел ЦК передал эти комнаты райжилотделу. После этого предложили комнату недалеко от моей работы. Мы поехали туда. Будущая соседка встретила нас любезно, показала нашу комнату и сказала, что мы мо-

жем даже пользоваться ванной и кухней. Правда, кухня оказалось заставленной ее столиками. Безумно испугались «гостеприимной» соседки. А в это время завершалось строительство дома для Лидиных сотрудников. И мы решили отказаться от комнаты в надежде получить квартиру в том доме.

После долгих мытарств получили вместе с бабушкой двухкомнатную квартиру на втором этаже пятиэтажного дома, расположенного на Ново-Хорошевском шоссе. Были совершенно счастливы. Трехлетняя Олечка по пути домой из детского сада напевала «Хорошо-хорошо, Хорошевское шоссе». Даже бабушка смирилась с тем, что переехала из центра «в деревню».

Это была одна из первых блочных «хрущевок». Тут же началось строительство такого же дома напротив. Построили так близко, что его жители отлично знали, что у нас происходит.

В доме жили Лидины сослуживцы – инженеры, техники, рабочие. Частенько, когда возвращался с работы домой, проходил через небольшую группку мужчин, стоявших недалеко от подъезда. Они обычно о чем-то толковали, покуривая. Я здоровался и шел в подъезд. Слышал какие-то слова, но, увы, смысла их не понимал, хотя они явно говорили по-русски.

Бабушку поселили в маленькой комнатке и там же поставили кровать Олечки, а мы с Лидой расположились в проходной комнате. В одной стене ее находилась дверь в бабушкину комнатку, в другой – дверь с окном на балкон, в третьей стене – проемы в маленькую кухню и в небольшую прихожую. Так что свободной от дверей и окон оставалась только одна стена, куда и встал диван. «Удобства» оказались совмещенными. Несколькими остановками ближе к Серебряному бору в такой же квартирке проживала семья Логинова вместе с Володиной мамой. Через пару лет недалеко от нас в таком же доме поселилась и семья моего бывшего одноклассника Тадика Финкельштейна.

Возник настоящий «домашний очаг». С радостью обставляли его, как могли и как позволяли те небольшие деньги, которыми мы располагали. Приобрели минимум необходимой мебели. В небольшой чуланчик, находившийся в глубине второй комнаты, втащил привезенный со старого жилья славянский шкаф, сняв с него верхнюю крышку. Там теперь можно было развешивать на

вешалках верхнюю одежду и держать на полках белье, рубашки и прочее. Круглый стол из прежнего жилья установили в нашей комнате. Вскоре после вселения в квартиру на гонорар за какую-то статью купил два кресла а Лида – магнитофон «Днепр», представлявший собой довольно объемный деревянный ящик.

Борис после армии работал на радио. Он притащил несколько магнитофонных записей. И с тех пор и до настоящего времени слушаю проникновенные баллады Булата Окуджавы, трогательные в душевной беззащитности автора, в его поклонении красоте и человечности, воспевавшие прекрасный мир нормальных человеческих чувств и переживаний. Появились тогда у нас и такие разные, иногда блатного жанра, иногда сатирически сказочного, но также пронзительно лирические и трагические песни Владимира Высоцкого, и жгучие, острые, саркастические памфлеты Александра Галича, лирические и спортивные песенки Юрия Визбора, душевные напевы Сергея Никитина, своеобразные и загадочные творения Новеллы Матвеевой, довольно распространенная в то время полублатная лирика неизвестных исполнителей, и мелодичные, хотя и непонятные по содержанию, песни Жоржа Брасанса. Мы полюбили зажигательные мотивы сестер Берри, любовные песни популярного в 60-е годы американского певца Поля Анки.

Поскольку только что упомянул Бориса Носика, то, пожалуй, стоит немного рассказать о нем. Нас с ним связывали не столько родственные узы, сколько взаимный интерес и приязнь. Нарисовать облик этого человека вещь нелегкая – в его характере столько граней, упустив хоть одну из них, неизбежно допустишь перекос. Он красив и талантлив, стремится к разнообразию в жизни, всегда в поиске новых впечатлений, отличается непоседливым характером. Месяцами жил в горах Туркестана, попутешествовал по Руси, объездил и обошел с рюкзаком многие страны Европы, побывал в самых экзотических странах Азии, Африки и Латинской Америки. И наконец осел в Париже, впрочем большую часть времени проводит в деревенском доме, а зимнее время в Ницце.

Он и переводчик, и журналист, и драматург, и известный писатель. Автор художественных биографий таких выдающихся людей, как Альбер Швейцер и Владимир Набоков. Неутомимый

исследователь многих сокровенных человеческих тайн, в том числе, в жизни российского этнографа Николая Миклухо-Маклая и любви Анны Ахматовой и Амадео Модильяни.

Помимо книг, увидевших свет сразу, после того, как они были написаны, это прежде всего его описания различных регионов России, после которых немало энтузиастов стремились посетить эти места, Борис писал романы и повести, которые в советские, ханжеские годы нельзя было опубликовать. В них была непривычная для читателя эротика и показаны многие стороны нашей неприглядной жизни. С большим интересом читал эти машинописные тексты, знакомил с ним своих друзей. Позднее эти рукописи, разумеется, были изданы и до сих пор переиздаются.

Переехав во Францию, Борис открыл новую главу своей творческой жизни. Его книги и теленовеллы о Париже, особенно широко известный двухтомник «Прогулки по Парижу», стали путеводителями для многих российских туристов. Ему принадлежит немало книг о судьбе русских эмигрантов в Париже, о самых различных парижских тайнах, любовных, криминальных и, разумеется, политических, тех, в которые была замешана советская разведка. Познакомил Бориса с материалами, связанными с этими делами, которые оказались в моем архиве. Борис использовал их и в печати тепло отозвался обо мне и моих исследованиях.

Как и всякому творческому человеку, ему свойственны некоторые пристрастия, я бы сказал, пунктики, которые не разделяю, но это никак не мешает нашим взаимоотношениям и дружбе.

У Бориса замечательные дети. Его сын от первого брака – Антон – известный израильский и российский журналист и общественный деятель, один из пионеров русскоязычного Интернета и создателей популярных информационных изданий в Интернете. Его мама Вика Мочалова полонист-филолог, основатель и бессменный руководитель центра русской иудаистики, но прежде всего красивый и интеллигентный человек. Многие годы меня связывают с ней и ее старшей сестрой Ниной, живущей в Праге, теплые, дружеские отношения.

Вторая жена Бориса – Мария, итальянка по рождению, давно живет и работает в Париже, занимается психологией, энергичная и милая женщина, сумевшая организовать Борису достойную жизнь

и взрастившая их общую дочку Сандру, которая является воплощением прекрасной парижанки, интересной, загадочной и очаровательной. Заметил, что всех своих друзей и близких мне людей, называю обязательно внешне и духовно красивыми. Это так в действительности и вместе с тем такими их вижу, что вполне естественно. А теперь следует вернуться к «нашим баранам».

Добираться до Института было долго и сложно. Первые годы по пути на работу завозил Олю в детский сад. Троллейбусы были переполнены, далеко не в каждый удавалось втиснуться. Мы с Олечкой с трудом влезали в него с передней площадки, причем я оставался у двери салона. Олю как-то проталкивал внутрь. А на Песчаной улице вываливался из салона, а Олю пассажиры переправляли мне в руки. Потом снова ехал на троллейбусе до метро «Сокол», откуда с двумя пересадками добирался до метро «ВСХВ», затем еще пятнадцать минут шел до проходной Института. Когда не надо было возить Олю, пересадок было немного меньше. В общем на дорогу приходилось тратить примерно полтора часа. Это в том случае, если я не отвозил Олю в детский сад.

Сестры

К пониманию необходимости написать эту главу пришел далеко не сразу, хотя чувствовал, что чего не хватает в рассказе о моей жизни. Возможно это потому, что в общем уже не помню себя без Лиды, тем более не могу этого себе представить. Но, редактируя рукопись, осознал, что надо, хотя бы кратко, рассказать о ней и ее сестрах – Тане и Алене. Это важно и для того, чтобы не опустить наиболее существенное, и потому, что это тот семейный круг, в котором прошла большая часть моей жизни.

Знакомы с Лидой мы были давно, поскольку она – двоюродная сестра моего с детства закадычного друга Саши Фрида и мы встречались, по крайней мере, раз в году на его дне рождения. Небольшая разница в годах очень ощутима в подростковом возрасте, девчонки меня тогда совсем не интересовали, так что наше знакомство по существу произошло гораздо позднее. В мои аспи-

рантские времена мама предложила мне пригласить к нам домой Бориса и Лиду. Присутствовал тогда и мой школьный приятель Саша Дасковский. Увидев Лиду, превратившуюся в очаровательную девушку, понял, что нашу встречу надо скорее повторить. На следующий день позвонил ей и пригласил в кино. Мы встретились, ну а дальше все пошло, как это подчас бывает. Короче говоря, 25 июня 1955 года сыграли нашу свадьбу.

Итак, мы с Лидой образовали молодую семью, мама, в то время жившая в доме на Комсомольском проспекте вместе с отцом и Гариком, на время взяла к себе бабушку, так что в нашем распоряжении, хотя и ненадолго, оказалась наша комната на 3-ей Тверской-Ямской. В моей жизни с той поры было немало всякого, но с годами, как мне кажется, мы стали чем-то целым и даже не удивляюсь, когда слышу от Лиды какую-то фразу, о которой сам только что подумал, да и в общих оценках различных моментов наше мнение обычно совпадает. Она – человек очень тонкого художественного вкуса, прекрасно разбирается в людях и приходилось не раз в этом убеждаться.

Закончила школу с золотой медалью, но выбрала себе не гуманитарную профессию, хотя у нее были явные способности к литературе, а решила все же пойти в Энергетический институт. Туда тогда евреев не принимали, и после обидной неудачи ей пришлось поступить в Институт связи, где на некоторые факультеты, не самые престижные, все-таки евреев брали.

Ввиду того, что у меня обе руки «левые» и с техникой я никогда не был дружен, в семье эти технические проблемы приходится решать Лиде. Единственное, чем она не овладела – это вождение машиной, о чем нередко сожалеет.

У Лиды гораздо больше решительности во многих вопросах, чем у меня, особенно в делах житейских, и определяющим по многим вопросам жизни является ее мнение. Иногда, впрочем, мой характер начинает бунтовать, но довольно быстро приходится признать свою несостоятельность и все возвращается «на круги своя». Это не означает, что у меня нет совещательного права голоса в семейных вопросах. В общем такое положение, скажу честно, меня устраивает, как и мужей Тани и Алены.

Жена взяла на себя заботу о муже, детях, вообще нашем домашнем хозяйстве, она прекрасно готовит. Об отношении всех членов нашей большой семьи к ней прекрасно говорит то, что все, даже сегодня, называют ее Лидочкой.

Когда я вошел в семью Носиков, Танечке было 12 лет, Аленке – 6. Хорошо запомнил тот момент, когда увидел изящную девочку-подростка и малышку с огромными черными глазами, с любопытством взглянувшую на меня в ту первую встречу. Между нами быстро установились теплые отношения и для меня они с тех пор стали родными существами.

Таня училась в том же Институте связи, потом некоторое время работала инженером на киностудии Мосфильм в группе Эльдара Рязанова, впрочем, родив дочку, занялась ее воспитанием. В Москве мы общались не так уж часто, но в общем я был в курсе их семейных дел. Ну а здесь, в США ситуация решительно изменилась, мы встречаемся постоянно, перезваниваемся ежедневно, и живем одним дружным семейным кланом.

Сестры унаследовали от родителей своеобразную еврейскую красоту, в первую очередь это относится к Тане. Ее выделяет точность в суждениях о людях, довольно четкие политические симпатии, как и у ее мужа Саши, явно прореспубликанские, здравый смысл, может быть иногда немного категоричный, явное равнодушие к людям, желание ненавязчиво помочь и поддержать того, кто в этом нуждается.

Аленку, как младшую, в семье особенно любили. Лида, самая старшая сестра, возилась с ней очень много и они крепко привязаны друг к другу. В школьные годы Алена занималась в драмкружке в городском Доме пионеров. И когда известный кинорежиссер Марк Донской, готовясь к съемке художественного фильма «Здравствуйте, дети!», приехал для отбора будущих актеров в Дом пионеров, она с таким блеском произнесла на конкурсе стихотворение Джанни Родари, что ее зачислили в эту группу.

Будущих актеров отправили в Артек, где по сценарию и происходили события, ставшие содержанием фильма. Там она познакомилась и подружилась со своим будущим мужем Димой Поповым, завязались и ее дружеские отношения с Павликом

Чухраем, сыном замечательного кинорежиссера Григория Чухрая, и впоследствии также известного кинорежиссера.

Поступила Алена в Институт иностранных языков. Но именно в это время тяжело заболела Рива Самойловна, Алене, как и Лиде, пришлось тогда много времени провести в больнице у постели больной. Поэтому она училась на вечернем отделении. А когда ее парализованную маму на время выписали из больницы, Алене пришлось сидеть с ней. Но для учебы на вечернем отделении пришлось раздобыть справку, о том, что она преподает детишкам в детском саду английский язык. Без справки такого рода там учиться было невозможно. После окончания Института работала в Институте социологии, а затем, когда тот вошел в состав Института Тимофеева, оказалась в ИМРД.

Поженились они с Димочкой, когда ей было всего 19 лет. Михаил Наумович через год после ухода из жизни Ривы Самойловны женился вторично. Он переехал со своей женой в кооперативную квартиру, а молодая пара, осталась в бывшей квартире Носиков, находившейся близко от нашего дома на Ново-Хорошевском шоссе, в такой же «хрущевке». И, разумеется, мы общались постоянно.

Если другим сестрам свойственно равнодушие к людям, то в Алене оно развито, пожалуй даже, несколько чрезмерно. Она все время о ком-то заботится и та работа, которую нашла здесь, в Бостоне, какая-то государственная служба, занимающаяся расселением новоиммигрантов, в основном из неблагополучных регионов Африки и Азии, их трудоустройством и т. п., как нельзя лучше соответствует ее характеру.

Сестры беззаветно любят своих детей, а Лида и Таня, в еще большей степени, – детей их детей. У Тани с Сашей – это семья их дочери Маши и ее мужа Нира¹ и три внучки – Саша, Ниночка и Найоми, у Алены с Димой – их дочь Катя. Также трогательно они относятся старшему брату Борису. Редкий день Лида не бе-

---

¹ По просьбе Нира, преподающего в Стэнфордском университете Бостона, выступил с рассказом о своей книге и шифровках Коминтерна. Поскольку мой английский «желает лучшего» переводила мое выступление Маша, за что ей очень благодарен.

сидует с ним по телефону, а уж Алена по крайней мере по нескольку раз в день. Таня и Алена стараются ежегодно навещать его, особенно в связи с днем его рождения.

Нельзя сказать, что все в жизни сестер безоблачно и радостно. В каждой семье, как водится, имеются «свои тараканы», различные проблемы, теперь, к сожалению, все больше медицинского и возрастного свойства, но это тоже вполне естественно.

После этого отступления вернусь снова на много лет назад.

Приход Пospelова в ИМЛ

В Институте набирала силу тенденция переориентации с издательской деятельности на научно-авторскую. Вокруг этой проблемы шла довольно острая борьба, ибо она задевала довольно многих, кому не оставалось места, если бы утвердилось и стало определяющим новое направление работы. Наиболее открыто против выступила заведующая Сектором истории партии Мария Стучебникова. Мне рассказали, что она особенно отличилась в кампании против «космополитов» в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Олицетворяла собой тип служаки-сталиниста, видящего повсюду врагов. На партийных собраниях твердила, что необходимо продолжать издание протоколов партийных съездов, поскольку де во время войны на оккупированной немцами территории все подобного рода книги были уничтожены.

Но все же линия на авторскую работу победила. Разумеется, в этом решающую роль сыграла позиция ЦК. Сменили руководство Института. Обичкина назначили заместителем директора, Степанову отправили на пенсию, Шатагина вообще уволили.

Этому предшествовало появление в стенах Института А.В. Снегова. Старый большевик, репрессированный при Сталине, реабилитированный во времена Хрущева, на которого оказывал некоторое влияние, как мне передавали, сыграл свою роль в увольнении Шатагина.

Директором Института назначили Петра Николаевича Пospelова, который в тот момент был кандидатом в члены Политбюро

ЦК КПСС и секретарем ЦК. Подхалимы называли его главным историком партии. Он возглавлял написание Краткого курса истории ВКП(б), опубликованного в 1938 г., в котором история партии излагалась в сталинском духе. Впрочем позднее, Сталину приписали авторство этой книги, и, как я слышал, ее предполагалось переиздать в его собрании сочинений.

Поспелов вступил в партию в 1916 году В конце 30-х годов и в период войны руководил Центральным органом партии газетой «Правда». В то время как ярый сталинист отличился в травле так называемых троцкистов. Позднее возглавил комиссию ЦК, которая готовила доклад о «культе личности» для XX съезда КПСС. Но Хрущев решил сам зачитать этот доклад и внес в него какие-то изменения. Пытался подыграть Хрущеву, выступил на Общесоюзном совещании историков с речью о вреде культа личности для историко-партийной науки. Аудитория внешне спокойно восприняла его выступление, но в кулуарах услышал шутку: «Раньше был Недозрелов, теперь Переспелов, а когда же станет, наконец, Поспеловым?» В те дни Поспелов оправдывался тем, что он, как и другие, ничего не знал и верил в Сталина.

К себе в кабинет поднимался на специальном лифте, построенном специально для Димитрова. Возле приемной Дирекции первое время, пока он оставался кандидатом в члены Политбюро, дежурил охранник. Еду Поспелову привозили в запечатанных судках из столовой руководства партии, то ли чтобы обеспечить безопасность, то ли потому, что жителям партийного Олимпа было негоже питаться вместе со смертными.

Придя в нашу с Курочкиной комнату и выслушав слова Обичкина о нашей работе, Петр Николаевич сказал мне: «Ну, я знаю, чехословацкий язык очень трудный». Я смог только пожать плечами.

Ко мне некоторое время благоволил. Явно по его инициативе нам с Курочкиной заказали написать для «Правды» статью о Джоне Риде. Известный американский журналист, симпатизировавший рабочему движению, в 1917 г. стал очевидцем прихода большевиков к власти. Вернувшись в США, выпустил книгу «Десять дней, которые потрясли мир». Предисловие к ее русскому изданию написал Ленин. При Сталине книгу изъяли из библио-

тек. В США Рид активно участвовал в создании в 1919 г. Коммунистической рабочей партии Америки и представлял эту партию на II конгрессе Коминтерна в 1920 г., поработал недолго в составе ИККИ. Но вскоре после возвращения со Съезда народов Востока в Баку умер. Его похоронили около Кремлевской стены.

Ночь перед выходом номера провел в редакции в кабинете редактора Лена Карпинский, в прошлом секретаря ЦК комсомола. Внук одного из основателей революционного движения в России, впоследствии президента Академии наук СССР, Лен, казалось, был предназначен для высокой партийной карьеры. Но в дальнейшем стал диссидентом, его исключили из партии, лишили работы, и он как-то оправился от преследований лишь в годы Перестройки.

Находясь в редакции, видел, как верстался номер. Статья печаталась в подвале второй страницы, а одно место в номере все время оставалось пустым. И лишь когда газета вышла окончательно, увидел, что там поместили стихотворение Евгения Евтушенко «Наследники Сталина». Очень порадовало, что наша статья вышла в свет вместе со знаменитым антисталинским произведением тогда уже популярного поэта.

При Пospelове обстановка в Институте изменилась, атмосфера стала более жесткой. Исчезли капустники. Сотрудники перестали играть в волейбол во время обеденного перерыва. Вместо этого они парами или небольшими группками прогуливались по парку.

Состоялась научная дискуссия по поводу даты приезда Ленина в Петроград из Финляндии накануне Октября. Версия, что он появился там в лишь в начале октября, оспаривалась многими историками. Официальную точку зрения изложил в своем докладе Григорий Абрамович Деборин, руководитель первого тома истории Великой Отечественной войны. Ее горячо поддержал сотрудник Отдела истории партии Андрей Свердлов. Его активность была понятна, поскольку отец Андрея возглавлял работу ЦК партии в момент, когда Ленин скрывался в Финляндии. Большинство участников дискуссии отстаивало другую точку зрения, доказывая, что Ленин приехал в Петроград в конце сентября нелегально и вопреки мнению членов ЦК. После заседания

Поспелов, Деборин и Свердлов написали письмо в ЦК КПСС с обвинением оппонентов в сознательном извращении истории партии. В сталинские времена тех бы арестовали, да и самой дискуссии не могло быть. Но теперь же им только впаили по выговору.

Свердлов запомнился мне каким-то громогласным и бесцеремонным человеком. На одном из партсобраний председательствующий сделал ему замечание за некорректное поведение. Логинов с ним приятельствовал, но я старался держаться от него подальше. Не мог себе объяснить почему. Даже и не подозревал, что узнаю о нем такие подробности, о которых нельзя не рассказать. В юные годы был весьма активен среди кремлевской молодежи, отличался протроцкистскими настроениями. Сталин направил его на работу в ОГПУ-НКВД. И в 1937 г. уже в качестве следователя допрашивал своих бывших друзей. В 1951 г. его арестовали, но он уцелел благодаря смерти Сталина.

Осталось в памяти одно из выступлений Поспелова на партсобрании. Он говорил об увольнении сотрудника Отдела ИВОВ Ильи Григорьевича Старинова, в прошлом полковника, известного организатора подрывных акций в годы Великой Отечественной войны. Именно Старинов организовал взрыв в оккупированном Минске здания бывшего Горкома партии, в котором размещалось гестапо. Поспелов обвинил его в незнании общеизвестных фактов: «Представьте себе, что человек, который является автором главы об обороне Москвы, не знает даже известной песни защитников города – “Нерушимой стеной, обороной стальной, сокрушим, уничтожим врага”». На этом основании говорить, что он не может быть сотрудником Института – довольно яркий пример решения кадрового вопроса. А через несколько лет вышла книга воспоминаний Старинова, о нем были сделаны телепередачи.

В Институте в качестве ведущего подразделения возник Отдел Истории КПСС. Во главе его поставили Дмитрия Михайловича Кукина, пришедшего на эту работу из аппарата ЦК. В Отделе создали бригады по написанию томов – дооктябрьских лет, периода Октября и Гражданской войны, строительства социализма, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления страны, а также последующего периода коммунистического

строительства в СССР. Сам Кукин возглавил, хотя и номинально, IV том, который охватывал период с 1921-го по 1937-й годы. Практически руководителем этого коллектива стал Николай Федорович Кузьмин, до этого руководивший подготовкой последнего тома истории Гражданской войны в СССР.

В Отделе Истории КПСС

Неожиданно очутился в больнице из-за острой боли в животе. Пробыл там недолго, но за эти дни меня перевели в Отдел Истории КПСС. Позвонил Куранову, чтобы узнать, почему это произошло. Тот сказал, что вместо меня ему дали две ставки старших научных сотрудников, но на вопрос, почему не спросили моего согласия, просто хмыкнул.

Когда вышел на работу, меня пригласили к руководству Отдела. Там находились Кукин, Кузьмин и руководитель бригады III тома Георгий Назарович Голиков. Предоставили возможность решить, в какой бригаде хотел бы работать – в составе III тома, посвященного годам Гражданской войны, или в составе IV тома. В любом случае поручалось отвечать за разделы, связанные с Коминтерном, международным рабочим и коммунистическим движением и деятельностью в нем ВКП(б). Поскольку большая часть времени существования Коминтерна приходилась на двадцатые и тридцатые годы, выбрал IV том.

Первые несколько лет занимался исследованием архивного материала, документов Коминтерна, фондов Ленина, Сталина и ЦК КПСС. Удалось прочитать засекреченные стенограммы пленумов ЦК за эти годы, их мало кто тогда мог увидеть. Заметил, что в Коминтерне отнюдь не все партии были равны в своих правах, а заправляли в нем представители ВКП(б), в разные годы поразному, но всегда в интересах своей партии. Поразила острота внутривнутрипартийной борьбы в руководстве ВКП(б), которая неизбежно сказывалась на Коминтерне. Понял, что она объяснялась далеко не идейными соображениями, как об этом нам всегда твердили, а прежде всего борьбой за власть в партии, за то, кто возглавит ее после Ленина.

Запомнилось, как во время страстной речи Николая Бухарина на Июльском пленуме ЦК 1926 г., гневно разоблачавшего Зиновьева и Каменева, в то время лидеров оппозиции, Каменев прервал его криком: «Следующим будешь ты!». Бухарин же ответил так: «Ну и пусть, зато я сейчас скажу все, что думаю о вас».

Правила работы в архиве были довольно строгими. По фондам Архива Коминтерна исследователь сам не мог выбирать себе папки с делами по описи фонда. Это делали всегда работники архива, которые решали, что можно показать читателю. Мне все же повезло. Заведующая Секцией, в которую входили документы Коминтерна, Валентина Михайловна Ендакова разрешила мне в своем кабинете самому выбирать по описям дела для просмотра. Но все дальнейшее осуществлялось по архивным канонам.

Выписки полагалось отдавать на просмотр. Их проверял тот же сотрудник, который подбирал дела по моему заказу. Если находил то, что, по его мнению, могло бы нанести вред партии, просто вырезал это из тетради. Меня как-то Ендакова отругала за то, что делал выписки на обеих страницах тетради. Когда вырезалось «негативный материал», пропадало и написанное на другой стороне страницы. Таким материалом, как правило, считались прежде всего тексты, авторство которых принадлежало Зиновьеву, Троцкому и другим оппозиционерам. При этом не имело никакого значения, что Зиновьев возглавлял руководство Коминтерна и в своих выступлениях выражал точку зрения ВКП(б). Помню, что когда увидел свою тетрадь, в которой часть страницы оказалась вырезанной, испытал ощущение, будто получил оплеуху. В общем за накапливание сведений, необходимых для работы, и за их сохранение, и, разумеется, за то, чтобы эти сведения попали в печать, приходилось бороться. К сожалению, эта борьба растянулась почти на всю мою жизнь.

Тогда еще не думал, что скопленный за все годы материал путем выписок из архива, а позднее – ксерокопий, станет главным, что сделал как исследователь истории Коминтерна. Так уж получилось! Пока Архив Коминтерна не откроют полностью для читателя, мой личный архив не потеряет своей ценности, и рад тому, что теперь любой может с ним познакомиться в архиве Гугеровского Института.

Конфликты вызывал сам характер моих выписок. Архивисты не могли понять, почему переписывал документы целиком или большими кусками. Неоднократно приходилось объяснять, что не знаю, какая часть документа в дальнейшем мне понадобится.

Всегда исходил из того, чтобы иметь по тому вопросу, которым занимался, как можно больше сведений. Это просто необходимо для того, чтобы продумать вопрос, сравнить различные позиции и доводы и тем самым уяснить сущность проблемы. Только после этого брал в руки ручку, чтобы высказать свое представление и понимание данной темы.

Переписывая куски документов, стремился зафиксировать моменты, важные для понимания реальной ситуации, причем старался понять, как ее трактовали сами деятели Коминтерна. Помимо материалов, касавшихся политических и идеологических вопросов, обращал внимание и на те части документа, которые могли дать представление о личности данного человека, о его отношении к другим участникам дискуссии. Хотел представить себе конкретно того или иного деятеля, понять не только его политическую позицию, но и движущие им мотивы. Пытался осознать причины поведения людей, найти объяснение этого не только в их официальных декларациях и заявлениях, но и в каких-то личных устремлениях. Временами даже казалось, что начинаю понимать, почему в той или иной ситуации этот человек вел себя именно так, а не по-другому. Иногда такой поиск оказывался успешным. Во всяком случае все это приводило к тому, что выписки получались довольно большими. Первые два-три года работы в архиве, когда еще не приходилось работать с текстами глав, давали возможность делать такие обширные выписки.

Много позднее выяснил, что не видел тогда самых важных описей документов, имевших решающее значение для понимания того, чем в действительности являлся Коминтерн. Их мне не показали. Нельзя за это винить архивистов, просто существовал такой порядок, скорее всего неписанный. Запрещалось знакомить исследователя с документами, содержащими материалы, которые могли быть использованы против руководства партии. Архивист отвечал за соблюдение этого правила.

Среди архивистов встречал весьма достойных людей, с некоторыми из них подружился. Но многие были вконец запуганы жесткими правилами и думали только о том, чтобы не допустить роковой ошибки. И все-таки документы каким-то образом просачивались сквозь эту преграду. Переполох вызвала весть, что за рубежом опубликовано письмо Ленина, в котором тот требовал применять самые жестокие меры к священнослужителям, пытавшимся спрятать от конфискации церковное имущество, прежде всего драгоценности. Установить, каким образом этот документ стал известным, так и не удалось, хотя каждое архивное дело имело так называемый «Лист использования», в котором следовало указать свою фамилию, место работы, цель ознакомления с делом, перечислить листы дела, из которых сделаны выписки

Теперь расскажу о работе в редакции тома. Каждый член бригады отвечал либо за несколько глав, либо за какую-то сквозную тему. Он мог стать автором какого-либо параграфа или раздела, но большую часть текста все же писали внешние авторы. Как правило, на одну и ту же тему заказывался текст различным авторам. Затем из представленных текстов выбирался основной, и начиналась работа по редактированию текста. По ее завершению в нее включался литературный редактор, затем заместитель руководителя тома.

В конечном итоге получался текст, лишенный авторской индивидуальности. Он представлял собой безликий, отшлифованный материал, в котором, разумеется, имелось определенное количество исторических фактов, перечислялись те или иные партийные деятели. Основой для оценок всегда служили формулировки партийных постановлений. При этом наиболее важным считалось самое последнее решение. Затем к работе подключался литературный редактор.

После одобрения текста заместителем редактора и редактором тома, глава включалась в макет тома, который рассылался для обсуждения членам главной редакции издания и лишь после учета полученных замечаний и соответствующего санкционирования руководством том выходил в свет. Таким образом, работа над томом растягивалась примерно на 6–8 лет.

Помимо своей темы, одно время пришлось заниматься разделами, связанными с аграрными проблемами, поскольку сотрудник бригады, которому они были поручены, перешел на работу в аппарат ЦК КПСС. Выбрал текст, автором которого был автор из МГУ, поскольку его вариант, как мне казалось, содержал больше информации, то время как сотрудник, которого я заменил, убеждал меня, что более подходящим являлся другой текст. К счастью, в бригаду зачислили специалиста по аграрной проблематике, и эта ноша спала с моих плеч.

Что сказать о моих впечатлениях тех лет о людях, занимавшихся тем, что тогда называлось историко-партийной наукой, и о самой этой науке, если можно применять к ней этот термин? До этого мне в общем не приходилось совместно работать с такого рода историками.

Критериями, главным в оценке для них являлись не результаты анализа и сопоставления тех или иных установок с реальными фактами и результатами общественной практики, а формулировки решений партийных инстанций. Какая-либо критика этих формулировок, если она не опиралась на более позднее партийное решение, отвергалась в принципе, если даже не рассматривалась как протаскивание антипартийных взглядов. Историков партии приучили к тому, что о недостатках или ошибках можно писать только тогда, когда об этом сказано в самых последних партийных решениях.

Первоначально возглавлял работу бригады Николай Федорович Кузьмин. Вторым заместителем назначили Василия Игнатьевича Касьяненко. Кузьмин, оставаясь заместителем руководителя тома, через некоторое время перешел на другую работу – в течение нескольких лет был заместителем главного редактора журнала «Вопросы истории КПСС». Затем его перевели в аппарат ЦК, где он возглавил Сектор, ведавший нашим Институтом, АОН и Высшей партийной школой. С того времени работой бригады руководил Касьяненко. О нем говорили, что командовал на фронте артиллерийским взводом. Он благожелательно и уважительно относился к подчиненным. Разумеется, чутко воспринимал все веяния, шедшие сверху, и осуществлял полученные указания. Позднее стал главным редактором журнала «Вопросы истории КПСС» и даже членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Душой нашего коллектива являлась Елена Прокофьевна Подвигина. Красивая, высокая, могучего телосложения женщина. Фронтовичка, она не боялась высказывать открыто свое мнение. Как-то на партсобрании обсуждали поведение одного сотрудника, который ухаживал за какой-то женщиной, а потом оставил ее. Та написала письмо в партбюро Отдела, и от него потребовали рассказать «все подробности». Вскочила Подвигина и заявила, что ей просто стыдно участвовать в этом заседании. Здесь взрослые люди, отвечают сами за себя и нечего молотить чепуху. Вопрос пришлось снять с повестки дня.

Елена Прокофьевна и ее муж Лев Исаакович Гольман, очень тепло ко мне относились. Когда один из сотрудников, Борис Алексеевич Абрамов, которому не понравились мои тексты, собирался против меня выступить, Подвигина его остановила, заметив, что Кукин считает эти тексты талантливыми работами и с удовольствием их читает. Об этом она, кстати, сказала и мне. Думаю, что она меня тогда выручила.

Все же тучи собирались на моей голове. Мои первые разделы о III и IV конгрессах Коминтерна не вызвали нареканий. Но, как только дело коснулось разделов, связанных с V и VI конгрессами Коминтерна, когда возросло влияние Сталина на политику Коминтерна, а сама эта политика становилась все более сектантской, встретил серьезные возражения со стороны коллег. Это были историки партии, воспитанные на неуклонном соблюдении партийных указаний, безоговорочном их применении в своих работах. Хотя после XX съезда Сталина уже не трактовали как гения всех времен и народов, он все же воспринимался как марксист-ленининец, и многие его установки не следовало подвергать критике. Это мои коллеги знали твердо.

Валентин Кузьмин потребовал выбросить из моего текста всякую критику политики Коминтерна в тех главах, за которые он отвечал. Он называл это компромиссом, истолковывая это понятие как безоговорочное принятие его точки зрения. По своим взглядам был сталинистом, но тщательно это скрывал, ведь еще были хрущевские времена.

Леонид Федорович Морозов тоже упрекнул меня в том, что мои тексты страдают от излишнего увлечения критикой сектант-

ства, назвал это «левоедством». Но эти высказывания все же делались в частных разговорах, а их критические оценки в мой адрес не звучали публично.

Единственным человеком в бригаде, кто мог бы что-то сказать по существу, был Жора Алахвердов. Историк-международник, он не относился к числу тех, кого называли историками партии. Нередко наши с ним разделы помещались рядом, а то и составляли один раздел главы. Жора был человеком спокойным, не любил встречать в чужие дела. Он никогда не критиковал мои тексты, как и я – его разделы.

Но другие коллеги, за исключением Подвигиной, на меня не садились. Я понимал, что наша книга – результат коллективной работы бригады и внешних авторов, что мои тексты не пойдут в печать под моей фамилией. И здесь, как и в большинстве других институтских изданий, существовал принцип «братской могилы». Тексты печатались обезличенными, а фамилия автора лишь упоминалась в общем списке без всякого уточнения. В результате такой «совместной» работы мои тексты лишились всякого упоминания об ошибках Коминтерна. Было очень горько, пытался, как мог, убедить своих коллег, что без указания на некоторые ошибки Коминтерна страдает общая картина тех лет. Но упирался в глухую стену. В ответ слышал, что об этом в томе не следует писать. Порой охватывало отчаяние. Но помнил, что конфликт наверняка закончится не только тем, что я проигрую, но что в этой связи просто лишусь возможности работать в архиве. А этого не мог допустить.

Касьяненко как-то с гордостью сказал мне, что ошибки Коминтерна, например, когда социал-демократов называли социал-фашистами, не относятся к ВКП(б), поскольку в ее документах подобного термина нельзя встретить. Пришлось его разочаровать, напомнить ему, что Молотов, представлявший в ИККИ позицию ЦК ВКП(б) и курировавший Коминтерн, неоднократно использовал термин «социал-фашизм». Не говоря уже о Сталине, одним из первых заявившем, что социал-демократы и фашисты – это близнецы-братья. Более того, в резолюции XVI съезда партии, состоявшегося в 1930 г., прямо говорилось о социал-фашистской политике социал-демократии. Но все-таки сюжет с критикой термина

«социал-фашизм» и указание на принесенный его использовани-ем вред выкинули из текста.

Летом 1963 г. со мною случилась беда. Произошло это так: мы троим с Лидой и Олечкой отправились отдохнуть в пансионат «Холодная речка» в Абхазии. Он размещался на бывшей даче Сталина. Жили в помещениях, где ранее располагалась сталинская охрана. Еще до поездки неожиданно попал в больницу из-за острой боли в животе. Установили частичную непроходимость кишечника. Примерно через неделю меня выписали. Спустя какое-то время мы уехали на Кавказ.

Когда началась жестокая боль в животе, меня отвезли в сельскую больницу в Гантиади, где работал Сергей Варламович Гугуцидзе, который получил известность как талантливый хирург. Условия, в которых я оказался, были просто чудовищными. Все же выжил после операции, в время которой наступила клиническая смерть, но хирург сумел спасти меня, правда, операцию пришлось через пару лет повторить.

В этой больнице существовали проблемы не только с питанием пациентов, но и с лекарствами, бинтами и другим перевязочным материалом, да и помещение не соответствовало медицинским целям, поскольку большой жилой дом просто приспособили под поселковую больницу. Лида рассказывала мне, что после операции меня с трудом вытащили из операционной, так как пронести просто через дверь не получалось, и как-то вынесли на руках. Одно время даже стягивали разрез на животе синей изоляционной лентой. До сих пор не пойму, как уцелел в той ситуации, когда жизнь буквально висела на волоске.

В палате, где лежали свыше 10 человек, ежедневно, примерно в шесть часов утра, разгорался скандал. Принимавшая смену санитарка пересчитывала наличие простыней и всегда обнаруживала, что их на одну меньше, чем числилось за палатой. Это происходило потому, что мне из простыни устроили что-то вроде занавески от яркой лампочки. Естественно, начиналось выяснение, куда пропала еще одна простыня. Не взирая на больных, санитарки препирались друг с другом в полный голос.

Несколько слов о питании. На каждого больного на это дело выделялась совершенно мизерная сумма. В итоге получалось так,

что если в обед давали перловый суп, то на ужин – перловую кашу или что-то в этом роде. Впрочем, я находился в таком тогда состоянии, что с трудом мог проглотить несколько ложек пищи. А как только немного пошел на поправку, Лида забрала меня из больницы в снятую ей комнату у одной из санитарок, оттуда ходил на перевязки.

Из больницы в какой-то момент, когда чувствовал себя совсем плохо, написал прощальное письмо в Институт на имя Кузьмина. Там на это отреагировали мгновенно, чтобы меня поддержать. Сообщили, что перевели на должность старшего научного сотрудника. Сделать это полагалось давно, после того я, будучи кандидатом исторических наук стал фактически выполнять работу снс. Не без ехидства Виталий Выгодский, с которым был в дружеских отношениях, позднее пошутил, что я нарочно все устроил, чтобы получить новую должность.

После выздоровления вернулся в Институт, где меня ждал конфликт с Кабинетом Отдела Истории КПСС, которому не вернул своевременно какую-то книгу. Заведующая Кабинетом предупредила, что в связи с этим у меня будут серьезные неприятности, я же в тот момент подумал, что после Гантиади мне уже ничего не страшно. В конце концов, книга нашлась в сейфе у Соколова, хотя я неоднократно просил там посмотреть, но он просто отвечал, что у него этой книги нет. А когда ее обнаружили, даже не извинился.

Лекторская деятельность

Поскольку члену партии полагалось активно участвовать в общественной жизни, выбрал для себя лекционную деятельность. Вошел в состав лекторской группы райкома партии и выступал с лекциями по проблемам мирового коммунистического движения. Этим делом занялся еще в студенческие годы, входя в состав лекторской группы Московского городского комитета комсомола. У меня была тогда постоянная тема: «Молодежь мира в борьбе за мир». Решил стать лектором после того, как почувствовал в себе

какую-то скованность, когда приходилось выступать перед какой-либо аудиторией. Лекции мне в этом смысле помогли, но все же старался всегда говорить о тех сюжетах, которые хорошо знал.

Благодаря лекциям получил немало интересных впечатлений. В начале лета 1953 г. сообщили о разоблачении «злейшего врага народа и агента империализма» Лаврентия Берия, ближайшего подручного Сталина, всемогущего начальника карательной службы государства. Понимал, что на деле в верхушке страны развернулась борьба за власть. Мне предложили выступить в воинской части, расположенной в Подмосковье. На Курском вокзале встретили лейтенант и сержант. В расположение части ехал на электричке в сопровождении сержанта. Обратил внимание на незнакомую окантовку его фуражки, поинтересовался, как идет служба. Оказалось, что он служил пограничником, их часть неожиданно из Прибалтики перебросили под Москву. В самой части увидел, что все офицеры являлись грузинами, причем главным среди них был однорукий майор. Это было странно, поскольку людей с физическими недостатками увольняли с воинской и пограничной службы.

Когда лекция закончилась, этот офицер предложил задавать вопросы. Поднялся какой-то солдат и попросил объяснить, что произошло с Берия. Я заметил, что при этом мой сосед вздрогнул. Не дожидаясь, что я что-то промямлю в ответ, а что я мог тогда сказать?, – объявил лекцию законченной и скомандовал построение.

Подумал, что слухи о том, что Берия готовил переворот, оказались не безосновательными, ведь пограничные войска находились в распоряжении министра внутренних дел. Возможно, эта часть с этой целью перевели под Москву.

Присутствовал на собрании лекторов горкома, на котором читали секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС о культуре личности Сталина. Меня ошеломил перечень преступлений, сделанных тем, в ком с пионерских лет видел воплощение лучших человеческих черт. Когда читка закончилась, не вытерпел и задал вопрос: «Как получилось, что мы слушаем этот доклад, а на стене за столом президиума висит портрет Сталина?». Разумеется, ответа не получил. Хотя расстался с многими своим иллюзиями и хорошо помнил о травле евреев в начале 1953 г. в связи с так

называемым «Делом врачей-убийц», все еще был далек от того, чтобы поставить под сомнение основы той идеологии, в которой меня воспитали.

Начало моей работы в Отделе совпало по времени с ухудшением отношений между КПСС и компартией Китая. В лекциях приходилось этому уделять значительное внимание. Однажды из-за такой лекции пропустил институтское партсоборание, которое состоялось в Кремле. На нем выступил Хрущев с докладом о позиции КПСС в полемике с Китаем.

На снимке с того собрания рядом с Хрущевым стоит наш секретарь Август Эвальдович Экштейн. Это был весьма интересный человек. В молодости попал под трамвай, ему отрезало ноги, но не пользовался костылями, а ходил на протезах с палкой. Любил рассказывать забавные истории, с удовольствием откликался на шутку. Работал вначале в Отделе Истории Гражданской войны, потом в нашем Отделе, затем стал освобожденным секретарем парторганизации Института.

Еще до окончания срока этой работы перешел в журнал «Вопросы истории КПСС», где стал ответственным секретарем. Главным редактором журнала многие годы являлся Алексей Павлович Косульников, личность очень неприятная, типичный партийный приспособленец. Экштейну пришлось осуществлять на практике его указания. В брежневские времена критика Сталина исчезла со страниц партийной печати.

Не могу простить себе, что не решился отказаться от публикации в журнале своей статьи о роли Коминтерна в формировании и укреплении компартий после того, как Август, снял из текста упоминание о последствиях вмешательства Сталина в дела Коминтерна и компартий.

Незадолго до того у меня вышла брошюра в издательстве «Знание» о VII конгрессе Коминтерна. Удалось в ней с помощью цитаты из выступления Сулова на юбилейном заседании, посвященном пятидесятилетию основания Коминтерна, отстоять утверждение о сектантских ошибках этой организации. Но Экштейна этим убедить не смог.

Вскоре Косульников все же в чем-то обвинил Экштейна, и тому пришлось уйти с работы. Впрочем, его взял в свой Институт Ти-

мур Тимофеев, который в те годы сумел собрать в коллективе ИМРД немало талантливых историков, философов, социологов, экономистов.

Поскольку упомянул Хрущева, стоит рассказать об одной истории. Официально объявили, что он ушел на пенсию по состоянию здоровья. Я понимал, что такое объяснение служило фиговым листком, скрывавшим его смещение бывшими соратниками, недовольными правлением импульсивного и непредсказуемого человека. Через несколько дней после опубликования сообщения об этом решении довелось во время обеда сидеть за одним столом с тогдашним секретарем парткома Института Николаем Ивановичем Макаровым. Решился расспросить его, было любопытно, как мне ответит руководитель нашей парторганизации. Сказал ему примерно следующее: «Николай Иванович! Вы знаете, что мне приходится выступать с лекциями. Я бы хотел знать, как отвечать на вопрос, который наверняка зададут: Почему сняли Хрущева?». Макаров сразу ответил «Не знаю». Спросил его, нельзя ли об этом узнать у Петра Николаевича? Ведь Поспелов был членом ЦК КПСС. Макаров обещал это сделать. И через пару дней, встретив меня, сказал, что на вопрос Поспелову, тот тоже сказал, что не знает. Состоялся ли подобный разговор, не могу ручаться. Но Николай Иванович производил впечатление спокойного, рассудительного человека, которому можно было верить. Так что считаю, что разговор действительно имел место.

Эта история показывает, что мы привыкли воспринимать как обычное и вполне «нормальное» дело объяснение, скрывающее истинные причины принимаемых решений. Расхождение между официальной стороной жизни и реальностью казалось вполне естественным, понимание этого вошло в нас прочно, и это было одним из качеств рядового советского человека.

Цитата из выступления одного из руководителей партии, а подчас и просто формальная бумажка, играли в нашей жизни большую роль. Однажды получил билет на городской партийный актив, на котором предстояло выступить Брежневу, но заболел тяжелым гриппом. Даже вызвал врача и взял бюллетень. Несмотря на недомогание, решил пойти послушать доклад. После доклада ушел домой, на выходе у меня отобрали пригласительный билет.

Через несколько дней получил предписание парткома явиться в райком партии. Там подвергся допросу. Секретарь райкома задала вопрос: «Почему ушли в перерыве?» Ответил: «Очень плохо себя чувствовал из-за болезни, вот больничный бюллетень». Вопрос: «Зачем тогда пришли?» Ответ: «Считал это необходимым, поскольку выступаю с лекциями». Дальше три-четыре раза вопросы и ответы полностью повторялись. Пауз между ними не было. Беседа зашла в тупик и меня отпустили.

История на этом не закончилась. Спустя какое-то время на наше партийное собрание приехала первый секретарь райкома. Она хотела первым делом поставить обо мне вопрос на обсуждение. Но Миша Андерсон, в то время секретарь парткома, ее отговорил, поскольку меня оправдывал бюллетень. Так второй раз меня выручила формальная бумажка.

В книге Леонида Млечина «Железный Шурик» о карьере Александра Шелепина встретил упоминание о помощнике Хрущева Владимире Семеновиче Лебедеве и вспомнил, что в 1965 г. его включили в состав нашей бригады. Я понимал, что ему тогда было очень нелегко оказаться в роли рядового научного сотрудника после того, как в течение нескольких лет занимал пост одного из самых близких людей главного человека в стране. Производил впечатление молчаливого, спокойного человека. Выглядел он просто истощенным. Проработал в нашем коллективе совсем недолго и уже в январе будущего года его не стало. Я тогда не знал, что этот человек сыграл важную роль в том, что вышли в свет знаменитая повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», а также стихи Евгения Евтушенко «Наследники Сталина» и поэма Александра Твардовского «Геркин на том свете».

Наташа

Рождение второй дочери 16 августа 1964 г. стало новым радостным событием в нашей жизни. К тому времени мы жили в своей, хотя и малюсенькой, квартирке и в общем «встали на ноги». На

первых порах, естественно, большую помощь получили от Ривы Самойловны, позже взяли домработницу.

С появлением Наташки в нашей жизни прибавилось много радости, не обошлось, разумеется и без совершенно иных переживаний. В родильном доме малышка подхватила какую-то заразу, поэтому вскоре Лида с ней попали в больницу. И позднее, когда начала ходить в детский садик, тяжело заболела, и снова больница и новые огорчения. Ну, естественно, наши дети переболели многими детскими заразными болезнями. Все было, как в большинстве семей с маленькими детьми, и, конечно, в первую очередь это ложилось на Лидины плечи.

Наташа очень рано осознала себя как личность. Ей было около трех лет, когда очень осторожно спросил ее, понимает ли она это. Ребенок после моего вопроса очень на меня обиделся. Она была очень хорошенькой. Всегда оказывалась в самом центре детского коллектива, вела себя дружелюбно и дети это видели. Мы с Лидой приписывали ее обаятельности и общительности то, что ее всегда окружала детвора.

В школьные годы, и после этого в ее жизни возникало немало сложных и непростых ситуаций. Преодолевала их довольно мужественно, не без нашей помощи, разумеется, Лидиной в первую очередь, но подробнее об этом мне не хочется писать.

Когда сейчас вижу, как она возится и занимается со своими детьми, невольно начинаю сожалеть, что уделял моим дочерям в годы их детства слишком мало внимания. Но каждый первомайский праздник я с ними непременно отправлялся в зоопарк. Это было традицией и это с удовольствием вспоминают мои дочери.

Статья о тактике единого фронта

Параллельно с работой в томе продолжал довольно активно печататься по проблемам истории Коминтерна. Мое рабочее место было в той же комнате, что и раньше. Редакция тома размещалась в другом корпусе. Это помогало мне сохранять некоторую автономию.

Однажды, это случилось в 1963 г., меня пригласил к себе Кузьмин. Он уже работал заместителем главного редактора журнала «Вопросы истории КПСС». Предложил мне подготовить статью о Сталине и его роли в коммунистическом движении. По его поручению еще раньше написал для журнала статью «Ленин о Парижской Коммуне», которую опубликовали как редакционную статью. Начал подбирать материалы по новой теме. Документы, которые тогда прочитал, не были какими-то ужасными по содержанию, то есть мне не попались ставшие известными впоследствии расстрельные списки, подписанные Сталиным. Они оставались тогда в его личном архиве, совершенно закрытом для исследователей. Тем не менее собранный материал меня просто сокрушил. Ранее и не предполагал, что соединение вместе документов может произвести такое воздействие.

Статью озаглавил довольно нейтрально: «К вопросу о тактике единого фронта в 1921–1924 годах». В ней рассказал, как Сталин вмешивался в деятельность Коминтерна, как изгонял из компартий тех лидеров, которые высказывали сомнение в верности диктовавшегося Москвой партийного курса. Написал о трагедии компартии Польши в 1937 г., когда партия была распущена Коминтерном, а весь ее актив сгинул в ежовских застенках и концлагерях.

Статья стала для меня своего рода этапным событием. Впервые попытался осмыслить политику Коминтерна в соотношении с событиями в ВКП(б), руководство которой в то время раздиралось внутривнутрипартийными склоками, на фоне которых вырастала зловещая фигура Сталина. Результаты этого исследования в той или иной степени сказывались на моих последующих работах по истории Коминтерна. Для меня эта работа стала первой попыткой преодоления мертвящих идеологических схем.

В ней отразились мои взгляды тех лет, которые разделяли «шестидесятники». Они не выходили за пределы коммунистической идеологии, но выступали за очищение ее от пороков, связанных со сталинизмом, пытались соединить социалистические и общедемократические принципы и идеалы. Это было явным утопизмом, они не понимали того, что сталинизм породила система, которая могла существовать лишь на основе насилия и террора,

что он стал своеобразным итогом предшествующего развития правящей системы.

«Шестидесятники», выступая за очищение социализма от скверны бюрократии, не осознавали, что этого добиться нельзя, поскольку строй, основанный на насилии, невозможно пустить по гуманному пути, не ломая и не уничтожая его. Это позднее доказал крах Перестройки, также затеянной с целью соединить социализм с демократией. Тем не менее вспоминаю это поколение с нежностью и уважением, поскольку оно проявило стремление сделать жизнь лучше, честнее, очиститься от кровавого позора сталинского господства.

Работа над статьей буквально вымотала меня. Сначала по ночам снились какие-то кошмары, а потом и вовсе лишился сна. С того времени приходится регулярно пользоваться снотворным.

Статья получилась очень резкая, и Кузьмин, прочитав ее, сказал: «Спрячь куда-нибудь в сейф и забудь». Я так и сделал, но о статье проведали, и посыпались просьбы прочитать ее на собраниях. Зачитывал текст в нескольких аудиториях, встречали хорошо – в Институте Дальнего Востока, который тогда размещался в нашем здании, в Библиотеке нашего Института, в Секторе Маркса. Заведующий Сектором Малыш в конце моего чтения, сильно покраснел и что-то произнес критическое, что именно не помню. Последствием выступления в редакции «Вопросы истории» было то, что позднее предложили написать статью «Сталин и Коминтерн». В журнале работал мой однокашник Иван Созин, с которым мы дружили в студенческие годы и сохранили эти чувства друг к другу.

Прочитал свой текст и в нашей секции в архиве. После этого меня предупредил секретарь парткома Миша Андерсон, что ему позвонил Кузьмин (он уже перешел на работу в ЦК и курировал наш Институт), с требованием, чтобы я немедленно прекратил свои выступления. Статья теперь уже на многие годы действительно легла в сейф.

Захотелось также подробнее разобраться в том, как возникло понятие социал-фашизма и стало доминирующим в отношении Коминтерна к социал-демократии. В результате получилось что-то вроде очерка истории возникновения этого термина и его внедрения в документы Коминтерна.

Установил, что сам термин появился в 1925 г. в статье одного из руководителей компартии Франции. Ее руководство находилось в руках группы леваков, впоследствии вытесненных из него людьми типа Мориса Тореза, которые более устраивали Москву. В той статье всем направлениям в рабочем движении, кроме коммунистического, приклеивался ярлык фашистского. Так, анархисты называли анархо-фашистами, соответственно социал-демократов – социал-фашистами. И этот термин как ругательный ярлык начал гулять по страницам коммунистической печати. Его подхватил Зиновьев, тогда председатель ИККИ. При этом он сослался на сталинские слова, что социал-демократию следует рассматривать как близнеца фашизма.

Делегация компартии Германии на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. предложила включить этот термин в документы Коминтерна, чтобы заклеить немецкую социал-демократию. Но Бухарин при поддержке делегатов КП Италии во главе с Эрколи (псевдоним Пальмиро Тольятти) отверг эту попытку.

Через полгода, в мае 1929 г. в Берлине полиция в столкновении с руководимыми коммунистами демонстрантами по приказу начальника полиции социал-демократа Цергибеля применила огнестрельное оружие. После этого печать КПГ назвала социал-демократов социал-фашистами. И на X пленуме Исполкома Коминтерна летом того же года в докладе секретаря ИККИ Отто Куусинена была сформулирована теория перерастания социал-демократии в социал-фашизм. С того времени и до начала 1934 г. это понятие стало обязательным для всех компартий.

Рукопись очерка довольно долго у меня лежала в сейфе и исчезла при каком-то перемещении бумаг. Но работа над ним имела тоже свое значение, так как помогла выяснить историю одной из самых крупных политических ошибок Коминтерна.

Заседание парткома

Работа над IV томом потихоньку шла. Много времени пришлось потратить на раздел, в котором речь шла о VII конгрессе Коминтерна, состоявшемся летом 1935 года. Первоначальный вариант

был написан К.С. Трофимовым. Но от того текста почти ничего не осталось. Переписывая его, пытался показать, что антифашистское выступление в Австрии в феврале 1934 г. и борьба французских трудящихся против попытки фашистского переворота в том же феврале свидетельствовали о возможности совместных действий коммунистов и социал-демократов против общего врага – фашизма. Георгий Димитров говорил о такой необходимости во время Лейпцигского процесса 1933 года. Возглавив после этой своего освобождения руководство Коминтерна, выступил с критикой сектантско-догматических установок.

Однако, после того, как мой текст попал в руки моих коллег, он существенно изменился. Исчезло даже упоминание о преодолении сектантско-догматических ошибок. История выдвижения курса Коминтерна на создание антифашистского народного фронта превратилась в как бы естественное изменение тактики Коминтерна в связи с новой исторической обстановкой. Тщетно пытался убедить своих коллег в ошибочности такого рода освещения событий. Приходилось слышать в ответ, что в книге по истории КПСС нет необходимости столь пространного изложения изменений политических установок Коминтерна. А на деле за этим стояла тенденция забвения последствий ошибок, связанных с установками Сталина. Все более очевидным становилось, что моя работа в Отделе истории КПСС бесперспективна.

Но самый большой удар, который мог иметь просто роковые последствия, получил на заседании парткома Института. Заслушивался отчет о работе коллектива редакции нашего тома. Докладывал не руководитель коллектива, а Валентин Кузьмин. На обсуждение пришла Картунова. На заседании она заявила, что, прочитав тексты тома, который в то время еще не вышел, а готовился в виде макета, по проблематике Коминтерна, пришла в ужас. Это-де просто антипартийная вылазка и вообще неприкрытый троцкизм. При этом говорила о текстах, уже превратившихся в «братскую могилу», в которой уже не осталось критических оценок ошибок Коминтерна.

Удар наносился по мне, но по существу обвинение направлялось против целого коллектива, да и не только против него. Куда смотрело руководство Отдела? Руководителем редакции тома яв-

лялся заведующий Отделом Кукин. Здесь Картунова явно прочиталась. Стремясь расправиться со мной, задела тех, кого ей не следовало критиковать. Представитель нашего коллектива промолчал. Он ведь и сам думал примерно как Картунова. Но за такое поведение ему попало от Николая Федоровича. По словам Подвигиной, Кузьмин упрекал того, что спасовал, когда под вопрос ставилась работа всего коллектива.

Пришлось защищаться. Сказал всего несколько слов, что с такой критикой, точнее предъявлением политических обвинений, не согласен. Они неверны по существу, к тому же в прежнее время после подобных слов должен был последовать арест. После этого сел на стул. Воцарилось молчание. Один весьма рьяный генерал из Отдела Истории Великой Отечественной войны хотел вмешаться, но сидевшая с ним рядом Валерия Кунина, тогда тоже член парткома, шепнула ему, что дело это не простое и лучше в него не вступать. Вопрос замяли. Правда, Картунова провозгласила, что ее публично оскорбили, обвинив в политическом доносе, что она так дело не оставит. Но для парткома ее слова значения не имели. Я после этого с ней не здоровался. И это оказался единственный человек не только в Институте, но и в моей жизни, которому не подавал руку.

Вышел с заседания, как мне сказал Логинов, встретивший меня в коридоре, белый как мел. Он потащил меня в актовый зал, где в тот вечер показывали кино. То был какой-то детектив с погонями и стрельбой. Ничего о нем не помню, только название – «Бей первым, Фредди». Это, конечно, Володька обыгрывал впоследствии. В редакции, кроме Подвигиной, никто по этому поводу со мной не говорил. Тема все-таки являлась весьма скользкой. Самое удивительное, что на моем положении в коллективе эта история никак не сказалась.

Через несколько дней после этого события меня встретил профессор Юрий Павлович Петров и пригласил зайти к нему в кабинет. Он возглавлял редакцию V тома. Запомнилась ранее сказанная им фраза: «Эрудиция историка – не в том, чтобы все знать, а в том, где можно найти необходимые сведения». Мы с ним были знакомы шапочно, но, как оказалось, он относился ко мне с большой симпатией. Петров начал горячо меня убеждать

в том, чтобы я перестал заниматься критикой Сталина. Произнес даже такие слова: «Заклинаю вас, будьте осторожнее. Неужели вы не видите, с кем имеете дело?». Ситуация резко изменилась и теперь не следует писать о Сталине так резко, как это делалось раньше.

Из того разговора запомнились также его слова, примерно такого содержания: «Красная Армия к началу войны была не менее сильной, чем в 1945 году, но мы сегодня не можем говорить об этом. Приходится связывать причины поражений в начальном периоде войны только с вероломным нападением Германии». Признался, что раньше писал о многом критически, а теперь вынужден об этом молчать. Я подумал тогда: «Что же творится в душе этого человека? Ведь он выглядел всегда как очень спокойный и уверенный в себе и ему приходится руководить большим научным коллективом». Поблагодарив за дружеский совет, обещал впредь вести себя осторожнее. История с парткомом была для меня серьезным уроком.

После этого во мне как бы усилился внутренний цензор. Понимание того, что писать надо так, чтобы какой-нибудь недобросовестный критик не мог мне приписать того, чего я и не собирался сказать, возникло довольно давно. Но после того заседания еще долго пытался мысленно представить себе, что по прочтении моего текста, над которым работаю, скажет Картунова. Разумеется, такое отношению к тому, что пишешь, губительно, заставляет быть крайне осторожным в оценках, порождает стремление пользоваться принятыми стереотипами. Своего рода защиту видел в том, чтобы больше приводить цитаты из документов. Ими старался подводить читателя к пониманию того, что хочу сказать. Пожалуй, это стало чем-то вроде моего авторского стиля. Это было довольно наивно и, в конечном счете, вряд ли спасло, если бы возникла потребность со мной «разобраться». Но, к счастью, этого не произошло.

Первая крупная работа

Однажды ко мне подошел Яков Григорьевич Темкин. Он преподавал историю партии в каком-то институте и довольно часто бывал в нашем архиве. Темкин спросил, не соглашусь ли принять участие в книге о роли Ленина в международном рабочем движении. С радостью согласился.

Руководителем авторского коллектива стал Лазарь Андреевич Слепов, который тогда возглавлял бригаду II тома Истории КПСС. В 1954 г. ему первому довелось выступить на страницах газеты «Правда» со статьей против «культа личности». Так началась идеологическая кампания по развенчанию Сталина. Не помню, какой раздел написал Слепов в нашу книгу, но в моих главах ему принадлежал параграф о книге Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

В качестве автора в книге участвовал и Григорий Абрамович Деборин. Это, если можно так сказать, образец советского лжеученого. Беспринципности его можно было только удивляться. Он, например, в одной из своих лекций упомянул, что где-то за рубежом его упрекнули в том, что гражданин СССР не может свободно выехать за границу. На это возразил, что такое положение существует везде. И не постыдился произнести прямую ложь. Гражданин демократической страны может получить заграничный паспорт и попросить по собственному желанию визу почти в любую страну, если в этом есть необходимость.

Темкин предложил Деборину вместе со Слеповым возглавить авторский коллектив, но я запротестовал и сказал, что после этого выйду из состава авторов. Темкину пришлось взять свое предложение обратно. Деборин внешне не выразил мне своей обиды. Спустя несколько лет даже позвонил мне и сказал, что по указанию Николая Федоровича Кузьмина приглашает в авторский коллектив VI тома Истории КПСС. На это ответил, что, к сожалению, не могу принять это предложение, поскольку очень занят работой в Секторе истории Коминтерна. Впрочем, независимо от этого не хотел работать вместе с Дебориным.

Когда на одном из заседаний парткома обсуждалось положение в редакции этого тома, Деборин сказал, что все сделали бы вовремя, если бы литературные редакторы работали, как следует. Свалить вину на стрелочника – таким был его любимый способ выйти из затруднения. Не лишенный определенных авторских и организаторских способностей Деборин, по моему мнению, являлся очень недобрый человеком, если не сказать сильнее. За участие в создании Истории Великой Отечественной войны ему в числе других присвоили секретным постановлением правительства Государственную премию. Так что можно назвать его тайным Государственным лауреатом за труд по истории, что считалось нормой для нашей страны, но по существу просто абсурдно.

Темкин написал в книгу главы о деятельности Ленина в годы Первой мировой войны. Собственно по этой теме он и защитил докторскую диссертацию. Был довольно своеобразным человеком, часто повторял, что «на нашем брате», историке партии, «просто клейма негде ставить», то есть прекрасно понимал, что написанное и опубликованное очень далеко от реального изображения действительности, но, мол, все равно некуда деваться, работать же надо. Отличался какой-то неугомонностью, нередко выдвигал различные проекты, и надо сказать, многие из них осуществил. По моей просьбе стал оппонентом у диссертанта, которым я руководил. Меня он явно ценил и старался привлечь ко всем своим начинаниям. В некоторых из них я участвовал.

Я стал автором главы о роли Ленина в Коминтерне и помощи молодым компартиям. Удалось даже ввести в текст несколько ранее неизвестных ленинских документов, хотя такое не разрешалось. Правом первой публикации обладал ИМЛ. Но эти документы нашел в архиве не в фонде ленинских работ, а совсем в другой описи, в которой хранились письма к Ленину. Там хранилось немало писем Ленину видных деятелей коммунистического движения, в том числе Клары Цеткин. Эти письма Ленин читал наверняка. Это означало, что возникала возможность выявить мнение по различным вопросам не только Ленина, но и других видных деятелей Коминтерна.

Можно было как бы проникнуть в лабораторию выработки политики Коминтерна. Все это помогало понять многое в исто-

рии складывания этой организации, выяснить, как происходил обмен мнениями, преодолевались разногласия. Так, самыми разными путями пытался глубже погрузиться в атмосферу тех событий, уйти от плоской трактовки принятых решений, проследить историю складывания этих решений. Кроме того, в соответствующем месте текста перечислил тех, кто входил в состав Исполкома Коминтерна. Многие из этих людей как бы исчезли. Если судить по книгам тех лет, они вообще не существовали или упоминались лишь для обличения. Появление этого перечня первого состава ИККИ не осталось незамеченным. Моисей Абрамович Персиц, работавший в ИМРД, при встрече сказал, что приведенные мною сведения подсказали ему, что следует смелее излагать события послеоктябрьских лет. Он стал организатором и редактором двух книг по теме: Коминтерн и Восток, а также автором интересных публикаций по истории революционно-освободительного движения в Иранском Азербайджане.

Книга под названием «Ленин и мировое рабочее движение» вышла из печати в 1969 г., когда я уже работал в Секторе истории Коминтерна. В том же году появился подготовленный мной сборник избранных работ Осипа Пятницкого, бывшего секретаря ИККИ. Он в 1903 г. примкнул к большевикам, а еще до того участвовал в нелегальной переброске в Россию ленинской «Искры». Жизнь его полна всякого рода событиями, его арестовывали, он бежал из тюрьмы и жил в эмиграции, позднее вернулся в Россию, где продолжал революционную деятельность и снова эмигрировал. Вернулся по заданию Ленина, был арестован и сослан. Освободили его после Февральской революции 1917 г., Пятницкий возглавил Московскую организацию партии и являлся одним из руководителей восстания в октябре. С 1921 г. работал в ИККИ, сначала руководил Отделом международной связи ИККИ, стал секретарем ИККИ, отвечавшим за организационную деятельность Коминтерна.

Пятницкий принадлежал к тем, кого называли твердокаменными большевиками. Опыт большевистской деятельности насаждал в Коминтерне, хотя компартии работали в ситуации, отличной от той, в которой находились когда-то большевики. Ни в одной своей печатной работе не назвал имя Сталина. Тот платил

ему той же монетой и в беседе с Георгием Димитровым весьма негативно отзывался о Пятницком, как не понимающем специфики рабочего движения на Западе.

О Пятницком я беседовал с Анной Лазаревной Разумовой, ветераном Коминтерна, прошедшей через советские тюрьмы и лагеря, но сохранившей свои коммунистические убеждения. Она говорила, что тот заставлял работников аппарата ИККИ, посылавшихся за границу, действовать так же, как делали транспортировщики «Искры», то есть пользоваться двойным дном чемоданов, или проводить нелегально документы в своей одежде и т. п. Свой рассказ закончила словами, что, хотя времена изменились и появились другие, более надежные способы транспортировки, он упорно настаивал на применении прежних методов. Разумеется, это были мелочи в той работе, которую вел Пятницкий как секретарь ИККИ. Но и в других вопросах его твердокаменность оборачивалась догматическим насаждением опыта большевиков.

Впрочем, нелестная оценка Сталиным Пятницкого, скорее относилась к личности этого человека, ибо Сталин хотел сохранить его в той же должности. Однако возражение Димитрова привело к тому, что Пятницкого перевели на работу в ЦК ВКП(б), где он занял весьма ответственный пост руководителя Административного отдела. Его протест на Июньском пленуме ЦК 1937 г. против продолжения террора привел к аресту и гибели этого человека.

В сборник включил воспоминания Пятницкого «Записки большевика», которые многократно издавались в начале 30-х годов на русском и других языках. Эта книга, по-видимому, использовалась Коминтерном как пособие для иностранных коммунистов для ознакомления их с опытом конспиративной работы большевиков. Кроме того, в сборник вошли его статьи об Октябрьских событиях 1917 г. в Москве и истории борьбы Коминтерна за народный фронт.

«Записки большевика» содержали огромное количество имен большевиков, множество фактов, нуждавшихся в комментариях. За помощью обратился к Владлену Степанову и Зое Тихоновой. Они работали в одной комнате на первом этаже архива, и с удовольствием к ним заходил, когда приезжал в архив. Степанов традиционно встречал меня шуткой: «А вот и переписчик при-

шел!». Так он называл меня за то, что я старался делать выписки из архивных документов как можно пространными.

Владлен и Зоя помогли мне в составлении примечаний, поскольку располагали картотекой большевиков того времени. Выяснилось, что некоторые факты и события Пятницкий излагал не совсем точно, иногда смещал по времени. Это вполне понятно и даже неизбежно, когда воспоминания пишутся по памяти. Но Владлен этим возмутился. Сказал мне: «Выходит Пятницкий не большевик, а путаник». Такого рода сентенция звучала более чем странно в устах профессионала-архивиста. Я в ответ мог только пожать плечами, поскольку спорить по таким вопросам – занятие бесполезное.

От Степанова узнал о моем деде Николае Егоровиче Фирсове. Он умер в 1916 г., и мне было известно, что его по октябрьской амнистии 1905 г. освободили из Казанской тюрьмы, куда его засадили за революционную деятельность. Спросил у Владлена, что знает о моем деде. Оказалось, что Николай Фирсов входил в казанскую группу «искровцев», но архивных документов не сохранилось. У Степанова имелся лишь ответ моего отца на запрос, с которым к нему обратился архив. В нем говорилось, что в детстве видел приходивших к ним домой каких-то людей, впоследствии видных большевиков, среди них Владимира Адоратского. Кстати, этот человек возглавил наш Институт после смещения основателя Института Маркса и Энгельса и его многолетнего руководителя Давида Рязанова.

Во время подготовки сборника познакомился с сыновьями Пятницкого Игорем и Владимиром. Игоря, которого после ареста отца, также бросили в тюрьму. Но ему удалось выжить. Он заиклился на культе своего отца. У нас с ним возник конфликт, когда попытался ему объяснить, что Пятницкий не случайно перевели на другую работу, поскольку оказался неспособным принять политику, связанную с новой ориентацией в связи с борьбой против фашизма. В запале Игорь назвал меня сторонником репрессий, после чего я попросил его больше мне не звонить.

С Владимиром многие годы поддерживал дружеские отношения. Незадолго до моего отъезда в США приехал ко мне и разрешил снять копии с протоколов допросов его отца, которые полу-

чил в архиве КГБ. У Владимира была навязчивая идея, что Пятницкого погубил другой секретарь ИККИ Дмитрий Мануильский, по инициативе которого-де готовилась судебная расправа над деятелями Коминтерна по образцу процессов Зиновьевым и Радека. Действительно, следователи НКВД собирали материалы для такого судилища, но делали это наверняка по сталинской указке. Я не стал объяснять это Владимиру. Он выпустил две книги о своем отце, представляя его рыцарем революции без страха и упрека. Такое отношение к своим родителям свойственно многим детям репрессированных коминтерновцев, это вполне естественно. К сожалению, в таком же духе пишут и некоторые историки, которым профессия должна подсказать иной путь освещения исторических личностей, жизнь которых они исследуют.

В дни, когда приближалось девяностолетие со дня рождения Пятницкого, позвонили из редакции «Правды» и предложили написать о нем статью. Сделал это охотно, долго думал над тем, чтобы дать понять читателю, что Пятницкий умер не своей смертью. В брежневские времена существовал общепринятый штамп. О большевиках, даже если они погибали в сталинские времена, полагалось писать, что они до конца своей жизни оставались преданными делу партии. В такую концовку вставил, что Пятницкий до дня своей трагической гибели в 1938 г. оставался верным сыном коммунистической партии. Тот, кто хотел понять, понял, что я имел в виду. Во всяком случае мой сокурсник Володя Волков, в то время завсектором в Институте славяноведения, спросил меня при встрече, немного в шутку, немного всерьез, когда я вот также напишу о Бухарине, Зиновьеве, а быть может даже и о Троцком.

Для сегодняшнего читателя возможно все это покажется несерьезным и даже смехотворным, но в те времена так написать, было непросто, чтобы при этом твой текст напечатали и не стыдиться при этом за свои слова.

Италия

Италия стала первой страной Западной Европы, которую я увидел. Предполагали отправиться туда вместе с Лидой, но она имела допуск к секретной работе, который закрыл ей поездку за границу. В группе оказалось немало моих друзей, в их числе Майя Дворкина и Зоя Тихонова. Со мной в комнате жил какой-то художник из Издательства «Наука» и мы вдвоем гуляли по вечерам.

В Риме наша гостиница размещалась недалеко от мрачных руин римских бань – Терм Каракаллы. В памяти остались развалины древнего города, особенно, конечно, грандиозный Колизей. Один из нашей группы спросил гида, почему его не восстанавливают. При осмотре каких-то развалин мы с Мирой Невוליной отстали от группы, которая уехала без нас. Но по дороге, спохватились, что нас нет, и вернулись. Мы к тому времени вышли из развалин дворца и, когда наш автобус подъехал, вскочили в него. Руководитель группы сделал нам внушение за опоздание.

Меня потрясли Ватикан с Лоджиями Рафаэля и зал, оформленный Микеланджело, с изображениями Страшного суда. В музее Ватикана любовался замечательной коллекцией картин и скульптур. Огромная площадь с ее колоннами, сам собор с его статуями вспоминаются как нечто прекрасное.

Конечно, бросили свои монетки в фонтан Треви, там каждый вечер их выгребают в огромном количестве. Хорошо помню помпезный памятник королю Виктору Эммануилу в самом центре Рима, красивые улицы и маленькие переулки. Побывали и на площади Испании, обошли кругом фонтан и поднялись по широкой каменной лестнице наверх. На лестнице сидели хиппи. Некоторые просто безучастно, другие вроде бы торговали какими-то поделками из проволоки.

Запомнился музей Вилла Боргезе со скульптурой полуобнаженной женщины, сидевшей на канопе. Антонио Канова запечатлел в белоснежном мраморе Полину Боргезе, сестру Наполеона. Через много лет взял в библиотеке Свампскотта кассету с кинофильмом «Имперская Венера». Полину Боргезе играла несравненная Лолобриджида. Позвал Лиду взглянуть на нее и рас-

сказал ей о римском музее. В этот самый момент на экране телевизора пошли кадры, на которых создавалась та самая прекрасная скульптура.

Когда в последний вечер пребывания в Риме после экскурсий вернулись в отель, из-за головной боли и усталости просто свалился на кровать и не пошел ужинать. Но полежав некоторое время, сказал моему напарнику, что этот вечер нельзя провести в номере. И мы пошли бродить. Когда проходили мимо заведения с веселыми девочками, то стоявшие возле дверей вышибалы чуть не силой начали нас туда затаскивать. Но это им не удалось. Советико туристо морале! Ходили по ночному Риму, пока окончательно не выбились из сил.

Следующей нашей остановкой стала Флоренция. Это – чудо город! Мостик над рекой Арно был застроен лавчонками. Знаменитая скульптура Микеланджело Давид на центральной площади оказалась хорошо знакомой по копии в Музее изобразительных искусств в Москве. Впрочем, и эта – тоже копия, подлинник увидели в специальном музее. Картинные галереи заполнены бесчисленными творениями классиков. Поражали не только эти картины, сколько мысль о том, что их создали тогда, когда Россия только начала свое движение к цивилизации, с трудом преодолевая наследие татаро-монгольского ига.

Вообще там мне в голову приходили самые разные мысли. Компартия пользовалась в стране большим влиянием, имела в своих рядах чуть ли не два миллиона членов. Во Флоренции в каком-то магазинчике его хозяин, узнав, что мы приехали из Москвы, сказал, что он – член партии. Я же тогда подумал, это означает, что ни о каком социализме в Италии говорить не приходится. Этот человек ни за что не откажется от своего магазинчика. Компартия заявляла о своей независимости от КПСС, о том, что советский путь не годится для Италии и она поведет страну, когда придет к власти, иной дорогой. Разумеется, этого не получилось и партия потихоньку захирела.

Из Флоренции наш путь лежал в Венецию, но вспыхнула забастовка транспортников. Спрашивали нашего шофера, в чем же дело, но ответил, что повез бы с удовольствием, но не может, так как разобьют окна и порежут шины. Некоторые члены группы

негодовали, мол, мы, советские люди, приехали сюда в свой отпуск, и итальянцы должны понимать, что нам нужен транспорт. На это, Виктор Абрамович Кузько, сотрудник ЦПА, возразил: «Мы же всегда выступаем в поддержку классовой борьбы. Вот и теперь мы должны быть солидарны с забастовкой». В Венецию добирались поездом. Сидя в купе, наблюдали, как пассажиры забили в вагоне проходы, так что пройти по коридору вагона было невозможно.

Утром, после традиционного завтрака, ломтика хлеба с колбасой и немного каши, стакана кофе, когда встаешь из-за стола не то, чтобы голодным, но без ощущения, что поел, отправились в прогулку на катере по каналам. Замшелые дворцы возникали прямо из воды. Любовались сказочно красивым мостом Реалто. Нам сказали, что пройти пешком по улицам невозможно. Вечером опроверг это, обойдя по узким улочкам всю центральную часть города. Когда вышел на площадь возле собора, оркестр играл «Вернись в Сорренто». Это произвело просто сказочное впечатление.

Катались на гондолах, побывали во дворце дождей. В его зале среди портретов дождей одно место пустоет. Тот, чьему портрету там следовало красоваться, оказался изменником, и его портрет не попал в галерею. Прошли через Мост вздохов, по которому людей после суда отводили в страшную тюрьму.

Затем поехали на автобусе на юг. Шофер питался всегда вместе с нами. Как-то сев за одни стол с ним, поинтересовался, почему он пьет вино. Мне казалось, что это не совместимо с вождением машины. Он ответил, что вино лучше утоляет жажду, чем кока-кола, которую мы пили с наслаждением.

Вечером приехали в Ассизи и заночевали в придорожной гостинице. По дороге автобус остановился у супермаркета. Увидел такое впервые – посреди дороги, в месте, о котором американцы говорят *in the middle of nowhere* (посредине нигде), возвышался этакий дворец изобилия, причем там в тот момент, кроме нас, никаких покупателей не было.

Ассизи в моей памяти ассоциировался с именем святого Франциска Ассизского. Он основал там орден францисканцев, «нищенствующих» монахов. Побывали в монастыре. По нему нас

водил удивительно милый и разговорчивый монах, который с удовольствием с нами фотографировался.

Посмотрели Неаполь, бывшую столицу Королевства обеих Сицилий. После обеда поехали в Сорренто, куда прибыли вечером. Попытался где-нибудь выйти на морской берег, но не сумел даже увидеть море из-за огороженных домов и отелей, стоявших на берегу.

Посетили виллу, на которой много лет жил Максим Горький. Выяснилось, что мы там были первыми советскими посетителями.

Из Сорренто пароходиком отправились на Капри. На следующий день на лодках поплыли в грот, находившийся в глубине горы. Плыли по узкому проходу, вода казалась голубой. Съездили на другую сторону острова. Побывали в городке Анакапри, там жил когда-то Ленин и существовала на деньги Горького партийная школа. Возложили цветы к стеле, поставленной в память Ленина. Обрато возвращались на пароходике, который долго ждали на пристани. Зато смогли искупаться в морской теплой воде. Разумеется, местные жители в это время уже не купались, поскольку это была середина октября. Снова автобус отвез нас в римский аэропорт и мы покинули Италию.

Понимание того, что мы живем как-то не так, не приходило в голову при посещении этих стран, а мне тогда довелось объехать чуть ли не всю Европу. Видимо, это произошло прежде всего потому, что смотрели на все, как если бы находились в музее. Впрочем, вообще сравнивать было невозможно, поскольку для нас этот мир представлялся чужим. Мы только могли сочувствовать деятельности наших сторонников, желать усиления там классовой борьбы, в победе коммунистов же были просто уверены и не понимали, почему за ними не идет народ. Мы-то ведь представляли собой будущее, а здесь лишь ненавистное прошлое!

Вспоминая эту, как и другие зарубежные поездки, думаю о том, что мои впечатления были чисто туристскими, из этих поездок реального представления о жизни людей в этих странах мы не получали, а то, что видели, оказались неспособны реально оценить. Сознание, говорю здесь только о себе, оставалось советским, хотя вопрос, почему же мы живем иначе, труднее, хуже, не мог не возникать.

Володя Логинов

Возвращаясь снова к работе в Отделе, скажу, что, хотя нередко ощущал себя там «белой вороной», все-таки мне повезло, поскольку в то время теснее сошелся с Володей Логиновым. Разумеется, в Отделе имелось немало людей, с которыми был в хороших отношениях. У меня были приятельские отношения с Галей Вульман, Игорем Донковым, Левой Жаровым, Виктором Устинова, но все же они не стали моими близкими друзьями, как Володя. После перевода в Отдел Логинов работал в редакции II тома, посвященного истории партии до Первой мировой войны. Затем его включили в состав редакции V тома, где Володя занимался послевоенными проблемами.

Решения XIX съезда, последнего в котором участвовал Сталин, оценивалась в макете этой книги весьма критически. Неожиданно состоялось постановление ЦК партии, в котором говорилось о недостатках в работе авторского коллектива Отдела. Речь шла об ошибках, допущенных при оценке решений этого съезда партии. На съезде впервые в состав ЦК избрали Брежнева. Разумеется, критическая оценка съезда не могла понравиться человеку, для которого он явился важной вехой в его восхождении на партийный Олимп. Мы узнали об этом решении ЦК КПСС и смещении Кукина как раз после банкета по поводу защиты Логиновым докторской диссертации. Кукин, как ни в чем не бывало, все же приехал на банкет и поднял тост в честь нового доктора исторических наук.

Ужасным последствием того постановления стала смерть Ю.П. Петрова. Снятый с должности руководителя авторского коллектива тома, он покончил с собой. Потрясенная этой страшной вестью Розалия Александровна Ермолаева, близкая к Петрову, горько плача, сказала Ире Мительман, которая тогда тоже работала в архиве: «Они убили его!». Разумеется, о смерти Петрова в Институте постарались забыть, я же долго не мог прийти в себя от этой трагедии, невольно вспоминая наш разговор после злополучного заседания парткома.

Володя находился в дружеских отношениях с многими деятелями искусства, киношниками, писателями. В его кабинете случалось встречать кинорежиссера Юрия Карасика, который говорил о себе, что входит в десятку лучших в мире режиссеров, детского писателя Эдуарда Успенского. Логинов обладает музыкальным слухом, но пел крайне редко. Он говорил, что это из-за состояния гортани. Как-то на собрании Отдела, посвященном очередной годовщине войны, все же спел «Безымянную высоту». Когда прозвучали слова, «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят», сидевшие в президиуме ветераны войны заплакали.

Из его выражений запомнилось одно, пародирующее известную цитату Ленина о всесии учения Маркса, но звучало оно так: «Учение Маркса верно, потому что оно верно» (с ударением на букву о во втором упоминании слова «верно»). Мы тогда нередко произносили эту фразу, когда сталкивались с чем-нибудь, что нам казалось таким же бессмысленным.

Его кумиром был Ленин, он знал о нем много и считал, что Владимир Ильич всегда выбирал наиболее правильный путь решения вопроса и целиком оправдывал деятельность этого человека. И такое отношение к Ленину сохранил и в дальнейшем. Явно идеализировал личные, человеческие достоинства Ленина, но, впрочем, и я в те годы испытывал обаяние этой личности. Логинов относился к числу самых популярных лекторов, выступавших в самых различных аудиториях с лекциями о Ленине. Называл себя «последним большевиком».

Когда наша дружба окрепла, мы не раз обсуждали ситуацию в стране. Во многом наши взгляды совпадали, но случались и расхождения. Как-то он сказал мне: «Мы – профессионалы», когда я спросил его, зачем же мы нужны власти. Но тут же оговорился, что нам не должно быть безразлично, что творится вокруг, заметив, что палач – тоже профессионал, но им нельзя становиться. Идеальными, по его мнению, оказались послеоктябрьские времена, когда все стало ясным, кто за революцию, кто против, когда новые руководители страны еще не развратились властью. Меня больше интересовали последние годы жизни Ленина, когда ввели НЭП и пытались как-то соединить революционную идею

логию с частным интересом людей. Все это были наивные размышления, вызванные недовольством существующими условиями жизни и в то же время непониманием, что эту жизнь нельзя переделать в рамках данной системы, а можно изменить лишь ликвидировав саму систему.

После того, как я получил статус старшего научного сотрудника, мы вместе многие годы отдыхали в санатории «Сочи». Путевки получали в IV Управлении Министерства здравоохранения СССР, обслуживавшего партийную и советскую элиту среднего ранга. Но отнюдь не на бархатный сезон, а лишь на вторую половину ноября.

Туда ехали поездом. Обратно летели самолетом. Однажды, в полете самолет трянуло в воздушной яме. Когда прилетели, все пассажиры, взяв свои вещи, вышли из самолета. Кроме нас, поскольку я продолжал подавать Володьке пакеты. В другой раз очутились «на волоске» от гибели. Самолет приземлился, помчался по дорожке, но когда посадочная полоса кончилась, продолжал движение. Остановился буквально в нескольких метрах от конца территории аэродрома и края крутого оврага.

Наше санаторное время было четко расписано. Утро начиналось с физзарядки, правда, Володька на нее не ходил. После завтрака наступала очередь водных процедур. Он обожал эти мероприятия, ну и я старался от него не отставать. Венцом являлось плавание в бассейне. Володька плавал блестяще. Долго ходил вдоль бассейна, затем спускался в него и сразу нырял, спокойно проплывая все 50 метров под водой. Он собственно и научил меня плавать с головой, погруженной в воду.

Воду часто спускали из-за профилактики. Естественно, в этот день обходились без плавания. Зато на следующий нетерпеливо шли после процедур в раздевалку. Как-то раз, придя туда, увидели, что бассейн закрыт. Там произошло несчастье. Шеф-повар санатория, отметив свой день рождения, решил поплавать. Взобрался на трамплин и прыгнул в воду. Но бассейн только начали заполнять, а блики на воде создали впечатление наполненности бассейна водой. Бедолага разбился насмерть.

Санаторий имел два корпуса и несколько дач. Корпус «Люкс», построенный в 50-годы в духе сталинского ампира, возвышался

в середине территории. К нему вела огромная каменная лестница, украшенная каменными рогами изобилия. Однажды в кинофильме «Старик Хоттабыч» увидел эту лестницу и само здание. Размещались в нем, как правило, чинуши более высокого ранга. Внутри все было чопорно, на кроватях в номерах лежали шелковые покрывала. В этом корпусе находилась и библиотека санатория, которую я посещал часто.

На берегу моря, у самого края пляжа высилось многоэтажное второе здание санатория, постройки начала 70-х годов. Берег круто обрывался к морю, и здание построили параллельно обрыву. Его первый этаж стоял непосредственно у пляжа, так что волны ударяли по столбам парапета, выдвинутого в море. На двух верхних этажах размещались столовая, кинозал и танцевальный зал, на остальных, кроме первого, – жилые комнаты. Каждая комната имела балкон. Внутри, помимо двух кроватей, стояли два кресла, столик с зеркалом. Все было очень удобно для отдыха.

Мы следили за своим весом, впрочем, худощавый Володя отнюдь не нуждался в похудении. Он обожал пирожные и я с удовольствием отдавал ему свою долю. Обычно по три дня подряд соблюдали так называемую белковую диету. Это совсем не радостное дело, но оно давало определенный результат. Приезжал в Москву с потерей нескольких килограммов веса, чем очень гордился. Но прежний вес восстанавливался очень быстро.

По вечерам ходили в кино. Раз в неделю устраивались танцы под оркестр. Володька в них не участвовал, я же любил потанцевать. Он зато организовывал всякого рода соревнования, когда, например, на каждый свой шаг человек должен был назвать какое-то мужское или женское имя. Оказалось, что люди часто сбивались и потому не могли пройти больше нескольких шагов.

В дни, когда море оставалось спокойным, можно было покататься на лодке, но Володька не переносил даже малейшей качки. Поэтому мы всего несколько раз пользовались такой возможностью.

Как-то за нашим столиком оказалась одна супружеская пара. Жена в молодости состояла в сборной Москвы, пока не прикрыли женский футбол. Муж ее был каким-то крупным хозяйственником и к нему местные власти проявляли особое внимание. Еже-

дневно ездил в море на рыбалку. Однажды пригласил меня. Это был единственный в моей жизни случай морской рыбалки. Леску с грузиком, усеянную крючками, опускали в море и тотчас же вытаскивали обратно. Как правило, на каждом крючке билась рыбешка. Ее снимали и бросали в ведро. Умудрился сразу же за что-то зацепиться леской, грузик оторвался.

Помимо всякого рода чинуш, сотрудников самого управления, в это время там отдыхали и некоторые деятели искусства, которые тоже входили в контингент лиц, обслуживавшихся этим Управлением. Многие из них становились нашими собеседниками. Особенно запомнился знаменитый танцовщик Махмуд Эсамбаев. Как чеченца, его сослали во время войны в Среднюю Азию. Правда, умение танцевать помогло ему выжить, да и сыграли свою роль родственные связи. Его послали в 1957 г. на Международный фестиваль демократической молодежи в Москву. Танцы, с которыми он выступил тогда, ему пришлось разучить за несколько дней.

Махмуд несколько раз рассказывал, что хотел бежать за границу. Когда впервые выехал за рубеж, думал только об этом. И вот, подлетал к Парижу, и мечта, казалось, стала близкой к осуществлению, но самолет вдруг лег на обратный курс. «Узнали, сейчас меня схватят, – подумал незадачливый беглец. – Ну до чего же они сильны, коли читают мысли». Побег не состоялся. Впрочем, не уверен, что все случилось именно так, скорее это был просто занимательный рассказ.

Наш приятель пригласил нас в цирк, где выступали наездники из Чечни. Поведал, как Иосиф Кобзон получил свое первое звание. Тот выступал с концертами в их республике. Во время прощального банкета Эсамбаев шепнул тамошнему министру культуры, что нехорошо просто так с ним проститься. И министр на обороте ресторанного меню написал указ о присуждении Кобзону звания заслуженного артиста Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики.

С Эсамбаевым довелось через много лет встретиться во время пересадки на аэровокзале в Берлине. Рассказал, что его очень старались привлечь на свою сторону новые власти Чечни, добивавшиеся независимости своей страны. Но с ними разругался и уехал в Москву.

Володька познакомил меня с кинорежиссером Львом Оскаровичем Арнштамом. Тот поведал мне о своих встречах с Георгием Димитровым, о котором снял кинофильм. Во время пожара в рейхстаге, в организации поджога которого тогда и обвинили Димитрова, полиция схватила настоящего поджигателя голландца Ван дер Люббе, человека явно душевнобольного. Печать сообщила о том, что поймали голландского коммуниста, одного из виновников пожара. Но никаких подтверждений, что он состоял в компартии, при аресте не нашлось. В кино обыграли эту историю таким образом: Незадолго до того, как Ван дер Люббе пошел к рейхстагу, он разговаривал с каким-то человеком. Тот засунул в боковой карман его пиджака партийный билет. Но Ван дер Люббе, после того, как загорелось все вокруг, в какой-то момент испугался и пытался пиджаком загасить пламя. Пиджак обгорел и партбилет тем самым исчез.

Сообщил Арнштам и о том, как повел себя Димитров при встрече с актрисой Валентиной Серовой, женой известного летчика Анатолия Серова, на похоронах ее мужа. Димитров подошел к ней, пожал ей руку и от имени мирового рабочего класса выразил сочувствие. Он считал, что может говорить и действовать как руководитель всемирного пролетариата. В действительности, попав в Москву, как и все прочие, превратился в сталинскую марионетку.

Однажды с нами в «Сочи» поехал Мишка Шатров. Мы сидели за одним столом, вместе диетили. Нам полагались вареные яйца. Мишка тут же взял два яйца и написал на них: «Яйца Кобы». В санатории работал над пьесой о ткачихах «Мои надежды». Пьеса получилась, на мой взгляд, слабая и сильно лживая. Я не смог досмотреть спектакль в театре Марка Захарова и ушел после первого отделения, чего себе никогда не позволял.

Одна из моих поездок в Сочи оказалась неудачной. Володька не смог поехать. Наступила середина декабря, когда я все же отправился туда. Неприятности начались сразу. Ко мне в комнату подсадили коллегу из Отдела Научного коммунизма. Очень вежливый человек, навязчивый до невозможности, скучный донельзя, он без конца повторял, что сожалеет о переезде в Москву, поскольку в Казани его очень уважали и там имел прекрасную дачу.

От него было некуда деваться, так как непрерывно шли дожди и поневоле много времени приходилось проводить в комнате.

В довершение ко всему где-то посередине срока заболел гриппом и едва оправился ко времени отъезда. После возвращения в Москву вдруг почувствовал, что просто не могу идти. Это случилось около дома, кое-как добрался домой. Оказалось – бронхит, не думал, что он является столь тяжелым заболеванием. Но в результате совсем бросил курить.

Когда вспоминаешь прошедшие дни, почему-то в первую очередь приходят в голову события, отличавшиеся от повседневных занятий, и особенно поездки в Сочи или Крым, а также туристские вояжи по разным странам. Видимо, это связано с необычностью этих дней, обилием впечатлений, с ощущением какой-то свободы, впрочем весьма относительной. Это не значит, что мои рабочие будни были скучными, неинтересными. Я любил свою работу и каждый день по делам, которым приходилось заниматься, отличался от предыдущего. Подчас именно на работе происходили такие события, от исхода которых зависело многое. Коллизии, впрочем, случались и не только там.

Подавление Пражской весны

Таким оказался день, когда меня послали в ЦК КПСС. Это случилось в конце 1967 года. К тому времени в Чехословакии уже начиналось то, что получило позднее название Пражской весны. Одной из первых ее ласточек стала статья Михала Реймана о подготовке Октябрьской революции. Он излагал фактическую сторону событий и оценивал их последствия, независимо от дальнейших пертурбаций советской истории. Это, естественно, вызвало соответствующую реакцию в ЦК КПСС. Захотели заручиться мнением специалиста. Искров счел целесообразным послать меня, поскольку я читал по-чешски. При этом не учел, что это не моя тема.

Незадолго до этого купил журнал КП Австрии, в котором нашел рецензию на статью Реймана. И когда Искров поручил мне

поехать в ЦК, захватил журнал с собой. В это время Михал находился как раз в Москве.

В ЦК со мной разговаривали заведующий Сектором, курировавшим Чехословакию, и инструктор. Передали мне журнал со статьей Реймана и предложили написать свое заключение о статье. Посадили в отдельную комнату. Понял, чего от меня ждут и что от того, что напишу, зависит очень многое, возможно даже, что потеряю работу. Это оказались нелегкие полчаса. Но не колебался нисколько. Просто обдумывал, что и как следует написать. В небольшом отзыве указал, что в статье события в России накануне революции излагаются иначе, чем в советской историографии. Но такой точки зрения придерживаются историки-коммунисты и в других странах. Как пример упомянул рецензию на статью Реймана в австрийском партийном журнале. Судя по физиономии инструктора, он не был в восторге от моего заключения. Я добавил, что учился вместе с Рейманом, поскольку сообразил, что им узнать об этом легко, а также, что Михал сейчас в Москве. Последнее явно его обеспокоило. Для меня эта история стала как бы открытием меня самого: понял, что существуют вещи, на которые не пойду ни при каких условиях.

В разных воспоминаниях не раз встречал, что автор, рассказывая о каком-то событии в своей жизни, когда ему предстояло принять непростое решение, после того, как поступил согласно такому решению, чувствовал себя вроде бы обновленным, как бы сбросившим с плеч давящую тяжесть. Я же в тот момент ничего подобного не думал и не ощущал. Наоборот, меня весьма тревожила мысль, что будет с моими близкими, когда меня выгонят с работы. Но тем не менее ни на минуту не пожалел о своем поступке. К счастью, ничего подобного не произошло.

Вернувшись в Институт, сообщил о происшедшем Искрову, который хмыкнул и сказал, что я не историк партии. В тот же день встретил Михала и рассказал ему о посещении ЦК.

В результате не попал в группу наших сотрудников, посетивших вскоре Чехословакию, и как мне говорили чехи, приглашенную из-за меня, чтобы я туда смог поехать. Мою фамилию в ЦК вычеркнули из списка. Это сделали в Отделе ЦК явно в отместку за мой отзыв на ту статью. Кстати, обо всей этой истории Михал,

как он сам мне поведал, рассказал в своем выступлении на конференции в Москве в 1993 г., подчеркнув, что не все советские чехисты приветствовали расправу с Чехословакией.

Надвигавшуюся угрозу советского вторжения переживал тяжело. В те времена вместе с сотрудниками Института славяноведения доводилось посещать посольство этой страны. Там познакомился с корреспондентом «Rudé právo». Поскольку считал, что все чехи настроены против советского вмешательства, даже подумал ему позвонить и предупредить. Но что-то меня удержало от этого идиотского поступка. Этот человек, как оказалось, был одним из тех, кто приветствовал «советскую помощь».

В дни вступления Советской Армии в Чехословакию мне нездоровилось, сидел дома. Не знаю, как бы поступил, если бы присутствовал на собрании, на котором следовало одобрить эту «интернационалистскую акцию». Зато поссорился с Гадькой Финкельштейном, который заявил, что ему спокойнее от того, что наши танки находятся в Праге. Тогда сказал себе, что это мой последний визит к ним. Впрочем, свиделся позднее с ним на похоронах его жены Лины.

В Институте, как и во всех учреждениях страны, состоялись митинги в поддержку введения в Чехословакию войск СССР якобы для защиты дела социализма, а на самом деле – подавления демократических преобразований в этой стране и ее оккупации. Недавно узнал, что при голосовании по этому вопросу воздержался в ЦПА Юра Туточкин. Его спасло, что он был беспартийным, считался в коллективе чудаком, да и Лавров не дал ход его делу.

В Институте Тимофеева воздержался при голосовании Эдик Клопов, в то время председатель профсоюзного бюро коллектива. Помню его с того дня, когда в качестве абитуриента пришел на день «Открытых дверей» на Истфак МГУ. С нами тогда беседовали два студента Юра Борко и Эдик Клопов. Позднее оба стали моими добрыми друзьями. Эдик работал в Секторе произведений Ленина. Как раз к нему в комнату, где он сидел с Раей Юницкой, посадили Логинова, когда того ЦПА направил на работу по составлению биохроники жизни и деятельности Ленина. После защиты кандидатской диссертации Клопов перешел на работу

в Институт международного рабочего движения АН СССР. В этом Институте была тогда либеральная обстановка, и его директор Тимур Тимофеев также не дал раздуть эту историю. Впрочем, Клопова заставили признать свою ошибку при голосовании. Иначе они бы не смогли отвертеться от райкома партии.

Травму в душе, вызванную этими событиями, переживал очень тяжело. Представлял себе наши танки на улицах любимой Праги, гнев, негодование и отчаяние ее жителей. Многие мои иллюзии в то время ушли, но об этом мог говорить только с Вадей, даже с Володькой не решался обсуждать ситуацию. Старался работой заглушить в себе нарастающее смятение. Это хорошо помню, но вот понять и сам себе объяснить, как мог спокойно жить в то время, сейчас не могу. Все-таки душевная короста, а может быть и какие-то другие моменты заставляли вести себя таким образом, что об этом думать сейчас, по прошествии почти полвека с того времени, без горького сожаления и горечи не могу.

II

КОМИНТЕРНОВЕД

«Краткая история Коминтерна»

В апреле 1967 г. вместо Поспелова на должность директора ИМЛ назначили академика Петра Николаевича Федосеева. Видный советский философ прошел путь от аппаратчика ЦК КПСС до вице-президента Академии наук, на всех постах был правоверным исполнителем воли партийного руководства, а потому его карьера развивалась успешно.

Говорил медленно, скрипучим голосом, довольно спокойно. Но я видел, как в его присутствии нервничали различные начальники. Подходило время 50-летия основания Коминтерна. Естественно, Секретариат ЦК определил ряд мер, чтобы отметить эту памятную дату в истории коммунистического движения. Одной из них оказалось написание истории Коминтерна, которое поручили нашему Институту. И директор рассматривал это как одну из неотложных задач. Для создания книги была создана группа. Ее возглавил принятый на работу в Институт Александр Иванович Соболев. Исков сказал мне, что я включен в эту группу в качестве заместителя Соболева.

В нее вошли Куранов, Картунова и Соколов из Сектора, а также Николай Королев из Отдела Истории партии, двое авторов из Отдела Истории Великой Отечественной войны – Лева Чурбанов и Гурий Федорович Заставенко, внештатный автор – Кирилл Кириллович Шириня.

Предполагалось, что Соболев напишет предисловие и заключение книги, Королев – первую главу о создании Коминтерна и его деятельности в 1919–1920 гг., я – о периоде 1921–1923 гг.,

Картунова вместе с Соколовым – о второй половине 20-х годов, Куранов – о годах экономического кризиса, Ширина – о VII конгрессе и антифашистской борьбе Коминтерна, Чурбанов и Заставенко – о деятельности Коминтерна в период Второй мировой войны и его роспуске.

Настоящий полиглот Лева Чурбанов служил раньше в аппарате Министерства иностранных дел, но когда ему предложили поехать на работу во Вьетнам, отказался из-за климата этой страны. Пришлось уйти из МИД, в Отделе Истории ВОВ занимался международными сюжетами в одном из томов. Был довольно своеобразным человеком. В разговоре мог внезапно замолчать и некоторое время стоять молча, прослушивая мысленно какую-нибудь арию из классической оперы. Написанные Чурбановым разделы, на мой взгляд, в особой правке не нуждались.

Заставенко – бывший полковник пожилой человек, тоже занимался международной проблематикой. При разговоре с ним приходилось говорить громко, но его глухота имела свои особенности. Если в его присутствии шла речь о нем, все прекрасно слышал. Представленный им текст, по моему мнению, оказался слабоват, хотя в нем имелись некоторые новые архивные материалы. Впоследствии нам с Шириней пришлось над ним дополнительно поработать.

Николай Королев занимался той же проблемой в III томе истории КПСС, что и я в IV томе. Кандидатскую диссертацию посвятил исследованию роли Ленина в образовании Коминтерна. Полностью воспринял те жесткие схемы, которые были у большевиков в годы революции. Всерьез говорил мне, что мировая революция не победила по вине лидеров социал-демократии, предавших рабочий класс. Однажды, показав на тома Сочинений Ленина, стоявшие на книжной полке, воскликнул: «Вот на что мы можем только сослаться!». Он отличался заносчивостью и упрямством. После аспирантуры преподавал на Кафедре Новой и новейшей истории Истфака МГУ. Мой одноклассник Валерий Бондарчук говорил мне, что силой удалил какого-то студента со своего семинара, после этого студенты потребовали его уволить. Королев вернулся в Институт. Не был лишен исследовательских способностей, написанный им текст в общем не вызвал больших замечаний.

Я к тому времени уже написал немало по периоду 1921–1922 гг. и о возникновении тактики единого фронта, роли в этом Ленина, проблемах III и IV конгрессов Коминтерна. Сравнительно больше пришлось уделить внимания событиям 1923 г., особенно неудачной попытке подготовить и осуществить в Германии социалистическую революцию, роли в этом Коминтерна.

Еще раньше, изучая архивные материалы, нашел стенограмму обсуждения перспектив революционного движения в Германии на совещании, созванном ИККИ в сентябре – начале октября 1923 г. в Москве с участием представителей компартий Германии, Франции, Чехословакии и, разумеется, РКП(б). Теперь перечитал снова. Стенограмма насчитывала свыше ста страниц. И позже неоднократно обращался к ее тексту, переписал ее почти всю. Много лет спустя значительную часть этой стенограммы удалось опубликовать в сборнике, посвященном несостоявшемуся германскому Октябрю¹.

Поразило, насколько несерьезно руководители КПГ рассуждали о том, что революция стоит буквально на пороге. Лидер партии Генрих Брандлер заявлял, что компартия готова к борьбе за власть. Даже члены германской делегации Эберлейн и Эрнст Тельман с ним не согласились, считали, что он выдает желаемое за действительное. Потряс меня один тезис в выступлении Эберлейна, сказавшего, что много зависит от того, какую позицию займут шахтеры Рура. Предложил устроить несколько провокаций с гибелью людей и затоплением шахт, чтобы свалить это все на власти и усилить возбуждение масс.

Энергично за ориентацию КПГ на осуществление переворота в Германии выступил Зиновьев. Полагаю, что именно он еще до совещания навязал лидерам КПГ свое видение ситуации. Зиновьев сослался на решения пленума ЦК РКП(б), принявшего тезисы «Грядущая германская революция в Германии и задачи РКП». В этих тезисах, написанных в основном им самим, утверждалось,

---

¹ Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern. Herausgegeben von Bernhard H. Bayerlein, Leonid G. Babičenko, Fridrich I. Firsov und Aleksandr Vatlin. Übersetzungen aus dem Russischen von Tanja Timofeeva. – Berlin: Aufbau-Verlag, 2003.

что КПГ завоевала на свою сторону большинство активных слоев рабочего класса и в ближайшее время сумеет повести за собой большинство всего пролетариата, что социал-демократия вошла в полосу острого кризиса и потеряла влияние в массах, а правительство Штреземана не имеет никакой реальной силы. Формулировался вывод о близости революционного переворота в этой стране. Выражалась готовность сделать все для победы будущей революции в Германии, вплоть до того, чтобы поставить на карту вопрос о судьбе Советской республики, так как в этом случае была неизбежна война с державами Антанты.

В своих предложениях участникам совещания Сталин высказался за создание в Германии Советов, которые должны стать центрами будущего восстания. Это было несовместимо с возникновением коалиционных правительств в Саксонии и Тюрингии, в которые вместе с социал-демократами вошли коммунисты. Сталин также потребовал, чтобы коммунисты добивались раскола левых и правых социал-демократов и стремились дискредитировать лидеров левых, чтобы как можно скорее оторвать рабочих от этих лидеров.

Нашел в сентябрьском номере газеты «Rote Fahne», центральном органе КПГ его ответ на просьбу редактора газеты Августа Тальгеймера высказаться о перспективах революции в этой стране. В нем, в частности, говорилось: «Победа революции в Германии будет иметь для пролетариата Европы и Америки более существенное значение, чем победа русской революции шесть лет назад». Разумеется, это высказывание в последующие годы нигде не упоминалось.

О несоответствии этих оценок реальной ситуации в Германии я написал в той главе, которую подготовил для книги Института всеобщей истории. Позднее нашел некоторые новые материалы, которые подтверждали ранее сделанный вывод о серьезных левых ошибках Коминтерна в оценке ситуации в Германии, об отсутствии действительных условий для победы революции¹.

---

¹ Когда довелось побывать в Берлине в связи с подготовкой сборника о III конгрессе Коминтерна, в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ увидел документы полицейской слежки за компартией. В 1923 г.,

Понимал, что теперь мне следует искать какие-то более убедительные аргументы в обоснование своих выводов. Помнил хорошо, что мой текст будет читать Картунова, и тщательно продумывал формулировки, опиравшиеся на документы, особенно такие, которые высоко чтились историками партии.

И такие аргументы нашел. В то время в верхушке РКП(б) развернулась борьба за место вождя партии, которое освободилось вследствие болезни Ленина. Большинство ведущих фигур в руководстве партии, включая Сталина, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Рыкова, объединилось против Троцкого. Формально же все выглядело иначе и представлялось как нападение Троцкого на идеологические основы партии.

В числе тех, кто с тревогой наблюдал за этими событиями, были лидеры польских коммунистов. В декабре 1923 г. пленум ЦК этой партии обратился с письмом в ЦК РКП(б). В нем выражалось беспокойство тем, что борьба между лидерами ВКП(б) велась путем травли одного из них, а именно Троцкого, а также наметившимися в руководстве Коминтерна левацко-сектантскими тенденциями в сторону пересмотра его политики и допущенными ошибками в германском вопросе.

Письмо вызвало возмущение в руководстве РКП(б). В ответном письме Политбюро ЦК РКП(б), подписанном Сталиным, критика со стороны польских коммунистов была расценена как протроцкистская позиция. V конгресс Коминтерна в 1924 г. создал Польскую комиссию, которую возглавил Сталин. Он обвинил лидеров польской партии в антибольшевизме и антисоветизме и добился смены руководства партией.

когда Коминтерн толкал КПГ на революционный переворот, в полиции имелись списки с адресами всех членов компартии. Любая серьезная попытка начать восстание была бы моментально пресечена. То, что в Гамбурге ее смогли осуществить, объяснялось тем, что в ночь накануне выступления его будущих участников неожиданно собрали на конспиративных квартирах, которые никто не имел права покинуть. Полиция, имевшая своих информаторов во всех партийных организациях, оказалась захваченной врасплох. Поэтому повстанцы сумели продержаться на баррикадах около 60 часов и покинули их по приказу партийного руководства, когда на помощь полиции подоспели войска.

Однако в том же ответе Политбюро содержалась фраза, что Исполком Коминтерна в октябре 1923 г. переоценил зрелость ситуации в Германии и недооценил силы противника. Кроме того, встретил в одной из статей Вальтера Ульбрихта, который тогда возглавлял тюрингскую организацию КПГ, а в данное время был Первым секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии, оценку курса на установление Советской власти в Германии, взятый руководством КПГ после Московского совещания, как ошибочную. Эти формулировки и стали для меня тем цитом, который буквально спас от обвинений в сознательном извращении истории германских событий.

Сегодня я бы сказал, что в этой главе попытался преодолеть некоторые идеологические штампы, но это сделал в рамках представлений, будто ленинские установки, принятые Коминтерном, в целом соответствовали реальной ситуации тех лет.

Раздал отпечатанные копии главы членам авторского коллектива. Когда пришел к Куранову, тот буквально выхватил ее из моих рук, раскрыл и, несмотря на то, что я еще стоял перед его столом, начал в ней что-то подчеркивать красным карандашом. «Ну, началось», – подумал я. Вскоре узнал, что на собрании парторганизации Сектора Картунова буквально визжала о протаскивании Фирсовым троцкизма под видом анализа сектантских ошибок Коминтерна.

К лету 1968 г. авторы представили первые варианты своих глав. Наступил этап их обсуждения. Но исчез Соболев. Положение стало тревожным. Федосеев спрашивал, как обстоит дело, а сказать ему было нечего. Искров вызвал меня к себе и предложил свести все полученные главы в одну книгу. Этим и стал заниматься.

Королев в своей главе в общем повторил разработанные при его участии оценки III тома истории КПСС – историческая вина социал-демократии за неудачу мировой революции в период окончания мировой войны, необходимость решительного разрыва и борьбы с этой социал-демократией и самостоятельного революционного курса для возникающих компартий. Довольно подробно изложил работу I и II конгрессов Коминтерна, подчеркнул роль Ленина в формулировании основных установок этой орга-

низации. Его текст мне показался в целом приемлемым, хотя некоторые оценки чересчур резковатыми. Они явно носили отпечаток тех лет, о которых говорилось в главе.

Ширина написал текст в духе своей монографии с Лейбзоном¹ (профессор АОН при ЦК КПСС, историк-международник, работы которого носили характер исторической публицистики, например, «Что такое революционность сегодня»). Много позднее, когда у нас с ним установились добрые отношения, спросил меня, почему мои тексты всегда были такими серьезными. Пришлось развести руками. Всегда хотелось вложить в них прежде всего как много больше документального и фактического материала, на публицистические отступления просто не хватало места, возможно, просто лишен этой важной для автора черты). В главе подчеркнул значение антифашистского курса, принятого Коминтерном после прихода к его руководству Георгия Димитрова. Много внимания уделил изложению политики народного фронта. Текст этой главы в общем страдал теми же недостатками, как и мой. Ни Ширина, ни я не сомневались в безошибочности ленинской политики, да и видели мы исторические события только через призму идеологии партии.

Тексты Чурбанова и Заставенко о годах Второй мировой войны также мне показались приемлемыми. Но написанное Курановым, Картуновой и Соколовым вызвало острое недовольство. Это было апологетическое восхваление политики Коминтерна. Резолюции конгрессов и пленумов ИККИ пересказывались без малейшей попытки их осмыслить, выяснить причины неудач компар-

---

¹ Мне несколько раз довелось высказывать свое мнение об их книге. Н.Ф. Кузьмин предложил написать критическую рецензию о ней. Ответил ему, что моя рецензия может быть только положительной, ибо полностью согласен с трактовками авторов. Вопрос о рецензии отпал. Второй случай произошел во время XXIII съезда КПСС. Съезды партии получали много писем по разным вопросам. В Институт прислали письма такого рода, связанные с историей партии. Среди них было письмо от Игоря Пятницкого с жалобой на то, что в книге Лейбзона и Ширина дается искаженная оценка деятельности его отца Осипа Пятницкого. Мне поручили дать письменный ответ на эту жалобу. Поскольку хорошо знал эту проблему, не составило особого труда доказать, что жалоба была безосновательной.

тий. Отсутствовал анализ ситуации и деятельности Коминтерна, не говоря уже о критике неверных положений. Воспроизводились оценки, в которых левачество и брань по адресу всех возможных врагов, особенно троцкистов, затмевали все остальное. Авторы даже не подвергли критике теорию социал-фашизма.

Прочитав тексты глав, пришел к выводу, что книги не получилось, каждый писал так, как понимал историю Коминтерна, как мог это сделать в соответствии со своим взглядами и представлениями. Понял, что не справлюсь с превращением глав, написанных с разных позиций, в единую книгу. Но появился Соболев и я с облегчением передал ему все тексты.

При обсуждении развернулись весьма острые споры. Попытки Картуновой охарактеризовать наши с Кирилл Кирилловичем главы как ревизионистские тексты, обвинить нас в антипартийности, были сразу отвергнуты. Картунова громогласно заявила, что я-де принимаю роль Ленина в Коминтерне. Но по вопросу о событиях 1923 г. в Германии молчала, поскольку увидела сноску на письмо Политбюро ЦК РКП(б) с признанием ошибки в оценке ситуации. Я не выступал. Критиком глав секторских авторов стал Шириня. Картунова, осознав, что потерпела неудачу, сменила тон, начала говорить, что не надо драматизировать ситуацию, что недостатки легко устранить и т. д.

Решительное объяснение состоялось в присутствии Федосеева. Перед заседанием Соболев спросил меня, каким вижу выход из ситуации. Ответил, что от этих авторов следует избавиться и найти других. На совещании Соболев сказал коротко, что книги нет. Федосеев был весьма раздражен и проскрипел, что надо сделать все, но книгу подготовить.

После этого провели еще одно совещание. По поручению Федосеева в качестве третьей стороны выступил Григорий Захарович Лекомцев из Отдела Истории ВОВ. Он также нашел главы курановцев весьма слабыми. Надо было что-то делать. В разговоре с Соболевым предложил, чтобы Шириня написал главу вместо Куранова, а вместо Картуновой пригласить нового автора – Александра Резникова. Соболев с этим согласился.

Саша Резников

Резников ворвался в мою жизнь подобно метеору. Первое впечатление мое о нем хорошо помню. Тогда подумал: «Он пойдет далеко». Это был крупный человек, с громким проникновенным и привлекательным голосом. Лицо его говорило о духовной силе, воле и решительности. Пожалуй, в жизни не встречал другого столь талантливого человека. Мы вскоре стали близкими друзьями.

Саша работал в Институте международного рабочего движения, специализировался по истории Востока, знал индонезийский язык, выпустил уже книгу по истории этой страны. Участвовал в коллективном сборнике по истории национально-освободительного движения в послеоктябрьские годы.

Ранее ему довелось работать секретарем райкома комсомола в подмосковном городке, где располагался атомный центр. Прекрасно знал особенности партийной работы, своего рода сленг и привычки партийных аппаратчиков. В те годы произошла печальная история – покончил с собой какой-то молодой ученый-атомщик. Сашу вместе с секретарем райкома партии вызвали на заседание Московского обкома КПСС. Последний попытался свалить вину на самого покойного, чем вызвал гнев секретаря обкома. Саша же заявил, что признает вину комсомольской организации и свою в первую очередь. После этого председательствовавший посоветовал райкомовцу брать пример со своего молодого коллеги. Но на обратном пути зато услышал от своего попутчика: «Ах ты гад, сам признал свою вину! Ну теперь держись!». Саша много раз повторял, что означают в партийной характеристике слова: «Не совсем зрелый человек». Это скрывало формулу – «Не слушается, сволочь!»

Язык этих характеристик отличался своими особенностями. В советских войсках на территории Германии, рассказывал Шириня, в характеристиках офицеров обязательно присутствовала фраза: «В мешочничестве не замечен». «Таким образом, – заключил Кирилл, – каждый подозревался в мешочничестве, но только его не уличили».

Саша с большим пиететом говорил, что работает по заданиям «товарища У». Это был заместитель Международного отдела ЦК КПСС Ростислав Александрович Ульяновский. Бывший коминтерновец, прошедший через арест и заключение, он все же уцелел и даже достиг высокого партийного поста. Мнение «товарища У» для Саши значило так много, что однажды, полетев отдыхать в Сочи, на следующий день вернулся обратно. Ему показалось, что он может понадобиться тому.

Саша просматривал одно за другим архивные дела Коминтерна по Востоку. Оказалось, что он не умел правильно оформлять выписки из архивных дел. Выписывал материалы на листочках, не фиксируя архивного адреса документа. Убедил его делать выписки по правилам. После этого на каждой странице он ставил соответствующие пометки.

Любимым выражением Саши, которое часто приводил на наших встречах, была фраза из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова: «Два негодяя пошли дальше».

Резников очень интересовался историей Коминтерна, в первую очередь в связи с историей национально-освободительного движения на Востоке. Я дал ему почитать рукопись своей неопубликованной статьи о тактике единого фронта. Затем у нас состоялся большой разговор, убедился в том, что наши взгляды совпадали. Поэтому, когда Соболев спросил меня, кого бы мог порекомендовать в состав авторского коллектива, не задумываясь, назвал Сашу.

Резникову предстояло написать текст, который в книге следовал бы за моей главой. Времени оставалось очень мало и я познакомил его со своими выписками из архива и вариантами своих разделов для тома Истории КПСС. Саша проштудировал толстенные стенограммы V конгресса Коминтерна и соответствующих пленумов ИККИ. Создал свой текст в предельно сжатый срок. Чтобы, хоть как-то облегчить его задачу, написал в его главу небольшой параграф о созданных в 20-е годы учебных центрах Коминтерна.

Мой друг, разумеется, страшно вымотался за те дни, даже спрашивал меня, может быть оставить какой-нибудь текст из рукописи Картуновой. Объяснил ему, и это пришлось делать даже

несколько раз, что сохранение текста Картуновой, хотя бы в малейшей степени, приведет к тому, что она, как член авторского коллектива, будет неизбежно срывать работу над книгой, навязывая свои оценки и устраивая скандал за скандалом. В результате текст Резникова заменил в книге, все, что было написано Картуновой.

Снова о «Краткой истории Коминтерна»

В главе Саша были рассмотрены решения V конгресса Коминтерна и пленумов ИККИ, деятельность этой организации в 1924–1929 гг., подвергнута критике оценка социал-демократии как социал-фашизма, освещена тактика Коминтерна в китайском вопросе, который с того времени приобретал все большее значение. Он раскрыл проблемы, связанные с неудачным восстанием в ноябре 1926 г. в Индонезии, созданием в 1927 г. в Брюсселе Антиимпериалистической лиги, своего рода попытки добиться единого фронта рабочего класса с народами колониальных и зависимых стран. Эта организация, несмотря на то, что первоначально в ее деятельности приняли участие такие выдающиеся фигуры, как Джавахарлал Неру из Индии, не сыграла той роли, которую на нее возлагали ее основатели. Усиление в Коминтерне левосектантских установок во второй половине двадцатых годов обрекло на неудачу все попытки придать движению под эгидой коммунистов массовый характер.

Цели, преследуемые Коминтерном и национально-освободительным движением, были разными. Основной противник был у них один – Западный империализм, и это создавало на определенных этапах возможность совместных действий. Но неизбежным оказалось размежевание, ибо лидеры того движения отнюдь не помышляли о коммунизме как конечном результате своих действий. Они добивались национального освобождения, в то время как Коминтерн рассматривал это как задачу, подчиненную главной – социальному освобождению трудящихся.

В отношении Соколова мы с Сашей применили иную тактику. Евгений Николаевич при обсуждении проектов текстов ни слова не произнес в опровержение сделанных замечаний. Как правило, участники заседания собирались в коридоре, прежде чем зайти в зал, где затем происходила дискуссия. И при этом всегда образовывались как бы две группки – одна из сотрудников Сектора и вторая – мы с Шириной и Резниковым. Перед самым решающим заседанием с участием Федосеева Соколов явно демонстративно подошел к нам и произнес какие-то дружелюбные слова. Мы с Сашей молча переглянулись. Оба поняли, что Соколов решил отмежеваться от Картуновой. Было очень важно показать, что мы не отказываемся сотрудничать с тем или иным автором, если он не настаивает на застарелых догмах и не бросает в своих оппонентов отравленные идеологические стрелы. И хотя текст Соколова пришлось затем основательно дорабатывать и при этом он все равно остался слабым, Евгений Николаевич остался в числе авторов. Я и тогда считал и сейчас нахожу такое наше решение удачным.

Лида напомнила мне сценку. В нашей комнате на Хорошевке она держала на руках большую Наташу. По комнате метался Саша, а я сидел на диване. И мы возбужденно говорили о том, каким замечательным человеком был Бухарин, чувствовали себя счастливыми от того, что наши мнения совпали. Саше предстояло написать о решениях X пленума ИККИ, состоявшегося в июле 1929 г. и подтвердившего решение пленума ЦК ВКП(б) о снятии Бухарина с работы в Коминтерне. Пленум ИККИ даже принял пространное решение о правоопортунистических ошибках Бухарина. Саша предложил процитировать первую фразу постановления, в которой лишь один раз фамилия этого человека упоминалась как «г. Бухарин». Дальше о нем говорилось без использования буквы «г.».

Сегодня читателю упомянутый факт может показаться чем-то вроде мышинной возни. Но специально привел его, чтобы показать, как нелегко было работать в те времена. Бухарина еще не реабилитировали. Обвинение в оппортунизме могло не только привести к поражению в научном споре, но и привести к потере работы по профессии.

Для нас тогда учение классиков марксизма являлось идеологией и инструментом научного поиска, мы лишь хотели очистить его от сталинского искажения, исследовать реальные исторические события и излагать их, освободив от последующей фальсификации и извращения. Непоследовательность такой концепции очевидна. Но реализовывать ее приходилось в условиях, когда приходилось преодолевать атаки сталинистов, использовавших против своих противников опасные политические ярлыки.

Серьезно помог доработать текст Шашиной главы Кирилл Ширина. Редакторская работа проходила в квартире Соболева. В ней участвовали Ширина, я и Резников. Однажды произошел комичный случай. Мы втроем собрались у дверей его квартиры, а дверь не отпиралась. Что-то делать надо было, поскольку сроки подпирали. Тогда мы на лестничной клетке, используя как письменный стол подоконник, продолжили доработку Резниковской главы. Этот забавный эпизод и не сразу вспомнил, но когда он пришел в голову, решил его рассказать, уж больно нелепо мы выглядели втроем в тот момент.

Особого редактирования новой главы Ширина, которую он быстро написал взамен текста Куранова, не потребовалось.

Пока шла работа над книгой произошли важные события. Вместо Сектора в Институте возник Отдел истории международного коммунистического движения, состоявший из двух Секторов – Сектора истории Коминтерна и Сектора современного коммунистического движения. Соболев возглавил Отдел и второй Сектор. На должность заведующего Сектором истории Коминтерна пригласили Ширину. Меня и Королева перевели в состав этого Сектора. Но осталась Картунова. Соболев тут же отправил ее в отпуск, собираясь после этого от нее отделаться. Картунова пошла с жалобой в ЦК и нашла там поддержку. Помню длительный и шумный разговор, состоявшийся между Соболевым и Шириней, с одной стороны, и Картуновой, с другой. В результате она все же покинула Отдел, но ее перевели в Отдел Истории КПСС.

Собственно работа в Секторе началась с завершения подготовки книги к изданию. После того, как Соболев уже в качестве редактора прошелся по всему тексту и написал Введение и За-

ключительную главу, макет книги размножили на ротапринте. Название ей дал Соболев: «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». При этом в аннотации Александр Иванович назвал ее Кратким очерком истории Коминтерна. Обратил его внимание на несовпадение этих названий, но он усмехнулся и ответил, что так будет лучше.

Макет разослали ведущим историкам, в различные советские научные центры. Отзывы на него поступали Соболеву, он несколько раз нас о них информировал. Они носили положительный характер. Затем изготовили новый макет, который послали всем здравствовавшим в то время деятелям Коминтерна. Он тоже получил отовсюду хорошие отклики. Особо важное значение имело письмо Ульбрихта в Политбюро ЦК КПСС. Он полностью поддержал ту оценку событий, которую дали несостоявшейся попытке взятия власти в Германии осенью 1923 года.

В воспоминаниях Ширина нашел рассказ о том, как шло в ЦК обсуждение макета, на которое вызвали Соболева и Шириню. Я знал только, что они несколько раз ездили туда. Текст читали сотрудники трех Отделов – Международного, Отдела науки и Отдела пропаганды. Если в первых двух дали согласие на передачу текста в издательство, то в третьем книгу встретили в штыки. Даже подготовили записку в Секретариат ЦК о грубых политических и идейно-теоретических ошибках авторского коллектива, о том, что издание книги принесет политический вред. Поговорив друг с другом, Шириня и Соболев пришли к выводу, что на основе этой записки вести никаких разговоров нельзя. Соболев заявил: «Выводы вашей записки мы отвергаем полностью как необъективные и оскорбительные. На основании этой записки мы никаких обсуждений вести не можем и не будем. Если мы написали такую политически вредную книжку, как вы ее характеризуете, то и вам нечего с нами разговаривать; нас нужно не только гнать из института, но и отправить в тюрьму»¹. Представителям этого Отдела после безуспешных попыток морально подавить Соболева и Шириню, пришлось снять из записки всю оценочную

---

¹ Цит. по: *Шириня К.К.* Разный цвет у прожитых времен. – М.: Патриот, 2012. С. 275.

часть книги. Обсуждение пошло вокруг конкретных замечаний. В ходе длительных дискуссий, длившихся несколько часов, догматические обвинения практически рассыпались. В конечном итоге приняли заключение, что книгу можно представить в издательство.

Отдел пропаганды попробовал еще раз оказать давление. Для этого использовали цензуру. Цензор не подписывал уже набранный текст, ссылаясь на то, что слишком много говорится об ошибках Коминтерна. Соболев и Шириня пошли на некоторые сокращения, благо об этих ошибках сказано было в разных местах книги. В дело даже вмешался директор Института Федосеев, и подпись цензора удалось получить.

Впрочем, на самой последней стадии, когда встал вопрос о списках членов авторского коллектива и редколлегии, возникла какая-то задержка. Федосеев не соглашался с нашими вариантами перечисления редколлегии и авторского состава книги. Мы не понимали, в чем дело. Под конец, Соболев вычеркнул себя из списка как руководителя авторского коллектива, заменив свою фамилию фамилией Федосеева. Тут я решительно восстал и сказал, что пойду к директору, чтобы выяснить ситуацию. Оказалось, что Федосеев просто не хотел, чтобы у книги была редколлегия.

Книга довольно быстро вышла из печати. Ее тираж разошелся в несколько дней. Позднее ее перевели и издали в некоторых социалистических странах. А Издательство иностранной литературы опубликовало перевод книги на английском и некоторых индийских языках.

Немалую роль в ее появлении сыграли авторитет Соболева и поддержка, которую мы тогда получили от многих историков, а также от ветеранов Коминтерна. В очерке приводились новые сведения и документы. При этом ссылки на архив были санкционированы ЦК КПСС. Об этом сообщила Валентина Михайловна Ендакова. Я не знал, что сноски на документы Архива Коминтерна разрешал ЦК КПСС, а не ЦПА.

Меня не удивил рассказанный Кириллом эпизод, в котором прозвучали слова Соболева о том, что если написана политически вредная книга, то ее авторы заслуживают тюрьмы. Именно так я когда-то прореагировал на заседании парткома в ответ на инсинуации Картуновой, обвинившей меня в троцкизме и клевете на

партию. Но это означало, что мы, и я в том числе, представляли, каким могли быть результаты, если наши тексты получили бы негативную оценку. Разумеется, тогдашняя обстановка существенно отличалась от сталинских времен, когда выдвинутое обвинение не требовалось доказывать, но, тем не менее само упоминание о тюрьме свидетельствует о том, что речь шла отнюдь не о научных спорах. Полагаю, что поиск научно обоснованного ответа на вопросы, которыми мы тогда занимались, воспринимался самими исследователями, да и не только ими, сугубо политически, что не могло не влиять отрицательно на сам этот научный процесс. Вместе с тем все это показывает, что мы тогда были пропитаны идеологией, которая предусматривала тяжкое наказание для тех, кто попытался бы высказать истину, противоречащую партийным установкам.

Издание этой книги в 1969 году, когда уже начали веять новые политические ветры, такое у меня тогда сложилось мнение, воспринималось как отзвук времен Хрущева. Довелось побывать в редакции «Нового мира» и поговорить с первым заместителем Александра Твардовского Владимиром Лакшиным, за статьями которого внимательно следил и находил в них многое, созвучное моим мыслям. Разговор был кратким, но теплым. Лакшин проявил большой интерес к книге и мы договорились о новой встрече, в которой я расскажу о ней подробнее. Этого не получилось, так как узнал об уходе Твардовского и Лакшина из состава редакции журнала.

На книге отрицательно сказалось тогдашнее состояние советской исторической науки. Авторы не исследовали такие вопросы, как финансирование Коминтерна, его связь с советской разведкой и карательными органами. В ней не давался ответ на вопрос, почему многие зарубежные деятели, основавшие в своих странах компартии, затем покинули их. Авторы не осознавали, что сам Коминтерн и компартии, по крайней мере их руководство, являлись марионетками лидеров ВКП(б), а сама эта организация превратилась в своеобразный внешнеполитический инструмент этой партии и прежде всего Сталина. Понимание этого к некоторым пришло намного позднее, а другие так ничего и не поняли или не захотели это признать.

И сегодня в России подчас появляются книги по истории Коминтерна, прочитав которые, сожалеешь о потерянном зря времени. Но выросло и новое поколение историков, которое рассматривает историю Коминтерна вполне на уровне достижений мировой историографии. Однако источниковедческая база этих исследований вновь ограничена. Снова наиболее важные документы оказались недоступны исследователям.

Соболев и Шириня

Прежде чем перейти к описанию своей работы в Секторе, хочу рассказать о тех, кто возглавил тогда Отдел и Сектор, о Соболеве и Ширине. Совместную работу с ними считаю одной из самых главных удач в своей жизни.

Александр Иванович Соболев остался в моей памяти как яркий и неординарный человек. Он обладал взрывной умственной энергией, умел делать парадоксальные выводы и обобщения из совокупности различных, порой противоречивых и, казалось бы, совершенно взаимно несвязанных фактов. Отличался не только философской глубиной мысли, но и неожиданностью и яркостью сравнений и формулировок, умением обобщать явления, выделяя их специфику, острым формулированием проблем. Физически очень сильный, атлетически сложенный, статный и красивый человек, он любил жизнь, был очень привлекателен для женщин и отнюдь не был ханжой во взаимоотношениях с ними. К сожалению, его мышление было заиклено в марксистскую доктрину, жестко детерминировавшую направленность размышлений и односторонне трактующую действительность.

В начале 50-х г., когда учился на Историческом факультете МГУ, узнал, что Соболев читает лекции на одном из факультетов о странах народной демократии. Не пропустил ни одной его лекции. Он тогда сформулировал тезис, что в этих странах революционный процесс прошел два этапа. Первый – связанный с освобождением народов этих стран Советской Армией от гитлеровского ига. К власти пришла коалиция демократических сил при веду-

щей роли рабочего класса и компартии. На этом этапе революция носила демократический характер и власть оказалась схожей с тем правительством, о котором в 1905 г. писал Ленин. На втором этапе революционного процесса власть перешла к рабочему классу мирным путем и установилась диктатура пролетариата в форме народно-демократической власти. Поговаривали, что эта точка зрения получила одобрение Сталина.

Разумеется, это была концепция в рамках марксизма-ленинизма. Она не учитывала того, что новый строй был навязан этим странам Советским Союзом, что его союзники по антигитлеровской коалиции дали согласие на установление в этой части Европы советской гегемонии. Но в той затхлой идейной атмосфере версия Соболева казалась очень интересной, прогрессивной и вскоре стала официальной и общераспространенной в СССР и странах народной демократии.

Соболеву был присущ недостаток, свойственный многим русским людям. Он пил, причем запои его длились долго. На это время куда-то пропадал. В последние месяцы своей жизни, а прожил он не более 60-ти с небольшим лет, эта болезнь усилилась. В воспоминаниях весьма уважаемых мною людей приходилось встречать и весьма нелестные отзывы об Александре Ивановиче и некоторых его поступках. Но отнюдь не претендую на то, что мои воспоминания об этом человеке дают ему полную характеристику. Просто описываю, что видел и как это понимал, рассказываю о своих встречах с ним. Во многих отношениях Соболев сыграл в моей жизни важную позитивную роль и я могу упомянуть его лишь добрым словом.

Тогда же в мою жизнь вошел Кирилл Кириллович Шириня. Участник войны, прошедший ее сначала до конца, раненый в ногу, отчего слегка прихрамывал, Кирилл – мужественный, глубоко порядочный и честный человек, беспредельно влюбленный в дело, которым занимался. Он стал широко известным знатоком истории Коминтерна. Его отличала личная скромность, порой она представлялась мне несколько чрезмерной. Как заведующий Сектором истории Коминтерна создал в нем нормальную, деловую обстановку, мы с ним доверяли друг другу, наши взгляды на проблемы истории Коминтерна были очень близки.

Кирилл активно участвовал в авторской работе Сектора и возглавлял большинство изданий. В то же время он не прекратил самостоятельной научной работы. Раз в неделю после конца рабочего дня отправлялся в архив, поскольку тот работал по четвергам до 10 часов вечера. Написал книгу о деятельности Коминтерна до начала Второй мировой войны и по ней защитил докторскую диссертацию.

К несчастью, был серьезно болен. Перенес четыре инфаркта и часто подолгу отсутствовал на работе. В такие дни я по молчаливому согласию его замещал, правда, неофициально. Затем его тесть, хирург-медик, сделал Кириллу операцию на желудке и с тех пор он забыл о своих инфарктах.

Ширине свойственно уважение к тем, кто с ним работал, служил под его начальством. Мог критиковать автора за недостатки текста и весьма резко, но и сам помогал их исправить. Помню, как отозвался о статье Евсея Исааковича Спиваковского для сборника о III конгрессе Коминтерна: «Текст напоминает мешок картошки. Если ее высыпать, каждая картофелина окажется самостоятельной, не связанной с другими. Так и с каждым абзацем вашей статьи».

Был только один случай, когда не стерпел и попросил посетителя не мешать ему работать. Это случилось с Соколовым, который с чем-то к нему вязался, пока Кирилл не взорвался. Тот после этого пошел жаловаться к Соболеву.

Кирилл сохранял свое лицо и в разговоре с начальством. Об этом сказал на собрании в честь его шестидесятилетия первый заместитель директора Института Петр Александрович Родионов.

Шириня всегда оставался верным коммунистическим принципам. Помню, как он говорил о бесперспективности частной собственности. «Можно построить дом, а что дальше? Можно построить яхту, а что дальше?» Хотел ему сказать, что это совсем не плохо, но он говорил это так убежденно, что прерывать его не было смысла. Кирилл вообще считал, что различные изобретения и усовершенствования направлены на то, чтобы усилить в человеке чувство собственной индивидуальности и подчинить его вещам, внедрить в сознание буржуазную идеологию, чувство частной собственности.

В 1992 г. при обсуждении вопроса о том, каким должен стать наш дачный кооператив, разгорелась дискуссия вокруг того, ойдет ли участок в собственность каждого члена кооператива или только останется в его пожизненном владении. Я сказал ему, мол, голосуй, чтобы твоя дача и твой участок принадлежали тебе. Он резко ответил: «Я же противник частной собственности».

На 70-летию Ширины, которое мы отмечали в Секторе в декабре 1991 г., поднимая бокал в его честь, заметил, что события показали, что не все идеалы, в которые мы верили, прошли испытание временем. Кирилл тут же возразил, что это не так, и он остается верен своим идеалам. Принимал участие в демонстрациях КПРФ, одна из которых закончилась пролитием крови. Мы с ним никогда не разговаривали о политике. С грустью видел, что она стала причиной, отдалившей нас друг от друга, но это ничуть не изменило мое представление о нем как о человеке, дружба и сотрудничество с которым сыграли важную роль в моей жизни.

Когда через много-много лет работал над этими воспоминаниями, узнал, что Кирилл опубликовал свои. Мне их очень хотелось прочитать. Ему об этом сообщили и он с краткой надписью «от автора» передал экземпляр, чтобы его мне послали. Начал читать с большим интересом. Особенно важным для меня оказался его рассказ о работе в нашем Институте. За исключением нескольких частных, то, что он написал о нашей совместной работе, о сотрудниках Сектора, совпадало с тем, что запомнилось мне.

Но читая его текст, заметил, что меня что-то начало беспокоить. Не встретил ни одного критического слова о Сталине, даже слова «сталинизм». Объяснение этому нашел в последующих главах. В них увидел не хорошо мне знакомого и симпатичного человека, а твердого коммуниста, который соответственно своим взглядам излагает свою биографию и высказывает свои оценки событиям, происшедшим в стране. Это, разумеется, его право, хотя меня покорило отрицание в книге многих давно установленных фактов. Но заметил, что и он с тяжелым чувством написал о возникшем между нами отчуждении.

Кирилл занял в моей жизни очень важное место. Никакие последующие события не могут вычеркнуть из моей памяти связанные с ним годы совместной и дружной работы, того, что мы сде-

лали вместе. Но жизнь есть жизнь. И нередко она создает ситуацию, когда люди перестают понимать друг друга. Но считаю, что нужно просто выяснить, почему так произошло, а не отбрасывать в сторону как лишний балласт воспоминания о прошлом сотрудничестве.

Мои дорогие подруги

В моей жизни тогда наступил новый этап. Вновь оказался в коллективе людей, занимающихся той же темой, которая привлекала меня и казалась мне наиболее интересным делом. Но ситуация изменилась коренным образом. Теперь решающую роль играли специалисты, стремившиеся подходить к своей работе творчески, для них резолюции Коминтерна были не документами, которые следует пересказывать, а источниками для исследовательской работы и осмысливания прошлого. Да и я уже имел за плечами определенный накопленный опыт и прежде всего серьезное знание материалов архива этой организации. Но не только в этом было дело. Ситуация изменилась не только в научном плане, но и в человеческо-духовном. У меня на работе появились друзья, которые стали такими на всю оставшуюся жизнь. Поэтому здесь хочу рассказать об Ире Мительман, Жене Севрюгиной, Вале Груздевой, Вале Цырлиной.

С Ирой, Женей и Валей Груздевой виделся каждый рабочий день, с Валей Цырлиной, когда посещал ЦПА. Поскольку в Институте стали традицией небольшие перерывы на чаепитие, мы обычно собирались в комнате, где сидели Дина Эммануиловна Кунина и Валя Груздева. Эти 10–15 минут были всегда очень веселыми, они заряжали хорошим настроением на весь рабочий день.

Обедать ходили в час дня. Как правило, шли втроем – Женя, Ира и я. Подчас мы шли вчетвером, вместе с Валей. И вот, когда шли к входу в столовую, замечал как на меня с нескрываемой завистью смотрели встречные сотрудники и сотрудницы, возвращавшиеся из столовой. Когда это видел в глазах встречных муж-

чин, это, разумеется, было понятно, мои спутницы выглядели прелестно. Ну а женщины, думаю, полагали, что это одна из обычных любовных интрижек. Впрочем, возможно, мне это так казалось. Радовался, что проведу время и поболтаю со своими любимыми подружками. Мы понимали и ценили нашу дружбу, и вместе нам было хорошо.

С Ирой познакомился еще до ее прихода в наш Отдел, куда она перешла из ЦПА, где какое-то время работала в Секции документов международного коммунистического движения. Она – двоюродная сестра Тадика Финкельштейна. Эту миниатюрную, выделяющуюся среди других своеобразной еврейской красотой женщину отличали сильный характер, какая-то определенность суждений, стойкость и в то же время гибкость и нежность. Ире ничего нельзя было навязать.

Мы с ней вместе несколько раз катались на лыжах в Серебряном бору, ездили вместе даже в дом отдыха на Валдае, много разговаривали о жизни, в том числе и о политике. И тут я встретил полное понимание. По образованию она – историк-архивист. Не могу сказать, что работа в Отделе ее очень интересовала. Зато, когда ее назначили заведующей справочным кабинетом, заработала весьма энергично. За короткое время на пустом месте возник кабинет, в котором находились сброшюрованные материалы бюллетеней ТАСС по различной тематике, различные словари и справочники, германская энциклопедия Эфрона и Брокгауза, книги по истории компартий и международного рабочего движения. Кабинет стал серьезным помощником не только в повседневной работе сотрудников, но и в подготовке лекций по проблематике коммунистического движения. Хорошо Ира проявила себя и тогда, когда ее избрали председателем профсоюзного бюро Отдела. Довольно решительно ставила перед руководителем Отдела острые вопросы, касавшиеся интересов сотрудников.

После неожиданной смерти своей племянницы Ира взяла на свои плечи воспитание внучатой племянницы Катеньки, которую помню совсем маленьким существом. Прошли годы и Катя Толмачева превратилась в очаровательную девушку, она работает в известном журнале «New Times», одном из немногих демократических изданий Москвы, и одновременно учится в Институте журналистики и литературного творчества.

Переехав в США постоянно переписываюсь и перезваниваюсь с Ирой. Письма Иры, даже ее самые коротенькие весточки, всегда одно из самых важных для меня событий.

В отличие от Иры Женья была воплощением спокойствия. Довольно высокая, также красивая, но ее красота совсем другого типа, ходила она всегда не спеша. Ее мать Нина Григорьевна Севрюгина, старший научный сотрудник Сектора произведений Ленина, стала моим добрым другом. Она написала диссертацию о деятельности Ленина в международном коммунистическом движении в период подготовки III конгресса Коминтерна и я оказалась одним из ее оппонентов. Принадлежала к студентам первого набора Истфака МГУ, который закончила в 1939 году. Многие ее сокурсники погибли на войне, как и отец Жени. Рассказала, что в начале 1953 г. домоуправ, с которой находилась в хороших отношениях, посоветовала ей, чтобы все в семье имели крепкую обувь. Так осторожно дала ей понять, что тогда ожидало евреев. Нина Григорьевна ушла из жизни рано. Мне довелось по поручению Дирекции организовывать ее похороны.

Женья не только красавица, но и умница. Когда я уезжал в США, на прощанье сказала: «Ну вот и хорошо. По крайней мере, нам не придется хоронить друг друга». Горечь этих слов почувствовал, получив весть о внезапной смерти Гранта Адиебекова. Не мог вместе с другими попрощаться с ним и постоять у могилы друга.

Она также очень критически относилась к Советской власти. Нередко вспоминала слова своей бабушки, от которой, по-видимому, переняла эти взгляды. Помогала в составлении именных указателей к сборникам, которые выпускал Сектор. Авторская работа ее совсем не интересовала. Но те задания, которые ей поручал сначала Кирилл Кириллович, а потом я, выполняла четко и хорошо. Владела французским языком, и мне не раз приходилось прибегать к ее помощи, чтобы иметь в хорошем переводе документ, оригинал которого был на этом языке.

Женья знает польский язык. Не раз видел в ее руках польские детективы. Мне кажется, что даже из поездки в Варшаву привез ей какую-то книжку. Интересно, что впоследствии Женья по просьбе поляков выискивала для них архивные материалы в бывшем ЦПА и писала для них какие-то тексты.

Поскольку Женя не работала с компьютером, мы с ней общаемся только по телефону, знаем как обстоят дела друг у друга и наша душевная близость отнюдь не ослабела с годами. Недавно в ее жизни произошло важное событие. У Кати, дочери Жени, родился внук. Могли ли мы в те далекие году представить себе такое?

Валя Груздева до прихода в Сектор работала библиотекарем в Отделе Истории Великой Отечественной войны. Ее отличала большая добросовестность, все, что ей поручалось сделать, выполняла очень тщательно. На нее всегда можно было положиться. Дружелюбие, мягкость и доброта к людям, привязанность к друзьям делали ее чрезвычайно привлекательным человеком. Словом, Валу могу назвать самоотверженным человеком, преданным другом.

Не имея исторического образования (Ира окончила Историко-архивный институт, Женя – Истфак МГУ), Валя сумела стать профессионалом-историком. Овладев сербохорватским языком, изучила в архиве документы первых лет деятельности КП Югославии. Мы с Кириллом привлекли ее к авторскому участию в сборнике о Третьем конгрессе Коминтерна. Опубликовала статью, посвященную образованию КПЮ, в журнале «Вопросы истории КПСС». В конечном итоге защитила кандидатскую диссертацию по истории КП Югославии. Я был ее научным руководителем, и не помню, чтобы ее текст потребовал моего большого вмешательства. Разумеется, пришлось ей кое-что объяснять, что-то править в том, что она написала, но при этом отнюдь не встречал с ее стороны никакого недовольства, когда предлагал ей переделать какие-либо части глав. После защиты диссертации стала старшим научным сотрудником и подготовила трехтомное издание избранных сочинений Димитрова.

Валин муж Слава Зверев закончил Истфак двумя годами позже меня. Работал в том же Отделе, что и Валя. Его отличали какой-то особый юмор, умение находить в любой ситуации нечто смешное. Активно участвовал в институтских «капустниках». Впоследствии ушел из Института и какое-то время возглавлял архив ЦК комсомола.

В последние годы своей жизни Валя стала сотрудницей архива. Ей довелось обрабатывать материалы Западноевропейского бюро ИККИ, которые я давным-давно просматривал. Она писала, что было очень приятно видеть мои подписи на листках использования, которые хранились в каждом архивном деле. Однажды утром ее сбили машина. Умерла, не придя в сознание. Ужасно, что не мог проститься с ней.

К числу моих самых близких друзей в Институте принадлежала и Валя Цырлина. Когда входил в комнату, где она сидела вместе с другими сотрудницами, Валя всегда приветствовала меня очень тепло. Блестяще знала французский и английский языки, но ее специальностью были скандинавские языки. Не проходила мимо глупости и подлости, которые встречались нередко. Валя умела и подколоть, когда это было надо, и посмеяться над чепухой и лицемерием. Всегда стремилась помочь добрым советом, сочувствием. До начала 1970-х гг. жила со своей семьей – мужем Мишей, работавшим в каком-то издательстве, и сынишкой Сережей, в районе метро «Сокол» в собственном домике с садиком, густо заросшим кустарником. Московские власти конфисковали эту территорию, устроив на ее месте стоянку автобусов. К сожалению, Валя через несколько лет ушла из архива. Но наша дружба не прекратилась.

Многие годы мы вместе с Ирой Мительман, Женей Севрюгиной и Валей Груздовой собирались в ее гостеприимной квартире. Это всегда было большой взаимной радостью. Всегда имелось немало тем для разговоров, наши взгляды на то, что происходило вокруг, как правило, совпадали.

В марте 2010 г. Валя по семейным делам приезжала в США, сумела выбраться на пару деньков в Бостон и навестила меня. Эта встреча для меня – одно из самых радостных событий, с тех пор как мы с Лидой оказались в США. С помощью Вали переправил в Москву дискеты с текстом книги о шифровках Коминтерна для переиздания этой книги, так как письмо в Россию с этими материалами, пропало.

Для меня общение с Ирой, Женей и Валей всегда является какой-то живительной подпиткой, источником бодрости и оптимизма, подтверждением того, что у меня есть друзья, у которых

всегда найду поддержку, сочувствие и понимание. И это ощущение сохранилось на всю жизнь. И теперь, когда нас разделяют океан и многие тысячи километров, когда наши контакты осуществляются через телефон и Интернет, мы разговариваем с тем же взаимным теплым чувством друг к другу, как и в дни совместной работы в Институте.

Теперь вернусь снова в те уже далекие времена, когда началась работа Сектора Истории Коминтерна.

Сектор истории Коминтерна

В состав Сектора вошли те, кто до этого работали в ИМРиКД, то есть Курочкина, Соколов, Гетман. К ним присоединилась Дина Эммануиловна Кунина из Отдела истории Великой Отечественной войны, мы с Колей Королевым, а также Женя Севрюгина и Валя Груздева.

Дина Эммануиловна, сестра Валерии Эммануиловны, по образованию филолог, сначала работала переводчиком в Отделе Истории Великой Отечественной войны. Это был очень веселый, остроумный человек, хороший автор, оставивший в наших книгах заметный след, особенно по вопросам, связанным с историей компартии Италии.

Нашим первым мероприятием, как Сектора, стало участие в обслуживании международной конференции, посвященной 50-летию основания Коминтерна. Она состоялась в Колонном зале Дома Союзов в марте 1969 года. На нее приехали многие еще здравствующие деятели этой организации. Вступительное слово произнес член Политбюро ЦК КПСС и секретарь ЦК Михаил Сулов.

Ширина возглавил пресс-группу, я ему помогал. Мы собирали тексты выступлений, организовали их быстрое размножение и затем раздавали корреспондентам, составляли для газет коммюнике. Помню, как Ширина возмутился, когда кто-то сократил из текста выступления Сулова указание на то, что Коминтерн в своей деятельности допускал ошибки. Настоял, чтобы Сулов

прочитал исправленный текст и благодаря Кириллу эти очень важные для нас строки сохранились. Позднее, когда редакторы требовали привести авторитетное указание на ошибки в деятельности Коминтерна, сделанное уже в послехрущевское время, цитата из выступления Суслова служила аргументом для того, чтобы сохранить эти места в тексте.

Издательскую деятельность Сектора мы начали с подготовки к публикации документов Коминтерна. Включили в том документы Ленина, связанные с конгрессами Коминтерна, резолюции конгрессов, которые основывались на ленинских проектах, а также наиболее важные решения первых четырех конгрессов. При этом использовали подготовленный Курочкиной сборник документов Коминтерна.

В составлении обширного предисловия к тому, главным редактором которого стал Ширина, приняли участие также Соболев, Королев, Курочкина и я. Кроме того, написал примечания к документам. Перевод документов дополнительно проверяли Кунина, Соколов и работавшая в Секторе Соболева Людмила Николаевна Барабанщикова. С последней мне контактировалось пришлось не так уж много. Она хорошо знала немецкий язык. Именной указатель составила Валя Гетман, а техническую работу по подготовке рукописи к печати осуществили Севрюгина, Груздева и сотрудница другого Сектора Наташа Борисова.

Между Кириллом и мной, с одной стороны, и Королевым – с другой, вспыхнул спор по поводу Дополнительных тезисов по национальному и колониальному вопросам Второго конгресса Коминтерна. Ситуация летом 1920 г. была весьма противоречивой. Многим советским руководителям и деятелям Коминтерна казалось, что мировая революция вот-вот вспыхнет. И это настроение отразилось в некоторых решениях конгресса.

Проект тезисов по национальному и колониальному вопросам подготовил Ленин, индийский коммунист Рой предложил к ним дополнительные тезисы. В 7-м пункте первоначального варианта тезисов Роя говорилось, что применительно к странам, где еще не существовал рабочий класс, или он был весьма малочисленным, первоочередной задачей являлось создание непартийных массовых организаций.

В таком виде документ опубликовали в тексте первого издания протоколов конгресса, выпущенного в 1920 году. Но в опубликованном сборнике его постановлений на русском языке в тексте 7-го пункта появилась иная формулировка.

В архивном документе на английском языке, а оригинал документа был именно на этом языке, сохранялась фраза, что основной задачей в зависимых странах является создание непартийной организации крестьян и рабочих. В вариантах немецкого перевода этого документа, формулировка неоднократно менялась. Правка шла уже после того, как работа конгресса закончилась. В самом окончательном варианте (на немецком языке) речь шла уже о задаче создания пролетарских партий. Эту формулировку воспроизвели и при переиздании протоколов Второго конгресса Коминтерна, опубликованных под редакцией Евгении Акимовны Степановой.

В своем докладе на конгрессе Ленин говорил о том, что в этих странах надо прежде всего создавать организации типа Советов, крестьянских Советов, Советов эксплуатируемых. Таким образом формулировка окончательного текста 7-го пункта дополнительных тезисов противоречила ленинскому положению.

Мы с Кириллом считали, что эта формулировка явилась сектантским извращением ленинской установки, и решили опубликовать в сборнике перевод документа с архивного оригинала на английском языке, соответствовавшего первоначальному проекту. Королев с этим не согласился и написал жалобу в Дирекцию Института. После разбирательства в Дирекции нам предложили сказать о различных формулировках этого положения. Это мы сделали в примечании к сборнику о Втором конгрессе Коминтерна.

Из событий того времени в памяти сохранилось участие во встрече с читателями в Ульяновске, организованное Обществом «Знание» в связи со столетием со дня рождения Ленина, на которой я рассказывал об истории Коминтерна. Общество пригласила меня на эту встречу в связи с выходом в свет нашей с Королевым брошюры о Ленине как основателе Коминтерна.

На встречу также приехал генерал-полковник Хлебников, в годы гражданской войны начальник артиллерии в дивизии Чапаева. В нашу честь гостеприимные хозяева устроили на берегу

Волги пикник. Там стал очевидцем весьма неприятного события. Главным среди принимавших нас оказался не председатель местного отделения Общества «Знание», профессор Ульяновского университета, а его заместитель, который являлся штатным сотрудником этого отделения. Он помыкал рабочим из хозяйственной службы, заставляя его переносить с места на место тяжелые корзины с продовольствием и выпивкой. Мне этот человек сказал, что он бывший военнопленный и потому вынужден молча сносить такого рода обращение. В лагере для военнопленных входил в интернациональный подпольный комитет, готовивший восстание. Члены этого комитета на Западе после войны стали известными людьми. А советский член этого комитета оказался бесправным рабочим в отделении Общества «Знание».

На следующий день в буфете гостиницы разгорелся скандал. Хлебникову показался дерзким ответ буфетчицы на его вопрос о свежести творога, продаваемого посетителям. После этого он никак не мог успокоиться и сказал мне, что наверняка в родне этой буфетчицы был кто-то, кого обидела Советская власть. Видимо, генерал никогда не сталкивался с хамством людей, стоявших по другую сторону прилавка и рассматривавших покупателей как назойливую помеху.

Франция

Следующей страной, в которую мне довелось попасть туристом, была Франция. Оказавшись в Париже, сразу же перелетели в Марсель, откуда и началась поездка. Нашей группой руководил Иван Иванович Гаглов из Отдела Истории Великой Отечественной войны. Бывший журналист, работавший в годы войны в «Комсомольской правде», чуть ли не в каждом разговоре упоминал своего высокопоставленного друга, поэта Николая Тихонова, написавшего о большевиках: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей». Тартаковский рассказал мне, что в мае 1945 г. Гаглов, находившийся в Берлине, вместе с еще какими-то корреспондентами в джипе поехали в Париж. Эта поездка им тогда сошла с рук.

Гаглов попытался даже установить в группе партийный порядок. По возвращении в Париж я во второй половине дня повел несколько человек на Монмартр. Гаглов собрал членов партии из состава группы, чтобы осудить мой поступок. Но я сказал, что готовился к этой поездке, наметил для себя несколько маршрутов и приглашаю желающих пойти со мной. На следующий день хочу пойти на бульвар Монпарнас. Затея с моим осуждением провалилась.

Побудил Гаглова, в общем совершенно безобидного и доброго человека, устроить это собрание сотрудник Отдела партийного строительства. Этот тип никогда не отходил от отеля дальше, чем на квартал. На последнем вечере прочитал написанные им стихи, в последней строчке которых были слова: «Париж, ты хам!»

В группу входила сотрудница Секции документов международного рабочего движения ЦПА Лена Нечаева, человек довольно замкнутый. Когда я перешел на работу в Архив, тогдашняя заведующая Секцией Элеонора Николаевна Шахназарова передала Лену в мою Секцию. Лена оказалась весьма деловым, аккуратным работником. У нас сложились хорошие отношения, с удовольствием руководил ею при подготовке диссертации по истории французского союза молодежи.

Марсель был великолепен. Прогулки вместе с Юрием Александровичем Ахапкиным, сотрудником ЦПА, по набережной и улицам доставили огромное удовольствие. Поразило обилие арабов. Как-то мы с ним очутились в квартале, в котором увидели только их. Никакой враждебности к нам они не проявляли, но, тем не менее, мы постарались как можно скорее выбраться из этого квартала.

Из Марселя направились автобусом на Запад. По пути в Арле посетили развалины римской крепости. Побывали и в окруженном средневековыми стенами Каркасонне. Купил там статуэтку Квазимодо, которая напоминает мне это дивный город. Он известен легендой. Враги, осадив город, предложили женщинам его покинуть, разрешив унести то, что хотят. Те вышли из ворот, неся на своих плечах своих мужей.

Последней точкой поездки по побережью оказался Перпиньян, население которого состоит в основном из каталонцев. Там

встретились с членами местной группы Ассоциации друзей СССР. Оттуда перелетели в центральную часть страны. Города сменялись один за другим, последним в нашем маршруте стал Париж.

Нас разместили в гостинице, расположенной на улочке вблизи Больших бульваров. Побывали в Лувре. Возле «Мадонны» Леонардо да Винчи скопилась такая масса посетителей, что рассмотреть картину не удалось. Посетили и бывший «Зал для игры в мяч», где началась Французская революция 1789 года. Теперь там музей импрессионистов. Великолепна Площадь Согласия со скульптурами в честь провинций Франции. На площади «14 июля» белая линия обозначила место, где располагалась Бастилия.

Прошлись и по Елисейским полям, завершающимся площадью Де Голля с Триумфальной Аркой. В Доме Инвалидов со второго этажа разглядывали находившуюся внизу гробницу Наполеона. Гид сказала: «Ну вот, и вы поклонились гробу этого великого человека». И действительно место обзора было устроено так, что смотришь на эту гробницу сверху, перегибаясь через парапет. Побывали в Соборе Парижской Богоматери с подвешенными под потолком знаменами, взятыми французскими армиями у своих поверженных врагов, и в других прославленных храмах. Пришел в восторг от Монмартра с Сакре-Кёр и площади Пигаль, сквер которой, как всегда заполнен был художниками. Там купил почти на все деньги набор картинок, изображавших различные красоты Парижа. Туда вечером сбегал снова, чтобы еще раз насладиться этим местом. В памяти сохранились Сен-Жермен-ан-Ле и Большие бульвары. Подымались на Эйфелеву башню и полюбовались панорамой всего Парижа. Все это незабываемо!

Посетили и Версаль с его дворцами королей и прекрасным парком. Стоит только произнести это слово, как сразу вижу бронзовые ворота, открывающие вход в нечто прекрасное.

В последний вечер в Париже прогулка не состоялась из-за сильного дождя. На прощальный ужин явились какие-то типы из посольства. Исчерпали в тот вечер все водочные запасы. Судя по тому, как посольские в конце встречи подбирали недопитые бутылки, пришли именно для этого. Было много тостов. Не удержался и я, сказав что-то о традиционной любви россиян к Парижу. Посольские почему-то хмуро молчали.

На ужине отсутствовала Лена Нечаева. Гаглов был сам не свой. Он не знал, что делать, и подумывал обратиться в полицию. Я сказал ему, чтобы не дурил, Лена – взрослый человек и знает, что можно делать, а чего нельзя. Тем все и закончилось.

«Второй конгресс Коминтерна»

Первым авторским сборником Сектора стала книга о Втором конгрессе Коминтерна, заложившем политические, идейные и организационные основы этой организации. Главным редактором книги был Шириня. В числе других авторов в нем участвовала сотрудница Сектора Ленина Раиса Малаховна Савицкая, написавшая статью о ленинских работах в связи с конгрессом и истории их публикаций. В ней, в частности, говорилось, что приписываемые Ленину «Условия приема в Коммунистический Интернационал», известные как «21 условие» и сыгравшие важную роль в формировании Коминтерна и компартий, их разрыве с социал-демократией, написал в действительности председатель Коминтерна Григорий Зиновьев. Но, начиная с III-го издания Сочинений Ленина, этот документ публиковался как его работа.

Свою статью посвятил деятельности руководства Коминтерна со времени основания этой организации и до Второго конгресса. Это позволило проанализировать начало процесса формирования компартий, выяснить значение вспомогательных органов Коминтерна, созданных для ускорения этого процесса, особенно Западно-европейского Секретариата ИККИ, находившегося в Берлине. Руководил им человек, скрывавшийся под кличкой Томас. Кем он был в действительности, не знали¹. Просмотрел в архиве доку-

---

¹ Этот человек обладал несколькими кличками, действовал скрытно и оказался неуловимым для полиции. В Пражском государственном архиве позднее обнаружил свидетельство о розыске Томаса, фигурировавшего под кличкой Джеймса. 20 февраля 1920 г. германские полицейские власти обратились за помощью к чехословацкой полиции: «Было бы желательно узнать подробности о некоем “Джеймсе”, который по ряду полученных донесений теперь должен играть руководящую роль в движении КПГ. “Джеймс” – рос-

менты всех Томасов, фигурировавших в картотеке материалов компартии Германии. Среди них нашел сведения о Якове Рейхе, познакомившемся с Лениным еще в период ленинской эмиграции в Швейцарии. Осенью 1919 г. Коминтерн направил его на подпольную работу в Германию. О своей находке известил Сектор произведений Ленина.

Западноевропейский секретариат ИККИ сыграл значительную роль в установлении связи с возникавшими компартиями, снабжал их различными материалами и распространял издания Коминтерна на Западе. В его работе участвовали Клара Цеткин и Пауль Леви, возглавлявший в то время КППГ.

Позднее между этим секретариатом и созданным Коминтерном в Амстердаме Отделением во главе с Сибольдом Рутгерсом возникли серьезные разногласия, поскольку Отделение встало на сторону «левых» элементов, выступавших в КППГ с путанными сектантскими лозунгами.

Созванную Отделением нелегальную конференцию, в которой приняли участие не только представители европейских компартий, но и посланцы американских коммунистов, пришлось неожиданно закончить, так как обнаружили, что шкафу сидел полицейский шпик и записывал выступления. Коминтерн закрыл это Отделение, а после Второго конгресса и Западноевропейский секретариат, а Рейх сосредоточился на издательской деятельности, организовав в Гамбурге издание коммунистической литературы.

Работать над этими сюжетами мне показалось гораздо интереснее, чем заниматься дискуссией на конгрессе Коминтерна, ведь об этом можно прочитать в печатных протоколах. К тому же хотелось проследить, каково было воздействие Коминтерна на европейское рабочее движение и выяснить специфику процесса возникновения компартий в разных странах. В той статье ввел в научный оборот немало архивных документов и фактов, ранее малоизвестных и даже совсем неизвестных.

сийский подданный, должен находиться преимущественно в Берлине. Однако его личность установить не удалось. Речь идет о представителе III Интернационала в Москве... “Джеймс” должен поддерживать связь с Чехословакией, Швейцарией, Голландией, Данией».

Само собой разумеется, на моей работе сказались тогдашние представления. Рассматривал происходившие события через призму Коминтерна на основе тогдашних идеологических установок.

К Коминтерну тогда хотели примкнуть различные организации, в том числе и социалистические и социал-демократические партии центристского направления. Вместе с тем выявилась тенденция сектантства в молодых компартиях.

Ширина исследовал идейно-политические установки конгресса. Его статья заняла центральное место в сборнике. Соболев написал статью о книге Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». По моему предложению ее опубликовали как заключительную в сборнике.

Довольно остро проходило обсуждение статьи Яши Рокитянского, работавшего в Секторе произведений Маркса. В его статье рассказывалось об участии в конгрессе представителей Независимой социал-демократической партии Германии. Она заявила о своем желании вступить в Коминтерн. Его руководители опасались этого и стремились добиться раскола НСДПГ, чтобы привести левое крыло НСДПГ в Компартию Германию. Этого, в конце концов, и добились. Меня очень беспокоило тогда то, как Королев высказывал свои замечания автору. Создавалось ощущение, что вроде бы допрашивал его, почему именно тот написал какой-нибудь абзац именно так, а не иначе. Мне это напомнило тон Картуновой, хотя Королев и не приклеивал автору ярлыков. Все же статья Рокитянского вошла в сборник, который вышел из печати в 1972 году.

В связи с таким поведением Королева, приведу рассказ, услышанный во время Московского фестиваля молодежи и студентов 1957 года. Я работал с советскими туристами из Киргизии. Разместили их в помещении какой-то школы. Комендант, служивший раньше в Московском Угрозыске, иногда вспоминал свое прошлое. «Там, – говорил он, – не спрашивали: Почему? По какой причине? А только: С какой целью?». Однажды забыл взять с собой наган, когда его послали в засаду для ареста. После завершения операции кому-то сказал об этом. Его вызвали к начальству и задали вопрос: «С какой целью, идя в засаду, не взял оружие?».

Королев выбрал для своей статьи анализ разработки Лениным политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросам. Но своей задачей явно считал полемику со сборником «В.И. Ленин и Коммунистический Интернационал», доказывая, что в нем неправильно напечатали дополнительные тезисы Роя.

Кирилл и я убеждали Королева, что не следует выдавать сектантское извращение 7-го пункта дополнительных тезисов как соответствовавшее ленинским взглядам. Как автор он имел право на свою версию, но следовало, по моему мнению, указать и на существование других версий. Я настаивал, чтобы была приведена цитата из доклада Ленина на конгрессе, в котором он заявил, что безусловным долгом является пропаганда в зависимых странах и колониях идеи крестьянских Советов и там, где позволяют условия, следует немедленно делать попытки к созданию Советов трудящегося народа.

Королев категорически отверг наши настоятельные рекомендации, и я написал в редколлегию сборника заявление с предложением отказаться от публикации этой статьи в сборнике. Поскольку уходил в отпуск, заявление оставил Ширине, зачитавшего его на заседании в кабинете Соболева. Хотя статья Королева осталась в сборнике, решили дать к ней редакционное примечание, в котором (в соответствии с указанием Дирекции) изложили причины опубликования 7-го пункта дополнительных тезисов по архивному тексту на английском языке. Естественно, что с этого времени наши отношения с Королевым были испорчены. Впрочем, он вскоре вернулся на работу в Отдел Истории КПСС.

Мы пригласили участвовать в сборнике Владимира Александрова, работавшего в АОН. В самом конце предоставленного ему срока для подготовки рукописи статьи он сообщил, что статью написать не сможет.

Через некоторое время в Сектор прислали на отзыв из Издательства «Наука» рукопись книги Александрова «Ленин и Коминтерн». Шириня поручил мне прочитать ее и подготовить отзыв. Автор в основном ограничился рассказом о работах и письмах Ленина деятелям зарубежных компартий. Текст был заполнен фразами об огромном значении того или иного совета Ле-

нина зарубежным лидерам, но реальных фактов приводилось мало. Впрочем, нашел в рукописи сноски на письма Ленину с отсылкой на 5-й фонд ЦПА.

Все эти цитаты вместе со сносками я привел раньше в главе книги «В.И. Ленин в борьбе за революционный Интернационал». В ЦПА Александров получил доступ к документам Второго конгресса как наш будущий автор, но к тому времени 5-й фонд уже не существовал вообще, и с письмами к Ленину он не работал. Об этом мне сообщили сотрудники архива. Рассказав об этом Кириллу, составил соответствующий отзыв Издательству, указав, в частности, на заимствование Александровым архивных цитат вместе со сносками из моей работы. Шириня поручил мне послать, помимо Издательства, копию отзыва руководству АОН. Что там произошло после этого, не знаю, но все же книга Александрова вышла в свет и ее автор защитил после этого докторскую диссертацию.

Из событий того времени вспоминается научная конференция в связи с 50-й годовщиной Базельского конгресса II Интернационала, состоявшегося в 1912 году. Конгресс призвал ответить на войну свержением господства капитала. Конференция состоялась в помещении АОН. Ее открыл ректор АОН академик Юрий Павлович Францов. Предоставив слово докладчику, сел на председательское место в президиуме на сцене актового зала. Зал заполнили аспиранты Академии, присутствовали и представители нашего Института.

Докладчик выступал довольно скучно. Францов в это время смотрел прямо в зал. Внезапно позади президиума появился посылный с большим конвертом в руках. Передал это конверт соседу Францова. Тот положил его перед ним. Председательствующий продолжал внимательно смотреть в зал. Тогда сосед поставил этот конверт прямо перед лицом Францова. Последний не обратил на это внимания. Хотя аудитория была вполне дисциплинированной, слушатели, увидев эту сценку, когда перед лицом человека с широко раскрытыми глазами держат конверт, а он на это не реагирует, начали перешептываться между собой, возник шумок. Услышав его, Францов, как ни в чем ни бывало, соизволил взять в свои руки конверт и раскрыл его. Я был просто

в шоке. Стать с широко раскрытыми глазами! Очень позавидовал академику, ибо частенько засыпал на собраниях и нудных заседаниях, но всегда получал сразу толчок от соседа, ибо начинал при этом похрапывать.

Димитровская тема

Помимо истории конгрессов Коминтерна, сквозной темой исследований стала Димитровская тема. Лейпцигский процесс превратил Димитрова в символ боевого антифашизма. Личность Генерального Секретаря ИККИ тогда представлялась мне олицетворением лучших качеств коммуниста. В 1972 г. исполнялось 90 лет со дня его рождения. В Москву приехал кто-то из руководства Института истории Болгарской компартии при ЦК БКП, аналога нашего Института. Приняли решение о совместной подготовке двумя Институтами сборника, посвященного Димитрову.

Соболев написал статью, суммировавшую вклад Димитрова в международное коммунистическое движение, Ширина – о его роли в борьбе за осуществление и развитие стратегическо-тактической линии Коминтерна в 1936–1939 гг., а также совместно с Игорем Николаевичем Ксенофоновым, работавшим в другом Секторе, – статью «Димитров и национально-революционная война в Испании». Кунина стала автором статьи о роли Димитрова в создании национальных фронтов против фашизма в период Второй мировой войны. Она сделала Ендакову, своим соавтором. Специалист по истории компартии Китая Александр Миронович Григорьев (естественно, для меня он был просто Сашей, поскольку знал его давно) и Резников дали статью о разработке Димитровым проблем единого антиимпериалистического фронта. В подготовке сборника участвовали и болгарские коллеги.

Мне предложили тему о Димитрове как руководителе Западноевропейского бюро Коминтерна. Этот этап в его жизни имел важное значение. Димитров на собственном опыте узнал проблемы коммунистического движения в разных странах Европы, и это ему очень пригодилось после того, как он встал во главе Коминтерна.

В ЦПА находилось несколько коробок документов, содержавших материалы Западноевропейского бюро ИККИ. Архивисты еще не обработали их, так что стал первым исследователем, которому пришлось листать, читать и делать выписки из этой груды бумаг.

Само это бюро возникло в конце 20-х годов, нелегально размещалось в Берлине. В разное время им непродолжительно руководили секретари ИККИ Дмитрий Мануильский, Эрколи (Пальмиро Тольятти), а также один из ведущих работников ИККИ – Вильгельм Кнорин¹. В работе бюро принимали участие и представители ряда компартий.

Димитров начал в нем свою деятельность в 1929 г. и вскоре возглавил этот орган ИККИ. В начале 1933 г. собирался уехать из Германии, но этому помешал арест. Гитлеровцы попытались вину за поджог рейхстага возложить на Димитрова и двух других болгар из руководства БКП, арестованных вместе с ним, а также на некоего Ван дер Люббе. Полиция, арестовав Димитрова и его друзей, и не подозревала, что схватила таинственного Хельмута, руководителя Западноевропейского бюро ИККИ. Позднее удалось найти в берлинском архиве документы, свидетельствовавшие, что в начале 30-х годов полиция знала о пребывании в Берлине Хельмута и безуспешно пыталась его найти, но после ареста Димитрову удалось незаметно избавиться от документа, в котором фигурировало имя Хельмута, смяв и бросив его на пол машины, когда их везли в полицию.

Бюро выполняло роль промежуточного органа между ИККИ и руководством компартий Центральной и Западной Европы. Установил, что, проводя указания ИККИ, Димитров способствовал внедрению тезиса о социал-фашизме в политику компартий. К сожалению, в этих материалах отсутствовали письма Димитрова, которые он в то время посылал в Москву, поскольку уезжая в 1945 г. из Москвы на родину, увез с собой свои материалы, связанные с деятельностью в Коминтерне.

---

¹ Член большевистской партии с 1910 г., активный участник революционных событий в 1917 г. в Белоруссии и Литве. В 1928–1935 гг. входил в состав руководства Коминтерна. Арестован в сентябре 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г.

Из статьи болгарского историка Петры Раденковой знал, что осенью 1932 г. Димитров обратился с письмом в ИККИ, предлагая в Германии проводить в борьбе с фашизмом тактику единого фронта на более широкой основе, чем это делалось тогда. Это, а также отсутствие в Архиве Коминтерна других писем Димитрова того периода, побудило меня просить наше руководство предоставить мне возможность поработать в Центральном партийном архиве Института истории БКП.

Командировка в Болгарию

Ранней весной 1971 г. мы с Шириней поехали поездом в Софию. Дорога была скучноватой. Иногда играли в шахматы. Кирилл играл прилично, ну а я брал их в руки последний раз на первом курсе Истфака. Разумеется, все партии проигрывал. Когда надоедало ощущать себя размазанным по стене, прекращал эти игры.

В Софию приехали вечером. Разместились в партийной гостинице и пошли сразу спать. Ночью проснулся от духоты. Открыл окно и комната наполнилась жутким смогом, так что дышать стало невозможно.

София находится у подножья горы Витоша. Гора украшает жизнь жителей города. Но зимой в безветренные дни дым печных труб, а большинство домов в Софии отапливалось печками, создавал невыносимый смог.

В болгарском ЦПА существовал такой же порядок, как и в московском. Материалы подбирались сотрудниками архива, читатель не получал в руки архивные описи. Дни шли за днем, приближался конец нашей командировки. Мы с Кириллом решили пойти к заведующему ЦПА, чтобы попросить нужный документ. Этот человек был всегда с нами крайне любезен. Он прекрасно знал русский язык, но иногда говорил по-болгарски, причем скороговоркой. Мы уже знали, если такое происходит, нас ждет отказ. И в этом случае, когда я попросил показать мне тот документ, он быстро-быстро заговорил о болгарско-советской дружбе. Выслушав его речь, сказал, что могу писать только на основании

известных мне документов. По ним получается, что Димитров в те годы повторял установки Коминтерна о социал-фашизме, следовательно был сектантом. Читал в статье болгарского автора об этом документе и знаю, что в нем он высказывал иную точку зрения.

На это наш собеседник ответил, что не может предоставить в наше распоряжение документ, в котором критикуется третья партия. В данном случае речь шла о КП Германии. Такой аргумент использовался тогда нашими архивистами, чтобы отказывать читателям, членам одной компартии, в ознакомлении с документами других компартий. Я попросил, показать мне не весь документ, ибо его предложение в ИККИ изменить тактику в борьбе с фашизмом принципиально важно для этой статьи. И мне выдали для ознакомления часть того письма Димитрова.

В этом письме Димитров довольно решительно высказался против использования термина социал-фашизм, как ошибочного и приносящего вред сплочению трудящихся против фашизма. Сигнал, поданный им в тот момент, тогда в Москве не услышали, но для моей статьи, в которой пытался показать, как Димитров вырастал в руководителя коммунистов в международном масштабе, этот факт имел чрезвычайное значение.

Давид Елазар, директор Института истории БКП, уже немолодой человек, с совершенно седой головой, в прошлом партизан и близкий соратник Тодора Живкова, в то время Генерального секретаря ЦК БКП, уделял нам с Кириллом большое внимание. Ездил с нами в Пловдив и в старинный монастырь в горах, недалеко от Софии. Этот монастырь в годы турецкого владычества сыграл огромную роль в сохранении болгарской культуры и особенно письменности.

В эту и другие поездки я немало повидал в Болгарии, в том числе плантации роз, лепестки которых собирают рано утром, еще до росы, чтобы получить розовое масло. Особенно интересной оказалась поездка в Пловдив. В центре города раскопали римский театр. Его мраморные скамейки для зрителей спускались полукругом вниз к сцене. В Софии при прокладке подземного перехода тоже раскопали и бережно сохранили остатки старинного храма с колоннами и ступеньками. Побывали мы и на знаменитом горнолыжном курорте.

Жили в центре города в огромной гостинице, разделенной по полам. В одной части останавливались иностранцы, в другой – гости ЦК БКП. В ресторане, которым пользовались и члены ЦК БКП вместе с семьями, кормили очень вкусно. После заключительной чашки кофе подавали восхитительное пирожное. Для меня было нелегким испытанием, отказываться от этого лакомства, но иногда с этой задачей справлялся. Зато ел с огромным удовольствием потрясающе вкусную простоквашу, очень твердую. Елазар говорил, что Болгария ее экспортирует.

Довелось позднее увидеть и трудности в экономике страны. Помню, как в 1982 г. монгольский участник конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Димитрова, требовал нормального чая, поскольку пакетик чая, растворяемый в чашке, почти не давал цвета и вкуса. Официант в ответ смущенно пожимал плечами. В те дни в продовольственных магазинах не удалось увидеть ни брынзу, ни сыра.

Кирилл оказался приятным и заботливым спутником. После работы гуляли по улицам Софии. Побывали и на оперном спектакле «Пиковой дамы». Опера показалась ужасной – роль Лизы, молодой девушки, исполняла толстая и явно в весьма пожилом возрасте певица. В те дни на экраны софийских кинотеатров вышел фильм «Крестный отец». Отстояв очередь в кассу, посмотрели этот шедевр.

В центре города старые дома снесли, а на их месте воздвигли фундаментальное и никак не соответствовавшее облику города здание ЦК БКП, в котором помещался и партийный архив. На одной из ближайшей к нему площади находился мавзолей Димитрова. Величественно стоит памятник российскому императору Александру II, во время правления которого с помощью российской армии удалось освободить Болгарию от многолетнего турецкого ига. В стране осталось некоторое количество турок. Мы видели их на базаре, где они торговали арбузами. Мужчины носили огромные шаровары, а на головах – фески.

В Институте работала бывшая сотрудница нашего ЦПА, Валя Христова, вышедшая замуж за болгарского летчика, учившегося в Москве в Военно-Воздушной Академии. Валя много ходила с нами по Софии, рассказывала о болгарях, их обычаях и привычках.

Находясь в Софии, несколько раз встречался с женой Ваксберга, она сводила меня в кафе «Бразилия», где собирается вся культурная элита города. Причем соблюдается определенное время для журналистов – одно, для киношников – другое.

Магазины были забиты сувенирными поделками для туристов, все подавалось весьма ярко и красочно. Люди одевались хорошо, нередко даже элегантно.

Как-то мы с Кириллом приехали в Болгарию в разгар болгаро-югославского конфликта по македонскому вопросу. Территория, населенная македонцами, оказалась поделенной между этими странами. Македонцы – нация, близкая к болгарам. Но руководство Болгарии отказывалось это признать. Во времена Коминтерна в отношении македонского населения Болгарии выдвигалось право на самоопределение. Предполагалось, что все балканские народы объединятся в одну Балканскую федерацию. Этот лозунг существовал до второй половины 40-х годов. Его тогда разделял и Сталин. Но позднее изменил свое мнение. Димитров, повторивший после войны лозунг Федерации, был подвергнут резкой критике в газете «Правда». Немедленно признал свою ошибку.

Мы с Кириллом, понимали, что нас будут «обрабатывать» наши коллеги, и договорились ограничиться пожатием плеч и словами, что это интересно услышать, но это не наша проблема. Особенно усердствовал в этом отношении бывший аспирант Кирилла Петко Боев. Несколько реплик в этом духе слышал и от Давида Елазара. Но нам удалось не влезть в эту скользкую тему.

Сборник под названием «Георгий Димитров – выдающийся деятель международного коммунистического движения» вышел из печати в 1972 г. в Москве на русском языке и в Софии – на болгарском. Наши коллеги организовали перевод книги и на английский язык, на котором ее опубликовали также в Софии.

Правительство Болгарии наградило Соболева, Шириню и меня памятным медалями Димитрова в связи с девяностолетием со дня его рождения. Вручал эти медали Посол Болгарии в помещении посольства. После того, как медали были розданы, из группы награжденных вышел какой-то человек маленького роста, державшийся очень уверенно и явно с чувством своей большой значимости, и выразил от нашего имени благодарность правительст-

ву Болгарии. Ширина шепнул мне, что это был секретарь ЦК КПСС Михаил Зимянин. Так увидел весьма влиятельного в то время члена руководства партии. Могу только сказать, что на меня он отнюдь не произвел благоприятного впечатления.

Второй Димитровский сборник

Вскоре в Институт приехала делегация болгарских историков во главе с академиком Тодором Павловым. Он даже одно время был членом Политбюро ЦК БКП, после Сентябрьской революции 1944 г. входил в состав регентского совета, опекавшего малолетнего болгарского царя.

В зале Ученого совета Института состоялась научная конференция, посвященная юбилею Димитрова. Она открылась докладом Павлова. Я также выступал на той конференции. По ее материалам подготовили сборник статей.

Открывался сборник докладом на Московском торжественном заседании, посвященном юбилею Димитрова, секретаря ЦК КПСС, который руководил Отделом ЦК, занимавшимся социалистическими странами. Первоначально с этим докладом предстояло выступать Сулову. Нам с Кириллом поручили подготовить черновой вариант его доклада. После того, как мы его написали, нас вместе с группой других представителей Института принял вице-президент Академии наук СССР Федосеев, который раньше руководил нашим Институтом.

Однако докладчик поменялся, и нас пригласил к себе референт Отдела ЦК Николай Коликов, предложивший основательно доработать текст доклад. После этого состоялся неприятный разговор с Кириллом, упрекнувшим меня в халтуре. На это ему возразил, что Федосеев считал материал подходящим для доклада Сулова, что если новому докладчику нужен иной текст, то не следует искать виновных. Мы его написали, впрочем, докладчик зачитал совсем иной текст. В его докладе Брежнев упоминался гораздо чаще, чем Димитров.

В сборник также вошла статья нового директора нашего Института Егорова о Димитрове как революционере-ленинце. Известный советский философ Михаил Трифонович Иовчук, в то время работавший в нашем Институте, разобрал вопросы марксистско-ленинской теории в трудах Димитрова и документах Исполкома Коминтерна в период 1935–1943 гг., Соболев осветил вклад Димитрова в теорию революции. Ширина исследовал роль Димитрова в разработке новой ориентации Коминтерна в 30-е годы. Я остановился на теме: Димитров о принципах работы коммунистов в массах. Кунина исследовала роль Димитрова в разработке политики антифашистского национального фронта. Все написанное, естественно, отражало представления тех лет.

Историки, работавшие в других советских научных учреждениях, особенно в Институте славяноведения, также активно участвовали в сборнике. Саша Григорьев из Института Дальнего Востока дал для этого сборника статью, посвященную помощи Димитрова КП Китая. Я показал ему копии полученных мною в болгарском архиве двух документов Димитрова. Григорьев сказал, что они помогли ему выяснить какие-то моменты из истории сотрудничества Секретариата ИККИ под руководством Димитрова и ЦК КПК.

Внеплановые работы

Несмотря на то, что работы становилось все больше, не отказывался от приглашений участвовать в других изданиях. Очень порадовало предложение профессора Виктора Моисеевича Далина участвовать в книге о борьбе Ленина за революционный Интернационал. Готовили ее сотрудники Института всеобщей истории АН СССР. Сам Далин в прошлом преподавал в Международной Ленинской школе Коминтерна, в тридцатые годы оказался в числе жертв сталинских репрессий. Но, к счастью, выжил, и стал одним из наиболее известных специалистов по истории французского рабочего движения. Он предложил мне написать главу о роли Ленина в подготовке III и IV конгрессов Коминтерна.

Снова проштудировал все документы Ленина того периода, особенно относившиеся к разработке тактики единого рабочего фронта. Удалось найти некоторые мемуары, которые появились в печати вслед за смертью Владимира Ильича и с тех пор не публиковались. В их числе были воспоминания ветеранов чешского рабочего движения, которые последними из зарубежных коммунистов навестили Ленина, а также неизвестный документ о встрече Ленина во время IV конгресса с австралийскими коммунистами. Ленин встречался и с делегатами КПГ. Нашел письмо одного из участников той встречи, посланное руководству КПГ непосредственно после этой беседы. Оно позволило уточнить весьма существенные моменты, связанные с советами Ленина немецким коммунистам и указаниями, которые эта партия получила в то время от ИККИ.

Моя глава оказалась последней в книге, которая заканчивалась весьма ярким Заключением. Его автором был Анатолий Сергеевич Черняев. Помнил его как доцента Кафедры Новой истории Истфака МГУ. Потом он перешел на работу в Международный отдел ЦК КПСС, в котором работал заместителем заведующего Отделом. Венцом его партийной карьеры стала должность помощника генсека ЦК КПСС Горбачева.

Кафедра Истории Южных и Западных славян Истфака МГУ предложила написать главу об истории Чехословакии в межвоенный период для учебного пособия. Напечататься в книге вместе со своими учителями означало для меня очень много. Предстояло создать очерк политической истории Чехословакии с момента основания этого государства до его раздела и захвата чешских земель германскими нацистами. В нем также рассказать о руководящих личностях этой страны, политических партиях, особенностях экономики страны, унаследовавшей от распавшейся Австро-Венгрии развитую промышленность, о рабочем движении в стране. И все это следовало уложить в 23 страницы. Это, пожалуй, было самым трудным. Но все-таки сумел.

Довольно часто выступал на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» и в других исторических журналах. Разумеется, все эти работы страдали теми недостатками, о которых уже писал. Однако все больше понимал, что не мог сказать то, что хотелось.

в том числе о некоторых деятелях ленинского периода, поскольку их при Сталине объявили «врагами народа» и еще не реабилитировали. Несколько раз пробовал начать писать для себя, но затем это дело прекратил, поскольку стало ясно, что, встав на этот путь, не смогу дальше работать в ИМЛ, а это было для меня из-за архива просто неприемлемым.

Новое предложение сделал Темкин. Он замыслил подготовить книгу, посвященную истории борьбы рабочего класса против войны и военной опасности. В числе авторов оказался Марк Пшедецкий из Ленинграда, написавший разделы, связанные с XIX веком. Мы подружились. Талантливый историк и веселый человек, Марк, как и Темкин, участвовал в войне, командовал батальоном разведчиков.

Темкин в своих главах рассказывал об антивоенном рабочем движении в начале XX века и в годы Первой мировой войны. Между нами возник спор по одному вопросу. Он утверждал, что рабочий класс предотвратил военную конфронтацию между Францией и Германией в первом десятилетии этого века. Я с ним не согласился. Отношения между этими странами в тот момент не достигли опасной грани, за которой могла последовать война. Да и выступления социал-демократии и рабочих не имели такого влияния, какое им приписал Темкин. Он яростно спорил, но серьезных аргументов привести не смог и отказался от этого утверждения.

На мою долю отводилось освещение антивоенной деятельности Коминтерна. Рассмотрел документы Коминтерна по этой проблематике. Еще работая в Отделе истории партии, усомнился в справедливости установок о серьезной опасности нападения империалистических держав на СССР. Но был еще далек от того, чтобы связать их со стремлением Сталина создать в СССР атмосферу «осажденной крепости». Написал, что на позиции Коминтерна по антивоенным вопросам сказалось сектантско-догматическое представление о причинах возникновения империалистических войн.

Получилось так много текста, что буквально утонул в нем. Пришлось просить Темкина как ответственного редактора помочь мне в сокращении. Тот пошутил, что материала столько, что

придется работать не пером, а действовать топором. Он сократил мой текст и книга вышла в 1972 году. Для меня эта работа имела важное значение. Удалось под определенным углом просмотреть политическую линию Коминтерна на протяжении всей его деятельности. Само собой разумеется, что в оценке деятельности Коминтерна исходил из тех критериев, к которым мы пришли в Кратком очерке его истории.

Некоторые особенности моей авторской работы

Поскольку к тому времени уже накопилось много тетрадей с выписками из архивных документов, серьезной проблемой стала организация личного архива. Тетради пронумеровал и пометил каждую так, чтобы была понятна тематика выписок, содержащихся в ней. К некоторым архивным делам приходилось обращаться не раз, в зависимости от темы исследования. Для того, чтобы не повторять те же самые выписки, на листах бумаги фиксировал листы и первые и последние слова выписанных цитат из архивных документов, а также индекс той тетради, в которой они находились. Эти листы, работая в архиве, приходилось иметь при себе. Соответственно в них делал новые дополнения с указанием на новую тетрадь и новые цитаты. К такой организации работы с документами приучил себя не сразу, но в конечном итоге получил от этого большую пользу и выигрыш во времени при собирании материала.

Составил справочный материал по всему личному архиву. Применил тот же метод, о котором рассказывал в связи с обработкой материалов для кандидатской диссертации. В результате образовалась довольно толстая папка, в которой находились листы с названием различных тем по истории Коминтерна и перечнем тетрадей и страниц, на которых имелся материал по определенной теме: например: тактика единого фронта, кадровая политика, численность компартий, документы отдельных компартий и т. д.

Все это требовало тщательности и скрупулезности, но очень пригодилось в дальнейшем, когда мой архив возрос настолько, что без этой папки запутался бы в выписках.

К описанию этой своеобразной «кухни» исследователя добавлю еще один момент. После того, как определялась более или менее тема предстоящей авторской работы, независимо от ситуации, в голову приходили какие-то мысли по данной проблеме. Это случалось в любое время и в любом месте. Взял за правило фиксировать, хотя бы кратко, эти мысли. Они могли понадобиться в дальнейшем, или оказывались ненужными. Безразлично. На отдельных листах их записывал и складывал в особую папку, которую пометил словом «Мысля». На каком-то этапе написания работы проверял по этой папке не упустил ли что-нибудь из виду. Это тоже весьма помогало.

Что же касается самого процесса создания текста, то начинал писать его только тогда, когда приходил к выводу, что просмотрел все возможные и необходимые документы. а отнюдь не по той причине, что этого требовали сроки, отпущенные по плану на данную работу. Это, разумеется, играло свою роль. Должен был ощутить, что не осталось сюжетов или тем относящихся к данной проблеме, по которым у меня не собраны сведения. Что же касается того, что я напишу в дальнейшем, то как правило, у меня к самому началу авторской работы имелось лишь довольно общее представление о том, что в ней будет сказано.

Ни разу не смог заставить себя заранее зафиксировать на бумаге примерный план или остов будущей статьи. Знал, что многие поступают совсем иначе. Например, Кирилл составлял самый подробный план, а потом как бы заполнял клетки в составленной схеме. У меня же в основном получалось так, что, собрав материал, начинал писать руководствуясь последовательностью событий и их внутренней логикой. Не раз при этом менял расположение разных абзацев и даже страниц в тексте, добиваясь раскрытия темы, как это мне тогда представлялось. Подчас при этом возникали неожиданные выводы. Просто меня к ним как бы подводили сами материалы.

Не знаю сумел ли достаточно внятно объяснить свою особенность как автора, но именно об этом хотел рассказать. Разумеет-

ся, сказывались идеологические факторы. Очень долго этого не понимал, а может быть это и к лучшему, поскольку, если строго оценить то, что делал многие годы, и не только я, то возникает сравнение со слепой клячей, которая ходит на привязи вокруг столба в шахтерском забое, заставляя поворачиваться по кругу колесо. То, что работу следует написать в рамках определенных политических установок и им не противоречить в те времена подразумевалось само собой. На деле это означало лишение научной работы самого главного – творчества. Чтобы осознать это, мне понадобилась прожить большую часть своей жизни.

Снова жилищная проблема

Поскольку стараюсь соблюдать временную последовательность, придется обратиться к событиям личной жизни. Годы шли, дочери росли и наша квартирка стала просто тесной. Вновь подал заявление в Жилищную комиссию Профкома с просьбой поменять квартиру на более просторную.

Как-то в конце 1971 г. меня встретил председатель этой комиссии и сказал, что Институт получает в свое распоряжение квартиру на Проспекте Мира и комиссия высказалась за мою кандидатуру. Так мы переехали на Проспект мира. Дом, в котором на четвертом этаже находилась наша квартира, построили где-то в начале 50-х годов. Это было типичное здание сталинского ампира. Новое жилище показалась нам настоящим дворцом. Девочки получили в свое распоряжение 18-ти метровую комнату. Имелись еще две комнаты, одна – больше 50 квадратных метров с двумя окнами, которые занимали большую часть стены, выходящей на улицу. В другой стене имелась дверь, открывавшаяся в восьмиметровую комнатку, ставшую моим кабинетом и спальней.

Правда, когда перебрались в эту квартиру, выяснилось, что открывать форточки нельзя, так как из-за шума с Проспекта мира не удавалось слышать слова стоявшего рядом человека. Так и жили, не открывая форточек. Но поскольку в окна солнце прямо

не светило, а общая кубатура квартиры была большой, летом духоты не ощущали.

Зимой обнаружился и другой недостаток. Квартира находилась на четвертом этаже, вода в отопительных батареях, спускавшаяся сверху вниз по этажам, остывала, и батареи были чуть теплыми. Поэтому мерзли отчаянно. Однажды температура в моей комнатке упала до четырех градусов. В последующие годы батареи нагревали сильнее, но в зимние времена все же дома приходилось тепло одеваться.

Добираться до работы стало значительно легче – на троллейбусе минут двадцать, а затем еще 15 минут пешком. Но решил, что надо ходить туда пешком. Это занимало около часа и превратилось в приятную привычку, правда, однажды при пересечении какой-то улицы столкнулся с автомобилем. Но успел отшагнуть и заслонил голову правой рукой, удар пришелся по ладони левой руки. Придя на работу, обнаружил, что один палец оказался искривленным. В результате перелома пальца несколько месяцев рука была в гипсе.

Нередко по дороге на работу возникало чувство радости. Отчего оно появлялось на улице, заполненной транспортом, с тяжелым воздухом, неудобными переходами? Пожалуй, от того, что не трясся в переполненном троллейбусе, от того, что предвкушал, что ждет меня что-то интересное. Сам предмет исследования затягивал меня все больше и больше. Хотелось выяснить причины принятия тех или иных решений, осознать, почему же так часто получались неудачи, если установки и цели являлись хорошими и правильными. Причин этого не мог найти, поскольку продолжал их искать в рамках привычных идеологических формул. Пытался представить себе атмосферу, царившую в аппарате ИККИ, и здесь у меня все больше складывалось ощущение, что она была далеко не здоровой. Еще осознавал подлинное положение дел, но какие-то вещи меня беспокоили.

Несмотря на увлеченность работой, все чаще приходилось задумываться над тем, как говорится, почему, если все хорошо, то все так плохо. Работа, постоянная занятость делами и прочие моменты как-то оставляли мало внимания на эти размышления. Тогда еще не понимал серьезных причин, мешавших жить и ра-

ботать нормально. Но реальная ситуация настойчиво толкала к тому, чтобы задуматься над этими причинами.

Впрочем, такого рода мысли просто исчезали, когда, придя на работу, погружался в коминтерновские проблемы. Они вытесняли из сознания все остальное, как это ни странно сейчас. Тем более, когда местом моей работы оказывался стол в читальном зале архива. Пешком добирался не только до здания Института, но и в ЦПА. А дорога туда шла по хорошо известным улочкам и переулкам – Проспект мира, Сретенка, Рождественский бульвар до Трубной площади, затем через несколько улочек подходил к зданию архива. Иногда не сворачивал на Рождественский бульвар, а через улицу Дзержинского и Кузнецкий мост также приходил в архив. Ну а там уж какие раздумья о жизни, когда на столе оказывались архивные документы!

Просьба Искрова

Однажды в столовой Института к нам с Володей Логиновым подсел Искров. Поскольку уже не раз упоминал этого человека, следует написать немного о нем. Участник войны, в полном смысле красавец-мужчина, он напоминал мне дореволюционного гусара. Искров рассказал мне случай из своей фронтовой жизни. Ему в руки попала снайперская винтовка. Решил пострелять. Но первый же выстрел вызвал со стороны немцев такой огонь, что наш герой уцелел просто чудом. Не скажу, чтобы выделялся какими-то научными познаниями, но за время своей учено-секретарской должности накопил большие связи в научном мире.

Михаил Васильевич попросил придумать ему тему докторской диссертации и набросать ее примерный план. Предложил на наше усмотрение свой вариант темы по истории КПСС. Эта тема меня не устраивала. Посоветовал ему взять другую, тоже по истории партии, но все же более близкую для меня, назвав ее так: КПСС в мировом коммунистическом движении. Володя с этим вариантом согласился, ну а Искрову, конечно, ничего не оставалось, как тоже принять это предложение. Я не только набросал примерный

круг вопросов, но и написал что-то вроде первой главы. Естественно, это было о Коминтерне и роли большевистской партии в ее создании. Помню, что текст начинался словами: история окончательно решила вопрос о победе компартии в России, а потому ее опыт необычайно ценен для коммунистов всех стран. Как посмеялась судьба над этой крикливой фразой!

Искров остался очень доволен новой темой, позднее мне сказал, что, навязав ему эту тему, поломал все его планы. Защитился весьма успешно, его первый оппонент, академик Минц, говорил о диссертации с таким количеством одобрительных слов, что я понял, он ее не открывал. Но главное все же состояло в том, что удалось достигнуть желанной цели.

Литературные попытки

Поскольку упомянул столовую Института, расскажу связанную с ней историю. Обычно обедал вместе с Женей, Ирой и Валей, но иногда приходилось по какой-либо причине сдвигать время обеда. В один из таких дней оказался за столиком с молодыми людьми из Сектора произведений Маркса. В разговоре вспомнили о военных лагерях, куда в студенческие годы ездил дважды во время летних каникул. Поведал им историю, случившуюся со мной. В жаркий воскресный день, когда не было военных занятий, раздевшись по пояс, полулежали и о чем-то разговаривали. Вдруг увидели проходившего мимо офицера. Истошный крик: «Встать, смирно!» Разумеется, вскочили и вытянулись. К нашему удивлению офицер не козырнул в ответ, а снял фуражку и кивнул. Ошеломленно глядя ему вслед, подумал: «черт возьми, ведь я же действительно человек!» За рутинной лагерной кутерьмой об этом как-то забылось.

После этих слов, мой собеседник рассмеялся и произнес: «Готовая новелла». Вернувшись в кабинет вспомнил эту беседу и подумал, а может попробовать что-то накропать. Вечером, положив перед собой несколько листов бумаги, задумался, о чем писать. В памяти всплыло одно событие.

Мы жили тогда на втором этаже «хрущевки», балкон и окна выходили на дорожку, ведущую к подъезду. Как-то утром стоял у окна кухни. Проследил, как Олечка выбежала из подъезда и отправилась в школу. Рива Самойловна, уже пришла к нам, чтобы остаться с маленькой Наташкой. Лида давно уже уехала на работу. Вдруг увидел, что на дорожку перед домом вбежал лось и заскочил в подъезд. Канал и река, отделявшая Серебряный бор от подмосковных рощиц и перелесков, были от нас недалеко и зверь, видимо, переплыв их, очутился в черте города и напуганный бежал, куда попало. Так и оказался в нашем крошечном подъезде, перегородив его полностью и отрезав жильцам выход на улицу.

Вместе с соседями спустился по лестнице на пол-этажа и посмотрел на него. Он стоял спокойно между двумя противоположными дверьми. Сердобольная соседка запричитала: «Бедняжка, ты же хочешь пить». Притащила жбан с водой. Начала спускаться по лестнице. Увидев ее, лось взбрыкнул и копытом легко пробил тоненькую дверь. Соседка бросилась вверх, а жбан полетел вниз по ступенькам, разбрызгивая воду. Положение казалось безвыходным. Теща догадалась дозвониться до зоопарка. Через какое-то время подъехала грузовая машина с несколькими людьми. Один из них выстрелил в лося пулькой со снотворным. Тот стоял, а потом лег и уснул. Его увезли.

Все это описал на полтора страницах, стараясь сделать рассказ как можно забавнее. На работе дал его прочитать своим друзьям. Все хохотали. Кто-то сказал, «Ну вот, у нас появился свой Зощенко». А Тартаковский заметил: «Фред, это получилось здорово, но я тебя прошу, больше не пиши. Иначе сразу начнешь “Войну и мир”». Я все же не сразу последовал этому благоразумному совету.

Вспомнилась другая, вроде бы тоже забавная история. Попытался ее изложить на бумаге. У меня как-то оказался в руках грецкий орех. Ну и, разумеется, захотелось его немедленно расколоть. А как это сделать в кабинете? Попробовал раздробить его между дверьми не получилось. Затем, положив орех на пол, попытался раздавить его ножкой кресла, на котором сидел. Несколько попыток, никакого результата, кроме сильного шума

и стука. Пришлось смириться и отложить дело до перерыва, когда во дворе разбил орех камнями.

Эту дурацкую историю описал, добавив при этом, любопытные вопросы о причине шума над головой со стороны моих коллег, сидевших в комнате под моим кабинетом. Однако смешным рассказ не получился и на этом закончил попытки создания «нетленки».

Туристская поездка в Югославию

Под категорию туристских поездок в Западные страны, совершавшихся только с перерывами между в несколько лет, подпадала и Югославия, о путешествии по которой хочу рассказать. Из членов нашей группы прежде всего назову Тартаковского, человека, которого я, да и многие в Институте, очень любили и называли между собой: «БГ». Среди своих распевали перефразированный первый куплет «Мурки»: «Раз пошли на дело я и Тартаковский. Тартаковский выпить захотел. Отчего не выпить бедному еврею, если у еврея нету дел?». Борис Григорьевич тепло относился ко мне. Когда вышел на работу в 1963 г. после ужасной поездки с Лидой и Олечкой на Холодную речку, встретив меня на лестнице, с криком радости бросился ко мне, обнял и расцеловал.

И вот теперь оказался с ним в одной группе. Более того в поездке мы с ним жили всегда в одной и той же комнате.

Тартаковский рассказал мне, что еще до войны в московском подземном переходе на стене прочитал такие строки: «Ты проснись, товарищ Ленин, просыпайся, барин! Нас загреб товарищ Сталин!» Таких слов ни от кого из своих друзей в Институте не слышал.

В Белграде с Тартаковским чуть не произошло несчастье. Мы стояли на стройплощадке в ожидании гида. Разговаривая, Борис Григорьевич сделал шаг назад и его нога провалилась в отверстие, предназначенное для трубы. Но все ограничилось ссадинами и, конечно, испугом.

В группу входила также Майя Дворкина, работавшая в Библиотеке Института. С библиотечными сотрудницами у меня сложились самые добрые отношения, прежде всего с Майей, веселым, энергичным и умным человеком. Мы относились друг к другу с большой симпатией. Она не раз помогала мне найти в Библиотеке необходимую книгу. На ее дружескую поддержку всегда можно было рассчитывать. Я знал, вместе с тем, что Майя тверда и неуступчива в тех вопросах, которые считала принципиальными, особенно если это касалось судьбы Библиотеки.

Началась поездка как-то неудачно. В Белграде нас разместили в гостинице на окраине, так что гулять по городу мы не могли. В ресторане обслуживали плохо, официантки были грубыми. Гид, встретивший нас, так плохо говорил по-русски, что почти все, сказанное им, оставалось непонятным. По-видимому, вообще слабо знал историю своей страны.

Группа отказалась путешествовать с этим гидом. Удалось связаться с посольством, здесь особенно отличилась Галя Тавровская, жена академика Севостьянова, который позднее стал главным редактором журнала «Новая и новейшая история». При создании Отдела Галя очень хотела войти в его состав, но Соболев воспротивился. С обидой сказала мне: «Ведь я же могу писать». После некоторого ожидания появился новый гид и мы тронулись в путь.

Побывали в Сараево. Запомнилось место, где было совершено покушение сербского националиста на австрийского кронпринца Франца Фердинанда, ставшее поводом для Первой мировой войны. На проезжей части улицы обвели в виде следов огромных человеческих ступней место, где стоял убийца. Мы с одной нашей сотрудницей так увлеклись, фотографируя друг друга на месте этого убийцы, что не заметили, куда исчезла группа, которая в это время осматривала местную мечеть.

Дорога проходила через экзотичные места, особенно, когда проезжали Черногорию, но, к сожалению, об этой части нашего путешествия сказать могу крайне мало по той причине, что все время дремал. Как только автобус трогался, засыпал. Это было обидно, но ничего с собой не мог поделать. Помню, что однажды очнулся и увидел, что наш автобус едет по краю дороги, обры-

вавшегося в пропасть, на дне которой были видны остатки какого-то автобуса.

Приехали в Мостар. В ресторане, где ужинали, кто-то из местных заказал в нашу честь русскую песню. Сохранилась в памяти картина высокого горбатого моста в центре города. Когда в Югославии началась гражданская война и узнал, что этот мост разбомбили, было очень грустно.

То же чувство испытал при вести о боях в районе Дубровника. Это настоящий средневековый город, окруженный стеной, по которой мы бродили. Улочки, тесные и кривые. Здесь увидели не работавший фонтан, возле него стоял столб, к которому некогда привязывали провинившихся в чем-то людей. Возле стен города часто устраивают спектакли и представления.

Побережье Хорватии произвело сильное впечатление Недаром римские императоры предпочитали там селиться. В Сплите сохранился императорский дворец. В одном из его залов стояли по углам зала четыре безголовые фигуры. Гид объяснил, что это были фигуры консулов и кесарей. Поскольку они часто менялись, то изваянную голову очередного из них просто ставили на соответствующее тело.

Купанье в море в Югославии было прекрасным, но войти в воду и выйти из нее было непросто. На дне находились в огромном количестве морские ежи. Я, к счастью, имел очки для плавания, благодаря которым мог их не опасаться. Но тот, кто на них наступал, получал весьма болезненный укол. Покидая район побережья, остановились там, где еще было рядом море. Все бросились купаться. Майе в тот раз не повезло. Наступила на ежа. Последствия оказались печальными. Не только хромала все последующие дни, но шипы даже не удалось вытащить. Началось заражение крови. Еще долго ей пришлось мучиться после того купания.

Вернувшись в Сербию, заметили, что она во многом проигрывала в сравнении с Хорватией. Но являлась главной республикой в этом государстве. Остальные в то время лишь мечтали о независимости, которой достигли ценой больших жертв и крови.

В Белграде теперь нас поселили, как мы о том просили, в центре города, в маленькой гостинице. Мы смогли гулять вечерами

по центру, впрочем, город не произвел особого впечатления. Типичный европейский город. Этим и закончу рассказ о той поездке.

«Третий конгресс Коминтерна»

Вернемся к рабочим проблемам. Приступили к подготовке сборника о III конгрессе Коминтерна. Шириня предложил мне стать главным редактором этой книги. Помимо тем, связанных с обсуждением на конгрессе международной обстановки и задач Коминтерна и компартий, решили проанализировать развитие некоторых партий, их взаимоотношения с Коминтерном.

Этот конгресс сыграл большую роль в истории Коминтерна. На первое место тогда вышли проблемы работы коммунистов в массах. Коминтерну предстояло разработать политическую линию, поскольку революционная волна, следовавшая вслед за Октябрьскими событиями 1917 г. в России и окончанием мировой войны, спала. Но многие лидеры компартий, да и значительная часть руководителей Коминтерна, считали необходимым сохранять курс на подготовку революций и противились переходу к иной, более прозаической, политике.

Кирилл исследовал процесс выработки конгрессом общих политических установок. На мою долю отводились анализ состояния коммунистического движения в период между II и III конгрессами, борьбы на конгрессе по проблемам тактики и решение вопросов организационного строительства. Кроме того, задумал написать статью, посвященную возникновению компартии Чехословакии.

Тема «Коминтерн и компартия Италии» была раскрыта в статье Куниной. Она знала итальянский язык и писала просто блестяще. Статью о Коминтерне и компартии Франции написала Зоря Чернуха, работавшая в ИМРД. Позднее выпустила в издательстве «Мысль» монографию, посвященную возникновению и первым годам деятельности КПФ, а я стал научным редактором ее книги.

Курочкина подготовила статью о роли конгресса для компартии Америки. Нашла в архиве материалы о встрече американских коммунистов во время конгресса с Лениным. Специальную статью посвятили значению конгресса для Балканских компартий. Основным автором являлся Григорий Евсеевич Спиваковский, специалист по истории Румынии. Его соавтором стала Валя Груздева, написавшая раздел о КП Югославии. Редактирование этой статьи, которое осуществил Ширина, было нелегким делом. Не сразу удалось превратить отдельные фрагменты в единый текст, в материалах Спиваковского кое-что так и осталось неточным и перепутанным

В работе конгресса участвовала левосектантская партия – Коммунистическая рабочая партия Германии. Руководители Коминтерна были обеспокоены тем, что в после слияния КПП с левым крылом Независимой социал-демократической партии Германии в декабре 1920 г. в Объединенную коммунистическую партию Германии в ней может усилиться влияние оппортунистов. Поэтому ИККИ пригласил представителей КРПГ участвовать конгрессе. Ленин первоначально возражал против этого приглашения, но под давлением Зиновьева дал на него согласие, хотя позднее признал приглашение ошибочным. На конгрессе представители КРПГ вели себя резко и вызывающе, отказались от любого сотрудничества с компартией, а затем просто уехали из Москвы. Эта партия вскоре исчезла с политической сцены.

Предложил выступить со статьей на эту тему нашему коллеге из Берлинского Института, заведующему Сектором истории Коминтерна Эрвину Левину. Он написал довольно интересную работу. Поскольку Левин не имел в своем распоряжении материалов Архива Коминтерна, я добавил в его статью несколько цитат из этого архива. Но Ендакова категорически заявила, что так как Левин не работал в нашем архиве, в его тексте не должно быть никаких сносок на ЦПА ИМЛ. Это один из примеров того, как сотрудники архива контролировали наши работы.

В сборник включили также статью о создании Профинтерна. Ее автором стал сотрудник ЦПА Виктор Кузько. Еще в студенческие годы довелось штудировать ленинскую работу «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» В памяти запечатлелись положе-

ния о необходимости коммунистам работать в массовых организациях трудящихся, особенно в профсоюзах, избегать раскола этих организаций и т. д. Однако именно руководители Коминтерна и ряда компартий предприняли попытку отвоевать на свою сторону членов профсоюзов, находившихся под эгидой социал-демократии, и пошли на раскол профсоюзов. В результате этого и возникло объединение революционных профсоюзов, которое в июле 1921 г. приняло название Красного Интернационала Профсоюзов (сокращенно – Профинтерн) на своем конгрессе, также состоявшемся в Москве. Позднее нашел признание Зиновьева, что Ленин был против учреждения Профинтерна, но потом согласился на его создание.

Вновь просмотрел фонд конгресса в архиве, тщательно перечитал документы фонда Ленина. Удалось выявить большую группу ранее неизвестных материалов, в том числе пометки Владимира Ильича на книгах и брошюрах, вышедших к тому времени в Германии. Они ясно показали отношение Ленина к деятельности и взглядам леваков.

После объединения с левыми «независимцами» компартия стала массовой и насчитывала в начале 1921 г. свыше 300 тысяч членов. В январе по инициативе представителя ИККИ Карла Радека, обратилась с Открытым письмом к другим пролетарским организациям страны с предложением совместных действий в защиту повседневных интересов трудящихся. Этот шаг партии привлек к себе большое внимание в руководстве Коминтерна, при этом Зиновьев и Бухарин расценила его как проявление оппортунизма. Радек обратился за защитой к Ленину. Тот энергично высказался в поддержку «Открытого письма».

Положение в ОКПГ в тот момент осложнилось в связи с осуждением результатов раскола на съезде Итальянской социалистической партии. Участвовавший в работе съезда ИСП Пауль Леви пытался предотвратить выход коммунистов из ИСП. И вот, когда в феврале пленум ЦК ОКПГ под давлением представителя ИККИ Матиаса Ракоши одобрил уход итальянских коммунистов из ИСП, пять членов ЦК, в том числе Леви и Клара Цеткин, в знак своего протеста вышли из ЦК. Партию возглавила группа Брандлера–Тальгеймера.

Новые руководители призвали рабочих к активному сопротивлению властям. К тому же их побуждал к активным действиям в защиту Советской России представитель ИККИ Бела Кун. В марте рабочие одного из районов провинции Саксония, где влияние коммунистов было сильным, были спровоцированы полицией на вооруженное выступление. Его подавили, а организовать ему поддержку не удалось.

Ситуацию резко обострил Леви, опубликовавший брошюру, в которой обвинил партию в путчизме, причем подстрекателями событий назвал таинственных «туркестанцев», присланных в Германию для организации подобного рода выступлений. ЦК ОКПГ немедленно исключил его из партии за грубое нарушение партийной дисциплины.

В ЦК ОКПГ усилились «левые» настроения. С того времени, как партия стала массовой, у ее руководства появились иллюзии, что дальнейший ход событий в стране теперь зависит лишь от нее. Поражение мартовского выступления не только не заставило отказаться от подобных взглядов, но, наоборот, способствовало формированию «теории наступления». Она заключалась в том, что компартия всегда должна придерживаться наступательной тактики, переходить к вооруженному наступлению и вести «авангардные бои» в любом случае, вне зависимости от объективных условий. Сторонники этой «теории» появились и в рядах других партий. Группа лидеров ОКПГ выпустила книгу о мартовских событиях в Германии, в которой они рассматривались под углом зрения применения этих левацких установок. С такими настроениями партия пришла к конгрессу Коминтерна.

В самом ИККИ тоже возникли настроения, благоприятствовавшие надеждам «леваков». Зиновьев, Бухарин, Радек усматривали главную опасность для Коминтерна в не преодоленном влиянии социал-демократических представлений в компартиях и считали, что следует вести борьбу прежде всего против правой опасности. Ленин и Троцкий не могли уделять коминтерновским проблемам достаточного внимания.

Вся эта картина довольно ясно проявилась при штудировании архивных документов, которые готовили к конгрессу. Я сравнивал разные варианты проекта тезисов Радека о тактике Комин-

терна. Свой проект внесли Бела Кун и Тальгеймер. В нем утверждалось, что Коминтерн закончил период собирания сил и ему следует перейти к периоду действия. Радек, ознакомившись с ним, внес в свой проект исправления.

Проекты вырабатываемых документов, в том числе и отвергнутые, – важный источник для исследователя. Сопоставление их текстов с утвержденными документами, позволяет выявить позицию и взгляды автора документа по рассматриваемому вопросу, уяснить причины появления новых формулировок, уточнить мнение различных группировок.

Понять, мотивы, которыми руководствовался в своих поступках персонаж, крайне важно. Точно установить это, разумеется, невозможно, но надо стараться приблизиться к пониманию этого. Во всяком случае нельзя просто написать, что данный персонаж поступил таким образом «потому что» и далее высказывать свое мнение. Автор обязан выяснить причины соответствующего поведения и поступков своего персонажа, но при этом необходимо оговариваться, что толкование причин этих действий принадлежит историку, а не тому человеку, о котором идет речь, даже если он сам такое говорил или писал.

В выработку проекта тезисов о тактике вмешался Ленин. Он отверг как политически неверный проект Куна–Тальгеймера и резко осудил Радека за его «уступки глупячеству “левых”». Потребовал раскрыть в документе конкретные ошибки ОКПГ в мартовском выступлении и предостеречь от повторения этих ошибок и добился переделки проекта тезисов в духе этих замечаний. Тезисы внесли на обсуждение конгресса за подписью делегации РКП(б).

Тщательно изучив брошюру Леви и книгу о мартовских событиях в Германии, Ленин оставил на полях немало пометок, многие фразы в текстах подчеркнул. В моей статье эти пометки были приведены впервые. Впоследствии участвовал в подготовке их публикации в очередном Ленинском сборнике. Кроме того, просмотрел ленинские пометки на газете КРПГ и другие материалы.

Мне тогда казалось особенно важным раскрыть основы ленинской тактики, те идеи, которые он вкладывал в документы Коминтерна. Стремился исследовать ленинский подход к анализу

конкретной ситуации. Но моя ограниченность как исследователя проявилась в том, что видел в нем единственную истину, не пытался учесть в своей работе иные трактовку и оценки событий, в том числе со стороны социал-демократов, не говоря уже вообще о классовых противниках большевиков.

Командировка в Берлин

Поскольку документы ОКПГ имели большую важность для моей темы, добился разрешения на командировку в Берлин для работы в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. В читальном зале получил для изучения протоколы ЦК ОКПГ за 1921 г., которые передали в этот Институт из Архива Коминтерна. Большую часть их уже видел в копиях, оставшихся в ЦПА ИМЛ. Но кое-какие документы встретились впервые. В частности, это относилось к материалам, хранившимся ранее в других архивах ГДР, изъятым оттуда и хранившимся отныне в ЦПА ИМЛ при ЦК СЕПГ. Особенно меня заинтересовали полицейские документы, свидетельствовавшие о постоянной слежке за компартией и коммунистами..

Жил в партийной гостинице, стоявшей на берегу Шпрее. Берлин к тому времени восстановили от разрушений, лишь несколько соборов еще пребывали в развалинах. Восточные немцы произвели на меня какое-то странное впечатление. Сформулировал для себя так: они какие-то двухмерные. Официальщину, двуличность ощущал постоянно. Приходилось слышать с их стороны рассуждения, будто они полностью отличны от западных немцев, что это две различные нации и т. д. По вечерам население смотрело западноберлинское телевидение или передачи из Западной Германии, но когда включал телевизор в своем номере, то он показывал только каналы ГДР, которые смотреть было невыносимо скучно. Ощущался комплекс неполноценности. Улицу, проходившую по границе с Западным Берлином – Лейпцигерштрассе – застроили высотными зданиями. Но закрыть от зрителя Западный Берлин не удалось. И вот однажды, идя по весьма темному городу,

вошел на какой-то мост и передо мной открылось ослепительно сверкавшее в ночи электрическим светом здание издательского концерна Шпрингера. Прямоугольник того здания выделялся на фоне темноты Восточного Берлина.

Довелось у здания Государственного Совета ГДР видеть, как в него, поздоровавшись с почтительно замершим строем караульных солдат вошел председатель Совета Ульбрихт, бывший ранее первым лицом в государстве, но к тому времени уже смещенный с этого поста¹.

Опекал меня в Берлине Эрвин Левин, очень симпатичный человек, неплохо говоривший по-русски. Бывал у него дома, по воскресеньям мы осматривали различные места в окрестностях города. Ездил со мной в Лейпциг, который мне очень понравился, поскольку сохранил свой колорит. Там посетили собор, где похоронен Бах. Плита с его именем находится в центре храма, вделана в пол, и прихожане наступают на нее как и на другие мраморные плиты пола собора. Обедали в каком-то ресторане, пришлось есть то, что у них называлось украинским борщом. После этого показал мне подвальчик, в котором любили собираться Бах и его друзья. С огорчением ему сказал, что вместо обеда в ресторане гостиницы лучше бы съесть что-нибудь в том подвальчике.

Сильное впечатление произвел на меня дворец Фридриха Великого в Сансуси. Левин показал мне в крыле дворца комнату, в которой жил Вольтер, приехавший в гости к прусскому королю. Позади дворца находились виноградники.

Вообще мы с Левиным тепло относились друг к другу. Но странное дело. Когда мы в Берлине оказывались вместе с Кириллом, Левин говорил только с ним, меня как будто бы не существовало.

В Берлине встретил Арнольда Рейсберга. Мама работала вместе с его женой в Институте туберкулеза. Австрийский еврей, член КП Австрии, в 1934 г., работал преподавателем в Международной Ленинской школе Коминтерна. В 1937 г. его арестовали

---

¹ Вспоминается анекдот того времени. Из ЦК КПСС в ЦК СЕПГ позвонили и спрашивают: «Здесь у нас товарищ Ульбрихт интересуется, как ему увидеть товарища Хрущева, а мы и не знаем, кто такой Хрущев». Ответ был таковым: «А мы не знаем, кто такой Ульбрихт».

органы НКВД. Годы, проведенные в советских концлагерях, сказал он мне, записали в его трудовой книжке как участие в социалистическом строительстве. После освобождения уехал вместе с женой в Берлин, где трудился в ИМЛ при ЦК СЕПГ. Посетил их уютную квартирку. Он сказал мне, что лучшим местом на земле является Австрия, о которой очень скучает.

Рейсберг подчас говорил так, что слушатели не знали, как реагировать. Как-то к нам в Институт приехала группа немецких коллег. Родионов устроил в их честь прием. Рейсберг громко рассказал анекдот: «Один иностранец захотел посетить Мавзолей Ленина. Он был закрыт. Тогда сказал, что заплатит за посещение. Старший грузчик его только спросил, хочет ли зайти внутрь или вынести ему Ленина». Мне показалось, что при этих словах рассказчика Родионову захотелось нырнуть под стол.

Довелось побывать и в Дрездене. Он поразил огромным пустырем с развалинами зданий, разбомбленных англо-американской авиацией в 1945 году. К счастью, здание Дрезденской галереи было уже восстановлено. Эти картины уже видел в Москве перед возвращением их в Германию.

Эта поездка, помимо своей главной цели – поиска новых архивных документов для статьи – сыграла важную роль, поскольку не только увидел много интересного, но и составил определенное представление о ГДР и восточных немцах. Последующие поездки лишь подтвердили такое впечатление. Вернемся однако к теме конгресса.

Снова о «Третьем конгрессе Коминтерна»

Накануне его открытия на заседаниях ИККИ обсуждалось положение в некоторых компартиях. Ленин не смог в них участвовать, но встречался с многими делегатами. В беседе с делегацией ОКПП поддержал Клару Цеткин, резко критиковавшую левацкие ошибки руководства партии во время мартовских событий.

При обсуждении в ИККИ деятельности компартии Франции ее руководство подверглась критике со стороны леваков, особен-

но за статью в газете «Humanité» с призывом соблюдать «хладнокровие и дисциплину», опубликованную в марте 1921 г., когда в Саксонии произошли известные события. Дискуссия длилась нескольких дней.

От Троцкого Ленин узнал об этом и неожиданно появился на заседании во время выступления Бела Куна, яростно атаковавшего руководителей КПФ. Его появление так смутило оратора, что тот, скомкав свое выступление, сел на место. Немедленно на трибуну поднялся Ленин, начавший свою страстную речь словами, что хорошо знает, что когда Бела Кун открывает рот, он защищает левацкую политику. Навязывать партии «левые глупости», подчеркнул Владимир Ильич, означает создавать опасность ее гибели. «Есть только один способ помешать победе коммунизма во Франции, в Англии и Германии – это делать левацкие глупости. Если мы будем продолжать борьбу против оппортунизма без перегибов, мы можем быть уверены, что победим».

Ленин говорил о справедливости критики Паулем Леви ошибочности позиции руководства ОКПГ в мартовских событиях. Правда, заметил, что считает неверным издание Леви его брошюры. Подчеркнул, что недопустимо изгнание из партии за критику линии, проводимой ее руководством. Применять такой метод опасно для самой партии.

Найдя запись этого выступления в фонде документов Ленина в ЦПА, использовал ее в своей главе Краткого очерка истории Коминтерна. И более пространно – в статье для этого сборника. Позднее установил, что Бухарин в своем выступлении на VI конгрессе Коминтерна летом 1928 г., когда уже оказался под обстрелом тех, кто понял, что его следует критиковать, привел в изложении именно это высказывание Ленина.

Этот документ не включили в Собрание сочинений. Сотрудник Сектора произведений Ленина Миша Вассер сказал мне, что лично писал в ЦК КПСС письмо с обоснованием необходимости его публикации. Вполне очевидно, что документ изъяли именно за эту фразу о том, что нельзя изгонять из партии за несогласие с ее руководством. Также как и в случае с упомянутой выше статьей Маркса наследия классиков полагалось служить интересам руководителей КПСС, а потому публикация не отвечавших этому принципу документов не разрешалась.

Как в период подготовки конгресса, так и на его заседаниях, выяснилось, что значительная часть делегатов приехала с целью добиться одобрения «теории наступления». «Левые» требовали дальнейшего усиления борьбы с центристскими и полуцентристскими элементами и исключения их из компартий. К таким элементам они причисляли тех, кто настаивал на необходимости применения партиями более гибкой тактики.

Ленин считал, что повторение революционных лозунгов в ситуации наступившего спада революционного движения и «преувеличение» необходимости «борьбы с центризмом» создавали опасность существованию Коминтерна, поэтому в своих выступлениях на конгрессе, во время встреч с делегатами разъяснял эту опасность. Борьба обострилась при обсуждении проекта тезисов о тактике. Группа делегатов от трех компартий опубликовала поправки к проекту тезисов, в которых отрицалось решающее значение привлечения масс на сторону революции, как необходимое ее условие. В своем выступлении 1 июля Ленин дал оппор «левакам», подчеркнув: «Если конгресс не будет вести решительного наступления против таких ошибок, против таких “левых” глупостей, то все движение обречено на гибель».

Его страстная речь переломила ситуацию. В конце концов, инициаторы «левых» поправок подали в президиум конгресса заявление, в котором выразили согласие с основными принципами тезисов о тактике, предложенными русской делегацией, исключительно и определенно в смысле высказываний Ленина и других представителей РКП(б). В принятых конгрессом тезисах о тактике говорилось, что компартиям следует перенести центр тяжести своей деятельности на организацию борьбы за конкретные требования трудящихся.

На конгрессе, в его решениях много было сказано о задаче использования опыта РКП(б) как образца и примера для всех компартий. Однако в дальнейшем опыт российских большевиков пытались копировать механически, что неизбежно приводило к неудачам и провалам.

В выступлениях Ленина, в документах конгресса особое внимание уделялось безусловной необходимости единства компартий и Коминтерна, недопустимости фракционной деятельности

в компартии, требованию соблюдения партийной дисциплины. Тем самым закладывались основы жесткой централизации Коминтерна, которые в дальнейшем привели к превращению этой организации в орудие сталинской политики. В тот момент, когда работал над материалами III конгресса, еще был далек от этого вывода, логически вытекавшего из анализа документов и последующей истории Коминтерна. Продолжало сказываться представление о принципиальной несхожести ленинской и сталинской концепций, их противоположности. Но накопление документального материала шло и способствовало в дальнейшем выработке такого вывода.

В дни, когда шла наша работа над сборником, в Институте состоялось заседание, посвященное памяти Ленина и мне предложили на ней выступить. Выбрал тему, связанную с ролью Ленина на III конгрессе. Упор сделал на его борьбе с левачеством.

Аудитория неплохо восприняла доклад, хотя как мне потом передали, Деборин после моих заключительных слов о том, что все рассказанное будет подробно изложено в подготавливаемом Сектором сборнике, не удержался от едкого замечания, мол зачем тогда был весь этот доклад, если все это можно будет прочитать. Впрочем, мы оба с ним «симпатизировали» друг другу.

Статья о создании компартии Чехословакии

Чехословакия возникла после Первой мировой войны как многонациональная страна, ее рабочие организации строились по национальному признаку. Помимо чехословацкой социал-демократии, существовала партия немецких социал-демократов, которая действовала в северных и западных регионах, где имелось довольно значительное немецкое население. В ней выделение революционного крыла шло примерно так же, как и в Германии. На его сторону перешло меньшинство партии и в марте 1921 г. оно провозгласило создание компартии Чехословакии (немецкой сек-

ции). По своим взглядам руководители этой партии приближались к позиции «левых» лидеров ОКПГ.

В чехословацкой социал-демократии события развивались иначе. Лидер партии Богумир Шмераль стремился перевести на коммунистическую платформу большинство партии. Первоначально левое крыло оформилось в течение, получившее название Марксистской левой. Реформисты попытались расколоть партию, но за ними пошло уже только меньшинство. Партия сохранила прежнее название, к которому в скобках было добавлено «Марксистская левая».

В ИККИ были недовольны тем, что процесс создания компартии шел через промежуточный этап, и пришли к выводу, что Шмераль сознательно задерживал этот процесс, хотя политика Шмералья способствовала сохранению массового характера партии. Однако он тормозил объединение с Немецкой секцией. В мае съезд Марксистской левой постановил переименовать партию в коммунистическую и вступить в состав Коминтерна. Таким образом, ко времени конгресса в Чехословакии существовали две компартии.

«Левые» руководители Немецкой секции КПЧ в своей газете тенденциозно изложили содержание доклада Шмералья на Учредительном съезде КПЧ. Эти материалы попали в Москву и содействовали упрочению представлений о Шмерале как центристе. Ленин, познакомившийся с Шмералем во время поездки последнего в Советскую Россию весной 1920 г. и неоднократно в те дни беседовавший с ним, прочитав изложение его доклада в газете Немецкой секции, увидел эту предвзятость и добился устранения из проекта тезисов о тактике упоминание Шмералья как сторонника центра.

Владимир Ильич потребовал перевести на русский язык полный текст доклада Шмералья. Прочитав этот перевод, выразил согласие с позицией Шмералья в его оценке международной ситуации и методах борьбы за создание компартии как массовой и влиятельной партии. Одобрил отрицательное отношение Шмералья к «теории наступления». Вместе с тем не согласился с его выражением против немедленного объединения с Немецкой секцией КПЧ.

Слияние обеих партий произошло осенью 1921 г., но Шмераль, хотя и сохранил членство в ЦК КПЧ, но не вошел в состав узкого руководства партии. Представители ИККИ, следуя инструкции своего руководства, добились того, чтобы компартию возглавили другие люди.

Материалы Архива Коминтерна содержали немало материалов для написания статьи, но я все же счел необходимым просмотреть соответствующие документы в архиве Института истории КПЧ в Праге. И получил месячную командировку в Чехословакию.

Командировка в Прагу

Это произошло летом 1972 года. После интервенции советских войск в августе 1968 г. сопротивление чехов и словаков удалось сломить. На смену Александру Дубчеку пришел Йозеф Гусак. Старый коммунист, даже подвергавшийся репрессиям в 50-е годы, а в период Пражской весны выдвинувший лозунг «социализма с человеческим лицом», понял, что надо смириться с советским диктатом. Вскоре он стал и президентом Чехословакии. Многих исключали из партии, увольняли с работы. Они становились ипотниками, дворниками, подсобными рабочими и т. п., впрочем, такое произошло не впервые. После утверждения диктатуры КПЧ в феврале 1948 г., тех, кто хотя бы в какой-то мере этому противились, также изгнали с их постов и должностей. Но не потеряли свободу и жизнь.

В тот приезд часто виделся с Михалом Рейманом. Он оказался, разумеется, безработным. Михал возил меня по городу, мы гуляли по ее улицам и площадям. Свозил меня на место, известное как Белая гора. Когда-то оно находилось за окраинами Праги, а теперь уже давно стало частью города. Там в 1620 г. чехи потерпели тяжелое поражение от войск австрийских Габсбургов, чешские земли потеряли самостоятельность и освободились лишь осенью 1918 г., когда эта империя развалилась. Руководителей чешского войска казнили на одной из площадей Праги. Белыми крестиками отмечены места их казни.

Побывали мы и на высоком берегу Влтавы, откуда открывался прекрасный вид на город. По преданию именно на этом месте легендарная Либуша основала Прагу. Показал мне он и костел, в подвале которого прятались парашютисты после убийства гитлеровского сатрапа Гейдриха.

Михал посоветовал мне не заходить одному в пивные. «Могут избить?», – спросил я. «Нет, но плюнут в пиво», был ответ. Разумеется, я последовал этому совету. Как-то поздним вечером прохожий, явно не пражанин, спросил меня, в какой стороне находится какая-то улица. Услышав ответ, просто отпрыгнул от меня, как будто его что-то отбросило.

Посетил государственный архив. Он располагался в Пражском граде, недалеко от президентского дворца. Раньше там было помещение суда. Именно туда привели Йозефа Швейка в романе Ярослава Гашека после ареста в начале Первой мировой войны. Но в основном работал в партийном архиве. Дорога от гостиницы до архива давала дополнительную возможность любоваться пражскими улицами.

Просмотрел все материалы, связанные с образованием КПЧ. Основную часть составляли копии, полученные из Москвы, зафиксировал их новые архивные данные. Благодаря этому сноски в статье дал не на ЦПА ИМЛ, а на пражский архив. Нашел интересные документы в личных фондах Шмерала и Крейбиха, в том числе записанную Крейбихом беседу Ленина с членами делегации КПЧ во время конгресса.

Опекал меня заведующий Отделом истории партии Института Антонин Фалгыс. Все руководство Института, естественно, сменили, да и многих сотрудников уволили.

По воскресеньям меня возили по стране. Побывал на самом юге страны, в замке Глубокое, на севере Чехии в районах, где когда-то проживали немцы, выселенные из Чехословакии в 1945 году. Во время других приездов в страну посетил Брно и Братиславу. Запомнилось посещение Табора, основанного в период гуситского восстания. Город построили так, чтобы его жители могли оказывать сопротивление солдатам противника. Под каждым домом находились пещеры, соединявшиеся друг с другом, кроме того, каждый дом имел уступы, чтобы его защитник оттуда мог

неожиданно нападать на врага. И действительно, Табор долго оборонялся против габсбургских войск. В центре города, у здания Музея гуситов, стоит скульптура знаменитого полководца гуситов Яна Жижки.

В Праге его скульптура расположена перед местом захоронения руководителей страны и ее видных граждан. В главном зале стояли гробницы президентов страны Клемента Готвальда и Антонина Запотоцкого. Останки других людей замуровывали в стены. Нашел на плитках многие знакомые мне имена. Часть плиток оставалась без надписей. «Сюда мы положим наших теперешних руководителей», сказал мне тот, кто привез меня в это место. Швейковский юмор – замечательное качество чехов, выручавшее их в любой ситуации.

Поскольку жил в гостинице «Прага», расположенной буквально в двух шагах от Вацлавской площади, недалеко от Староместской площади, то по вечерам город был в моем распоряжении. С удовольствием бродил по этому городу, по его темным улицам и площадям.

Вслед за этой последовало еще немало командировок в этот город, который для меня необычайно дорог. Приезжая туда, всегда поднимался по улице Неруды на Градчаны, а затем спускался по крутой каменной лестнице к мосту через Влтаву. В эти минуты испытывал такое же счастье, как и тогда, когда оказывался на Солнечной тропе в Крыму. Как-то меня привезли в замок, стены залов и коридоров которого были увешаны средневековыми картами Европы и мира. Нигде не видел такой замечательной коллекции. Спросил, не пробовали ли опубликовать эти карты. Ответом мне было пожатие плеч. Незаинтересованность в лишних хлопотах, непонимание ценности такого издания было однозначным.

Рассказ о подготовке сборника о III конгрессе Коминтерна закончу тем, что, получив из типографии верстку книги, предложил Ширине сделать в ней постраничный именной указатель. До этого авторские монографии и сборники статей, выпускавшиеся Институтом, не имели таких указателей. Шириня согласился и я поручил Жене Севрюгиной его подготовить. С тех пор наши из-

дания всегда имели подобные указатели, что облегчало читателю возможность найти в них сведения о людях, которые его могли заинтересовать.

Новый директор Института

Ко времени выхода сборника из печати (это произошло в 1975 г.) в Институте работал новый директор. Анатолий Григорьевич Егоров пришел к нам в Институт из журнала ЦК КПСС «Коммунист», в котором был главным редактором. Быстро получили представление о нем. Пробным камнем стал его ответ на слова Ширини на одном из заседаний Дирекции. Кирилл, докладывая о работе Сектора, заметил, что мешает в освещении проблем истории Коминтерна вопрос о тех людях, которых позднее объявили врагами народа. Егоров ответил: рассказывать о позитивной деятельности противников партии означает наносить ей ущерб.

Когда я принес Егорову вышедший из печати сборник «Третий конгресс Коминтерна», то, он, открыв именной указатель книги, упрекнул меня: «Упоминаний Ленина маловато, а вот Троцкого и Зиновьева слишком много». На деле Ленин упоминался почти на каждой странице книги, а Троцкий всего в пяти случаях, когда его нельзя было не упомянуть, поскольку выступал с докладом на конгрессе.

Егоров был непредсказуем. Обычно решение руководства по любому вопросу его подчиненным представляется худшим из возможных вариантов. Создается возможность предвидеть, каким оно окажется. С Егоровым такое не получалось. Всегда его решение оказывалось гораздо хуже самого худшего, по нашему мнению, варианта. Просто такое мы не могли придумать.

Он выгнал из Института Логинова, заявив, что ему не нужны Ломоносовы. И действительно, талантливый, всегда стремившийся иметь свой собственный взгляд на вещи человек просто мешал ему. Поводом к расправе послужила Володина книга о Ленине, которая печаталась в Ленинграде. Он даже получил вер-

стку книги. Об этом узнал Ученый секретарь Института Михаил Зотов, о котором было известно, что придерживается просталинистских взглядов. Получив «сигнал», директор сделал все, чтобы помешать изданию книги, а Логинову, проработавшему в Институте около тридцати лет, приказал искать себе другое место работы.

Друзья Володи из Международного отдела ЦК устроили его в Институт общественных наук (ИОН), где он стал профессором, одним из самых популярных преподавателей, поскольку так, как Логинов, мало кто знал дореволюционную историю большевиков. ИОН заменил собой Международную Ленинскую школу Коминтерна, где обучалась молодежь из нелегальных компартий методам и особенностям партийной работы. И, разумеется, Логинов больше и не помышлял о возвращении в Институт.

С ненавистью Егоров относился к Шатрову. Последний как-то в одном из своих выступлений во время Перестройки зачитал копию доноса Егорова в КГБ, содержавшего обвинение Шатрова в том, что тот своим писаниями стремится опорочить политику партии. Вообще его любая пьеса, поступавшая на отзыв в ИМЛ, получала резко негативный отзыв. Но все же его пьесы шли в театрах, снимались и кинофильмы по его сценариям. У него, как и у Логинова, были друзья в аппарате ЦК, которые имели доступ к тем, кто выносил решения по идеологическим вопросам, но, разумеется, и противников было немало.

Однажды из дирекции Института прислали на отзыв пьесу, основанную на воспоминаниях Клары Цеткин о ее встречах и беседах с Лениным. Текст не вызвал у меня возражений и написал позитивное заключение. Оказалось, что это была пьеса Шатрова, но под другим псевдонимом. Получив отзыв, Миша сказал Володе, что вот и в ИМЛ, оказываются, существуют рецензенты, способные давать непредвзятое заключение. Правда, дирекция не знала настоящее имя автора, в противном случае обошлись бы без меня.

Поскольку речь зашла о воспоминаниях Клары Цеткин, останюсь на эпизоде, близким к тому времени. Позвонили из Московского телевидения и попросили принять участие в инсцени-

ровке этих воспоминаний. Предложение меня заинтересовало, и в результате оказался в квартире известной актрисы Софьи Владимировны Гиацинтовой. Режиссер объяснил, что предстоит комментировать для зрителей сцену разговора Ленина и Цеткин в дни III конгресса Коминтерна.

Гиацинтова играла роль Цеткин, а незнакомый мне артист – роль Ленина. Воспроизводилась встреча Ленина с Цеткин, в которой он убеждал ее бороться за единство руководства Германской компартии, объяснял, почему, критикуя его за левацкие ошибки, надо сделать все, чтобы партия преодолела последствия мартовских событий без раскола.

Мы несколько раз прорепетировали эту сценку. Я предупредил, что мои слова не следует заранее записывать, поскольку просто не сумею повторить их. На репетициях говорил примерно одно и то же, но не повторял свой текст дословно.

Гиацинтова была великолепно, играла столь естественно, и достоверно, что возникало ощущение, что это действительно Цеткин говорит с Лениным, которого знает давно и чье мнение для нее имеет исключительное значение. К сожалению, актер, которому дали роль Ленина, походил на него лишь ростом и лысиной и явно утрировал игру Щукина. Но режиссера он устраивал, и я не считал целесообразным делиться с ним своими сомнениями.

После репетиций началась съемка этого миниспектакля на телестудии. Оказавшись за письменным столом перед телекамерой, почувствовал, что говорить в глазок кинокамеры, это совсем не то, что выступать перед аудиторией. Видимо, Гиацинтова знала о таком эффекте телесъемки. Заметил, что она, сидевшая как бы сбоку и в стороне, повернулась в мою сторону и изобразила зрительницу, ожидающую, что ей скажет ведущий. Мы встретились с ней глазами. Мысленно поблагодарив ее за помощь, начал рассказывать о той ситуации, в которой произошла встреча Ленина и Цеткин. Съемка прошла нормально.

Показ спектакля анонсировали и вечером включил телевизор. Но там шла совершенно иная передача. Предполагаю, что виной был артист, игравший роль Ленина. Впрочем возможно это было из-за физиономии комментатора.

Вернемся, однако, к нашей теме. Реакция Егорова на тот или иной факт была во многом связана с тем, не ощущал ли он в данном событии ущемления своих прав. Однажды в редакции журнала произошел безобразный случай. Сотрудник редакции, недовольный своим непосредственным начальником, а это был Петя Кольцов, схватил телефонный аппарат и ударил Петра по голове. На шум вбежали сотрудники, вызвали скорую помощь, появилась даже милиция. Егоров пришел в ярость не от этого происшествия, а от того, что на территории Института, которым руководит он, член ЦК партии, кто-то осмелился обратиться в милицию. На институтском партийном собрании в своем докладе не осудил позорный поступок того негодяя, а представил дело так, будто виновны, чуть ли не в равной степени обе стороны. Достойный отпор получил в выступлении Юры Амиантова, который прямо заявил, что речь идет не просто о сваре между людьми, в чем то несогласными друг с другом, а о хулиганском поступке и расправе с человеком. После того собрания Петя вскоре оказался с инфарктом в больнице.

Однажды вызвал меня и поручил подготовить для публикации в журнале «Новый мир» какие-либо архивные документы Коминтерна. Принес ему эти материалы, соответственно прокомментированные. Предложил продолжить публикацию и после выхода в свет номера журнала, но Егоров сказал, что не следует создавать впечатление, что Институт как-то связан с этим журналом. «Новый мир» пользовался влиянием в демократически настроенных слоях интеллигенции.

Через несколько лет после этого, когда уже стал доктором наук, один из деятелей компартии Японии опубликовал статью с критикой ленинских положений о диктатуре пролетариата. Егоров через Мосолова передал мне поручение написать материал с анализом высказываний Ленина на эту тему. Пролистав тома ленинских сочинений и выявив все его суждения по этому поводу, составил такую справку. Никаких открытий она не содержала. Егоров остался ею недоволен и сказал Мосолову, что не ожидал, чтобы доктор наук написал столь неинтересный материал.

Докторская диссертация

В начале 1974 г. мне позвонил Исков. Сказал, что собирается оставить пост Ученого секретаря Института и ограничится работой заведующего Отделом филиалов. В последний раз составляет годовой план работы. Спросил, на какое число поставить защиту моей докторской диссертации, предложив для этого сентябрь. Я и не думал тогда о подготовке диссертации. Но ответил, что к октябрю успею ее написать.

Соболев и Шириня к этой идее отнеслись весьма положительно. Мне дали два месяца для подготовки ее текста. Когда принялся за работу, то выяснил, к собственному удивлению, что мне больше, чем ручка, нужны ножницы. Нарезал из написанных текстов подходящие куски и задолго до окончания срока диссертация была готова. Посвятил ее роли Ленина и Коминтерна в возникновении и формировании компартий. Конечно, пришлось кое-что дописать, в частности, о IV конгрессе Коминтерна. Диссертация соответствовала всем критериям, обязательным для такого рода исследований. Разумеется, работа носила отпечаток тех установок, которые тогда разделял.

Все же не получилось просидеть дома два месяца. Должен был выйти из печати упомянутый ранее второй сборник о Димитрове. Получив чистые листы, обнаружили, что в одном месте пропущено несколько слов, отчего смысл абзаца искажался. Издательство перепечатало страницу, но прислало нам весь тираж сборника, чтобы мы заменили старую страницу новой.

Подшло время защиты, отвез экземпляры диссертации оппонентам. Сначала первому оппоненту профессору Владимиру Михайловичу Турок-Попову, который когда-то работал в примыкавшей к Коминтерну организации. Прочитав текст, он пригласил меня к себе и сказал, что прежде чем печатать свой отзыв, хотел бы обсудить со мной свои замечания. Принял почти все, но по одному попросил исправить формулировку. Турок хотел сказать, что у меня просто нет обзора научной литературы. Я возразил, что анализ такой литературы все же есть во введении и насчитывает около 30-ти страниц. Предложил просто сказать о существ-

венных недостатках в освещении предшествующей литературы, затрагивавшей тему диссертации. Он согласился.

С другими оппонентами проблем не возникло. Вторым оппонентом был профессор из АОН, Игорь Михайлович Кривогуз, ведущий специалист по истории германской социал-демократии. В то время он заведовал кафедрой АОН, но однажды выступил в Берлине с докладом о роли социал-демократии. Его взгляды вызвали протест со стороны руководства СЕПГ. Последовал донос в ЦК КПСС, и Кривогуза сняли с должности, хотя и оставили на преподавательской работе в АОН.

Кривогуз разыскал меня в США и прислал теплое письмо. Он не нашел в российских библиотеках книгу о посещении Америки российскими военными судами в 60-х годах XIX века. Среди офицеров находился и его предок. Игорь Михайлович попросил найти эту книгу и сделать ксерокопию страниц, где упоминался его родственник. В Бостонской публичной библиотеке взялись ее отыскать. И действительно нашли в библиотеке Вашингтонского университета.

Разыскиваемую книгу получил через месяц. Это оказалась маленькая брошюрка. Решил снять с нее копию и выслать ее в Москву. Спросил, могу ли это сделать. Мне разрешили и добавили, что вообще могу брошюру взять домой. Отправил ксерокопию Кривогузу.

Игорь Михайлович прислал мне свои мемуары о войне, которую он сержантом провел в окопах. Я к тому уже участвовал в передачах Виталия Дымарского на «Эхе Москвы», рассказывал о шифровках Коминтерна. Порекомендовал ему привлечь к своим передачам Сашу Панцова и профессора Кривогуза, и они также выступили на «Эхе Москвы».

Третьим оппонентом стал сотрудник нашего Института Степан Лазаревич Титаренко. Он занимался критикой зарубежных авторов, которые писали об истории КПСС. О своей работе как-то сказал Логинову: «Мы фальсифицируем историю партии, за это нас критикуют наши враги, а после этого мы их ловим и разоблачаем».

Когда началось заседание, заметил в зале Владимира Александрова, и понял, что это неспроста. Председательствующий на защите Родионов спросил меня, почему в историографическом

обзоре я не критикую слабые работы советских авторов и есть ли такие работы вообще, ответил, что такие работы, конечно, есть, но предпочитал критиковать буржуазных авторов, и признал, что в этом деле допустил ошибку. В качестве примера упомянул книгу Александрова и сказал, что в ней нет ничего нового, чего бы не было в литературе и в самих томах Сочинений Ленина.

После выступлений оппонентов председательствующий спросил, кто желает взять слово. На трибуну поднялся Александров. Заявил, будто я дал указание ЦПА, чтобы ему не давали там нужных документов. Обвинил меня в том, что я приписал Зиновьеву авторство Условий вступления в Коминтерн, в то время, как всем известно, что их написал Ленин.

Учитывая, что это было сказано в стенах ИМЛ, выступление Александрова стало настоящей провокацией. О том, что в действительности не Ленин написал этот документ, прекрасно знали в Секторе произведений Ленина, да и, разумеется, в дирекции, но все же документ опубликовали в его собрании сочинений¹.

Когда слово предоставили мне, поблагодарив оппонентов и тех, кто помог мне подготовить диссертацию, сказал, что всякий, кто работает в архиве, понимает, что не мог кому-либо помешать работать с документами в ЦПА ИМЛ и тем более давать архиву какие-либо указания. Выдавать читателям документы для исследования – прерогатива сотрудников архива. Опровергая второе обвинение, заметил, что не выдвигал никакого утверждения об авторе «21 условия». Об этом написано в нашем сборнике о II-м конгрессе Коминтерна в статье другого автора. В моей диссертации подчеркивается, что этот документ был плодом коллективного творчества. В его основу легли ленинские труды. Также упомянул, что мне довелось читать верстку книги Александрова и обнаружил, что архивные материалы в его тексте просто взяты из моих опубликованных работ.

Саша Резников был моим ответом недоволен. Он мне потом заметил, что я напомнил ему конькобежца, танцующего на льду. При каком-то пируэте он коленом коснулся льда, хотя ни судьи, ни зрители этого не заметили. Я с ним не согласился. Другой мой

---

¹ Полагаю, что это делалось по решению ЦК ВКП(б), принятому в середине тридцатых годов.

коллега, Володя Горбунов, сотрудник Сектора Ленина, сам когда-то рассказавший мне о том, что этот пресловутый документ не принадлежит перу Ленина, упрекнул меня, что своими словами во вступительном выступлении спровоцировал Александра. Но я так не считал. Увидев того, понял, что он обязательно будет выступать, чтобы отомстить за мой отзыв на верстку его книги.

Слова Александра не сыграли роли, и Ученый совет единогласно присудил мне степень доктора исторических наук. Но Александров входил в состав Экспертного совета по истории Высшей аттестационной комиссии и использовал все, чтобы затянуть утверждение диссертации. После того, как очередной рецензент давал по моей работе положительный отзыв, тут же писал в ВАК письмо с клеветой на меня или рецензента. Таким образом, добивался того, что диссертацию посылали новому рецензенту. И так повторялось несколько раз в течение двух лет.

Об этом мне позднее, когда эта затянувшаяся история уже закончилась, рассказал мой бывший однокурсник Валя Покровский, который в то время работал заместителем заведующего Отдела ВАК по гуманитарным наукам. Он даже предложил прочитать письма в ВАК Александра по моему поводу. От такого «удовольствия» отказался, ибо ничего кроме горечи и расстройств это чтение мне бы не принесло. Канитель продолжалась до тех пор, пока диссертацию не отправили на отзыв в Ленинград, а сам состав Экспертного совета изменился и Александров уже не входил в него.

Через какое-то время в ВАК подвели итоги защиты диссертаций и мою признали лучшей за тот год. Полагаю, что это было сделано скорее за ее название, все же она была написана о Ленине, и сыграло свою роль место защиты – Ученый совет ИМЛ при ЦК КПСС.

Экспертный совет ВАК

Вскоре Покровский пригласил меня участвовать в рецензировании кандидатских диссертаций, поступавших в ВАК. Через некоторое время меня ввели в состав Экспертного совета по истории.

Впоследствии он разделился на Советы по всеобщей истории и по истории партии. Я стал членом первого Совета и работал в нем до 1993 года.

Собирались мы раз в неделю. Каждому члену Совета предстояло просмотреть автореферат докторской диссертации, протоколы заседания Ученого совета и написать заключение о научной новизне диссертации и ее значении. Затем доложить о своих выводах Совету. При отрицательном заключении диссертацию отправляли на дополнительное рецензирование или вызывали диссертанта на заседание Совета.

В Совете встретился со своим преподавателем, профессором Виктором Георгиевичем Карасевым, лекции которого слушал на втором курсе Истфака и которому сдавал экзамен по истории Югославии, а также со своими бывшими однокурсниками – Володей Дробижевым, Володей Пименовым, историком-искусствоведом Германом Федоровым-Давыдовым. Довелось познакомиться со многими ведущими историками, благодаря этой работе находился в курсе проблем, разрабатываемых в различных Институтах и Университетах как Москвы, так и на периферии.

В абсолютном большинстве давал положительные заключения на диссертации. Хорошо помнил, сколько нервов мне стоили происки Александрова, и хотел избавить от этого людей, чьи диссертации мне попадались. Научился четко и кратко формулировать достоинства диссертации. Думаю, что это понимали сотрудники аппарата ВАК, которые нередко просили меня разобраться с диссертациями, судьбу которых было сложно решить.

Из них запомнилась работа Алексея Салмина из Института Тимофеева, посвященная итогам парламентских выборов во Франции за послевоенные годы. Язык этой работы оказался столь сложным, что кратко сформулировать ее содержание и выводы автора, оказалось необычайно трудным, но удалось с этим справиться.

Другой такой работой стала диссертация Виталия Вульфа из того же Института, посвященная развитию американского театра. Экспертная комиссия по искусствоведению отказалась ее рассматривать и диссертацию передали в наш Совет. Мой коллега по Совету, Юрий Афанасьев, в то время работавший в редакции

журнала «Коммунист», предложил мне написать заключение по работе Вульфа. Я сделал это, охарактеризовав ее как диссертацию по истории США. Это сработало. С тех пор с особым чувством смотрел телевизионные передачи этого человека, увлеченно и ярко рассказывавшего об актерах российского театра и известных постановках.

Написал отрицательное заключение только раз. Работы по специальности научный коммунизм, как правило, заполненные общими, малосодержательными фразами, представляли собой просто видимость научного труда. Диссертант с апломбом утверждал, что до войны существовало международное коммунистическое движение, а после войны оно стало мировым. На основании такого «вывода» претендовал на докторскую степень. В своей рецензии написал, этот вывод мне представляется несерьезным и не носит характер вклада в науку. Совет согласился со мной и вызвал диссертанта на свое заседание. Оно было крайне неприятным. Видел после заседания жалобу, в которой тот тип написал, что все бы было хорошо, если бы не какой-то человек в кожаной куртке, который на него напал. Совет поддержал мнение своего члена.

Нидерланды и Бельгия

После обязательного перерыва между поездками настал черед Голландии и Бельгии. В поездке участвовала Валя Цырлина. Вместе с Валею и ее напарницей по комнате Лерой Шакировой, врачом из Второй поликлиники, в которой лечились партийные функционеры и правительственные чиновники среднего ранга, гуляли по улицам Амстердама, восхищаясь его зданиями и особенно каналами.

Руководила группой Изора Казьмина, очень сильная и решительная женщина, говорившая всегда четко, ясно и громко. Хороший товарищ, Зоря заботливо опекала того, кого брала под свою защиту.

Голландия, так обычно называли в прошлом Нидерланды, поразила нас своей ухоженностью, какой-то аккуратностью. Пейзаж ее был исключительно ровным. Позднее увидел на юге страны и небольшие возвышенности, которые там называют горами. Большая часть страны находилась ниже уровня моря, земля отвоевывалась у него ценой тяжелого труда многих поколений ее жителей. Изредка попадались традиционные мельницы, которые переделали под жилье или помещения для других целей, но сохраняли свой привычный вид.

В Амстердаме нет высоких зданий. Город разрезан каналами, создающими его неповторимый облик. В припаркованных к берегам баржах живут люди. Дома выглядят очень старыми. Как правило, на каждом этаже было не больше трех окон, что объясняется просто. В старину за каждое окно надо было платить налог. Страна долгое время жила под гнетом Испании. Вооруженные патрули испанских солдат обходили улицы. Окна домов запрещалось завешивать занавесками, чтобы они видели жизнь жителей.

Поражало количество велосипедистов. Особенно забавно это выглядело во время дождя, когда и сам велосипедист и его велосипед накрывались одним плащом. Для них выделялась часть улицы, примыкавшая к тротуару. Однажды, идя беззаботно по этой дорожке, чуть не оказался сбитым велосипедистом, ехавшим на большой скорости.

В Амстердаме посмотрели Музей Ван Гога. При жизни художника картины не раскупались и большая их часть сохранилась у его брата. Собрание картин дало полное представление о творчестве этого великого мастера живописи. К концу своей короткой жизни он сошел с ума, и картины, как мне показалось, отражали этот процесс нарастания безумия их создателя. Совершенно потрясенным вышел из этого Музея.

Посетили и Музей самого знаменитого художника этой страны – Рембрандта, который находится на площади, названной его именем. И ему пришлось столкнуться с бедностью и горем. Некоторые его картины оказались потерянными, и их нашли столетия спустя после его смерти.

В главном Музее Амстердама – Рейхс-музее, к сожалению не увидели шедевра этого гения – картину «Ночной патруль». Она

находилась на реставрации. Много позднее, когда попал в этот Музей, долго стоял перед этой картиной, смысл которой был не замысловат – группа людей, одетых в военные мундиры и вооруженных шпагами и ружьями. Каждый представлял собой совершенно законченный тип. Это была единая компания людей, пронизанных гордостью и чванством. Недаром они остались недовольными тем, что было изображено на картине.

Незабываемой оказалась прогулка на катере по каналам Амстердама. В той поездке особенно много фотографировал на слайды. Посмотрели мы и так называемый Красный квартал, где в витринах сидели женщины и девицы, предлагавшие любому зайти к ним и получить удовольствие. Когда проходили мимо такой витрины, один из нашей группы просто замер на месте. Тут эти девицы начали его заманивать к себе, показывая жестами, что они с ним сделают. Бедняга просто упал на руки окружавших его членов группы, сердобольных женщин, которые увели его под руки от картины этой сладкой жизни.

Вершали выезды из Амстердама в другие города. В Харлеме посетили Музей Петра Первого, в другом городе – Музей Франца Хальса. Его картины пронизаны радостью жизни. Сильное впечатление произвел Памятник жертвам войны в Роттердаме, который жестоко пострадал от бомбежки союзников. Он представляет собой группу людей, обезображенных горем и отчаянием, на фоне каких-то развалин.

Из Амстердама направились в Гаагу. Там осмотрели картины в Государственном музее, по своему количеству и значению, не уступавших коллекции Рейкс-музея.

В Гааге посетили Советское посольство. Автобус опоздал и нас никто не встретил. Мы толпились перед зданием посольства. В середине двора его маленький кусочек оказался огороженным невысоким забором. Члены нашей группы, слоняясь по двору, забредали и на эту территорию. Затем позвали пройти внутрь дома. В большой комнате наше появление спугнуло каких-то женщин, которые разложили на диване какие-то тряпки. Затем появился маленький человечек и вместо приветствия сурово спросил: «Кто вам дал право зайти на территорию посольского садика?». Раздались возгласы удивления наших женщин, забывших во время по-

ездки о своих обязанностях советского человека. Я постарался их успокоить. Любое замечание этого чинуши могло принести нам всем крупные неприятности. К счастью, этого не произошло. Но мы вновь почувствовали гордость за то, что наша страна следит за тем, как мы проводим свое время вдали от Родины.

На том же автобусе переехали в Брюссель. Мне этот город очень понравился. Особенно его Королевская площадь, окруженная красивыми зданиями. Когда мы оказались на ней, какой-то скрипач, у ног которого лежала шляпа для сбора подаяний, что-то наяривал так, что проходившие мимо девицы, просто пустились в пляс.

Большинство жителей Бельгии говорит на французском языке. Где-то остановились у лотка, торгующего фруктами. Восхитились обилием фруктов, размещенных на лотке, их качеством. Пожилой продавец, спросил, откуда мы приехали. Валя ответила ему, что из Москвы. Он спросил: «Неужели вы вернетесь туда»? Этот вопрос прозвучал неожиданно. Валя быстро ответила: «Конечно». Иначе ответить было просто невозможно..

Также, как в Нидерландах, на улицах видели много иммигрантов. Но они отличались от тех, кого мы встречали в Амстердаме. Если там преобладали выходцы из Индонезии, то здесь были в основном негры из Бельгийского Конго. Они мыли окна, убирали улицы, словом, выполняли ту малопривлекательную и низкооплачиваемую работу, которой пренебрегали заниматься коренные жители.

Из Брюсселя совершали выезды в разные города. Запомнилась Брюгге и Гент. Брюгге просто очарователен. Мы там пообедали в небольшом ресторане, а затем отправились в Гент. Его центр окружала средневековая каменная стена, по которой совершили полный круг. Побывали на побережье Северного моря вблизи Остенде. Вода показалась какой-то серой.

Посетили Антверпен. По приезде туда пообедали в ресторане. На здании напротив красовалась реклама в виде верблюда. Затем отправились в экскурсию по городу и зашли в какой-то музей. Один из наших, тот самый, который в Риме интересовался Колизеем, а в Амстердаме – девочками в витринах, задержался около сувенирного киоска в музее и отстал от группы. Когда выясни-

лась его отсутствие, побегали по улицам без результата. Но догадались подъехать к ресторану, где обедали. Там он и ждал нас, найдя ресторан по фигуре верблюда.

Эта поездка, в которой удалось сразу посетить две страны и сравнить их, надолго осталась в памяти. Впрочем, в Амстердаме мне еще пришлось побывать через несколько лет, но совсем в иной ситуации.

Сборник документов VII конгресса Коминтерна

Сороковую годовщину VII конгресса Коминтерна отметили серией публикаций архивных документов в различных журналах. Поскольку в то время Шириня болел, меня вызвал к себе Егоров и сказал, что если возникнут какие-нибудь затруднения, то следует известить его и он поможет. Но к тому времени уже знал, что собой представлял Анатолий Григорьевич и решил, что не буду просить его помощи.

Выпустил тогда в Издательстве «Знание» брошюру об историческом значении конгресса. Сейчас бы о многом в ней написал иначе, но из песни слова не выкинешь, а потому рассказываю, что со мной происходило в то время.

Подготовили сборник документов под редакцией Ширини «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны». В него вошли не только тексты Димитрова и резолюции конгресса. В архиве выявили документы, связанные с реализацией компартиями курса конгресса.

Мы с Шириней включили в редколлегию сборника Ендакову, поскольку значительную часть сборника составили архивные материалы. Видимо, здесь следует немного рассказать о сотрудниках этой Секции ЦПА, а также о некоторых других сотрудниках архива, тем более, что мне за годы работы в Институте пришлось с ними довольно тесно контактировать. Даже руководил в течение нескольких лет в этой Секции семинаром, в котором обсу-

дались различные проблемы истории Коминтерна. Хотелось помочь им понять, что содержалось в документах, которые они, по существу, механически обрабатывали.

Секция документов международного коммунистического движения ЦПА ИМЛ

Заведующая Секцией Валентина Михайловна Ендакова участвовала в войне, имела специальность штурмана, но по состоянию здоровья не смогла летать и годы войны провела в штабе авиачасти. Училась на Истфаке МГУ и поступила в аспирантуру на Кафедру истории южных и западных славян, специализировалась по истории Болгарии. Не закончив ее, ушла на работу в ЦК КПСС, где руководила Архивом Коминтерна, который тогда хранился в ЦК. Оттуда вместе с этим архивом перешла в ЦПА ИМЛ.

Ее отец когда-то был одним из секретарей объединения советских профсоюзов. Когда Сталин начал убирать с руководящих постов тех, кто оказался хоть как-нибудь связанным с его противниками, Ендаков застрелился. Но поскольку сам ушел из жизни, его семья не подверглась репрессиям. И Валентина Михайловна всю жизнь оставалась правоверной коммунисткой.

В ЦПА каждый заведующий Секцией имел отдельный кабинет. Но Ендакова сидела вдвоем с Еленой Васильевной Голубевой. Маленькая, сухонькая, немногословная старушка все время была чем-нибудь занята. То составляла картотеку псевдонимов, то помогала установить, кто изображен на фотографиях. Мне как-то попался документ, со списком советских участников мирной конференции в Женеве в 1922 году. В нем Голубева числилась шифровальщицей Советской делегации. В аппарате Коминтерна сменила много должностей, одной из последних стала должность помощника секретаря ИККИ Дмитрия Мануильского. Сначала меня восприняла несколько настороженно, но в дальнейшем тепло относилась ко мне.

Валентина Михайловна, в сущности, являлась неплохим человеком, хотя иногда говорила людям в лицо неприятные вещи. По долгу службы проверяла, как я храню архивные выписки. Накануне звонила мне по телефону и предупреждала о проверке. Успевал принести из дома тетрадки и положить их в сейф. Когда появлялась проверяющая, сейф открывался, и она могла убедиться в том, что выписки хранятся там.

Наши добрые отношения омрачились незадолго до моего переезда в США. Участвовал вместе с генералом Волгогоновым в телевизионной передаче, посвященной Коминтерну. В основном говорил он, я сделал несколько комментариев, в частности, сказал о тесной связи Отдела кадров ИККИ с НКВД. Ендакова позвонила мне домой и от имени своего покойного отца предала меня анафеме. Ответил ей, что основывался на архивных документах. Человек, не желающий видеть ничего, что противоречит его взглядам, более слеп, чем незрячий.

В штате Секции насчитывалось примерно 10 человек, часто привлекались люди на временной основе, поскольку приходилось работать с документами на редких языках. Эти документы со времен Коминтерна лежали не рассортированными в коробках. Предстояло их разложить по определяющему признаку и хронологии, пронумеровать и, выделив материалы, относящиеся к одной партии или организации, написать объяснительную записку, с которой начиналась опись. Если такое дело уже существовало, материалы подкладывались дополнительно в него или формировались дубликаты дел. Работа носила по преимуществу технический характер, сотрудник не имел времени на прочтение документа, так как существовал жесткий график обработки материалов.

Некоторые сотрудники имели высшее образование, другие приходили на эту работу прямо со школьной скамьи и становились архивистами уже на самой работе. С одними у меня сложились нормальные, даже теплые отношения, с другими чисто формальные.

Помимо Вали Цырлиной моими друзьями стали также Марина Смолина, Света Розенталь и Юра Туточкин. Совершенно очаровательная Марина, к сожалению, вскоре уехала надолго за границу. Ее мужа назначили послом в какую-то латиноамериканскую

страну. По возвращении оттуда вернулась на работу в архив, но общались мы с ней уже редко.

Света Розенталь занималась делами компартий латиноамериканских стран. С годами стала серьезным специалистом. Увидел ее, как и Юру Туточкина на конференции в Германии в Ганновере в 2004 году. Ее выступление о репрессировании в СССР польских и британских коммунистов мне показалось очень интересным. Сказал ей, что теперь спокоен, в архиве есть настоящий специалист по истории Коминтерна.

На той конференции встретил массу давно знакомых коллег – Германа Вебера и Владислава Хеделера из Германии, Феликса Тыха из Польши, Хосе Готовича из Бельгии, Петера Хубера из Швейцарии, Кевина Макдермотта из Англии, ну и, конечно, Сашу Ватлина. Познакомился с двумя коллегами из Петербурга Лазарем и Виктором Хейфецами, отцом и сыном, историками-латиноамериканистами. Составленный ими библиографический справочник о коминтерновцах, связанных с коммунистическим движением в этих странах, очень мне пригодился при подготовке книги, поскольку эту сторону деятельности Коминтерна знал недостаточно. Прошло несколько лет и довелось писать отзывы на авторефераты докторских диссертаций вначале отца, а затем и сына.

Увиделись со Светой мы и осенью 2009 г. на конференции в Гамбурге, организованной моим другом Рейнхардом Мюллером, работавшим в Институте социальных исследований. Конференция была посвящена Сталину и сталинизму.

В составе российской делегации находились Саша Ватлин, Лариса Роговая и несколько ранее незнакомых мне историков. Довелось вновь встретиться со многими зарубежными друзьями, в том числе с Барри Маклуглиным из Вены, Феликсом Тыхом, Владиславом Хеделером. В своем выступлении¹ рассказывал о наиболее важных и интересных моментах в книге о секретных

---

¹ Оно опубликовано в журнале этого Института (*FirsovFridrikh. Die Komintern – Außenpolitisches Instrument des Stalin'schen Regimes // Mittelweg* 36. 19. Jahrgang, Februar/März, 2010. S. 74–90).

кодах Коминтерна. Выступление восприняли очень хорошо, после этого ко мне подходили многие с вопросами, а один американский историк японского происхождения, владеющий русским языком и уже прочитавший книгу, назвал ее бриллиантом. Тогда-то и получил предложение А.К. Сорокина о ее переиздании.

Напарник Светы по комнате в архиве – Юра Туточкин, вечный спорщик и фантазер, усердно помогал исследователям, за что получал нагоняи от руководства. Посоветовал ему написать кандидатскую диссертацию, даже назвал тему, но Юра сказал, что его интересует другая тема. Так, мы с ним ни о чем не договорились.

Из других сотрудников Секции назову Миру Неволину. Она чаще других проверяла мои архивные выписки. Как-то по делам зашел к ней домой, очень удивился, что в ее трехкомнатной квартире двери всех комнат были закрыты. Я к такому не привык. Где бы не жил, двери комнат никогда не закрывались.

Следует отдельно сказать об Элеоноре Шахназаровой, возглавившей Секцию после ухода Ендаковой на пенсию. Ее отличали грубость и хамство. Ей нравилось унижать человека, отказать в просьбе. Она воплощала собой дух секретности и закрытости, царивший в ЦПА. Характерным являлся такой наш диалог. Я привел известное положение, что различие между демократическим и тоталитарным обществами состоит в том, что в первом допустимо все, что не запрещено законом, а во втором – только то, что разрешено законом. Она тут же заметила, что ей по душе второе.

Была неспособна написать мало-мальски разумный текст, но при этом отличалась крайней амбициозностью. Меня как-то упрекнула, что не написал ей диссертацию, как это сделал для Неволиной. На это возразил, что Неволина писала диссертацию сама, а я только помогал. Элеонора попортила мне много крови, когда я пришел на работу в архив. Частенько подходила ко мне в читальном зале, чтобы проверить, что выписываю из дел. Когда видела, что смотрел не только ту часть дела, на которую получил ее разрешение, устраивала скандал. После моего отъезда в США сказала Джонатану Бренту, что просто задушила бы меня собственными руками, если бы я оказался в Москве, за то, что открыл иностранцам многие секреты Коминтерна.

Другие сотрудники партийного архива

У меня сложились нормальные деловые отношения и с работниками ряда других Секций и подразделений ЦПА. С удовольствием вспоминаю Ю.А. Ахапкина, заведующего Секцией документов Ленина. Ветеран войны, потерявший после ранения на фронте руку, Юра был правоверным членом партии. Тяжело переживал ситуацию, в которую КПСС попала в годы Перестройки. На мои слова, что приходится краснеть за те дела, о которых стало известно, ответил, что ситуация изменится и придется краснеть тем, кто занимается критикой партии. Следует сказать, что мне в архиве он не мешал работать с документами Ленина.

Со сменившим его позднее в этой должности Владленом Степановым, с которым вроде бы находился в хороших отношениях, договориться о том, чтобы посмотреть какие-либо документы из фонда Ленина, оказалось намного труднее. Приходилось убеждать его, что они необходимы для плановой работы. Впрочем, возможно это было потому что произошло какое-то устрожение в отношении доступа к архивным материалам. Такое положение существовало примерно с конца 70-х годов.

Сослуживцы, да и не только они, с большим уважением относились к Юре Амиантову, прямому, решительному человеку, которого не могло смутить, что ему подчас приходилось спорить с руководителями архива, да и с самим директором Института. Хорошо знал содержание фондов ЦПА, и после выделения архива в самостоятельное учреждение стал в нем главным архивариусом.

В ЦПА как-то произошла ужасная история. В своем кабинете повесился научный сотрудник Игнатов. Он производил впечатление вполне нормального человека. После той трагедии мне рассказали, что Игнатов входил в состав экипажа самолета, сбросившего термоядерную бомбу огромной мощности над одним из островков Ледовитого океана. Уволенный после этого в отставку, долгое время провел в больнице, затем закончил Историко-архивный институт и оказался сотрудником архива. Душевная травма прошлых лет стала причиной самоубийства.

Большую помощь мне оказывали сотрудницы историко-партийной Секции. В комнате, где сидели Людмила Кошелева и Лариса Малащенко, стояла картотека повесток заседаний ЦК и Политбюро ЦК, очень важный ориентир для поиска необходимых документов.

С этой картотекой я основательно поработал. Переписал все повестки заседаний Политбюро во второй половине тридцатых годов. Это очень пригодилось, когда готовил доклад для симпозиума в Гамбурге «Димитров, Коминтерн и сталинские репрессии». Подсчитал по этим выпискам, сколько раз на Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждались вопросы, касавшиеся НКВД и репрессий. Оказалось, что в таких вопросов было в 1936 г. – 40, в 1937 г. – 123, в 1938 г. – 72. Эти цифры сами по себе характеризовали волну террора в те годы и роль в этом верхушки партии¹.

Эту черту – фиксирование того, что в данный момент и не требовалось, но могло иметь существенное значение для дальнейшей работы, заметил в себе давно. Делая из архивного документа выписки по вполне определенной проблеме, старался, хотя бы вкратце, записать и то, что, кроме этого находилось в данном документе. Эти пометки также вносил в тот предметный индекс, о котором написал раньше. И потом, когда возникала необходимость сбора материала по новой теме, проверял, что у меня по ней имелось в индексе. Тем самым существенно ускорял накопление документальных и фактических сведений по новой теме.

Заведовала этой Секцией Лариса Роговая, очень милая, симпатичная женщина. Мы с ней встречались дважды через много лет в Гамбурге. На симпозиуме Лариса рассказала об интересной коллекции карикатур на партийных деятелей, которые они рисовали сами друг на друга. Некоторые из них она даже продемонстрировала. Впоследствии их опубликовал мой бывший сотрудник Саша Ватлин.

---

¹ Редактор сборника Барри Маклуглин, написавший статью о сталинском терроре, попросил у меня разрешения использовать эти цифры в своем тексте. Разумеется, дал согласие, поскольку там они были гораздо важнее, чем в моей статье. (См. *Stalin's Terror. High Politics and Mass Repression in the Soviet Union* / Edited by Barry Mcloughlin and Kevin Mcdermott. – PalgraveMacmillan Ltd, 2003). Книгу вскоре переиздали.

Когда меня взяли на работу в архив, а это произошло в конце 1991 г., Лариса оказалась в числе тех, кто ко мне отнесся по-дружески. Она разрешила просмотреть полученные из Президентского архива так называемые Особые папки Политбюро ЦК ВКП(б) за начало 20-х и вторую половину 30-х годов. В них я нашел документы, по которым увидел, какой характер на самом деле имели взаимоотношения между Политбюро и руководством Коминтерна.

Документы свидетельствовали о позорной роли Политбюро в организации массовых репрессий в годы Большого террора. Именно оно утверждало по регионам страны контрольные цифры будущих арестов. При этом предусматривалось, кого из этого числа следует расстрелять, а кого – сослать в концлагеря. Читая эти документы, испытывая подчас ужас и головокружение, понимал, как это все происходило в действительности.

Вот только несколько цитат. 31 января 1938 г. Политбюро приняло решение: «Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15.4.1938 операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД.

Оставить до 15.4.38 существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от их подданства.

Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР».

Но этого показалось недостаточно и 26 мая принимается новое решение: «Продлить до 1 августа 1938 г. упрощенный порядок рассмотрения дел на лиц польской, немецкой, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской, иранской, афганской, китайской национальностей и харбинцев, изобличенных в шпионской, диверсионной, террористической и другой антисоветской деятельности».

Скрупулезное перечисление национальностей в этом перечне вполне раскрывает избирательный подход в выборе жертв. Бес-

пощадность проявляли к тем, кто не мог обратиться в посольство своей страны с просьбой о помощи и был полностью беззащитным.

Столь же недвусмысленно эти документы показывали, как использовался Коминтерн в неблагоприятных целях. В постановлении Политбюро от 26 февраля 1936 г. Коминтерну совместно с НКВД поручалось провести чистку политэмигрантов: «В виду того, что на территории СССР скопилось большое количество политэмигрантов, часть из которых является прямыми агентами разведывательных и полицейских органов капиталистических государств, поручить Коминтерну совместно с НКВД в 3-х месячный срок провести полный переучет политэмигрантов, прибывших в СССР по линии МОПР'а, ИККИ и Профинтерна».

Об этой неприглядной роли Коминтерна мне довелось поведавать сначала на симпозиуме в Гамбурге, а затем в упомянутой выше статье, написанной для сборника о сталинском терроре, опубликованном под редакцией Барри Маклуглина и Кевина Макдермотта.

Возвращаясь к работе в ЦПА, добавлю, что хорошие отношения у меня сложились со многими его сотрудниками. Один из работников фотомастерской как-то посоветовал мне держаться подальше от Шахназаровой и ни в коем случае не помогать ей с диссертацией. На это ему ответил, что привык помогать тому, кто просит о помощи.

Вспоминаю годы, проведенные за столом Читального зала ЦПА, как исключительно важные в моей жизни, просмотрел там буквально горы материалов, оставив в каждом из прочитанных дел свою подпись.

Рамон Меркадер

В архиве увидел участника исторической драмы, о которой написано немало книг. Одну из комнат в этом здании занимала группа испанских коммунистов, как мне сказали, работавших над созданием очерка по истории КП Испании. Как-то среди них заметил

немолодого мужчину, выше среднего роста. Один из архивистов, с которым дружил, толкнув меня в бок, кивком показал на этого мужчину и спросил, знаю ли я, кто это. В ответ на мое недоуменное пожатие плеч, шепнул, что это – убийца Троцкого. До этого в какой-то американской книге видел фотографию молодого человека, которого схватили после того, как он нанес Троцкому ледорубом смертельный удар по голове.

Об этом человеке снова услышал, когда из кандидата становился членом партии. Перед тем, как отправиться в Райком партии, следовало пройти утверждение на заседании парткома. Секретарем тогда был мой друг Миша Андерсон. Когда пришел к нему в партком, он сказал, что на заседании предстояло утвердить двух человек, меня и одного испанца, Героя Советского Союза. (Награда «нашла героя» в 1960 г., при Хрущеве, когда его выпустили из мексиканской тюрьмы, где он просидел 20 лет). Правда, тот не говорит, за что получил это звание. К тому же мешает формальный момент: для приема в партию, согласно Уставу КПСС, необходимы рекомендации трех членов партии, знавших вступающего по совместной работе не менее года. Этот человек приехал недавно и его просто некому рекомендовать. Я понял, о ком идет речь. Вопрос этот решился в ЦК, который принял Меркадера в партию без всяких рекомендаций.

Мне еще раз довелось увидеть его. Недалеко от дачи, расположенной примерно в сорока километрах от Москвы по Казанской железной дороге, которую мы снимали, располагался дачный поселок ЦК КПСС. Мне на работе дали пропуск в ларек этого поселка. В том поселке увидел того испанца с маленькой девочкой, по-видимому, взятой им на воспитание. Звали его Рамон Лопес. Его имя мне напомнила Валя Цырлина. Она, в отличие от многих сотрудников архива, не имела пропуска в столовую ЦК КПСС, и ей приходилось обедать в том же буфете, где питались и испанцы. Их лишили пропусков в столовую, после того как КПИ осудила ввод советских войск в Чехословакию и насильственное подавление Пражской весны в 1968 году.

Много позднее меня пригласили в Институт военной истории на дискуссию по проблемам 30-х годов. Незадолго до этого газета «Правда» напечатала статью генерала Волкогонова «Демон

революции» о Льве Троцком. В ней говорилось об убийстве Троцкого, но не называлось имя убийцы. Во время дискуссии спросил у Волкогонова, который тогда был директором этого Института, почему в своей статье не упомянул имя убийцы. Тот ответил, что нельзя же говорить все сразу. С ним я не согласился и заметил, что имя убийцы Рамон Меркадер и что за свое деяние он был награжден званием героя Советского Союза. Материалы этой дискуссии были опубликованы.

Коллеги по Отделу

Вернусь к жизни Отдела. К сожалению, могу сказать мало о том, чем занимались мои коллеги в современном Секторе. Некоторых из них привлекали к участию в наших сборниках. Другие, по-видимому, выполняли поручения руководителя Отдела, отвечали на запросы из Международного отдела ЦК КПСС, составляли различные справки и т. д.

По наследству от Куранова в Отделе остался Петр Сергеевич Петров, выпускник АОН, не сумевший вовремя написать и защитить диссертацию. Это сделал, уже находясь в ИМЛ. В ней говорилось о возникновении компартии США. Как-то мне понадобилось уточнить, какая из двух компартий появилась раньше – Компартия Америки или Коммунистическая рабочая партия Америки. Петров не смог мне четко сказать, какая из этих двух партий была первой. Он производил какое-то неприятное впечатление, никогда не смотрел в глаза разговаривающему с ним. Такое же чувство к нему испытывал и Ширина.

Мы, не сговариваясь, оба отвергли его приглашение принять участие в торжестве по случаю защиты им диссертации. Вскоре после этого он уволился. Работники читального зала ЦПА застали его за тем, что он вырывал листы из архивных дел. Мало того. Как-то открыл книжный шкаф, чтобы достать книгу по истории рабочего движения в Америке. Ее не оказалось на месте. Прошелся по другим кабинетам в поиске этой книги или других, которые помогли бы мне сделать необходимое уточнение. Оказа-

лось, что у моих коллег не имелось в шкафах ни одной книги по истории США. Тогда обратился в Библиотеку. Из ее спецхрана когда-то получал на время книгу Теодора Дрейпера о первых годах компартии США. Но и она не стояла на месте в стеллаже. Согласно бланку заказа последним читателем, забравшим эту книгу, являлся Петров. Но он уже не работал в Институте. Для увольнения полагалось предъявить в Отдел кадров Обходной листок, на котором представители Библиотеки и различных справочных кабинетов своими подписями фиксировали, что за данным человеком нет задолженности. По-видимому, Петров просто подделал эти подписи. Так не только я, но и Библиотека Института лишились книг по истории КП США. К тому же Петров оказался жутким антисемитом. Сотрудникам Института, в своем большинстве, антисемитизм был чужд.

Другим неприятным типом, о котором следует сказать, был Григорий Кислов. Вместе с Михаилом Басмановым они пришли к нам в Отдел также после АОН. Басманова вскоре избрали секретарем партбюро, а с его подачи Кислов стал членом парткома Института, где отвечал за лекционную деятельность. Оказался бездельником. Друзья вскоре рассорились из-за того, что Григорий неуважительно высказался о жене Басманова. Тому, естественно, сообщили об этих словах.

На меня в то время свалилось столько дел, что просто головы от стола не мог поднять. И вот ко мне пришел Кислов и от имени парткома поручил выступить где-то с лекцией. Отказаться не мог, только спросил, согласовал ли он это поручение с Кириллом. Тот ответил, что, конечно, Ширия согласен. После этого зашел к Кириллу и спросил, знает ли он об этом. Ширия сказал, что впервые слышит. От него сразу вбежал в комнату Кислова, и со словами, что он меня обманул, а Ширия не давал разрешения отвлекать меня от работы, вернул путевку на лекцию. Он явно струсил и принял назад злополучную путевку.

Поскольку Кислов не мог толком выполнять задания своего руководства, его положение ухудшилось. В такой ситуации не придумал ничего другого, как упрекнуть в чем-то Соболева на партийном собрании. Разъяренный заведующий в ответ сказал, что тот просто не способен к научной работе и надо вновь

вернуться к вопросу о ста рублях. Кислова посылали в какую-то командировку за границу, а на обратном пути, когда он предъявил паспорт, в нем оказались эти деньги.

Это серьезно нарушало таможенные правила, поскольку советские деньги не разрешалось ни вывозить, ни ввозить. Конфликт удалось погасить, поскольку в нем оказался замешан сотрудник партийного учреждения. А теперь Соболев предложил к нему вернуться. Это могло плохо кончиться для Кислова. Он обратился за помощью к директору Института. Егоров, для которого насолить Соболеву было просто большим удовольствием, тут же перевел Кислова в Отдел Истории партии и торжественно его с этим поздравил.

Но и там Григорий долго не задержался и его устроили в ИОН. Логинов рассказал мне, что на вопрос слушателей, какие ошибки допустила КПСС в своей деятельности, тот ответил, что партия никогда не допускала никаких ошибок.

Поскольку затронул тему общественной работы, придется об этом кое-что сказать. Выступал по-прежнему по проблематике коммунистического движения. Иногда Отдел пропаганды и агитации райкома КПСС давал отдельные поручения по проверке кружков партийной политической сети. Всегда давал положительные отзывы о работе этих кружков. Понимал, что эти занятия являлись обузой для людей, занимавшихся серьезными делами на производстве. Но выявленные реальные или мнимые недостатки в работе кружков могли дорого обойтись их руководителям, да и коллективу в целом. Как-то приехал проверять работу политкружка на районную станцию Скорой помощи. Предыдущий проверщик разнес ее в пух и прах. Работник райкома поручила мне разобраться. Когда приехал туда, заведующий пунктом встретил меня белый как мел. Поспешил его заверить, что, как бы не проходило занятие кружка, дам самый хороший отзыв, ибо понимаю разницу между настоящим ответственным делом и видимостью. Скандал удалось потушить.

Вернусь к прерванной теме. Юра Антонова и Рудик Матвеев, оба, правда, в разное время были секретарями партбюро и содействовали тому, что в нашем коллективе сложились нормальные отношения между людьми. Юра – латиноамериканист, к нам

пришел из Института всеобщей истории. Но работал сравнительно недолго и его забрали в Международный ЦК КПСС.

Рудик, по профессии юрист, очень интересовался делами во Франции, с гордостью мне говорил, что в течение многих лет является подписчиком газеты «Humanité». Его кабинет был завален кипами этой газеты. От нас ушел на работу в ИОН, где преподавал политологию.

В партбюро меня назначили заместителем секретаря по идеологической работе. Обычно заместитель секретаря отвечает за организационную деятельность, но мы изменили этот порядок, что удивляло тех, кто приходил из парткома проверять работу нашей партийной организации. Мы им отвечали, что за организационную деятельность в партбюро, поскольку коллектив у нас небольшой, отвечает сам секретарь, поэтому его заместитель занимается в коллективе идеологическими вопросами.

Однажды довелось с лекцией о Коминтерне выступить в Дубне, в Институте атомных исследований. Хорошо слушали, задавали много вопросов. В том числе о том, как управлялся Коминтерн, поскольку их интересовало сотрудничество представителей различных стран.

Однажды Соболев попросил меня выступить вместо него, поскольку сильно охрип, на собрании офицеров Московского округа. Там, конечно, были разочарованы, увидев меня, но этого явно не показали. Среди присутствовавших запомнился генерал-полковник Кошевой. Все остальные вились вокруг него как мухи. Кошевой похвастался, что в его время на высшие командные должности назначали совсем молодых людей. Я сообразил, что этому не следует удивляться, поскольку в предвоенные годы такое произошло по простой причине – в армии из-за репрессий просто не осталось высшего комсостава.

Как-то даже со своей лекцией ездил в Ригу на день лектора. В поездке участвовал Володя Горбунов. Он рассказывал о публикации 5-го издания Сочинений Ленина и издании многотомной биографической хроники его жизни. Приехав в Ригу узнал, что, кроме нас с Володией, предстоит также лекция Соболева, но после перерыва, последовавшего за лекцией Горбунова, включили магнитофон и я вместе с другими присутствовавшими в зале услышал запись его лекции.

Возвращаться в Москву нам полагалось на следующий день. Работник горкома обещал принести железнодорожные билеты к нам в гостиницу утром. Мы с Володией надеялись погулять по Риге, но прождали этого человека долго, так что Ригу посмотреть не удалось. Но зато о многом поговорили друг с другом. Рассказал мне, что на фронте воевал в составе кавалерийской части. Горбунова в Институте ценили и уважали.

Одна лекция закончилась трагически. Выступал в ИОН для профессорско-преподавательского состава этого учреждения. Когда лекция закончилась, осталась небольшая группа, сидевшая на авансцене зала, вокруг меня. Мы о чем-то разговаривали. Мне задавали вопросы, я отвечал. Внезапно мой сосед, начавший спрашивать меня, замолчал на полуслове и упал мне на плечо. Его положили на пол. Он был мертв. Меня случившееся несчастье глубоко потрясло.

Гораздо позднее Логинов внес в эту историю комический элемент, посоветовав мне пойти к Егорову и прочитать ему лекцию. Может быть результат будет таким же. Ответил ему, что на это не следует надеяться. Сердце у нашего директора было не болезненное, а злое.

В одной комнате с Рудиком сидел Володя Масич, по профессии журналист. Увлекался игрой в шахматы и часто участвовал в каких-то соревнованиях. Когда же ушел на пенсию, устроился преподавать в шахматном клубе, где вел кружок для детей. Однажды, когда его сына-офицера Министерство обороны направило в какую-то Тмутаракань, Володя пришел в Отдел кадров Министерства и устроил там скандал, назвав его работников взяточниками. Оттуда в партком Института прислали жалобу. Пришлось объяснять Масичу, что так называть людей без явных улик не следует. Он же оправдывался тем, что это было нормальное журналистское преувеличение.

Поскольку наш Институт поддерживал связи с левым крылом Социалистической партии Японии, важную роль в этих контактах играл наш японист Юра Георгиев, веселый, компанейский человек, любивший смачную шутку. Позднее с удовольствием прочитал его интересную книгу о Рихарде Зорге.

Малоприятным человеком оказался Иван Лунев. В годы войны служил в органах НКВД Ленинграда. Судя по его рассказам, участвовал в уничтожении документов, связанных с репрессиями. Он сказал мне, что на делах арестованных коминтерновцев всегда имела подпись Димитрова, дававшего согласие на арест. Как-то заметил, что знал человека, участвовавшего в расстрелах пленных польских офицеров в Катыни. На партсобраниях с негодованием говорил о лидерах зарубежных компартий. Любил подчеркнуть свою связь с сотрудниками Международного отдела ЦК, откуда и получал всякие сведения.

Как исследователь, а тем более автор, был бездарен. Однажды мы с Кириллом пригласили его написать в одну книгу главу по современным проблемам коммунистического движения. Пришлось потом переделывать его слабый текст, а он еще пытался на нас давить, ссылаясь, что та или иная фраза заимствована из высказываний генсека Брежнева.

Гена Зиборов отличался тонким юмором, чем-то похожим на английский, так что его не сразу и поймешь. Между нами установились довольно неплохие отношения, но без особой близости. Много позже узнал, что мы с ним оказались как бы дальними родственниками, поскольку он являлся двоюродным дядей зятя моего брата Гарика. Когда в 1993 г. приехал в бывший Институт, где отмечалось 50-летие Жени Витенберга, Гена, работавший под началом Жени, рассказал мне, чем они занимались. Они собирали информацию о российских банках и даже выпустили книгу под таким названием, моментально разошедшуюся. Когда приходил в какой-нибудь банк, чтобы получить необходимые для этого сборника сведения, то сталкивался с явным недоверием со стороны банкиров. «Видно было по их глазам, – говорил он, – что мучительно соображают, от какой криминальной группировки пришел и стоит ли делиться со мной какими-нибудь сведениями».

В середине 70-х годов в Отдел перевели из ЦПА Мансура Мухамеджанова. Знал его со того времени, как стал постоянным посетителем архива. Он работал в Секции Ендаковой, участвовал в обработке документов Коммунистического Интернационала Молодежи, секции Коминтерна. В отличие от большинства архивистов не ограничивался чисто архивной обработкой документов.

Подходил к этой работе как историк. Защитил диссертацию по ранним годам истории КИМа. После этого его назначали заведующим Секции документов КПСС. Спокойный, доброжелательный, надежный человек, честно относящийся к работе и отнюдь не стремившийся показной бдительностью упрочить свое положение – таким показал себя в ЦПА ИМЛ. Продолжал заниматься исследованием истории КИМа и написал докторскую диссертацию по этой же теме. Кирилл и я поддержали его при обсуждении диссертации в нашем Отделе. Но после того, как стал доктором наук, у него возникли трудности в архиве. Там сменилось руководство.

Новый директор ЦПА Дмитрий Анатольевич Антонюк, типичный партийный бюрократ (свою работу в архиве начал с того, что поручил своему секретарю составить для него список тех сотрудников архива, чьи родители работали в аппарате ЦК, и потом всячески к ним благоволил), не мог смириться с тем, что его подчиненный имеет докторскую степень, в то время как он всего лишь кандидат исторических наук. Начал придирается к Мансуру, использовал разные приемы, чтобы выжить его. Тот, разумеется, это понял и обратился к Соболеву с просьбой взять его в состав Отдела. Ширина его поддержал и у нас появился новый сотрудник.

В течение небольшого срока Мансур вместе с сотрудницей ЦПА Галиной Евгеньевной Павловой подготовили к печати двухтомный сборник документов «Коминтерн, КИМ и молодежное движение», который вышел из печати в 1977 году. Как-то услышал от него, что при составлении сборника он отсекает значительное число документов, которые носили явно выраженный левосектантский характер. Вообще этой молодежной секции Коминтерна словесный радикализм был присущ в гораздо большей степени, чем самому Коминтерну, что в какой-то степени можно объяснить возрастными особенностями ее состава. Однако узнав о выборочном характере составления сборника, почувствовал себя весьма неприятно.

Из младших научных сотрудников помню только Сергея Цымбала, Гаю Спирину и Наташу Шацкую. Цымбал занимал пост Ученого секретаря Отдела. О Гале и Наташе толком сказать

ничего не могу. Помню, как Галя в кабинете Соболева изображала особое внимание к словам Соболева и даже вставала как бы по стойке «Смирно!», если он к ней обращался. От нас ушла в аспирантуру ИОН и осталась там доцентом.

Грант АдIBEKOB

Но был в этом Секторе еще один человек, о котором хочу сказать побольше. Он стал моим другом. Весной 1970 г., в коридоре увидел незнакомца, который тепло улыбнулся и представился – «ваш новый коллега». Рассказал мне, что приехал из Баку, где работал заместителем редактора газеты, что учился до этого в аспирантуре АОН, его научным руководителем являлся Шириня. Понял, что он его рекомендовал на работу к нам.

Грант изучал историю международного профсоюзного движения. На эту тему написал кандидатскую, а впоследствии и докторскую диссертацию. Шириня предложил ему подготовить для книги о Четвертом конгрессе Коминтерна статью по проблематике взаимоотношений Коминтерна и международного профсоюзного движения. Также и для книги о Первом конгрессе стал соавтором Мансура в статье «I конгресс о роли Советской России на мировой арене, о международном положении и противоречиях империализма».

АдIBEKOBа вполне можно было отнести к тем, кого называют трудоголиками. Его тексты для наших сборников отличались не только хорошим литературным языком, логической связью между фактами и сделанными на их основе выводами, что было естественно для опытного журналиста, но и критическим анализом документов, выявлением политических тенденций, стоявших за теми или иными событиями, решениями, идейными схватками. Не поддавался влиянию революционной патетики, столь характерной для материалов Коминтерна и Профинтерна в 20-е годы. Стремился проанализировать противоречивый характер ситуации, выявить взаимодействие и противоборство различных политических концепций и течений.

Оказали ли на его работы воздействие тогдашние официальные идеологические установки? Да, конечно, иного, думаю, не могло быть. Мы с детства воспитывались и росли в определенной политической системе, испытывали на себе ее влияние, разделяли многие иллюзии и привыкали работать внутри своеобразного идеологического прокрустова ложа. Впрочем, понимание этого приходило далеко не сразу. Для меня, полагаю и для Гранта тоже, имело большое значение, что работали над сборниками по истории конгрессов Коминтерна ленинского периода.

Вольно или невольно стремились увидеть в документах начала 20-х годов идеи и подтверждения, соответствующие представлению о социализме как обществе, в котором должны господствовать идеалы социальной справедливости, равенства и братства между людьми. Реальная действительность оказалась далекой от этих идеалов. В атмосфере 70–80-х годов сложилась неблагоприятная обстановка для серьезного критического анализа идейно-политических концепций, господствовавших в Коминтерне после смерти Ленина и связанных с насаждением сталинизма. Ни Шириня, ни я (Соболева уже не было в живых) не захотели готовить второе издание книги «Коммунистический Интернационал», поскольку понимали, что нас заставили бы убрать из текста критику сектантских ошибок Коминтерн.

За годы совместной работы в Отделе случалось всякое, в работе нередко возникали непонимание между людьми, какие-то трещины во взаимоотношениях и даже конфликты. Но ни разу этого не произошло между нами. От Гранта всегда веяло теплом и дружелюбием, стремлением понять другого человека, таким обаянием и такой доброжелательностью, что иными наши отношения и не могли быть. Мы с ним не дали повода упрекнуть в чем-то друг друга, не поддались на попытки нас посорить. Особенно этого старался добиться новый заведующий Отделом, Леонид Митрофанович Минаев, сменивший Соболева после его смерти.

В ходе совместной работы с Грантом для меня стало очевидным, что он на многие вещи смотрел также как и я (хотя напрямую мы об этом не говорили, но ведь о многом тогда не говорили прямо, и подчас было достаточно одной фразы, что понять друг

друга). Мы полагали, что между таким понятиями как социализм и демократия существует взаимосвязь. И потому с энтузиазмом восприняли идею Перестройки, выдвинутую Михаилом Горбачевым, и особенно призыв к гласности. Помню, как Грант горячо говорил на одном из собраний о том, что недопустимо заболтать и выхолостить содержание Перестройки, что многие в партийном и государственном аппарате не воспринимают ее идею, стремятся сохранить административно-бюрократические методы управления, не считаясь с мнением людей.

Внешне производил впечатление спокойного, несколько ироничного человека. Это выступление, да и другие случаи, которые запомнил, говорили о другом. Не сразу можно было заметить, что его глубоко ранят не порядочность, не чистоплотность, недобросовестность, нечестность в людях, с которыми приходилось работать. Много умел держать в себе, не показывая явно свои симпатии и антипатии, был всегда приветлив и дружелюбен. Но это не означало, что не высказывался вполне резко и определенно, когда этого требовала ситуация. Когда мы готовили книгу «Неизвестный Коминтерн», я как редактор пытался убедить Гранта основательно сократить текст его статьи. Часть моих предложений он принял, но в отношении других сказал, что не согласен и готов снять статью из сборника, если буду настаивать на дальнейшем сокращении статьи. Мнение автора победило.

Один из наших молодых сотрудников, Сергей Цымбал, работал над диссертацией по весьма далекой от нас проблеме одной из стран Африки. Что-то у него не получалось. Грант, формально не являвшийся научным руководителем, помогал ему гораздо больше, чем тот, кому это полагалось делать. Гранта никто не мог бы упрекнуть в равнодушии к людям. И это довольно быстро поняли в коллективе Института. Его избрали председателем Местного комитета Института, и многим он помог решить их насущные вопросы, подчас весьма болезненные.

Когда сейчас вспоминаю о Гранте, то думаю о том, какой замечательный мужик находился все эти годы рядом со мной, как мне везло в жизни на добрых людей. Он оказался незаменимым тамадой на наших общих праздниках. Его шутки, остроумные тосты всегда вызывали веселый смех и поднимали у нас настроение.

Вновь о Саше Резникове

В ИМЛ поступила просьба от Института истории партии при ЦК Монгольской народно-революционной партии о подготовке работы по истории сотрудничества и взаимодействия наших партий. Соболев поручил выполнение этого задания Ширине и мне. Мы решили для раздела, относившегося к современному этапу, взять автором Лунева. Соболев, узнав об этом, удивился и сказал, что Лунев весьма слабый автор, но не стал вмешиваться в наши дела. Я уже упоминал раньше, что с главой Лунева нам пришлось помучиться, но он все же остался в авторском коллективе этой книги.

Шириня написал главу по тридцатым годам. Я взял на себя первую главу о политике Коминтерна на Востоке, выработке под руководством Ленина стратегии и тактики коммунистов по отношению к национально-освободительному движению и роли Коминтерна в создании МНРП. Простудировал все относящиеся к этой теме архивные документы и просто увяз в них. Ничего не складывалось. На выручку пришел Саша Резников. Мы договорились с ним, что он пойдет к Соболеву и скажет, что хочет участвовать в сборнике, в частности, в моей главе. Так он и сделал, и Соболев согласился включить Резникова в авторский коллектив. Взяв мои материалы, Саша по ним сделал текст, который считался нашим общим. Книга вышла из печати в 1978 г. в Москве и на монгольском языке в Монголии под названием «Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП».

При активном участии Резникова Институт МРД опубликовал несколько книг по проблематике Коминтерна и Востока. Саша нашел ранее неизвестный документ Ленина. В газете, издававшейся во время II конгресса Коминтерна, были опубликованы материалы заседания комиссии по национально-колониальному вопросу, в том числе текст ленинского выступления на этой комиссии. Ленин критиковал сектантский подход индийца Роя к задачам Коминтерна на Востоке. Рой считал, что центр тяжести революционного движения смещается на Восток и Коминтерну

надо сделать все, чтобы коммунисты руководили национально-освободительным движением. Ленин, признавая важность этого движения, все же считал, что на Востоке первоначально следует организовывать беспартийные массовые организации, чтобы в них работать и возглавить их. По этой теме Саша написал несколько статей, в том числе три были напечатаны в «Коммунисте». Одну из них – в соавторстве с Ириной Александровной Бах.

Саша привлек меня в качестве соавтора в книгу, готовившуюся в его Институте и посвященную Великому Октябрю и международному рабочему движению. Открывала книгу статья Сулова. Директором ИМРД был Тимофей Тимофеевич Тимофеев (его знал как Тима Райена). Когда я учился на I курсе, он – студент V курса – курировал наш курс от комсомольской организации факультета. Блестящего оратора, очень популярного в студенческой среде, Тима на каждом общем собрании при выборах факультетского бюро обязательно выдвигали в состав бюро. Когда он поднимался на трибуну и начинал, как полагалось, рассказывать свою биографию, его первые слова: «Я родился в Сан-Франциско...». вызывали бурю восторга и шквал аплодисментов. Кричали, что дальше не надо. Он был сыном тогдашнего руководителя КП США Юджина Денниса, давнего коминтерновского функционера под кличкой Тим Райен. Вырос и воспитывался в Интернациональном детском доме вместе с другими детьми коминтерновцев.

После аспирантуры на Истфаке добился создания Института международного рабочего движения. В него пришло много талантливых людей. Тим, надо отдать ему должное, отнюдь не чурался тех, кто за свои работы попадал под критику своих ортодоксальных коллег. Поэтому в ИМРД оказалось немало тех, кого называли «шестидесятниками». Мне несколько раз передавали, что с удовольствием возьмут и меня, но я прежде всего хотел сохранить возможность работы в архиве.

Первое свое мероприятие ИМРД провел в Кремле – конференцию, посвященную памяти Антонио Грамши. У входа во дворец стояла огромная толпа, хотя пройти в Кремль просто невозможно без соответствующих документов. Скопление людей вызвало недовольное замечание Сулова, приехавшего на конференцию.

Тим немедленно ответил; «Но они хотели увидеть Вас и услышать Ваше выступление».

Саша, рассказав мне об этом событии, добавил еще о словах одного из ее участников, позднее главного редактора журнала «Вопросы истории», Ахмеда Ахмедовича Искендерова. Он сказал какому-то ретивому товарищу: «Мы все – коммунисты. Если партия потребует, мыотрежем себе яйца, но самому это делать – по крайней мере глупо».

Тим назначил Сашу заведующим Сектором. Мне довелось выступать с докладом в его Секторе о событиях 1923 г. в Германии. О Гамбургском восстании заметил, что, пока несколько десятков человек находились на баррикадах, мимо них шли рабочие на работу. Тогда Гамбургская организация КПГ насчитывала свыше 3 тысяч членов.

В Издательстве политической литературы Резников выпустил книгу о стратегии и тактике Коминтерна по национально-колониальному вопросу. Разумеется, написал ее под углом зрения тогдашних идеологических установок и, несмотря на интересный документальный материал, она сейчас также устарела как и все наши работы тех лет.

Та же тема легла в основу докторской диссертации Резникова, которую защищал в Ученом совете нашего Института. Королев использовал случай, чтобы свести счеты не только с Резниковым, но и с Шириней. Он заявил, что в диссертации неверно трактуется важнейший вопрос о поставленной II конгрессом Коминтерна задаче создания компартий в странах Востока как первоочередном требовании. Горящая спичка упала на соответствующую почву. Я видел, как во время перерыва тогдашний заведующий Отделом истории партии Александр Иванович Педосов говорил со Степановой, которая тоже ходила в состав Совета, и они оба рассматривали сборник протоколов конгресса.

В дискуссии приняло участие много ученых. Специалисты по проблемам национально-освободительного движения поддержали позицию диссертанта. Логинов шепнул Кириллу, что и ему следует принять в ней участие. К тому времени Кирилл поссорился с Сашей. Но все же попросил слово и отстаивал Сашину и тем самым свою позицию. Итоги голосования были 50 на 50 про-

центов. В этом случае вопрос решается в пользу диссертанта. Его диссертация быстро прошла через ВАК и Саша без дальнейших помех получил докторский аттестат.

Теперь же расскажу о конфликте Саши и Кирилла. Как-то раз мы вместе с Сашей разбирали валявшиеся в беспорядке в подвальном помещении первого корпуса ИМЛ бумаги, оставшиеся от Института 205, последыша Коминтерна. Это были информационные материалы по типу тассовских бюллетеней. Среди них попались тексты по Индонезии. Через некоторое время Кирилл захотел посмотреть материалы по Индонезии. Их не оказалось. Он заявил, что Саша их украл. Тот с гневом отверг это обвинение. Я пошел к Кириллу и заявил ему, что он не прав. Кирилл обиделся и позднее мне припомнил, что в той истории оказался не на его стороне. Счел необходимым об этом скандале и том, что не поддерживаю позицию Кирилла, рассказать Соболеву. Тот молча меня выслушал. На отдельском партсобрании я подчеркнул, что в своей работе следует доверять друг другу. Кирилл промолчал, а потом заметил мне, что после этих слов он уже не мог ничего сказать по вопросу конфликта с Резниковым.

Почти через сорок лет, прошедших с тех дней, с радостью узнал, что не ошибся. Ира Мительман, которой послал на прочтение текст о Резникове, мне в ответ написала: «материал нашелся, мы с Валею Груздевой разыскали его по просьбе Соболева. Он позвал нас и шепотом сказал, что нужно обязательно найти этот материал. Он лежал в том же самом месте, где и вначале, просто Кирилл его не заметил».

У Саши было больное сердце. Узнав, что он оказался в больнице, помчался к нему. Саша не ожидал моего появления и очень растрогался. Прошло около года и Саша снова заболел, но на этот раз оставался дома. Когда приехал к нему, сказал мне с горечью: «Из-за идеологии убили сотни тысяч человек». Несмотря на большую близость и дружбу мы с ним никогда не говорили на эти темы.

Зимой мы с Лидой и девочками поехали кататься на лыжах. Собственно на лыжах катался только я, остальные довольствовались санками. Институту зимой выделялось какое-то количество мест на дачах, принадлежавших ЦК КПСС. В том дачном поселке

в Кунцево в тридцатые годы жили сотрудники аппарата Коминтерна. Я редко просил путевку для своей семьи. То ли потому, что надо было ждать своей очереди, то ли еще по какой-то другой причине. Но когда удалось ее получить, то с вечера пятницы до вечера воскресенья мы пользовались двухкомнатной квартиркой в одной из дач.

Когда возвращался с прогулки, встретил Зорю Чернуху. Она мне сказала, что умер Саша. Как добрел после этого на дачу, не помню. На прощальной панихиде довелось сказать несколько слов о моем покойном друге.

Пожалуй, не встречал в жизни человека такой могучей одаренности как Саша. Довелось от него услышать, что он мечтает написать историю марксизма. Такая задача ему была по плечу. Но все же, следует иметь в виду, что мы в то время считали себя сторонниками этого учения. Ошибочными оказались представления, будто оно способно показать путь к всеобщему благоденствию, не говоря уже о трагических последствиях для многих миллионов людей, оказавшихся в ареале реализации этой доктрины. Всестороннее исследование этой теории и ее попыток воплощения в жизнь еще предстоит. Понимаю, что и сторонники этой идеологической концепции неизбежно будут отстаивать свои взгляды, прибегая к истории. Но мой опыт говорит об одном и подтверждение тому нашел в большом числе книг по истории той или иной компартии, разумеется, прежде всего КПСС, написанных авторами, членам этих партий. Все эти труды неизбежно отличались тенденциозностью, апологетикой, подбором позитивных фактов и умолчанием или искажением противоположных. Анализ истории любой политической партии, как мне кажется, следует делать тому, кто не является ее членом.

О Соболеве

60-летие со времени основания Коминтерна ознаменовали научной конференцией, в которой участвовали, помимо нашего Института, ИОН и ИМРД. Ее материалы опубликовали в сборнике

«Революционное наследие Коммунистического Интернационала». Машинописный текст превышал листаж, предоставленный издательством, Соболев его несколько сократил. В это время он, сохраняя за собой заведывание нашим Отделом, стал главным редактором журнала «Рабочий класс и современный мир» и в Отделе появлялся реже, чем раньше.

В памяти сохранилась одна деталь. Ректор ИОН Юрий Красин в своем тексте привел цитату из моей статьи в сборнике, посвященном Второму конгрессу Коминтерна. Александр Иванович вычеркнул ее. «По Сеньке и шапка», пришло в голову в тот момент, ибо сидел тогда за одним столом с Соболевым в его кабинете. Этот факт отнюдь не означал, что сказалось какое-то негативное отношение ко мне. Просто надо было найти материалы для сокращения.

Соболев относился ко мне очень хорошо. Как-то человек, пришедший к нам в Отдел, что-то сказал обо мне, что, мол, Фирсов – известный доктор наук. Соболев это подтвердил и даже поднял вверх большой палец. Вместе с тем не раз критиковал меня за длинные статьи. При обсуждении как-то заметил: «Я люблю читать Фирсова. Ощущение при этом такое, будто оказался в лесу, где много ягод. Но пока соберешь их, ты все же обдерешься о колючки кустарника и выходишь из леса с ягодами, но весь оборванный». На это я ему возразил: «Но ведь все же с ягодами». Все присутствовавшие рассмеялись.

Александр Иванович доверял мне. Однажды в разговоре признался, когда ему объявили выговор, что допустил некоторые ошибки. Было понятно, что причиной этого послужило долгое отсутствие на работе в связи с запоем.

В Институте состоялось заседание, посвященное памяти Мориса Тореза. С докладом выступил Александр Иванович. В разговоре с ним, незадолго до этого, я назвал время народного фронта во Франции вершиной деятельности Тореза. И Соболев в выступлении повторил эту фразу, добавив, «как сказал ему недавно один коллега». В другом разговоре со мной, он заявил, что в основу концепции Краткого очерка истории Коминтерна легла «концепция Фирсова–Ширини». Я не стал его поправлять в тот момент, правильнее все-таки было сказать – Ширини–Фирсова. Мы второ-

ем написали статью для журнала «Вопросы истории КПСС». Первый вариант сделал я, его поправил и дополнил Кирилл, затем по тексту прошелся Соболев. Статья была посвящена Димитрову и вышла из печати без упоминания наших фамилий.

Однажды в Институте появилась некая дама. Ходили слухи, что находилась в прошлом в любовной связи с Брежневым. Директор хотел, чтобы ее взяли в наш Отдел. Соболев колебался. Я зашел к нему в кабинет и посоветовал от нее отказаться. Ведь о том, что происходит в Отделе, тотчас будет известно в ЦК. Соболев, конечно понял, что имелось ввиду. Эта женщина к нам не попала.

Как-то мне пришлось вместе с Соболевым поехать в Прагу. В гостинице узнали, что нам выделен двухместный номер. Это очень рассердило Соболева, и Иван Кремпа, первый заместитель директора Института истории КПЧ, встречавший нас, побежал в регистратуру улаживать вопрос. Нам дали два номера, но мой не имел ванны. Соболев тут же предупредил меня, что ванна в его номере находится в моем распоряжении и каждое утро я пользовался душем этой ванны.

В те дни проводилась национальная Олимпиада. Сопровождавший потащил нас на стадион и мы довольно долго наблюдали, как маршируют юноши и девушки. Когда это надоело, мы с Соболевым переглянулись и сказали сопровождавшему, что устали. Затем весело отправились в гостиницу, а по дороге зашли в пару пивных.

Если говорить же о взаимоотношениях Соболева и Ширина, то при всем их взаимном уважении, мне кажется, что они недолюбливали друг друга. Отдел был всегда малочисленным в сравнении с другими подразделениями. И Шириня в выступлении на отдельском партсобрании сравнил его с маленькой собачкой, которая всегда щенок. Соболев взорвался, вскочил и буквально крикнул: «А я буду командовать щенком!» Помню также как-то мы втроем ехали в такси. Шириня стал подробно объяснять шоферу маршрут. Соболев не выдержал и довольно резко заметил: «Кирилл Кириллович, вы всегда лучше всех знаете, куда надо ехать». На другом собрании Соболев неожиданно для всех заявил, что в Отделе имеется групповщина. Существуют нефор-

мальные объединения, сказал он, когда сотрудники собираются по комнатам для чаепития. Шириня тут же ему ответил, что некоторые все же предпочитают кофе. И все поняли, кто имелся ввиду.

Соболев просто не мог жить без кофе. Рассказывал, как, находясь в турецком ресторане, попросил у официанта кофе. Тот принес маленькую чашечку, на дне которой было его совсем немного. Соболев выпил и попросил еще. Официант заметил, что ему может стать после этого плохо, но все же принес другую чашечку. Когда он попросил снова кофе, подошел метрдотель и тоже его предостерег. Но тот настаивал и чашечку принесли. После этого наш герой потребовал четвертую чашечку. Уверял нас, что чувствовал себя после этого превосходно.

Не могу сказать, что Соболев проявлял пристрастие к какому-нибудь человеку. Но иногда внезапно на каком-нибудь собрании обрушивался на одного из сотрудников. Возможно, таким образом давал ему понять, что надо уйти из Отдела, возможно были какие-то иные причины. Как-то раз обвинил Юру Георгиева в том, что тот исподтишка ведет кампанию против него. Юра в тот момент возглавлял нашу профсоюзную организацию. Все, услышав эти слова, сидели, как пришибленные. Георгиев не растерялся. Он сказал: «Александр Иванович, вы ошибаетесь. Посмотрите, кто вы, а кто я». После этих слов инцидент был улажен.

В другой раз Соболев примерно так же раскритиковал Михаила Басманова, обвинив его в попытке дискредитировать руководство. Я не выдержал и сказал, что такого нет и быть не может. Басманов после этих слов Соболева надулся и сидел совсем мрачный. Вскоре ушел из Института в АОН, где стал профессором.

Алексея Киву Соболев подверг критике за характер его статьи. Кива в своих воспоминаниях написал, что Соболев приписал ему троцкизм. Этих слов не помню, но я был к таким словам очень чувствительным, ведь именно троцкизм пыталась мне приписать Картунова на заседании парткома. Кива после того собрания тоже уволился. Впоследствии стал довольно известным политологом и публицистом. С удовольствием читал его статьи в газетах, но не встречал после этого ни разу.

Испания

Пришла очередь новой поездки, на этот раз отправился в Испанию. Валя Цырлина, Зоря Казьмина, Инна Особова, Лева Чурбанов тоже участвовали в ней. Вспоминается также Петя Кольцов, работавший тогда редактором в журнале «Вопросы истории КПСС». Мне очень нравился этот человек. Ему было присуще какое-то благородство, даже изящество.

Поскольку упомянул Петю, хочу попутно рассказать об одной истории, связанной с ним. Однажды он попросил найти какие-нибудь документы или воспоминания о Ленине, так как приближалась очередная годовщина его дня рождения. В Кабинете Ленина, входившего в состав Сектора произведений Ленина, нашел неопубликованный текст воспоминаний Александра Лозовского.

Лозовский был сначала большевиком, в годы войны входил в партию социалистов-интернационалистов, затем снова вступил в большевистскую партию. Играл видную роль в российских профсоюзах и после организации Профинтерна, стал его Генеральным секретарем. Входил в состав ИККИ. После ликвидации в 1937 г. Профинтерна его назначили заместителем Народного комиссара иностранных дел СССР. Возглавлял Телеграфное агентство СССР. Потом перешел на работу в Высшую партийную школу ЦК ВКП(б). В 1948 г. его арестовали одновременно с остальными руководителями Еврейской организации и после зверских пыток расстреляли. Он всегда демонстрировал свою приверженность Сталину, стремился «бежать впереди паровоза», но и это его не спасло.

В воспоминаниях Лозовского шла речь о беседах с Лениным при создании Профинтерна. Кольцов предложил мне подготовить этот текст к печати. Я это сделал, но к нему пришла сотрудница Кабинета и принесла для публикации эти воспоминания. Петя вызвал меня, объяснил, в чем дело, и сказал, что не должен обижаться, не имеет значения, кто подготовил к печати воспоминания о Ленине. Я, разумеется, и не думал обижаться. Но обиделась на меня заведующая Кабинетом Дина Соломоновна Кислик, которая упрекнула, что без спросу хотел опубликовать этот мате-

риал. Правда, через несколько лет наши отношения восстановились, и сотрудницы Кабинета нередко консультировались со мной по вопросам международной деятельности Ленина.

В памяти всплыла еще одна история. Петр написал брошюру о Федоре Раскольникове. Судьба этого человека весьма необычна. В партию вступил в 1910 г., активно участвовал в революционных событиях 1917 г., а также в Гражданской войне. Во второй половине 1930-х годов руководил советским дипломатическим представительством в Болгарии. Когда начался Большой террор, дипломатов вызывали в Москву, где их ждал арест. Раскольников тоже вызвали в Москву, но поездка задерживалась, так как в представительстве его никто не мог заменить. В апреле 1938 г. вместе с женой выехал поездом через Берлин в Москву. На вокзале купил газету, в которой нашел сообщение, что смещен с должности посланника. Понял, его ждет. Они пересели на другой поезд и оказались в Париже. Как «невозвращенца» его объявили «вне закона». В августе 1939 г. отправил Сталину Открытое письмо, в котором заклеил сталинские преступления. Вскоре после этого скончался, полагаю, что не без содействия советских агентов. В 1963 г. Раскольникова посмертно реабилитировали.

Так вот, в то время как Кольцов выпустил книгу об этом человеке, другой имэловец, Александр Совокин сказал мне: «А ведь Раскольников-то не был большевиком!». Он имел ввиду то, что тот не подчинился приказу явиться в Москву, где его ожидали пытки и неизбежная смерть. Таково было мнение сталинистов, несогласных с развенчанием их кумира. Во внутринститутских событиях он показал себя усердным подпевалой Егорова, в том числе в расправе с Логиновым.

Вернусь к испанской поездке. Мы прилетели в Мадрид, и оттуда – в Севилью. Она произвела впечатление какого-то праздничного, светлого города, что отчасти объясняется белым цветом стен домов. Возможно, это впечатление было связано с тем радостным настроением, которое было у меня тогда. Нам показали здание, в котором раньше находилась фабрика, где по преданию работала Кармен. Теперь там Университет. Запомнилась знаменитая Золотая башня.

Оттуда переехали в Кордову. Дороги Испании проходят мимо городов и деревень, обычно расположенных на возвышенностях. Вообще – это страна гористая, пейзажи, открывавшиеся перед нами, были просто изумительными. Затем переехали в сказочную Гренаду. В памяти сразу возникли легенды мавританского халифата в пересказе Вашингтона Ирвинга. Одна из гостиниц носила его имя. Дворец халифа Альгамбра с залами, украшенными колоннами и мозаикой – просто какое-то чудо.

Из Гренады наш путь лежал в Мадрид. Миновали мемориал, сооруженный Франко в память о Гражданской войне 30-х годов. Там захоронены жертвы этой войны, причем с обеих сторон. Над коллективной могилой стоит огромный крест.

Из Мадрида отправились в Толедо. Посмотрели на него с обзорной точки на горе, возвышающейся над ним. Побывали в городском музее, где находится большая коллекция картин Эль Греко. Он рисовал портреты людей в присущей ему одному манере. Лица их были какими-то скорбными. Краски художника необычны, эту живопись вообще нельзя отнести к эпохе Позднего Средневековья, по манере письма она ближе к импрессионистам. Гид сказала, что прототипами для картин послужили умалишенные из сумасшедшего дома.

В Мадриде жили близ площади, которая раньше была центральной. В одном из переулков через узкие ворота попали на небольшую квадратную площадку, где когда-то проводились парады королевской гвардии.

У высоченного здания стоят скульптуры Дон-Кихота и Санчо Пансы. Первый – на тощей лошади, второй – на осле. На площади фонтан, вода которого стекала по навесу, под которым можно спокойно проходить.

На улицах попадалось много жандармов, вооруженных автоматами. Как-то раз увидели, как банда молодчиков разбивала на улице бутылки. 20 апреля, в день рождения Адольфа Гитлера, на нескольких стенах появились плакаты с его портретом в профиль. Возвращаясь назад, заметил на одном из таких плакатов, что ему пририсовали мужской член, вставив его в рот бесноватого фюрера.

Главным событием стало посещение Музея Прадо. Там так много картин Веласкеса, Мурильо и Гойи, что просто не смотре-

лись на их фоне другие картины весьма известных художников. Многие картины оказались мне знакомы по разного рода репродукциям, особенно творения Гойи. Фантасмагория его «Сна разума», довольно реалистичные фигуры королевского семейства, в которых видны следы вырождения, очаровательные «махи» и грозные очертания мужчин – все это встает перед глазами, когда вспоминаешь посещение этого Музея.

Из Мадрида съездили в Эскуриал. В огромном здании находится усыпальница всех королей Испании. Посетили и дворец ныне здравствующего монарха. Он настолько демократичен, что разрешает простым смертным посещать и осматривать свое жилище.

Пролетели как прекрасный сон дни, проведенные в Испании, и самолет Аэрофлота вернул нас в Шереметьево. Испания осталась в воспоминаниях.

«Четвертый конгресс Коминтерна»

Продолжая разработку темы конгрессов Коминтерна с участием Ленина, занялись книгой о Четвертом конгрессе Коминтерна. Кирилл предложил, чтобы мы оба стали главными редакторами. Состояние его здоровья в то время было неважным, и, разумеется, следовало максимально ему помочь. Я по существу руководил этой работой, естественно, согласовывая с ним все важные вопросы. Для себя выбрал две темы – анализ решений конгресса по проблемам тактики а также чехословацкий сюжет, продолжив исследовать взаимодействие Коминтерна и КПЧ.

Конгресс состоялся в Москве в ноябре 1922 г. и сосредоточился на обсуждении политики Коминтерна и компартий в условиях продолжавшегося спада рабочего движения и наступления буржуазии не только на повседневные интересы рабочего класса, но и на политические свободы. В Италии в октябре к власти пришли фашисты во главе с Муссолини. Коминтерн пытался найти ответы на сложные вопросы политики, преодолевая сопротивление тех, кто продолжал находиться в плену революционных иллюзий,

проводил политику единого рабочего фронта. Не отказываясь от отрицательного отношения к реформизму, выступал за сплочение трудящихся в борьбе за их повседневные интересы, допуская возможность сотрудничества с социал-демократами. Считал, что массы осознают, что смогут обеспечить свои интересы, только завоевав политическую власть, а опыт совместной борьбы убедит их в правильности политики коммунистов и неверности политики социал-демократии.

Анализируя ленинскую трактовку тактики единого фронта, я тогда не осознавал противоречивости и в конечном итоге несостоятельности самой этой трактовки. Она предусматривала подрыв позиции социал-демократии и в дальнейшем ее устранение, лидеры последней не могли не понимать такую угрозу. Расчеты коммунистов основывались на ошибочном представлении, что социал-демократы добровольно или под давлением масс пойдут на принятие предложений Коминтерна, не видя их последствий.

Однако нам тогда логика ленинских фраз представлялась вполне убедительной и мы старались раскрыть то, как Ленин и его сторонники добивались принятия и внедрения в практику своих установок. Им приходилось преодолевать, помимо левосектантских взглядов, оппортунистические представления. Некоторые деятели компартий ввиду того, что перед коммунистами ставилась задача добиваться сотрудничества с социал-демократами, приходили к выводу, что предшествующее размежевание с ними оказалось ошибочным.

В апреле 1922 г. в связи с подготовкой всемирного рабочего конгресса состоялась встреча представителей Коминтерна и двух других Интернационалов, в которые тогда входили социал-демократические партии правого и центристского течений. Коминтерну предъявили ряд требований – прекратить раскольническую политику в профсоюзах, вывести Красную Армию из оккупированной Грузии и отказаться от преследования партии социалистов-революционеров. Делегации Коминтерна удалось добиться создания организационной комиссии в составе трех человек от каждого Интернационала для дальнейших контактов.

Никаких позитивных результатов эта встреча не имела, и комиссия, несмотря на то, что ЦК РКП(б) предложил представите-

лям Коминтерна снять из лозунгов совместной борьбы лозунг защиты Советской России, прекратила существование после своего первого заседания.

В советской литературе встреча представителей трех Интернационалов рассматривалась как доказательство того, что такие контакты необходимы и возможны, но срывались-де из-за саботажа реформистских раскольников, не желавших идти на единый фронт и совместные действия с коммунистами. Полагаю, что такой вывод не соответствовал действительности. Позиции коммунистов и социал-демократов были принципиально противоположными – одни видели свою цель в подготовке пролетарской революции и установлении диктатуры пролетариата, другие стремились к обеспечению социальной справедливости путем демократического преобразования общества. Достижение целей каждое из течений видело через преодоление влияния и даже ликвидацию другого течения. Только появление общего врага, каким оказался фашизм и необходимость борьбы против фашистской опасности создали возможность их сотрудничества, и это произошло в движении народного фронта во Франции и в Испании в годы войны против франкистов.

Шириня взял на себя анализ решений конгресса по принципиальным вопросам стратегии и тактики Коминтерна, исследование выдвинутого конгрессом лозунга рабочего правительства. Оно рассматривалось как возможная форма переходного этапа к установлению диктатуры пролетариата. С точки зрения марксистско-ленинского учения о пролетарской революции это было новым шагом в поисках возможности приблизить трудящихся к революции. На основе сочетания борьбы в защиту их повседневных экономических и политических интересов, за общедемократические требования коммунисты надеялись подвести массы на их собственном опыте к борьбе за социализм. Надежды на такое развитие событий являлись утопичными, но тогда верили в эту возможность.

Современному читателю рассуждения о рабочем правительстве, как и некоторые другие политические выводы Коминтерна могут показаться словами, не имевшими существенного значения. Но это были политические решения организации, руководившей деятельностью компартий во многих странах.

Вопрос о так называемых переходных лозунгах оказался и в центре дискуссии о проекте Программы Коминтерна, представленного Бухариным. Он считал, что следует ограничиться характеристикой капитализма и империалистической его стадии, общими положениями о коммунистическом обществе, изложением задач пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Такая концепция вызвала критику со стороны некоторых делегатов конгресса, выступавших за включение в программу основных требований, за которые борются трудящиеся в переходный период до завоевания власти пролетариатом, то есть переходных лозунгов.

Поскольку проект, написанный Бухариным, предварительно не обсуждался делегацией РКП(б), она обратилась к президиуму конгресса с просьбой дать ей возможность обсудить вопрос о месте переходных требований в этом документе на заседании делегации.

20 ноября бюро делегации РКП(б) под председательством Ленина обсудило этот вопрос и высказалось за необходимость включения в программы компартий переходных требований и их общего формулирования и теоретического обоснования в общей части Программы Коминтерна. (Выше уже писал о том, что мне удалось установить авторство Ленина этого документа). Конгресс одобрил предложение делегации РКП(б) и постановил продолжить работу по составлению Программы.

Ленин в своем докладе на конгрессе говорил о том, что компартиям следует предусматривать не только переход в наступление против буржуазии, но и возможность отступления и необходимость обеспечения такого отступления. Он предупреждал, что в связи с фашистской опасностью на передний план выступает задача борьбы с реакцией, и выразил надежду, что опыт, который компартии получают в этой борьбе, поможет им усвоить и применить революционный опыт РКП(б). Признал ошибкой попытку дать упрощенное изложение этого опыта в тезисах III конгресса об организационном строительстве компартий. Отношение к опыту большевистской партии как образцу, которому необходимо следовать, считалось по-прежнему краеугольным камнем мировой коммунистической организации.

Конгресс выдвинул лозунг антиимпериалистического единого фронта для колониальных и зависимых стран. Признавалось необходимым поддерживать национально-революционное движение и использовать заинтересованность национальной буржуазии в осуществлении основных задач антиимпериалистической борьбы. На основе признания за рабочим движением роли самостоятельного революционного фактора в общем антиимпериалистическом фронте допускались временные соглашения с буржуазно-демократическими партиями. Последующие события доказали иллюзорность идеи сомкнуть международное рабочее движение (естественно, в понимании Коминтерна) с нараставшим национально-освободительным движением в колониальных и зависимых странах.

В числе других вопросов, разбиравшихся на заседаниях конгресса и его комиссий, было положение в ряде компартий, оказавшихся в трудной ситуации в связи с обострением внутривнутриполитической борьбы в этих партиях. Соответственно этому, в сборнике вновь рассматривалось развитие некоторых компартий и их сотрудничество с Коминтерном.

В руководстве компартии Франции к моменту созыва конгресса в связи с выступлением оппортунистических элементов и проявлением недисциплинированности со стороны левых разразился партийный кризис. Это привело к тому, что комиссия конгрессу по французскому вопросу, которую возглавлял Троцкий, приняла решение о формировании нового ЦК партии. Статью в сборник по этой проблеме написал Соколов.

В тяжелом положении находилась компартия Италии. Ее сектантское руководство оказалось не в состоянии предвидеть захват власти в стране фашистами Муссолини. Сектантскую позицию лидер партии Амадео Бордига и его сторонники пытались отстаивать в дискуссии на конгрессе и на комиссии по итальянскому вопросу. Представителям ИККИ пришлось провести серьезную работу с делегатами этой партии. Специально с ними беседовал Ленин. В конце концов, делегация КПИ заявила о своем согласии с линией Коминтерна. ИККИ пришлось приложить немало сил к тому, чтобы добиться изменения в составе руководства КПИ. Итальянский вопрос в связи с работой конгресса раскрывался

в статье Куниной. Этот текст свидетельствовал, как обычно, о хорошем знании автором предмета исследования и отличался совершенством литературной формы.

В компартии Польши в это время активизировались левые сектанты, обвинявшие руководство партии в оппортунизме. Проблему разбирала комиссия конгресса, осудившая выступление сектантов. О роли конгресса для компартии Польши я предложил написать статью Мире Невוליной, которая обрабатывала документы этой партии в ЦПА. Она прекрасно знала документы, но оказалась неспособной логически изложить фактический материал. Ее текст скорее походил на набор плохо стыкуемых абзацев. Пришлось неоднократно возвращать ей его на переделку. С большим трудом удалось превратить его в нечто читабельное.

Тяжелый внутрипартийный кризис разразился в компартии Чехословакии. Некоторые лидеры партии выступили с раскольническими сектантскими требованиями и призвали не подчиняться оппортунистическому руководству КПЧ. За нарушение партийной дисциплины их исключили из партии. Но ИККИ по настоянию Зиновьева отменил это постановление, тем самым дезавуировав партийное руководство. На конгрессе линия ЦК КПЧ получила поддержку. С представителями КПЧ беседовал и Ленин. Вскоре он тяжело заболел и практически после этого перестал участвовать в руководстве партией и страной.

Статья о чехословацком вопросе дала мне возможность вновь побывать в Праге. Работал по-прежнему в архиве Института истории КПЧ. Помимо просмотра переданных архиву документов ЦК КПЧ из ЦПА ИМЛ ознакомился с некоторыми местными газетами партии.

Именно в тот раз приобрел в букинистической лавке на Златой улочке Пражского Града экземпляр Библии. Вадя Сегаль, которому описывал свои впечатления от Праги после прежней поездки, сказал, что можно попросить у продавца Библию. Так и сделал. Открыл тяжелую дверь, похожую скорее на ворота. За прилавком стояла пожилая, толстая продавщица. Подошел к ней и сказал, что ищу Библию на русском языке. Она достала и протянула мне книжку малого формата. Так, стал владельцем этой Великой книги, которую в Москве тогда было достать невозможно. И в даль-

нейшем в каждый приезд в Прагу заходил в тот магазинчик, здоровался с продавщицей и получал еще одну книгу. Подарил по экземпляру своим близким и многим друзьям.

Что же касается самой статьи, то попытался ответить в ней на вопросы, почему влияние партии ослабело, ее численность уменьшилась, и что послужило причиной активизации различных элементов, прежде всего левацкого толка. На мой взгляд, сказались как общие факторы, связанные со спадом рабочего движения, так и то, что руководство партии не сумело вовремя приспособить свои указания коммунистам к сложившейся ситуации. После оттеснения Шмерала ЦК возглавили люди, не обладавшие достаточным политическим опытом и пытавшиеся чисто административными мерами решать партийные вопросы. Не случайно, через несколько лет этих людей – Богумила Илека и Вацлава Болена – исключили из КПЧ за раскольническую, антипартийную деятельность.

В сборник вошла статья Мухамеджанова о взаимодействии Коминтерна и КИМ'а. Подобно Коминтерну, КИМ пытался в то время добиться единых действий с молодежными организациями других Интернационалов. Эти попытки точно также ни к чему не привели. Левая фразеология настолько пронизывала документы КИМа, что не могла не отразиться на авторском тексте. Пришлось потратить немало времени на соответствующую шлифовку статьи Мансура.

Во время работы конгресса Коминтерна открылся II конгресс Профинтерна. Эту тему рассмотрел в своей статье Грант Адибекков. Поскольку в декабре 1922 г. в Гааге состоялся Международный конгресс мира, созданный II и II^{1/2} Интернационалами, в работе которого участвовали партии этих организаций, пацифистские организации, профсоюзные и кооперативные объединения, Коминтерн попытался использовать его трибуну для пропаганды совместных действий против наступления капитала и опасности войны. Делегация советских профсоюзов, которую возглавил Карл Радек, выступила с этим призывом. Однако, и эти предложения постигла судьба предыдущих призывов Коминтерна к созданию единого фронта – их отвергли.

Нам не удалось дать удовлетворительный ответ на вопрос, почему эта политика не дала положительного результата. Полагаю, что такой ответ дать невозможно, сохраняя приверженность ленинской трактовке этой политики. Все события толковались только в духе этой установки. В связи с этим работы тех лет (говорю здесь прежде всего о моих статьях и брошюрах) следует рассматривать с точки зрения состояния историографии советского коминтерноведения.

Пожалуй, такова неизбежная судьба работ историка. Он не летописец, бесстрастно перечисляющий факты, он старается их понять, объяснить. Но самых разнообразных фактов, относящихся к тому или иному событию, подчас даже противоречащих друг другу, бывает подчас так много, что в них трудно разобраться и выбрать из них те, которые помогают раскрыть суть явлений. И в их подборе и трактовке сказываются личный опыт историка, его добросовестность, его взгляды, воздействие окружающей действительности. Иными словами, работа историка неизбежно отражает время, в котором он трудился, и его субъективное восприятие, и потому очень часто историки разных поколений вновь и вновь обращаются к анализу одних и тех же явлений. И подчас оценки одних и тех же событий весьма существенно расходятся. Дело, по моему мнению, в накапливании исторического опыта, в появлении новой массы ранее неизвестных сведений и документов, в поворотах конкретно-исторической ситуации, которая заставляет акцентировать внимание на тех или иных явлениях прошлого, преодолевать «идейную коросту».

Разумеется, обстановка, политическая ситуация, характер государственной системы, в которой работает историк, неизбежно сказываются на результатах его исследований. В сильно идеологизированном, недемократическом обществе, она имеет определяющее значение. Но ее воздействие проявляется, хотя и в разной степени, всегда. К числу объективных факторов, влияющих на исследование, относятся также степень научной разработки данной проблемы, достижения историографии, объем накопленного документального и фактического материала. Но его толкование, анализ, сделанные на этой основе выводы и оценки неизбежно носят субъективный характер.

В настоящее время в историографии Коминтерна можно встретить самые различные исследования, в которых позиция автора во многом определяется его политическими, партийными, идеологическими взглядами и интересами. В некоторых это настолько ощутимо, что дает основание считать такие труды, имеющими целевое значение. Так, в монографии И.Б. Линдера и С.А. Чуркина «Спецслужбы России за 1000 лет», опубликованной в 2008 г., Коминтерн, назван «международной военно-политической организацией». О связи Коминтерна с советской разведкой мною написано довольно много в работе о шифровках Коминтерна, об этом также пойдет речь в дальнейшем, но, тем не менее хочу подчеркнуть, что трактовка этой проблемы в книге о спецслужбах России страдает односторонностью. Деятельность Коминтерна не сводилась лишь к разведке и организации повстанческого движения в странах, примыкавших к Советскому государству, как говорится в той книге. Столь же односторонне и тенденциозно в ней излагаются и многие другие события того времени. Таким образом, не только партийно-идеологические воззрения могут быть причиной предвзятого текста, искажающего реальную историческую картину, но и сознательная целевая направленность работы. Но мне все же хочется речь вести о тех историках, которые не в угоду какой-либо идеологической установке, той или иной концепции пытаются самостоятельно исследовать, проанализировать и оценить фактический и документальный материал.

О трактовке фактов в литературе ведутся нескончаемые споры, в том числе о противопоставлении «реальных» «исторических» фактов случайным и единичным, как будто бы не имеющим значения. Каждый автор, в конце концов, выбирает из огромной кучи этих самых разнообразных и зачастую противоречивых фактов те, которые ему кажутся наиболее важными и значительными. Это его право. Но при анализе их необходимо все же иметь ввиду их совокупность по данной проблеме. А сама интерпретация остается делом совести исследователя, зависит от его знаний, опыта, профессионализма и личных взглядов, возможно и от других каких-то причин.

Такой подход к рассматриваемой проблеме не совпадает с утверждением историка-коммуниста Михаила Николаевича Покровского, будто история есть политика, направленная в прошлое. Историк профессионально обязан исследовать события прошлого, анализировать их с учетом конкретной ситуации и многообразия фактов, а не исходя из каких-то постулатов, заранее принятой концепции. При этом нельзя игнорировать достижения других историков в изучении данной проблемы, но делать выводы и обобщения надо самостоятельно. Вместе с тем историк – это человек со всеми присущими ему страстями, склонностями, настроениями. И это не может не отразиться на его работе, как и ситуация, в которой ему приходится работать. Этого нельзя никогда упускать из виду.

Мне кажется, естественным в дальнейшем возвращаться к той или иной рассмотренной ранее проблеме, уточнять, развивать ранее сделанные выводы и даже их пересматривать в связи с новыми данными, накопленным личным опытом и теми или иными сдвигами в обществе, которые заставляют по-иному посмотреть на прошлое. Историк, как и каждый нормальный человек, может изменить свое мнение о каких-то проблемах, и это вполне объяснимо для людей, переживших кризис и развал той социальной и политической системы, в которой они родились, выросли и жили долгие годы. Перелом в развитии общества не может не привести к необходимости заново оценить собственный опыт и заставляет на многое посмотреть по иному.

Уверен, что глубоко ошибочным является настаивание на своих взглядах и научных выводах, не учитывая изменения объективной реальности, появление новых, до этого неизвестных и, естественно, ранее не учтенных данных. Приверженность к сложившимся представлениям может привести к тому, что историк будет игнорировать, сознательно или бессознательно, то, что противоречит ранее сделанным им выводам и оценкам. Неоднократно приходилось видеть такое в жизни и встречать в научных исследованиях.

К тому же историк, как правило, работает в составе научного коллектива, участвует в совместных трудах. Он испытывает то или иное моральное или идеологическое воздействие. Как при

этом сочетать без внутреннего конфликта научную честность с влиянием внешних факторов? Рецепта дать не могу. Многие годы, порой неосознанно, а потом и сознательно, пытался избежать такого конфликта. То, что в конце своего жизненного пути пересмотрел многие свои выводы и суждения и сейчас, не без сожаления, листаю страницы своих прошлых писаний, говорит, видимо, о том, что все же этого не удалось. Слабым утешением является сознание того, что никогда сознательно не фальсифицировал картину прошлого. Ко многим своим прошлым оценкам и выводам отношусь критически, вижу, как в них проявлялось влияние той идеологии, которую я в те годы разделял.

Возвращение к Димитровской теме

Приближалось столетие со дня рождения Георгия Димитрова и по предложению болгарских коллег приступили к подготовке нового сборника, посвященного этому человеку. Соболев в то время был в плохой форме, часто исчезал, я понимал, в Москве не удастся заставить его написать статью. Придумал нам с ним поездку в Софию, состоявшуюся в сентябре 1981 года. Он действительно сидел большую часть дня в своем номере и за это время написал статью, которая в общем походила на его текст в сборнике, посвященном 90-летию Димитрова, но, естественно, отличалась от него стилистически.

Тогда назревали события в Польше, где коммунисты оказались перед угрозой потери власти. Соболев в разговоре со мной (мы в это время ужинали в ресторане) шепнул, что неизбежно введение в этой стране военного положения, что вскоре и произошло. 18-го сентября за обедом сказал ему, что он может меня поздравить с 50-летием. Утром на следующий день раздался стук в дверь комнаты. Вошел Александр Иванович и торжественно подарил мне Историю Фукидида.

Болгарские друзья раздобыли для Соболева право на посещение закрытой секции их универмага. Предложил ему купить дубленый полушубок. Он одел его и остался очень доволен. При

этом сказал: «Ну теперь я одет до самой смерти». Бедняга не подозревал, что ему даже не удастся поносить этот полушубок.

В то время Александр Иванович жил недалеко от нас. Неподалеку поселился Адибеков. Он первым попал в квартиру Соболева, умершего внезапно от разрыва аорты. Похороны стали для нас всех очень горестным событием. На прощальной тризне в институтской столовой я сказал о том огромном значении, которое имел в моей жизни этот человек, о счастье работать и общаться с ним.

В те дни, когда мы с Соболевым готовились к возвращению в Москву, пришло горестное известие о внезапной кончине моего тестя. Это случилось на улице. Лида мне потом рассказала, что он, очевидно, испытывав сильную боль в сердце, попытался достать нитроглицерин из кармашка, но не успел. Домой я приехал, когда Михаила Наумовича уже похоронили.

Я любил его, иногда даже ласково называл: «Деда». Да и ко мне он относился хорошо. Был очень спокойным и добрым человеком. Как и Рива в молодости приехал в Москву из маленького белорусского местечка, работал одно время электриком в Большом театре, заочно закончил Институт связи. Служил заместителем директора завода связи, позднее заместителем начальника Центрального конструкторского бюро Министерства связи. Не только обеспечивал жизнь своей семье, но и помогал родным и близким, тем, кто потерял своих мужей на фронте, да и не только им. Его два брата погибли на войне, и сам Михаил Наумович вступил в ополчение, когда гитлеровская армия была на подступах к Москве. Но его как работника Наркомата связи отозвали из ополчения, что, несомненно, спасло ему жизнь.

Ему не раз приходилось выходить из опасных положений, над ним не раз сгущались тучи, в советские времена очень часто человек, занимавшейся хозяйственной деятельностью, объявлялся виновным в каких-нибудь неполадках, когда хотели скрыть истинную причину неудач, провалов или несчастных случаев. Не раз находился в таких ситуациях, которые могли для него окончиться совсем печально, но все-таки самого плохого не случилось, если не считать нескольких инфарктов.

Михаил Наумович очень радовался тому, что мы с Лидой вступили в дачный кооператив, мы даже с ним как-то съездили туда и посмотрели строящиеся домики, но дожить до нашего вселения на дачу ему не пришлось.

Возвращаюсь к прерванному рассказу о подготовке к юбилею Димитрова. Сборник «Георгий Димитров – выдающийся революционер и теоретик» вышел из печати в 1982 году. И на научную конференцию, посвященную той памятной дате, мы с Шириной поехали в Софию уже без Александра Ивановича.

Ширина написал в эту книгу статью «Георгий Димитров и проблемы единого рабочего и широкого народного фронта», а также совместно с болгарским историком Дмитрием Сирковым статью «Георгий Димитров о фашизме». Соколов – на тему: Димитров и международное антивоенное движение, Кунина – о деятельности лидера Коминтерна в годы Великой Отечественной войны. Груздева стала автором статьи о советской историографии, посвященной жизни и деятельности Димитрова. Два сотрудника аппарата ЦК КПСС В.Н. Гребенников и А.И. Морозов – статью «Георгий Димитров о пролетарском интернационализме». Наши болгарские коллеги – о роли Димитрова в рабочем движении Болгарии и строительстве послевоенной Болгарии, формировании мировой социалистической системы, а также о состоянии димитроведения в Болгарии. Были также статьи наших коллег из Института славяноведения. Мне поручили написать статью о Димитрове как Генеральном секретаре ИККИ.

В те дни меня вызвал к себе новый заведующий нашего Отдела Леонид Митрофанович Минаев и показал письмо заместителя директора ЦПА Василия Васильевича Аникеева с требованием вернуть в архив все сделанные ранее выписки. Грант в разговоре обронил, что-де велика беда, выписки можно просто скопировать. Не могу сказать, подсказывал ли он мне, как поступить, но сделал именно так еще до разговора с ним. Лида устроила копирование у себя на работе. Это было опасно, поскольку сотрудники КГБ систематически проверяли комнату, в которой находилась копирувальная машина. А в случае проверки в момент, когда копировались мои тетради, последствия оказались бы самые печальные. Все же пошел на такую авантюру, так как остаться без своих

многолетних выписок означало прекратить научную деятельность. Приходилось защищать свое право на изучение истории Коминтерна.

В конце концов, принес Минаеву толстые папки с этими тетрадями и тот переслал их в архив. Когда много лет спустя стал его сотрудником, мне вернули только одну из них.

Собирая материал, вновь обратился к протоколам заседаний Секретариата ИККИ. Нашел немало текстов выступлений Димитрова на них. Они помогли конкретнее выяснить его позицию при обсуждении положения в различных компартиях, характер указаний, дававшихся им, и уточнить стиль его руководства. Не сомневался в существовании писем Сталину и в ЦК ВКП(б).

Пошел на прием к директору ЦПА Антонюку и попросил его показать какие-либо документы, свидетельствовавшие о сотрудничестве Димитрова с ЦК ВКП(б). Но получил ответ, что таких документов в архиве нет. Много позднее смог увидеть сотни этих документов. Сборник писем Димитрова Сталину¹, подготовленный мною совместно с профессором Александром Далиным, известным американским историком, содержит меньше четвертой части этих писем, хранящихся в архиве. Впрочем, дело, разумеется, не в Антонюке, просто использовать эти документы запрещалось. Уже гораздо позднее, другой директор ЦПА, Иван Никифорович Китаев, признался, что если даст разрешение показать кому-нибудь запрещенные для просмотра материалы, то ему в ЦК скажут: «А положи-ка партбилет на стол!».

Таким образом, наиболее существенных документов, связанных с внутренней жизнью аппарата ИККИ и последствиями сталинских репрессий для Коминтерна, получить не удалось. Поэтому ограничился цитатой из доклада секретаря ЦК КПСС Бориса Николаевича Пономарева об отрицательном влиянии последствий «культы Сталина» на деятельность Коминтерна и о репрессировании его кадров. Ссылкой на воспоминания видного деятеля компартии Австрии Фридля Фюрнберга о том, что Димитров выступал в защиту тех репрессированных коминтернов-

---

¹ Dimitrov and Stalin: 1934–1943: Letters from the Soviet Archives / Edited by Alexander Dallin and F.I. Firsov; Russian documents translated by Vadim A. Staklo. – New Haven and London: Yale University Press, 2000.

цев, в невиновности которых не сомневался, а также упоминанием о роспуске на основе необоснованных обвинений компартии Польши лишь затронул эту тему, крайне важную для понимания реальной роли Коминтерна и его Генерального секретаря в той трагедии, которая получила название Большого террора.

Полагаю, что нельзя поставить на этом точку. Разумеется, невозможность получить документы, помогавшие раскрыть страшные страницы этой трагедии, как и общая атмосфера того времени, когда создавалась та книга, имели определяющее значение в том, что я, автор статьи о Димитрове как генсеке Коминтерна, счел возможным лишь коснуться этой темы. По-видимому, все же не понимал, что без должного и тщательного анализа данной проблемы освещение деятельности руководителя этой организации просто искажает реальную картину. Еще более апологетический характер имела моя статья «Георгий Димитров – выдающийся революционер-ленинец», для журнала «Новая и новейшая история» к 100-летию со дня рождения этого человека. И хотя при подготовке статьи использовал все, что мог найти опубликованное об этом человеке, а также удалось выявить некоторые неизвестные ранее факты, в том числе его авторство некролога о Ленине, напечатанного в 1924 г., о той статье вспоминаю с чувством сожаления.

Наивно и ошибочно видеть в политических, а тем более государственных деятелях рыцарей без страха и упрека. Это непростительно для историка, ставит под сомнение его профессионализм. С удовлетворением вспоминаю свою исследовательскую работу, выявление и сопоставление фактов и документов и попытки обобщения этого материала, но с грустью и сожалением – свои оценки некоторых деятелей того периода, как и общей политической линии Коминтерна поскольку на них сказывалось влияние официальной идеологии.

В связи со столетием со дня рождения Димитрова некоторых советских историков наградили болгарскими орденами. Ширина позднее мне сказал, что болгары собирались наградить и нас с ним, запросили мнение директора нашего Института, но тот ответил отрицательно. Посему нас с Кириллом не никак не отметили, хотя, по мнению наших болгарских коллег, мы являлись в то

время ведущими димитроведами. Один из сотрудников болгарского Института истории БКП сказал мне, что когда они говорят между собой о нашем Институте, непременно начинают с того, что в этом Институте работают Шириня и Фирсов.

На киностудии имени Горького

Напротив нашего Института располагались Всесоюзный институт кинематографии (ВГИК) и киностудия имени Горького. Некоторых преподавателей ВГИКа встречал в нашей столовой. Обычно после 2-х часов дня туда через проходную тянулась цепочка лиц, получивших от нашего замдиректора по хозяйственной части пропуска для прохода на нашу территорию. Преобладали руководители и продавцы ближайших промтоварных и продовольственных магазинов, но также случались и преподаватели ВГИК и некоторые известные актеры, снимавшиеся на киностудии.

Когда мне по какой-либо причине приходилось идти в столовую позже обычного, видел, как правило, одни и те же лица. Раз три-четыре встречал там Глеба Скороходова, в прошлом одного из сокурсников и приятелей Бориса Носика, ставшего известным журналистом и автором популярных передач, посвященных знаменитым артистам.

Однажды мне позвонили из киностудии и попросили прийти туда для консультации. Там познакомился с режиссером Хесей Александровной Локшиной. Мне кто-то шепнул, что она была вдовой Эраста Гарина – легендарного артиста, создавшего незабываемые образы жениха в кинофильме «Свадьба», короля в «Золушке» и множество других ярких комедийных образов.

Киностудия нуждалась в получении положительного мнения от представителя идеологических органов, чтобы осуществить дублирование иностранных фильмов. В то же время это являлось в какой-то степени формальным моментом, поскольку у меня не требовали никакого письменного отзыва. К тому же, я не имел права давать такой отзыв, не получив на это указание руково-

дства ИМЛ. Но киностудию вполне удовлетворяло, если я, посмотрев кинокартину, не выскажу отрицательного суждения о ней.

Естественно, увидеть фильм еще до того, как он появится на экранах кинотеатров, казалось заманчивым, и я с удовольствием принимал приглашения киностудии. Вместе с артистами, которым приходилось позднее участвовать в дубляже, смотрел их в небольшом кинозале. В памяти остались несколько кинолент – одна о судьбе известного венгерского певца, который по какой-то причине в 1956 г., когда в Будапеште вспыхнуло восстание против правящего сталинистского режима Ракоши, жестоко подавленное советским танками, не смог принять в нем участие, хотя ненавидел этот режим. Заканчивался фильм сценой, когда к этому артисту пришли представители министерства и горячо его благодарили за то, что он остался верен «народному строю».

Другой был посвящен жизни артиста, оказавшегося, к своему несчастью, приближенным Геринга и расплатившегося моральным крахом за сотрудничество с нацистской властью. Он произвел на меня сильное впечатление. По-видимому его создатели имели в виду не только опасность для творческого человека находиться вблизи тоталитарной власти, но и вообще несовместимость власти и творчества.

Довелось увидеть и совершенно необычную киноисторию – французский фильм о клубе танцев в Париже, с начала 30-х до конца 40-х годов. Одинокие мужчины и женщины приходили туда, чтобы провести время. Ни разу не прозвучало ни одного слова. Была только танцевальная музыка, но годы, которые проживали персонажи этого шедевра, и их характеры и судьбы раскрывались очень четко и ярко.

Конференция в Мосте

В 1982 г. отмечалось 50-летие Мостецкой стачки, когда горняки угольного бассейна Чехословакии под руководством коммунистов боролись за свои права сообщца. Институт истории КПЧ при-

гласил Шириню и меня принять участие в научной конференции. Она состоялась в Мосте. Об этой стачке писал в кандидатской диссертации и с удовольствием поехал на конференцию. В своем выступлении рассказывал, как в руководстве Коминтерна восприняли эту стачку. Кирилл изложил общеполитическую линию Коминтерна в тот период.

Конференция состоялась в Рабочем клубе. В числе других выступавших я сидел в президиуме. Для меня было загадкой, каким образом во время различных торжественных мероприятий, участники таких мероприятий, всегда, не путаясь, шли к своему месту. Оказалось, что за кулисами всех выстраивали в длинную очередь по одному, а потом выпускали на сцену. Поэтому каждый спокойно шел за предыдущим человеком и садился рядом с ним. Поняв это, без колебаний приземлился на отведенном мне стуле. Моей главной задачей в тот момент было не заснуть, поскольку многие выступления навеивали скуку. С этой задачей справился. Других воспоминаний о той поездке не осталось.

Оля, Наташа, Женечка и Тинка

Жизнь шла своим чередом. Дочери выросли, возникали всякие проблемы. Некоторые решались довольно быстро и легко, другие – долго и болезненно. Об этом скажу коротко. Не потому, что считаю все это неважным, просто в связи с тем, что эти вопросы касаются моих близких и не хочу быть многословным.

Оля после школы поступила на работу в ИМРД. Там некоторое время занималась вырезками из газет и журналов, составлением справочных досье и т. п. Одновременно училась на вечернем отделении Института иностранных языков и закончила его. Английский выучила еще в школе. Институт помог ей усовершенствовать это знание, овладеть навыками переводческой работы и преподавания языка. Через несколько лет ее перевели в Сектор, занимавшийся социологическими исследованиями. Защитила диссертацию по теме, касавшейся перехода молодежи от школы к труду в Англии в 80-е годы. Когда диссертация пришла на про-

смотр в наш Экспертный совет (а мы к тому времени, не ограничиваясь докторскими диссертациями, контролировали и кандидатские), узнав, что на заседании должна была идти речь о ее диссертации, доложив о той работе, которую проверил, поспешил покинуть заседание. Все прошло хорошо и Оля стала кандидатом исторических наук.

Через свою школьную подругу познакомилась с Димой Бутыльковым, они поженились. Высокого роста, красивый, приветливый, вежливый Дима вошел в нашу семью. Его мама – Ася очень привязалась к Оле, что нам с Лидой было очень приятно. Ася со своей мамой – Эсфирь Соломоновной жили недалеко от нас на Рождественском бульваре, и мы с Лидой с удовольствием их навещали. Молодая семья сняла себе комнату в квартире, где жила моя мама. У них появилась наша первая внучка Женечка. Оказалось, что любовь к внукам нечто иное, чем к собственным детям. Никогда не думал, что так приятно рассказывать о своей внучке, что при мысли о ней буду улыбаться.

Наташа после школы поступила в Историко-архивный институт, а по его завершении ее приняли на работу в лабораторию при Институте, занимавшуюся изучением нетрадиционных источников – воспоминаниями, магнитофонными записями, компьютерной обработкой сведений. Заведовал лабораторией мой бывший сокурсник Володя Дробижев, ставший к тому времени известным ученым, специалистом по истории советского общества.

Кроме того, в нашей семье появился новый член. Алена подарила Наташе щенка породы кокер-спаниэль. Возиться с ним пришлось нам с Лидой. Тиночка была необычным созданием. Отличалась вздорным характером, ко всему новому относилась плохо, носик ее морщился и легко могла цапнуть за руку. Однажды рассердившись на Наташу, изгрызла ее новенькие итальянские туфельки. Она стала моей мохнатой радостью, приходилось каждый день с ней гулять, что давало возможность немного пройтись по улицам. В Москве прожила с нами 11 лет и ко времени переезда в США тяжело заболела. В собачьей поликлинике даже предложили сделать ей операцию, но мы с Лидой поняли, что этого нам не вынести. Привезли ее с собой в США. Здесь Тину постригли и собака внешне помолодела. Целый год украшала

нашу жизнь, помогла пережить первые тяжелые месяцы эмиграции. Но болезнь взяла свое и ее пришлось усыпить. До сих пор переживаю, когда проезжаю мимо поликлиники, где Тина уснула навеки.

Дача на «42 километре»

Лето 1982 г. мы провели уже на своей даче. В конце 70-х годов стало известно, что получено разрешение на строительство дачного кооператива. Сказалось привилегированное положение Института, ибо получить его было не просто, не менее трудно реализовать, поскольку для строительства требовались строительные материалы, техника и т. д., которые строго лимитировались. Проблему решили, пригласив участвовать в кооперативе чиновников Министерства газовой промышленности. Они составили половину членского состава будущего кооператива, на долю имэловцев пришлось 50 человеко-мест. Объявили, что членский взнос составит 7 тысяч рублей. Я получал тогда 300 рублей. Разумеется, мы с Лидой не располагали финансовыми возможностями для участия в таком кооперативе. Но решили рискнуть, и я подал заявление. От нашего Отдела записался также Кирилл.

Будущие дачники получили субсидию от Сберегательного банка с условием ее возврата в течение нескольких лет с небольшими процентами. Ссуда покрыла основную часть членского взноса. Хотя в последующем сумма паевого взноса существенно возросла, это не привело к изменению в составе пайщиков. Удобно строительство шло и к весне 1982 г. уже заговорили о распределении дачных квартир. На заключительном этапе Соболев сказал, что не откажется от возможности также стать членом кооператива. Его пожелание удовлетворили, но воспользовалась дачей уже вдова Александра Ивановича.

Дачный поселок возник недалеко от железнодорожной станции «42 километр» по Ярославской дороге. Это были кирпичные двухэтажные четырехквартирные дома, расположенные довольно

близко друг от друга. Приусадебные участки оказались крохотными (около 4-х соток), побольше только там, где они граничили с дорогой, разделявшей поселок на две части. Их получили в свое распоряжение члены правления кооператива, а также члены Дирекции Института и руководители Министерства. На южной части поселка за территорией поселка протекал небольшой ручеек, приходилось там в землю вбивать свайные столбы из железобетона, что, разумеется, замедлило стройку. Дачи северной части поселка к лету построили, а на южной части стройку закончили лишь в следующем году.

Распределение дачных участков происходило так: каждый вытаскивал свой номер в очереди за жребием. Затем в соответствии с этим номером тянул жребий. Мне достался участок в северной части поселка.

Дачная квартира состояла из четырех комнат (двух на первом этаже и двух на втором), застекленной терраски, небольшой кухоньки и ванной с туалетом. Имелся водопровод, правда, трубы заложили неглубоко, поэтому дачами можно было пользоваться только в теплое время года. Но за питьевой водой приходилось ходить к колодцу, который находился за пределами нашего дачного поселка. В каждой квартире имелись печь и камин. С первого на второй этаж вела винтовая лесенка.

Мы с Лидой расположились в большой проходной комнате на первом этаже, маме отдали вторую комнату. Девочки получили комнаты на втором этаже. Теперь летом мама жила на даче, а мы с Лидой приезжали туда на выходные. Когда Лида вышла на пенсию, они с Женечкой лето проводили на даче, а я приезжал туда после работы. Ребята навещали нас по выходным.

Доставка на дачу мебели оказалась нелегкой проблемой, особенно перевозка шкафа из маминой комнаты в Москве. В те дни прошли дожди и машина не смогла проехать к даче. Выгрузили шкаф в метрах 150-ти от дачи. Машина уехала и я остался с этим чудовищем. Разобрал его, дверцы, нижнюю и верхнюю части шкафа сумел кое-как перетаскать. Но с задней и боковыми стенками, которые не разъединялись, намучился изрядно. Вдобавок для шкафа не было места в нашей комнате. А вот как сумел вта-

щить по крутой винтовой лестнице, хотя и по частям, эти чертовы стенки, остается для меня самого загадкой.

Все первое лето пришлось заниматься очищением участка от строительного мусора. Издалека притаскивал песок и просто землю, поскольку почва представляла собой сплошную глину, на которой ничего расти не могло. Копание в земле неожиданно доставило огромную радость, так что в шутку сказал Искрову, у которого дача была неподалеку, что, оказывается, не все интересное сосредоточено в истории Коминтерна. Лидин дядя, живший в Загорске, дал нам несколько лоз дикого винограда. Мы посадили их около входа на терраску и вдоль стены, выходившей на соседнюю дачу. Виноград привился быстро и очень украсил вход, а через несколько лет листья винограда просто закрывали окно на втором этаже.

Вскопал пару грядок для клубники. Кооператив организовал закупку саженцев плодовых деревьев, различных кустарников. Небольшая вишенка, посаженная недалеко от входа, с годами разрослась и стала настоящим украшением участка. Эти хлопоты оказались приятным делом и мы с Лидой с удовольствием вспоминаем разные эпизоды дачной жизни.

На работу вместе с другими сослуживцами ездил электричкой до станции Лосиноостровская (она приходила совсем пустой и за сорок пять минут езды можно было почитать книжку, даже вздремнуть, ибо коллеги не дадут проспать), а затем – двумя троллейбусами с пересадкой добирался до работы. Но вскоре предпочел ходить пешком от станции.

В первый раз пошел от станции вдоль шоссе. Оно шло местами в ложбинке. Загазованность была такой, что к концу пути почувствовал себя плохо. В дальнейшем всегда шел над ложбинкой, и эти полчаса пути приносили большое удовольствие. В обратную дорогу пользовался троллейбусами и снова электричкой с Лосиноостровской. Но на это раз она обычно была переполнена и езда уже не была кайфом. Он начинался, когда спускался с платформы станции. Пересекая небольшой лесок за двадцать минут, добирался домой.

Вновь жилищная проблема

Опять обострился этот вечный жилищный вопрос. Но на этот раз попробовали его решить собственными силами. Лида нашла вариант обмена. Поменяли нашу квартиру на однокомнатную недалеко от станции метро Бауманская и двухкомнатную квартиру в регионе Матвеевское. Олина семья поселилась в однокомнатной квартире, мы же переехали в Матвеевское.

Добираться до работы стало невыносимо тяжело и долго. Сначала в переполненном автобусе до станции метро «Университет», затем с несколькими пересадками до станции «ВДНХ». На работу приходил усталым. Длительным и нелегким было и возвращение домой. Существовал иной путь. Электричкой до метро «Киевская», и с меньшим числом пересадок до нужной станции. Но пришла зима, стало скользко, и однажды чуть не попал под колеса, когда шагнул с платформы на входную площадку вагона. С тех пор электричкой уже не пользовался.

Положение складывалось безнадежное. Пошел к зам. директора по хозяйственной части Николаю Ивановичу Мочалину и рассказал о своих делах. Тот ответил, что располагает двухкомнатной квартирой в доме на Аргуновской улице, недалеко от Южного входа в ВДНХ.

Она кардинально изменила нашу жизнь. Отныне мы с Лидой жили вдвоем, дочери также обладали своим жильем. Когда Женечка подросла, на неделю брали ее к себе. И было таким счастьем, когда, приходя домой, открывал входную дверь и кричал: «А ну, моя девочка, скорее ко мне!» И тут же ко мне подбегала Женечка, но еще раньше ее возникала Тинка, выражавшая свою бурную радость при виде хозяина. Женечка как-то даже спросила меня: «Дедушка, ты какую девочку зовешь, на двух ногах или на четырех?»

Проблемы друзей

Жизнь приносила свои радости и, увы, горести. Наконец, женился мой друг детства Сашка Фрид. Его жена, дружелюбная и симпатичная Света, отличалась хлебосольством. Когда бы мы их не навещали, обедаловка была потрясающая. Их сын Миша с малых лет отличался самостоятельным и независимым характером. Саша, раскатывавший на «Запорожце», однажды попал в тяжелую аварию. Внезапно отказали тормоза. Пытаясь предотвратить аварию, выехал на встречную полосу. В результате не только разбился, но и попал под следствие. Следователь пытался обвинить его в том, что намеренно все это устроил, чтобы убить свою жену. К счастью, Света, сидевшая рядом с ним, не пострадала. Когда навестил его в Скифосовке, увидел страшную картину. Мой друг лежал на спине, правая нога задрана под углом и вся эта забинтованная и загипсованная конструкция закреплена противовесом. В течение многих лет ему пришлось ходить с палкой, мучаясь от боли в бедре. Только операция в больнице Канады, куда они переехали, принесла облегчение.

Младший брат Вади Сегалия Марк, вместе с женой и дочкой, захватив с собой маму, уехал в США. Там первоначально ему пришлось несладко. Брался за любую работу, вплоть до уборки в захудалых гостиницах, обитателями которых были местные проститутки. Мы зачитывались его пространными, полными юмора письмами об американском житье-бытье.

В связи с отъездом Марка Вадю уволили. Эмиграция близкого родственника исключала возможность работы в привилегированном учебном заведении. К счастью, устроился в одно из известных издательств, где спокойно проработал вплоть до своего отъезда в США в начале 90-х годов.

Вадин Димка вырос в потрясающего парня. Талант и обаяние унаследовал от своих родителей. С самого детства присутствовал на наших вечеринках, а когда вырос – просто их украшал. Женился на красивой девушке и у них родились девочка и мальчик. Увы, счастье было недолгим. Тяжело заболел. Из-за того, что кровь плохо поступала по артериям в ноги, испытывал сильные

боли. Пришлось пойти на ампутацию ноги. Впоследствии потерял и вторую. Его семейная жизнь разрушилась.

Трагедией стала болезнь Жени Сегаль. На наших глазах угасала от рака эта прекрасная женщина. Все годы она украшала нашу компанию. Если Вадя был ее центром, излучавшим энергию, то Женя поистине воспринималась как ее душа, как какой-то светлый источник. Уже будучи тяжело больной, Женя устроила размен их квартиры, в результате которого она и Вадя переехали в двухкомнатную квартиру на том же Проспекте мира. Но прожила она в ней недолго. На похоронах Жени мы с Лидой внезапно увидели, как враз постарели все наши друзья, потерянно толпившиеся у гроба нашей дорогой Женечки.

Жизнь, увы, жестока и мы отнюдь не осудили Вадю, через год познакомившего нас со своей новой избранницей – Наташей. Когда мы встретились с друзьями в отсутствие Вади, я поднял тост за то, чтобы он был с ней счастлив, а для нас она также стала близким и родным человеком. Женя навсегда осталась в наших сердцах, но Ваде не следовало оставаться одиноким. И Хмары и Кошели со мной согласились.

С Наташей Вадя встретился в Ленинграде, куда его позвали друзья, чтобы познакомить с ней. По специальности врач, приехавшая в туда из Фрунзе, где у ее родителей жила ее дочь, Наташа сразу очень понравилась Ваде. Энергичная и независимая по характеру, веселая и обаятельная, донельзя увлеченная своей работой, она просто и легко вошла в нашу среду и скоро, говоря и думая о Ваде, мы мысленно их воспринимали вместе.

Однажды на рассвете меня разбудил телефонный звонок. Спросили, знаком ли я с Наташей Сегаль. Ответил, что хорошо ее знаю. Попросили немедленно приехать в их квартиру. Оказалось, что звонил пожарный из команды, потушившей там пожар. В обгорелой записной книжке Наташи нашли мой телефон. Минут через двадцать стоял перед их дверью. Пожарные уже уехали. Когда ее открыл, пахло ужасным запахом гари. У Сегалей в те дни был ремонт и они сами жили у каких-то друзей. Выгорело все в одной из комнат, в другой – мебель почернела от копоти. Пожарные разбили окно в кухне и выбрасывали через него всякую мелочь.

Через некоторое время услышал шум у дверей. Открыл их, передо мной стояли Вадя с Наташей. Я обнял Вадю и сказал: «Никаких инфарктов, просто жизнь надо начинать сначала». И действительно, пришлось приобретать все – одежду и обувь, мебель и посуду, книги и электроприборы.

Вадя не избежал столкновения с автомобилем. Его сшибла машина при переходе переулка. Очнулся уже в больнице. Но никаких печальных последствий, к счастью, эта история не имела. Видя беды, постигшие моих друзей-автомобилистов, с облегчением думал, что меня сия участь минует, поскольку не мог даже представить себя за рулем автомашины. Разве мог подумать, что в 62 года сяду за руль? Во скольких с тех пор авариях оказывался! Дважды, не по своей вине, очутился буквально на волосок от гибели, сам совершил немало ошибок, к счастью без тяжелых последствий. Остается надеяться на судьбу, поскольку обойтись без машины здесь просто нельзя.

Вадя с Наташей раньше нас уехали в США. Вадя сумел найти работу, подрабатывал также переводами. Однажды мы с Лидой слетали к ним в Сан-Франциско. Город этот прекрасен, недаром там на одной из площадей поместили обращение к жителям: «Помните, что вы живете в раю». Повозили нас по Калифорнии, удалось даже побывать в Доме-музее Джека Лондона. Несколько раз Вадя с Наташей приезжали в Бостон. Это для меня были совершенно радостные дни.

Мы с Вадей довольно часто созванивались и переписывались через Интернет. Наташа сумела поступить в адъюнктуру и они переехали в город Литл Рок в Арканзасе. Ваде пришлось перенести смерть Димочки. Он все последние годы мучился из-за того, что приходилось передвигаться на протезах, а умер от рака. Когда навестил Вадю, тот со слезами на глазах рассказывал мне о последних днях своего сына.

Приехав в Бостон, Вадя показал мне несколько команд и приемов, облегчавших пользование компьютером, которым, как и печатанием текста, начал овладевать лишь в начале 90-х годов. Это существенно ускорило подготовку материалов к книге о шифровках Коминтерна и ее написание. Вадя стал первым чита-

телем этой книги, текст которой переслал ему по Интернету. Блестящий лингвист сделал мне ряд очень важных замечаний, на конкретных примерах показал необходимость уточнения некоторых выводов и формулировок, посоветовал избегать неосторожных высказываний, которые могли бы быть использованы недобросовестными критиками, а главное – не допускать безапелляционности и односторонности в оценках.

В 2006 г. у простудившегося Вади при медицинском осмотре обнаружили рак легкого. Во время его болезни разговаривал с ним по телефону каждый день. Смерть подкралась неожиданно. Как-то вечером Вадя пошел почистить зубы перед сном и в ванной потерял сознание. 20-го апреля 2007 г. вечером его не стало. Лида и Наташа не пустили меня на похороны, поскольку незадолго до этого я перенес тяжелую операцию на сердце, был еще очень слабым, даже передвигался весьма неуверенно. Вместо меня Вадю в последний путь проводили Наташа с Мишей.

Наташа Сегаль прислала на память прекрасную фотографию Вади, она стоит справа от моей кровати, на книжной полке. Вадя улыбается мне, а я смотрю на нее только изредка. Очень больно. Мы с ним любили друг друга. Может теперь уже скоро свидимся там, куда все уходят.

Минаев и Ежов

Директор предложил Ширине занять пост заведующего Отделом, но он отказался и рекомендовал на это место Леонида Митрофановича Минаева, профессора АОН. Тот неплохо себя показал при обсуждении проекта Краткого очерка, говорил тогда, что мы все заражены миазмами культа Сталина, что надо с ними решительно бороться.

Работая в Отделе, активно печатался в журнале по проблематике коммунистического движения. В дела нашего Сектора не вмешивался. В личном плане оказался человеком совершенно иного склада, чем Соболев. Внешне весьма любезный и доброже-

лательный, знал несметное количество пословиц, поговорок, почти по каждому возникавшему в разговоре сюжету рассказывал какую-нибудь байку. Но разговаривая с глазу на глаз, о третьем человеке обязательно говорил какую-нибудь гадость, и ты, выслушивая эти слова, знал точно, что и о тебе он говорит в твое отсутствие такое же.

Не взял на себя руководство Сектором, занимавшимся современным коммунистическим движением. На эту должность прислали бывшего консультанта Международного отдела ЦК КПСС Всеволода Николаевича Ежова. Когда я подружился с Сашей Вебером, работавшим ранее вместе с ним в этом отделе, и спросил того о Ежове, выдержанный и деликатный Саша пробормотал, что об этом подонке говорить не хочет. История с Ежовым стала новым подтверждением того, что наш Институт служил отстойником для аппарата ЦК.

Ежов у нас себя ничем особенным не проявил. Когда бы не заходил к нему в кабинет, тот сидел за столом, поверхность которого была абсолютно пустой. По телефону разговаривал исключительно вежливо и в каком-то просительном тоне. Так обычно говорили работники ЦК. Но их мягкий тон означал в действительности распоряжение, которое следовало неукоснительно выполнить. Во время обеденного перерыва каждый день прогуливался вместе с Минаевым и внимательно выслушивал сентенции последнего, который говорил, не умолкая.

Когда в очередной раз обострилась международная обстановка, после того, как советский истребитель сбил американский пассажирский авиалайнер, пролетевший над Камчаткой, и пресса СССР подняла крик о том, что это была военная провокация американских империалистов, Ежов всерьез сказал мне, что президент Рейган опаснее Гитлера. Показал себя вполне русским патриотом. Наша машинистка вышла замуж и Ежов ее торжественно поздравил. Уточнив, что вышла замуж за русского, заявил, что очень важно увеличивать в стране русское население. Что же касается научной стороны дела, то за время его руководства Сектор выпустил только один сборник по истории сотрудничества КПСС и компартии Вьетнама, который готовил Грант.

Опять Димитровская тема

Сектор совместно с немецкими и болгарскими коллегами приступил к подготовке документального издания о Георгии Димитрове и Лейпцигском процессе. Протоколы процесса оказались в нашем архиве, так как их передали туда из трофейных материалов, вывезенных из Германии советским войсками. Но возвратили правительству Германской Демократической Республики и приняли решение о публикации документов, относившихся к Димитрову. При этом сборники должны были одновременно выходить в Москве, Берлине и Софии на трех языках.

Заседания рабочей группы проходили в этих городах. Хотя я не входил в состав группы, готовившей I и II тома, Кирилл заставлял меня присутствовать на ее заседаниях. В Софии мы работали в здании ЦК БКП. В зале свисала с потолка огромная хрустальная люстра. Поскольку было чертовски скучно слушать, о чем говорили собравшиеся, да к тому же немецкую речь понимал плохо, предпочитал рассматривать хрустальные подвески на люстре.

В Берлине заседали в той же гостинице, где мы жили. Ворсистое покрытие пола вызвало у меня аллергический насморк и удушье. Однажды из-за плохого самочувствия пропустил заседание и отправился бродить по городу. После этого стало несколько легче дышать.

По указанию Отдела ЦК КПСС Сектор подготовил издание Избранных произведений Димитрова в трех томах. Подготовителем стала Груздева. От предыдущих изданий трудов Димитрова оно отличалось большим числом документов, относившихся к коминтерновскому этапу.

Секретарь ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарев захотел выступить с воспоминаниями о Димитрове, у которого он был помощником. С этой целью для сбора необходимых материалов в Софию откомандировали референта Международного отдела ЦК КПСС Сашу Вебера. Вместе с ним поехал и я. Саша оказался очень милым, скромным, спокойным человеком. Закончил Исфака года на два раньше меня. До работы в ЦК подвизался в редакции журнала «Проблемы мира и социализма». Затем его пере-

вели в Международный отдел ЦК. За время совместной поездки мы с ним подружились. Позднее стал одним из его оппонентов на защите его докторской диссертации. После 1991 г. он перешел на работу в Фонд Горбачева, который размещался в том здании, где до этого был ИОН.

Поскольку Саша работал в аппарате ЦК КПСС, то с болгарской стороны нас курировал тоже сотрудник аппарата ЦК БКП Димитр Станишев. Он был чуть-чуть старше нас, такой веселый, энергичный человек. Во время войны партизанил. Участвовал после восстания 9 сентября 1944 г. в аресте членов монархического правительства. Окончил также наш Истфак. Позднее стал одним из секретарей ЦК БКП, отвечавшим за международные связи этой партии. По словам Вали Христовой, оставался таким же славным парнем, каким мы его узнали.

В ту поездку, естественно, не существовало проблем с архивными материалами. Все, что мы посмотрели, для нас скопировали. Через пару лет Саша передал мне эти материалы.

Авторская работа

Темкин пригласил участвовать в создании книги по истории пролетарского интернационализма. В тот момент не был особенно перегружен, и узнав, что в числе авторов будет Тартаковский, согласился. Работу написали довольно быстро. И уже в 1982 г. она вышла в двух томиках в издательстве «Мысль» под редакцией Темкина под весьма претенциозным названием «От Маркса до наших дней. Исторические традиции пролетарского интернационализма».

Первые главы, посвященные Марксу, Энгельсу и Первому Интернационалу вышли из-под пера Тартаковского. Они мне показались просто блестящими. О периоде деятельности Второго Интернационала написал Роберт Яковлевич Евзеров, работавший в ИМРД. Также как Темкин и Тартаковский он участвовал в войне. Оказался очень симпатичным человеком. Темкин сосредоточился на периоде Первой мировой войны. Я стал автором главы, относившийся к деятельности Коминтерна.

Пришло время заняться и собственной монографией. В ее основу лег несколько переделанный текст диссертации, поэтому подготовка работы заняла чуть больше двух месяцев. По договоренности с Шириной оставался дома, чтобы не тратить время на дорогу и не отвлекаться на другие дела, что было неизбежно, когда приходил в ИМЛ. Но заместителю директора Института Мочалину пришлось в голову проверить присутствие сотрудников на работе. Естественно, меня на месте не оказалось. Мочалин потребовал письменного объяснения. Написал, что с разрешения заведующего Сектором работал тот день дома над книгой. Николай Иванович счел это неуважительной причиной моего отсутствия, но лишили премии за год не меня, а Кирилла. Все же после этого я несколько дней провел в своем кабинете.

Сосредоточив внимание на помощи Ленина и Коминтерна становлению компартий, стремился выявить пути образования и укрепления этих партий в 1919–1922 годах. Удалось проследить особенности их формирования в различных странах, а также общие тенденции этого процесса. Исходил из представления, что эти партии, создававшиеся в значительной степени под воздействием Коминтерна, возникли в результате объективного исторического процесса создания революционных пролетарских партий в эпоху общего кризиса капитализма. Таким образом, книга не противоречила официальной доктрине КПСС. В этой связи ее наполнение конкретным историческим материалом, введение в научный оборот новых архивных документов и неизвестных ранее фактов имело второстепенное значение. Поскольку книга вышла в свет в 1985 г., а начавшаяся вскоре после этого Перестройка выдвинула комплекс новых проблем, она довольно быстро ушла в то прошлое, которое мы связываем с доперестроечными годами. Как и абсолютное большинство работ того времени, не выдержала испытания временем и вполне может служить иллюстрацией ошибочности моих тогдашних представлений.

На пути к публикации книги возникали некоторые проблемы. Егоров на заседании Дирекции, когда зашла речь о передаче ее в издательство, упрекнул меня, что неверно трактую обсуждение на Втором конгрессе Коминтерна вопроса о формировании компартий в колониальных странах. Было ясно, что Королев

проинформировал его о конфликте по поводу публикации дополнительных тезисов Роя. Ответил, что в соответствующей главе книги это вопрос освещен, приведена цитата из принятого конгрессом документа, а также сказано, что в литературе есть разные точки зрения, упомянута статья Королева из сборника о Втором конгрессе. Егоров поручил Минаеву проверить в архиве этот сюжет. В архиве Минаеву показали соответствующие документы и он убедился в том, что написанное мной точно соответствовало архивным материалам.

Другая проблема возникла с иллюстрациями. В фототеке архива отобрал наиболее интересные фотографии первых четырех конгрессов. Родионов беспокоился, не попали ли в иллюстрации снимки будущих «врагов народа», и просмотрел их. Не заметил, что на стене зала, в котором проходили заседания III конгресса висели фотопортреты Троцкого и Зиновьева. Я это знал, поскольку, перебирая фототеку, выбрал фотографию с общей перспективой зала заседания, на которой эти портреты нельзя было различить. Но, естественно, об этом умолчал. Лица деятелей Коминтерна из числа зарубежных коммунистов, впоследствии порвавших с коммунистическим движением, были мало кому известны, поэтому спокойно включил фотографии с ними в число иллюстраций.

Всю научно-справочную работу провела Женя Севрюгина, за что ей очень благодарен. Книга вышла в свет, получила благоприятный отзыв на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» и вскоре благополучно забыта.

В связи с 50-й годовщиной VII конгресса в Институте состоялась международная научная конференция. Запомнилось участие в ней представителей компартии Японии. Отношения между КПСС и КПЯ к тому времени вконец испортились. И оратор от КПЯ использовал трибуну конференции для нападок на КПСС. Упрекал КПСС и Советское правительство за то, что они не требовали категорического запрещения атомного оружия вообще, за их «ревизионистские» предложения, предусматривавшие ограничения в распространении этого оружия и его сокращение. Аудитория спокойно выслушала демагогическое выступление японца, но когда отведенное по регламенту время для выступления закончилось, а оратор, вошедший в раж, и не думал покидать три-

буну, перед ней встал Георгиев и, низко кланяясь, показал выступавшему, что надо покинуть трибуну.

Мы с Грантом написали тексты своих выступлений, но нам выступить не удалось, поскольку работа конференции затянулась. По этой причине Минаев не хотел публиковать наши статьи в сборнике материалов конференции, но Родионов, главный редактор сборника, не дал на это своего согласия, и их опубликовали в сборнике материалов конференции, названном «Историческое значение VII конгресса Коминтерна».

Юбилею конгресса была также посвящена научная конференция в Саратовском университете, куда я ездил вместе с сотрудниками ИМРД. Вел то заседание заместитель директора ИМРД Борис Коваль, известный политолог и специалист по истории Латинской Америки. Встретился там со своим давним знакомым, профессором Саратовского университета, Анатолием Аврусом. Он исследовал историю МОПР, международной организации, созданной Коминтерном в 1922 г. для оказания помощи политзаключенным в тюрьмах капиталистических стран. К сожалению, побродить по городу не удалось.

Командировка в Уфу

Однажды меня вызвал к себе Егоров и поручил съездить в Уфу, куда во время войны эвакуировали аппарат Коминтерна. Сказал, что надо посмотреть, как освещается пребывание Коминтерна в Уфе. Вместе со мной поехал Леня Бабиченко, незадолго до этого принятый на работу в наш Отдел, о нем подробнее расскажу несколько позднее.

Коминтерновцев эвакуировали из Москвы в октябрьские дни 1941 г., когда опасность захвата города немцами стала весьма реальной. Димитров в правительственном поезде выехал в Куйбышев, а аппарат ИККИ – в Уфу. В тот период деятельностью аппарата ИККИ руководил Эрколи, как заместитель Генерального секретаря ИККИ. Димитров приехал в Уфу значительно позднее.

Из Уфы на многих языках с помощью радиопередач пропагандировались установки Коминтерна на борьбу против гитлеровской Германии. Аппарат Коминтерна работал в здании техникума, сотрудников расселили в городе, а руководящие кадры ИККИ жили в одной из гостиниц Уфы. Примерно в 70 километрах от города, в поселке Кушнареново помещалась секретная разведывательная школа Коминтерна, которая готовила кадры для подпольной и разведывательной работы на территории стран, оккупированных гитлеровцами.

Поскольку мы были представителями Института при ЦК КПСС нас сопровождал ответственный работник Уфимского обкома партии. Разместились в одной из основных гостиниц города. Именно там обитали когда-то руководящие работники аппарата Коминтерна. В музее города Коминтерну посвятили один из залов, в котором находился макет одноэтажного домика, где проживал Димитров. Сам домик снесли при расширении улицы. Оригинальных экспонатов оказалось немного, в витрине лежали детали радиостанции. Мы побеседовали с сотрудниками музея и, кроме того, с местным историком, написавшим брошюру о пребывании аппарата Коминтерна в Уфе

У меня с ним возник спор по поводу картины, изображавшей группу секретарей ИККИ. Среди них поместили Отто Куусинена, который с конца 1939 г. участия в работе ИККИ не принимал. Во время советско-финской войны его назначили главой правительства так называемой Финляндской демократической республики, которая в случае победы в войне СССР должна была по замыслу Сталина взять власть в этой стране. Попытка подчинить Финляндию сталинскому диктату провалилась, марионеточное правительство, естественно, исчезло, а Куусинен с того времени стал председателем Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. Однако тот историк упорно твердил, что Куусинен находился в числе секретарей ИККИ, находившихся в военные годы в Уфе. Я решил не настаивать, поскольку тогда бы встал вопрос и о той картине и вообще о неприятных для этого историка и музея проблемах, и прекратил это спор.

Поскольку трое моих университетских сокурсников являлись жителями Уфы мы с Леной вечером встретились с ними. С удо-

вольствием вспомнили студенческие годы. Обратил внимание на то, что в поведении моих бывших сокурсников произошли перемены. В то время как один из них на факультете выделялся как один из вожаков, помнил его как весьма громогласного старосту курса, теперь он явно заискивал перед другим. В свою очередь другой, почти незаметный на курсе, ныне вел себя как человек, занимающий более высокое положение.

Мы съездили и в Кушнареново. Нам показали довольно большое здание, в котором размещалась школа коминтерновцев. Оно производило впечатление заброшенного. В одной из комнат стоял огромный письменный стол, это, пожалуй, было единственным, что сохранилось с коминтерновского времени. Неподалеку находилась бывшая помещичья усадьба. Меня спросили, почему коминтерновцы ее называли «Люксом». Я объяснил им, что это название гостиницы в Москве, являвшейся общежитием сотрудников аппарата ИККИ.

Видимо, наша поездка в Уфу и Кушнареново и была связана с попыткой учредить в Кушнареново что-то вроде музея. Так ли это или нет, сказать не могу, но время от времени возникали подобные идеи и мне приходилось по этому поводу высказывать свое мнение. В конце 80-х годов руководство Центрального Музея Ленина в Москве предложило огромное здание на Моховой, в котором когда-то работал аппарат ИККИ, превратить в Музей Коминтерна. В этом здании проживали сотни людей, расселение которых было бы весьма сложным делом. Затея с созданием помпезного музея Коминтерна мне показалась дорогостоящим и абсолютно ненужным делом и я решительно высказался против нее к недовольству руководства Музея Ленина. Полагаю, что и такое же мнение, но не так резко, выразил и своем отчете о поездке в Уфу. Иное объяснение той командировки не приходит в голову.

Греция

Последней страной, в которой побывал туристом, стала Греция. Из Афин мы сразу перебрались на полуостров Пелопоннес. В поездке участвовала Валя Груздева, в группе была и другая Валя –

Валя Смирнова. Очень энергичный и милый человек, Валя много занималась исследовательской деятельностью в области марксологии, немало достигла в своих исследованиях, чем, естественно, гордилась. К сожалению, довольно рано ушла из жизни.

Все в этой стране связано с далеким прошлым. Значительная часть населения живет за его счет. Изделия из керамики, копирующие древние поделки, продавались на каждом шагу. Сохранилось немало развалин древних стадионов и языческих храмов.

С Мариной Узар вместе ходили по магазинам в поисках сувениров. Где-то забрел в такую лавку и увидел в ней много изделий, сравнительно дешевых, сделанных под старину. Привел туда группку наших. После того, как туристы закупили сувениры, хозяин в знак благодарности подарил мне какую-то керамическую штучку с изображением Аполлона.

В одном из ресторанчиков на пути в Афины стал виновником конфликта с официантом. Там не ставили вино в отдельной бутылочке каждому, что было очень удобно, а по две большего размера для четверых. Нас за столом было трое, и стояла всего одну бутылка. К тому же этот официант очень грубо толкнул мальчика, который помогал обслуживать посетителей. Увидев это, Валя Груздева громко ахнула и заплакала. Все это вывело меня из себя, и я потребовал от этого официанта, чтобы нам поставили на стол еще бутылку. Тот показал мне жестами, что нас всего трое. На это я ответил: «No!» и отодвинул прибор. Пришлось ему принести еще бутылку, но половину вина в ней мы оставили. Валя тогда мне сказала, что я ее просто поразил. Да и сам, по правде говоря, не ожидал от себя такого поступка.

В Афинах на развалинах древнего стадиона увидели подножия памятников, на которых стояли когда-то скульптуры выдающихся спортсменов. На горе находились остатки Парфенона, храма Афины Паллады, и храма Эрехтейон, а также руины древнего театра. Отовсюду было прекрасно слышно каждое слово, произнесенное шепотом со сцены. Туда, помимо экскурсии, мы с Валей Груздевой сходили еще раз.

В день Первого мая наблюдали демонстрацию, организованную компартией. Перед зданием профсоюзов стояла толпа, громко раздавались звуки музыки, гремела песня итальянских комму-

нистов «Avanti, popolo!» В студенческие годы мы распевали ее во время демонстраций. Демонстранты несли красные флаги и портреты. Среди них бросился в глаза коллективный портрет нескольких человек, в том числе Ленина и другого мужчины в военном френче. Мои спутники начали гадать, кто это мог быть. Я им сказал, что это было изображение Троцкого. Они не поверили.

Несколько дней провели на побережье моря. Оно очень напоминало черноморское побережье любимого Крыма. Купались, ходили вдоль пляжа и по набережной, заставленной киосками и столиками кафе. Видели и результаты морской ловли – отвратительные тушки осьминогов, которые считаются там лакомством.

Как создавалась книга об истории сотрудничества КПСС и КПЧ

Институт по указанию ЦК КПСС приступил к работе над серией книг, посвященных истории сотрудничества КПСС с компартиями социалистических стран. Отделу поручили подготовить книги о сотрудничестве с компартией Чехословакии и компартией Вьетнама. Вторую книгу готовил Грант.

Главным редактором нашей книги назначили Родионова, я занимался составлением ее плана, подбором авторов и редактированием текстов. Автором первой главы, посвященной анализу влияния Октября 1917 г. в России на рабочее движение в чешских землях и Словакии, образованию Чехословакии, стал Саша Клеванский. Я – второй, о возникновении КПЧ, помощи Ленина чехословацким коммунистам, о взаимоотношениях этой партии и Коминтерна в начале 20-х годов. Сергей Иванович Прасолов из Института славяноведения – третьей, освещавшей 30-е годы. Ему принадлежала статья о рабочем движении в Чехословакии в межвоенный период, опубликованная еще в начале 50-х годов. Кирилл тогда болел и в подготовке этой книги не участвовал.

Наиболее сложную главу, в которой речь шла о событиях 1968 г. в Чехословакии, вводе туда советских войск и насильст-

венном подавлении «Пражской весны», написал сотрудник Отдела партийного строительства. Разумеется, его глава соответствовала официальной оценке «интернациональной помощи» социалистической Чехословакии. К этому времени там опубликовали брошюру с этой версией, и наш автор положил ее в основу своей главы.

Работа над книгой позволила познакомиться с инструкторами Сектора Чехословакии в Отделе ЦК КПСС, ведавшего связью партии с социалистическими странами. Один из них, создавший неплохой раздел об экономическом сотрудничестве наших стран, вскоре куда-то исчез, а его бывшие коллеги мне сказали, что его имя не следует упоминать. Ретивый инструктор попробовал меня сделать своим информатором в нашем Институте. Потребовал, чтобы звонил ему каждый день и докладывал, что происходит. На это ответил, что наши контакты с Чехословакией очень редки, а информировать его буду только после прямого указания моего заведующего.

Запомнилось совместное посещение Праги вместе с Прасоловым и Клеванским. Поездка вместе со старшими коллегами была для меня весьма приятной. Я любил Сашу, ценил и уважал Сергея Ивановича. Да и чешские коллеги тепло к нам относились.

Встретился с давним знакомым Франтишком Коларом, в то время главным редактором какого-то журнала. Он приезжал в наш в Институт в начале 60-х годов. Ветеран компартии, во время войны оказался в Англии и служил в авиации. После войны работал в аппарате ЦК, его арестовали по делу Генерального секретаря ЦК КПЧ Рудольфа Сланского и в 1954 г. осудили. Впоследствии реабилитировали. В Москве состоялась его встреча с Искровым. Я переводил их беседу, а затем сопровождал его в поездках по Москве и Подмосковию. У нас с ним сложились хорошие личные отношения.

Колар был твердым коммунистом. Когда начались волнения студентов Праги в январе 1968 г., жестоко подавленные полицией, его журнал, единственный в стране, выступил с осуждением студентов. Под давлением общественного мнения ему пришлось уйти в отставку. Его прислали на работу в Москву. Посетил его в старой гостинице в проезде Художественного театра. Затем он

вернулся в Прагу. Вновь стал главным редактором журнала. Он подарил мне копии старинных гравюр Праги. Теперь в стеклянных рамках они висят над моим письменным столом, постоянно напоминая любимую Прагу.

Вместе с Коларом, Иваном Кремпой и каким-то заместителем министра отправились в одно из воскресений на рыбную ловлю. Нас привезли на озеро, в котором с этой целью специально разводили карпов. Это оказалось весьма скучным делом. Сидеть молча, пляясь на удочку, было мучительно. Мой поплавок ни разу не шелохнулся. Зато сосед поймал огромную рыбину, которую Кремпа с удовольствием повез к себе домой.

Кремпа учился на Истфаке несколькими курсами раньше меня. Познакомились мы с ним в Москве, когда он работал советником посольства Чехословакии в СССР. Ян написал докторскую диссертацию о деятельности Компартии Чехословакии на Закарпатской Украине. Клеванский попросил меня дать письменный отзыв на диссертацию, которая являлась бы официальным заключением Института об этой работе.

Просьба Клеванского застала меня врасплох, но отказать ему не мог. По той срочности, с которой надо было подготовить отзыв, почувствовал, что придется выручать диссертанта. До защиты оставалось всего несколько дней. Прочитав диссертацию, увидел, что в ней отсутствовал раздел об историографии данной проблемы. Это, по-видимому, побудило прежнего рецензента высказаться отрицательно о работе в целом. Хотя по данной проблематике в советской литературе почти ничего не было написано, но в разных работах, опубликованных в Чехословакии, разумеется, об этом речь шла. Сама диссертация у меня не вызвала каких-либо сомнений. Прочитав ее, пригласил к себе Кремпу. Увидел, что он очень волнуется, его ноги дрожали мелкой дрожью. Поспешил его успокоить, заметив, что отзыв будет положительным. После защиты его назначили Первым заместителем директора Института истории партии при ЦК КПЧ и в каждую поездку в эту страну обязательно встречался с ним.

Биография Кремпы мне показалась необычной. С юных лет пошел за компартией. Когда немцы захватили Чехословакию, точнее чешские земли, Ивана арестовали. Он попал в ту же

тюрьму, где находился один из лидеров подпольной КПЧ Юлиус Фучик, написавший о своем аресте и допросах книгу, которую в первом русском переводе назвали «Репортаж с петлей на шее». Рукопись тайно вынес надзиратель, сочувствующий коммунистам, и после войны книга сделала ее погибшего автора весьма знаменитым не только в стране, но и за ее пределами, особенно в СССР. В ней, в частности, Фучик описывал, как в заключении коммунисты отмечали день Первого Мая. Во время прогулки изображали, будто молотом разбивают камни, а затем серпом косят сено, обозначая таким образом Серп и Молот, изображенные на гербе СССР. Кремпа участвовал в этом событии. Об этом он рассказал мне, когда мы с ним стали друзьями.

В ту поездку довольно много общался со своими коллегами из Пражского Института. Из его сотрудников запомнился Милош Боучек. Он был, пожалуй, единственным профессиональным историком, оставшимся на работе после 1968 г., о чем свидетельствовала подаренная им мне его книга о первых годах освобожденной от немцев Чехословакии. Но в должности заведующего Сектором Института не удержался. Его сын, летевший на самолете в Америку, на остановке в Канаде явился в полицию и заявил, что не хочет возвращаться в свою страну. Боучека сняли с должности, но все же оставили работать в Институте. Как-то мы втроем с ним и зав. Отделом, пошли в известную пивную «У золотого тигра» на Карловой улице, изгибами протянувшейся от Маломестской площади к Карловому мосту. Там вволю попили чудесного пива, а Боучек показал, как надо готовить к нему закуску. Нам на стол поставили тарелку с мелкими рыбками. Он тщательно раздавил их и намазал на хлеб. Оказалось очень вкусно, пить холодное пиво и закусывать этим бутербродом.

Изредка кто-то из моих хозяев ужинал со мной. Правда, это происходило в другие приезды в Прагу, когда жил в отеле, построенном специально для гостей партийного аппарата далеко от центра. Там только завтракал и ужинал. Кремпе сказал, что мне жалко тратить время на поездку туда на обед. И мне оплатили обеды в старинном ресторане, размещавшемся в огромный зале дома XVII века. Стены его были разукрашены рисунками и надписями на латыни. Несмотря на обилие посетителей, всегда на-

ходил свободное место, подавали какое-нибудь мясное блюдо и обязательно бутылку пива. С удовольствием сидел в зале старой таверны, наблюдал массу людей, занятых едой, разговорами и потреблением в огромном количестве пива.

Однако вернусь к теме главы. Когда из типографии пришла верстка книги, разразился скандал. Несомненно, его причиной стало желание Егорова свести счеты с Родионовым. Директор послал верстку книги в Институт славяноведения Ивану Ивановичу Удальцову, одному из инициаторов советской интервенции в Чехословакии, где тот в 1968 г. работал советником советского посольства. Удальцов понял, чего ждет от него Егоров. По-видимому, у Удальцова с Клеванским существовали какие-то проблемы в их взаимоотношениях. Рецензент на полях верстки карандашом написал резкие замечания по главе Клеванского и главе, в которой шла речь о событиях 1968 года. Это выяснил, когда в мои руки попала та верстка. Егоров обвел ручкой замечания Удальцова, но не удосужился стереть карандашные пометки. Собственно, в них ничего не говорилось конкретно, просто сказано, что те или иные события освещены слабо и недостаточно.

Внезапно состоялось заседание Дирекции Института. В тот день поехал вместе с Лидой на презентацию какого-то фильма в Клуб писателей. Перед самым началом действия в зале появился Сережа Цымбал и сообщил, что меня срочно вызывают в дирекцию. Успел приехать туда и выслушать демагогическую речь Егорова. Родионов возразил ему. Это было понятно. Признание критики обоснованной могло иметь вполне определенные последствия.

После заседания разъяренный и смертельно напуганный Минаев вызвал меня на расправу. Отвечая ему, подчеркнул, что все написанное в книге о событиях 1968 г., соответствовало официальной партийной оценке тех событий, зафиксированной в известной справке, переведенной на русский язык и изданной в Москве. Минаев заявил, что больше мы не будем приглашать Клеванского участвовать в наших работах. Хотел было сказать ему, что с большим трудом убедил Сашу написать нам главу, но не стал углублять этот конфликт. Мы потом с автором главы о 1968 г. чуть больше привели в главе цитат из справки об этих со-

бегтиях, больше ничего в тексте не меняли. По словам наших коллег из Чехословакии эта книга, вышедшая одновременно в Москве и Праге, стала там чем-то вроде официального учебника для сети партийного просвещения. Но, естественно, вскоре была забыта.

Минаев явно решил свести со мной счеты за те страхи, что он натерпелся в связи с подготовкой книги о КПЧ. Когда Ширина слег с очередным инфарктом, по предложению Минаева временно исполнять обязанности заведующего Сектором директор назначил Адибекова. Узнав об этом, новая сотрудница нашего Отдела Галя Миронова вбежала в комнату, в которой сидела вместе с Куниной и Груздевой, с криком: «Фирсова задвинули!». Я почувствовал себя униженным. Дело было не в Гранте. У меня с ним сложились прекрасные дружеские отношения, к тому же, он в тот момент являлся секретарем нашей партийной организации. Но поскольку во всех случаях отсутствия на работе Кирилла из-за болезни его замещал я, назначение Адибекова воспринял как удар. Решил, что если Кирилл не останется во главе Сектора, уйти из Института, хотя даже думать об этом было невыносимо. К счастью, Кирилл снова вышел на работу.

Егоров и Родионов

До нас доходили отзвуки той борьбы, которую Егоров вел против Родионова. И тот и другой входили в высшую номенклатуру партийной иерархии. Егоров был членом ЦК партии, Родионов – членом Центральной Ревизионной Комиссии, также выбранной съездом партии. Поэтому уволить Родионова Егоров не мог, но всячески пытался его скомпрометировать. И явно с этой целью устроил шумиху с той злополучной версткой.

Другим, известным мне, случаем стало выступление на партийном собрании сотрудника Сектора произведений Ленина Михаила Ивановича Труша. Этот человек в основном занимался своими делишками. Во времена, когда Хрущев возглавлял руководство КПСС, о Труше ходили слухи, что Михаил – незаконный

сын Хрущева. Умудрился выпустить двухтомник биоистики Ленина, составленной по картотеке документов, хранившихся в его личном фонде в ЦПА. Видимо, начал опасаться за свое рабочее место. Тогда поступил как опытный интриган, публично обвинив Родионова в том, что тот занимается его травлей. Тем самым обеспечил себе спокойное существование, поскольку после такого обвинения его уже не решались выпроводить из Института. С другой стороны, явно подыграл Егорову.

Последний попытался также нанести Родионову еще один удар. Поскольку Родионов стал членом дачного кооператива Института, Егоров зачитал на заседании Дирекции выдержку из постановления ЦК, по которому запрещалось лицам, имеющим дачи, пользоваться дачами ЦК партии. Родионов тут же отказался от участия в кооперативе. Впрочем, его участок достался Мочалину, который спокойно пользовался как дачей ЦК, так и кооперативной дачей. Когда какая-то комиссия при проверке документов потребовала от него объяснений, тут же предъявил документ о том, что наш кооператив не закончил строительство дач и официально еще не зарегистрирован. Этот факт лишний раз показывает, как Егоров стремился любыми способами добиться ухода Родионова.

Но в этом деле Егорову не повезло. Родионов – опытный партаппаратчик, обладавший не меньшими связями в аппарате ЦК, чем Егоров, оказался ему не по зубам. В прошлом Родионов был Вторым секретарем ЦК компартии Грузии и на этой должности не позволил подмять себя всевластному хозяину Грузии Мжаванадзе, Первому секретарю ЦК этой партии. И с работы в ИМЛ Родионов ушел на пенсию только после того, как Егорова отстранили от работы директора, но это произошло уже в годы Перестройки.

Японские контакты Института

Институт сотрудничал с левыми социалистами Японии, входившими в «Общество социализма». КПСС не поддерживала связей с КП Японии, требовавшей от Советского Союза возвращения

этой стране нескольких островов Курильской гряды. В конце Второй мировой войны их заняли войска СССР, который отказался возвращать их Японии. Российские патриоты и сейчас отстаивают эту точку зрения. Такова и официальная жесткая позиция российских верхов.

Ежегодно к нам приезжала большая группа молодых японцев, членов этого Общества. Им читали лекции, водили по московским предприятиям, возили по стране. Организацией обслуживания такой делегации занимался Сектор внешних связей, руководил которым Газанфер Николаевич Шаншиев. Никак не проявивший себя на научном поприще, когда ранее возглавлял Сектор в Отделе партийного строительства, он, став своего рода министром иностранных дел нашего Института, просто расцвел. В дни пребывания у нас японцев под его началом оказывались многие сотрудники ИМЛ, поскольку каждую группу, а их было подчас 10–15, полагалось сопровождать. Каждая делегация привозила подарки членам Дирекции, а также тем, кто их обслуживал. Шаншиев уговорил японцев отдавать все подарки ему, мол, у нас так принято, а он уж сам их передаст по назначению. Люди, бывавшие у него дома, рассказывали, что его квартира буквально оказалась забитой японской электронной аппаратурой. Ежегодно отправлялась в Японию делегация из нескольких человек сотрудников нашего Института. Хотя членов этой делегации утверждал первый заместитель директора Института, их кандидатуры предлагал Шаншиев, что усиливало его влияние.

Мне довелось однажды сопровождать такую группу на московский радиозавод. Нелепым было показывать японцам цехи, на которых изготовляли отсталую советскую радиоаппаратуру. Этого, видимо, не понимали организаторы той поездки. Японцев интересовали социальные вопросы, положение и права рабочих и т. п. Здесь услышал вранье, которое напомнило известные слова о «потемкинских деревнях».

По просьбе Георгиева побеседовал с какой-то группой о проблемах истории Коминтерна. Японцы внимательно выслушали мой рассказ о недостатках в сборниках документов под редакцией Джейн Деграс. Их явно удивило, что мы знаем о зарубежных изданиях документов Коминтерна.

Новые Отделы ИМЛ

В ИМЛ упразднили Отдел Истории Великой Отечественной войны и создали новые подразделения – Отдел научного коммунизма и Отдел партийного строительства. Если до этого структурные части Института имели четкий объект занятий – публикацию сочинений классиков марксизма-ленинизма или создание коллективных трудов по истории, то эти два не имели таких заданий. Сотрудники этих Отделов всячески подчеркивали важность своей деятельности, но Отделы были явно мертворожденными созданиями идеологического свойства.

Ретивые сотрудники Отдела научного коммунизма предложили ввести социалистическое соревнование между подразделениями Института. Придумали даже критерии оценки работы подразделений. Над этим откровенно смеялись, слышал шутку, что надо соревноваться в том, кто больше сэкономит на использовании цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма (по аналогии с идиотским лозунгом того времени: «Экономика должна быть экономной»).

Егоров не захотел реализовать эту затею, и на заседании Дирекции, на котором мне довелось присутствовать, один из инициаторов этой затеи, профорг Отдела Борис Еремеев, его я бы назвал «кипучим лентяем», с огорчением констатировал, что их выдумка «похерена» Дирекцией.

Еще запомнился один факт, но более поздний. На общем партийном собрании оратор из этого Отдела обрушился на своего коллегу Андрея Здравомыслова с обвинением в том, что тот высоко ставит общечеловеческие ценности. В то время о них упомянул Михаил Горбачев. Так вот сей критик торжественно заявил, что классовые интересы гораздо важнее общечеловеческих. Аудитория с уважением внимала его глупостям. А я тогда подумал, а воздух, которым он дышит, вода, которую пьет, земля, по которой ходит, само его существование – это, что менее ценно, чем сознание, что все у нас принадлежит народу и правит нами рабочий класс (согласно коммунистической доктрине!).

«Первый конгресс Коминтерна»

Следующий сборник Сектора мы посвятили Первому конгрессу Коминтерна, состоявшемуся в марте 1919 года. В Москву пригласили представителей левых течений и организаций, а также нескольких возникших к тому времени компартий. Мало кто сумел пробраться в страну, окруженную враждебной блокадой. Подлинных делегатов партий, прибывших в Москву из Европы, оказалось совсем немного. Это были Гуго Эберлейн, представлявший основанную в декабре 1918 г. компартию Германии, и делегаты Левой социал-демократической партии Швеции. Пришлось использовать тех, кто входил в объединение интернационалистов, принимавших участие в гражданской войне на стороне Советской власти.

После приезда в Москву Эберлейна выяснилось, что он имеет поручение добиваться отсрочки формирования Коммунистического Интернационала до тех пор, пока в основных капиталистических странах не возникнут компартии. Лидеры КПП, и прежде всего Роза Люксембург, не хотели торопиться, так как опасались, что в создавшейся ситуации гегемонию в Коминтерне получат большевики, к опыту правления которых, в результате которого в Советском государстве установилась жесткая диктатура, Люксембург относилась весьма критически.

Ввиду такой позиции представителя КПП работу начали как заседание международной коммунистической конференции. Положение изменилось лишь после появления в зале заседаний представителя КП Австрии, Йозефа Грубера (Карла Штейнгардта), уполномоченного своей партией участвовать в создании Коминтерна. Приняли решение о переименовании конференции в конгресс и конституировании III, Коммунистического Интернационала. Делегат КПП от голосования воздержался. Все остальные решения конгресса по идеологическим и прочим вопросам приняли единогласно. В результате возникла международная коммунистическая организация, просуществовавшая до середины Второй мировой войны.

Сборник вышел в свет под редакцией Ширины в 1986 году. Минаев поместил в нем статью о революционном подъеме в конце Первой мировой войны. Статья содержала традиционное изложение доктрин ленинской партии. Шириня анализировал принципы, на которых создавался Коминтерн, подчеркнув необходимость идейного и организационного разрыва коммунистов с социал-демократическими партиями.

По традиции значительную часть сборника составили статьи, посвященные компартиям отдельных стран, точнее их возникновению и связи этого процесса с появлением Коминтерна. Доцент МГУ Вальтер Кисляков стал автором статьи о возникновении компартии Германии. Мне довелось быть научным редактором его монографии на эту тему. Между нами сложились дружеские отношения. Дина Кунина рассказала в своей статье об откликах на создание Коминтерна в Итальянской социалистической партии, которая стала первой массовой рабочей партией, заявившей о вступлении в Коминтерн. Но затем ушла из Коминтерна, впрочем, переговоры с ней продолжались даже после того, как была образована компартия Италии. Валя Груздева написала о сложном процессе складывания компартии Югославии, который прошел несколько этапов и был затруднен тем, что в одну партию объединились левые организации из разных частей страны, отличавшиеся друг от друга своим традициями и опытом. Впервые удалось включить в сборник статью, посвященную левым организациям Латинской Америки. Удалось привлечь профессора ИОН Сергея Ивановича Семенова, известного специалиста по истории рабочего движения этих стран. Поместили также небольшую статью о компартиях Прибалтики, которые первоначально входили в состав РКП(б), но реорганизовались в самостоятельные партии и участвовали как таковые в работе конгресса.

Концептуально сборник не вносил в существовавшую к тому времени историческую литературу никаких существенных идей и сведений. То же могу сказать и о своей статье. В ней пытался проследить, как складывались и развивались левые интернационалистские течения внутри социал-демократических партий, которые впоследствии стали компартиями. В основе этого анализа лежала традиционная догма о ленинской партии как образце про-

летарской партии нового типа, необходимом условии победы пролетарской революции. Все сказанное показывает, что эта книга к моменту издания морально устарела.

Командировка в Варшаву

При подготовке сборника съездил в Польшу, естественно, в поисках сносок на польские архивы. В самолете рядом со мной сидел старик, автор статьи-воспоминания о роспуске КПП. К тому времени обзавелся небольшим магнитофоном и записал рассказ этого ветерана. В ту поездку удалось также получить воспоминания еще трех ветеранов, работавших когда-то в этой партии, причем рассказ Йозефа Ковальского оказался исключительно интересным. В годы войны он работал сотрудником аппарата ИККИ под начальством Эрколи (Тольятти). Когда советские самолеты бомбили Варшаву, высказался об этой бомбежке отрицательно. Вдова Дзержинского, Софья Дзержинская написала на него донос, который попал к их начальнику Эрколи. Тот вызвал к себе Ковальского и спросил, знает ли он, с кем работает. На этом его неприятности, которые могли иметь самые тяжкие последствия, закончились.

Гораздо более важным, чем работа в архиве Института истории ПОРП, оказалось посещение Архива новых актов, в котором нашел массу интереснейших документов. Среди них – книгу без титульного листа. Она содержала список разыскиваемых коммунистов, составленный гестапо в 1935 г. Перечислялись подлинные фамилии, клички и приводились их краткие характеристики. Это касалось не только немцев, но и деятелей Коминтерна, руководителей ВКП(б) и членов других компартий. находка оказалась настоящим сокровищем.

Варшаву, где родилась мама, осматривал с особым интересом. Город любовно восстановили после разрушений, учиненных гитлеровцами. О них напоминали только памятные мемориалы в местах гибели повстанцев. Многие старые улицы исчезли. С трудом нашел ту, на которой жила в детстве мама, вернее это были

два-три дома и табличка с названием. Исторический центр Варшавы воссоздали по старым чертежам и картам.

Неосторожно спросил Феликса Тыха, сопровождавшего меня в прогулках по Варшаве, почему для памяти не осталось ни одной развалины. Феликс хмыкнул и сказал, что это сделали сознательно. В те дни много с ним общался. Его работы читал еще с конца 50-х годов. Феликс убедил меня в том, что в Катыни польских офицеров, взятых в 1939 г. в плен Красной Армией, убили сотрудники НКВД. В СССР яростно оспаривали этот факт, приписывая расправу немцам.

На улицах Варшавы стоит много памятников, посвященных борцам за независимость страны. И каждый сопровождавший меня, не преминул, когда мы проходили мимо такого памятника, сказать об этом. Почувствовал, что в сознании поляков вопрос о самостоятельности страны оставался весьма острым. Люди не забывали, что Польша неоднократно теряла свою независимость, но всегда боролась за нее.

В городе как нелепое, чужеродное видение возвышался Дворец советско-польской дружбы, построенный СССР по образцу московских высоток. На первом этаже работало несколько кинотеатров. По совету Феликса, который оказался страстным киноманом, чуть ли не каждый вечер ходил в кино. Посмотрел там много американских картин, в том числе «Большой скандал в маленьком китайском квартале» и «Кинг-конг».

Магазины ломались от количества вещей. Однажды зашел в магазин готовой одежды. Костюмы оказались такими, что не то, чтобы померить, даже смотреть на них было тошно. Недаром в магазине не увидел ни одного покупателя.

В Варшаве жила бывшая наша сотрудница, работавшая в Секторе произведений Ленина, Люся Кашницкая. Ее родителей репрессировали в 30-е годы. Я навещал Люсю несколько раз. Жила она в маленькой квартире-пенале в центре города, работала переводчицей с русского на польский язык и наоборот. В период острых гонений на диссидентов в ее квартирке прятался один из наиболее видных борцов с коммунистическим режимом.

Недалеко от нашей гостиницы находился парк. Там устраивали фортепианные концерты и с удовольствием ходил слушать

музыку Шопена. Меня свозили и в его имение. Обожаю музыку Шопена, но ужасно расстроился, когда узнал, что он был антисемитом. Впрочем, эта черта присуща многим полякам и украинцам, да и русским тоже. А в настоящее время эта мерзость все более распространяется по Европе.

Удалось побывать и в Кракове. Город, особенно его центральная площадь, произвел на меня очень сильное впечатление. В целом поездка в Польшу оказалась очень удачной.

Теперь вернусь к находке в Архиве новых актов. Поняв, на какое сокровище наткнулся, постарался кратко переписать имена всех разыскиваемых коммунистов (всего в той книге было упомянуто около 700 человек). Побывав еще раз в Варшаве, вновь пошел в тот архив и постарался максимально дополнить свои прежние выписки. Впоследствии, когда получил возможность исследовать судьбы коминтерновцев и политэмигрантов, репрессированных в СССР (этим делом всерьез занялся, перейдя в конце 1991 г. на работу в архив), установил, что 110 человек из того списка гестапо НКВД бросило в свои застенки. При этом в судьбе некоторых из них самую позорную роль сыграл Коминтерн.

В числе 110-ти оказались Герман Реммеле, Генрих Курелла, Фриц Шульте, Герман Шуберт, Гейнц Нейман, Вилли Керф, Вернер Гирш – видные в свое время деятели КПГ. НКВД арестовал их в ноябре 1936 г. – марте 1938 г. Их имена фигурировали в сводке «О плохих элементах в активе КПГ в Москве» Отдела кадров ИККИ, подготовленной к 1 сентября 1936 года. Ее составил заведующий сектором ОК Альберт Мюллер и Эрнст Мертенс. Впрочем, и Мюллера и Мертенс постигла та же судьба. Информация передавалась ОК ИККИ или парткомом ВКП(б) аппарата ИККИ непосредственно в НКВД¹.

Вновь подтвердилось то, о чем писал выше, заранее сделанные выписки по различным сюжетам, по которым в данный момент не работаешь непосредственно, позднее могут очень приго-

---

¹ Об этом более подробно рассказал в своем выступлении на конференции в Ганновере в 2004 г. (*Firsow Fridrich. Die Komintern und die «Große Säuberung» // Biographisches Handbuch zur Geschichte der Kommunistischen Internationale. Ein deutsch-russisches Forschungsprojekt. Herausgegeben von Michael Buckmiller und Klaus Meschkat. – Berlin: Akademie Verlag, 2007. S. 361–377.*)

даться. Когда стал сотрудником архива, пролистал личные дела всех этих людей, да и не только их. О некоторых даже написал более или менее подробные биографические очерки. В начале 90-х годов Рейнхард Мюллер предложил мне выпустить совместно биографический сборник о репрессированных германских политэмигрантах. К сожалению, из этой затеи ничего не получилось, и эти очерки теперь находятся в моем архиве в Гуверовском Институте. Может быть они кому-нибудь пригодятся.

Поскольку здесь упомянул моего друга Рейнхарда, хочу рассказать об одном случае. Он выпустил несколько весьма глубоких по содержанию исследований и документальных сборников о трагической судьбе немецких политэмигрантов в СССР, в том числе и о советском периоде жизни Герберта Венера. Тот сделал карьеру в КПГ, став даже кандидатом в члены Политбюро ЦК компартии Германии. Находясь в эмиграции в СССР, активно сотрудничал с НКВД, информируя его о «подозрительных» с его точки зрения членах этой партии. Вернера послали на нелегальную работу в Швецию. Там полиция его арестовали. После ареста дал признательные показания. Его исключили из КПГ как предателя. Затем он оказался одним из лидеров Социал-демократической партии Германии, и в своих воспоминаниях всю историю с арестом представил как повод для разрыва с коммунистической идеологией.

Найдя в Архиве Коминтерна, а также в архиве КГБ весьма интересные документы о Венере, Рейнхард написал книгу, предложил ее рукопись известному издательству, которое также выпускало весьма популярный журнал. Вместе с рукописью книги Мюллер передал в журнал и статью о Венере. Статью опубликовали, а рукопись книги возвратили автору. Через некоторое время то же издательство выпустило книгу о Венере, написанную главным редактором журнала. В ней Рейнхард увидел сведения и цитаты из документов Архива Коминтерна, которые приводились в его рукописи. Он подал в суд на этот журнал.

Обо всем этом Мюллер рассказал мне в свой очередной приезд в Москву. Меня эта история очень взволновала, в частности и потому, что мне довелось столкнуться с подобной ситуацией. Через какое-то время ко мне зашла журналистка из ФРГ и попросила помочь ей получить на просмотр в архиве несколько доку-

ментов. Оставила мне список, причем в нем содержались не только номера описи и дел, но и указывались листы этих дел, интересующие ее. Понял, что тут дело (невольнo получилась игра слов) нечисто. Как может человек, не державший до этого в своих руках то или иное дело, хорошо знать, какой лист этого дела его интересует?

В моем распоряжении в то время имелась небольшая копияльная машинка, которую дали мне итальянцы, чтобы облегчить отбор документов для сборника, который мы тогда для них готовили. Директор архива Козлов позволил мне ею пользоваться для подготовки сборника. Снял копию списка и положил ее к себе в стол, передав сам список Шахназаровой, чтобы подобрали документы для этой журналистки.

Вскоре после этого в Москву приехал снова Рейнхард, на этот раз с официальной целью проверить для предстоящего суда, знакомился ли тот главный редактор журнал с документами архива, приведенными в его книге. Мы беседовали с Мюллером под протокол, и я не только рассказал ему историю с тем списком, но и передал ему эту ксерокопию. Позднее Рейнхард рассказал мне, что благодаря этой ксерокопии выиграл судебный процесс. Книга Мюллера вышла в свет и получила весьма благоприятный отклик в печати.

Архивные находки

В ЦПА наткнулся на ранее неизвестные мне документы партийной организации аппарата Коминтерна. Они охватывали весь период существования Коминтерна и подробно раскрывали деятельность этой ячейки ВКП(б). Она являлась составной частью районной партийной организации Москвы. Со временем численность аппарата ИККИ значительно выросла, соответственно и парторганизация разделилась на первичные партийные ячейки, которые охватывали сотрудников разных подразделений аппарата.

В ее состав входили и политические сотрудники и работники технического аппарата. В то время как представители компартий сохраняли членство своих партий, их жены, зачисленные на ра-

боту в аппарат ИККИ, вступали в ВКП(б) и становились членами парторганизации.

В аппарате ИККИ работали многие коммунисты с дореволюционным стажем, а также бывшие меньшевики и бундовцы, примкнувшие впоследствии к большевикам. В их биографиях имелись факты, которые при соответствующем подходе легко могли вменить им в вину. Это относилось и к сотрудникам аппарата из числа иностранцев, которые до вступления в компартию состояли в рядах социал-демократических партий. Сам факт работы в ИККИ, когда Коминтерном руководили Зиновьев, а потом Бухарин, давал основание обвинить человека в сотрудничестве с «врагами народа и партии».

Кое-кто из коминтерновцев на каком-либо этапе в прошлом примыкал к оппозиции или разделял ее взгляды, но потом публично от них отрекся. В условиях развернувшихся репрессий это предопределяло его участь. Достаточно было установить, что в прошлом имелся факт расхождения с линией партии или возникли колебания в правильности этой линии. Такие сведения фиксировались в протоколах собраний, заносились в личные дела и непременно воспроизводились в характеристиках этих людей. Они становились несмыслаемым клеймом и в дальнейшем использовались при решении его судьбы.

Протоколы собраний парторганизации и заседаний парткома, различные письма и заявления, протоколы партийных чисток давали возможность почувствовать атмосферу, царившую в этой организации. Партийная организация контролировала всю жизнь своих членов. следила за тем, как они вели себя не только на работе, но и вне ее. «Для того чтобы изучить каждого товарища нам надо не останавливаться даже перед тем, чтобы залезть каждому партийцу в душу и даже, если нужно, грязными сапогами», – так выразил эту установку в своем выступлении на собрании партийной группы Отдела международной связи ИККИ 2 июля 1935 г. Игнаци Рыльский¹. Через два года в застенках НКВД на себе испытал последствия этой «сверхбдительности».

---

¹ Член СДКПиЛ с 1912 г., с 1918 г. член КПП, в 1925–1929 гг. член ЦК КПП, с 1929 г. сотрудник аппарата ИККИ, в 1934–1935 гг. заместитель заведующего ОМС ИККИ. Арестован 20 июля 1937 г., расстрелян 26 октября.

Понимал ли человек, произносивший подобные слова, что контроль над мыслями неизбежно раздавит его самого, заявлял так в силу собственных убеждений или из инстинкта самосохранения, или только поднимал руку за принятие решения, он одобрял создание и укрепление системы тотальной слежки.

Выполнению этой цели способствовали регулярно проводившиеся кампании общепартийной чистки. Они происходили на заседаниях с участием всех членов организации. Чистка зачастую принимала характер коллективных допросов, а для проверяемого – самоговора, дополнявшегося доношением со стороны его коллег. Происходило это так. Член партии, проходивший чистку, рассказывал свою биографию и отвечал на вопросы. После этого о нем говорили другие участники заседания. При этом человек спешил сам признаться в своих колебаниях и проступках. Иначе об этом сказали бы его товарищи и в этом случае факт умолчания поставили бы ему в вину. Копии протоколов чистки затем отлагались в личных делах. Позднее эти материалы служили основанием для ареста.

Журналист и писатель Ида Радволина-Литвакова, в те времена сотрудница Редакционно-издательского отдела ИККИ, комсомолка, присутствовавшая на партийных собраниях, когда проводилась чистка, в своих воспоминаниях «Длинное письмо, не дошедшее до адресата», оставила довольно точное описание этих заседаний. Вот, одно из них: «...Человека, только что спокойно поднимавшегося на сцену, спокойно рассказывающего о пережитом за долгую и сложную жизнь, вдруг обрывали на полуслове, и начиналось... Один из, казалось, друзей заметил, что накануне отчитывающийся дружески беседовал в коридоре с соратником, вчера исключенным из партии; а исключен – значит предатель!, а беседовал – значит связь с предателем!!! Или старый друг вдруг обнаружил в его рассказе о себе какой-то пропуск и тоже начинал подозревать, будто пропуск не случаен, будто в нем не иначе, как политический умысел... И руки в зале все поднимались, и обвинения сыпались, и находились уже политические ошибки в бог знает когда напечатанных статьях, в произнесенных речах, в застольных беседах... и со всех сторон роем осиных жал впивались подковыристые злые вопросы. А бедняга на глазах сжимался от

ужаса, от предчувствий, от страха... смотрел на вчерашних товарищей, среди которых утром был еще таким "своим", убежденным в нужности им, соратником еще по царскому подполью, по гражданской войне, а если это был иностранный коммунист – соратником по сегодняшней борьбе...».

В большинстве случаев человек, оказавшийся под прессом партийного расследования, спешил признать свою «вину», отрекся от близких и друзей, если их объявили «врагами партии и народа». Не многие отказывались согнуться перед «партийным кулаком» и предпочитали исключение из партии и почти неминуемый арест превращению в доносчика. Удалось в материалах парторганизации и в других фондах найти несколько документов, в которых люди в самый жуткий период массовых репрессий все же открыто заявляли о невинности своих арестованных близких. 16 июля 1937 г. Виктория Вильгельмсон, извещая партком об аресте ее мужа, писала: «я открыто говорю, что сегодня не могу понять, что он враг»¹. В заявлении в партком Берты Даузакер от 3 августа 1937 г. об аресте мужа говорилось: «я не могу объяснить себе арест моего мужа. Никогда он не занимал враждебной позиции к Советскому Союзу»². Признание «вины» в то время, как правило, не помогало, но ее отрицание каралось беспощадно.

Не признал и свою «вину» даже после ареста и пыток бывший сотрудник Службы Связи ИККИ Артур Вальтер. По официальным сведениям умер в тюремной больнице немногим более месяца после своего ареста. Поскольку следователем НКВД, допрашивавшим Вальтера, являлся некий Ланфанг, которого после 1956 г. посадили в тюрьму за жестокие избиения подследственных, я понял, что Вальтера замучили до смерти. Из постановления о прекращении «дела Вальтера» от 24 февраля 1956 г. узнал, что допрошенная по его делу арестованная ранее сотрудница аппарата ИККИ Анна Разумова отказалась подтвердить «вину» Вальтера. К сожалению, таких примеров удалось встретить совсем немного.

На меня большое впечатление произвело обсуждение на партсобрании аппарата ИККИ «дела Мадьяра». Это было одно из собра-

---

¹ Арестована 22 сентября 1937 г., 15 ноября расстреляна.

² Ее также арестовали и в 1940 г. выслали в Германию.

ний, состоявшихся после убийства руководителя Ленинградской партийной организации и секретаря ЦК ВКП(б) Сергея Мироновича Кирова в декабре 1934 г., вслед за чем в стране многократно усилились репрессии, переросшие в 1937–1938 гг. в массовый террор.

В прошлом Людвиг Мадьяр какое-то время примыкал к оппозиции, хотя давно уже в этом раскаялся. Но сохранил дружеские отношения с Григорием Сафаровым, довольно видным когда-то оппозиционером, впрочем, также давно отрешившимся от оппозиции и работавшем также на высокой должности в аппарате ИККИ. Одним из обвинений, предъявленных Мадьяру, стало то, что послал арестованному после убийства Кирова Сафарову деньги. Этот поступок особенно разъярил блюстителей партийности. «Почему проявляются филантропические чувства у Мадьяра по отношению к человеку, которого арестовывают органы диктатуры пролетариата за его контрреволюционные действия? – восклицал на партсобрании 28 декабря 1934 г. секретарь парткома Федор Котельников. – Иначе этот факт нельзя квалифицировать, как факт антипартийный, антисоветский со стороны Мадьяра».

Последний, признал, что в прошлом допускал серьезные ошибки, но их полностью преодолел и всей своей деятельностью подтвердил преданность партии. Отверг все обвинения в том, будто бы знал о подготовке убийства Кирова и «сеял антипартийные семена». Отвечая своим обвинителям, Мадьяр сказал: «Я заявляю, я работал здесь 6 лет. Докажите, где, в каких моих работах я делал это. Я работал по вопросам 22 партий Коминтерна. Где я сеял семена? Докажите, товарищи. С тех пор, что я пришел к партии. Кто это докажет?».

Но доказывать не было необходимости. Непосредственный начальник Мадьяра секретарь ИККИ Отто Куусинен просто заявил, что любое вмешательство в действия чекистов недопустимо, противоречит партийности. При советской власти арестовывают только «из-за действительного преступления», необходимо доверие «к органам советской власти, к их справедливости и результатам следствия».

Точку в обсуждении поставил другой секретарь ИККИ Дмитрий Мануильский: «Мадьяр виновен и не заслуживает снисхож-

дения». Резолюцию об исключении его из партии приняли единогласно. Через день Мадьяр, выходявший из райкома партии, подтвердившего решение собрания, был арестован. Из 24 человек, выступавших или подававших реплики на этом собрании, 14 позднее были арестованы.

На такого рода собраниях заставляли выступать тех, кто работал или общался с человеком, вопрос о котором разбирался. Разумеется, каждый выступавший знал, чего от него в данном случае ждут, и приводил какой-либо факт или высказывание, которое в свете расследования ему представлялось подозрительным. А через какое-то время этого выступившего уже обвиняли в том, что он об этом факте или высказывании не сообщил раньше, то есть в преднамеренно скрывал это от партии, что уже само по себе теперь расценивалось как преступление. И наступала очередь нового разбирательства со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

Так и произошло в этом случае. Во время обсуждения «дела Мадьяра» его коллега по работе Синани (псевдоним Георгия Скалова) рассказал о разговоре между ними, когда они возвращались с демонстрации 7 ноября 1934 г. на Красной площади. Мадьяр тогда заметил, что вот вожди находятся все вместе на трибуне и недостаточно, мол, охраняются, а это опасно. Спустя несколько дней на собрании уже разбиралось «дело Синани», которого обвинили в том, что он вел разговор с террористом Мадьяром о возможности покушения на вождей и не поставил об этом партком в известность. И судьба этого человека стала такой же, как и его предшественника.

Чтение этих документов производило удручающее впечатление. По ним можно было проследить, как тот или иной человек становился доносителем на своих коллег, а подчас даже провокатором, вызывавшим людей на откровенные разговоры, а затем сообщавшим в партком компрометирующие данные на этих людей. Особенно колоритной в этом смысле оказалась фигура некоего Иосифа Эйзенберга. В прошлом участник революционных событий в Мюнхене в 1919 г., когда там на короткий срок установилась Советская власть, он в аппарате Коминтерна работал переводчиком в Отделе информации. Нашел в протоколах парткома ИККИ буквально десятки его доносов, начиная с 1929-го по ко-

нец 1936-го года. Подобного рода активность не спасла Эйзенберга и его также арестовали.

В работе Саши Ватлина, который, по моему мнению, на сегодняшний день является лучшим в России знатоком истории Коминтерна, встретил абзац, очень точно передающий смысл того, о чем говорилось выше: «Масштаб взаимных обвинений, отложившихся в личных архивах Коминтерна, впечатляет. С точки зрения “кадровиков”, здесь не было и не могло быть мелочей, любой донос включал механизм служебной проверки. Так, не мог остаться незамеченным такой “вопиющий факт”, как выход иностранного коммуниста из зала при голосовании резолюции, осуждающей происки троцкистов в СССР. Его случайные соседи просто обязаны об этом доложить, иначе они выступали в качестве “укрывателей” и сами брались на заметку»¹.

Среди сотрудников аппарата Коминтерна встречались самые разные люди. Одни из них продолжали сохранять веру в марксистско-ленинские доктрины, другие просто добросовестно выполняли свои служебные обязанности. Попадались и такие, как Эйзенберг, пытавшиеся доносами доказать свою преданность режиму, но все они по существу превратились в заложников репрессивно-карательной сталинской системы и в любой момент могли стать ее жертвами. Партия руками своих членов разжигала огонь массового террора. В нем сгорали не только привязанные к столбу жертвы, но и те, кто подбрасывал в костер свою охапку хвороста.

В те годы не только политэмигранты или члены партии, но по существу все население страны превратилось в заложников власти. При этом, даже те, кто соучаствовал в терроре, то есть работники карательных органов, нередко сами превращались в жертв этой системы.

Архивные документы свидетельствовали о том, что человек, дело которого начинала разбирать партийная организация, понимал, что ему в дальнейшем предстоит «дорога на Голгофу». На одном из заседаний парткома Эгта Файнберг, услышав свою фа-

---

¹ Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. С. 198.

милию в выступлении секретаря парткома Котельникова, истощенно закричала: «Зачем вы вешаете мне петлю на шею?». Ее эта печальная судьба миновала, но в тот момент жизнь действительно висела на волоске.

На общих собраниях и заседаниях партийных бюро и парткома обсуждались вопросы, относившиеся к проблемам всей партии и деятельности Коминтерна. Впервые наткнулся на документы, связанные с репрессированием коминтерновцев в годы «Большого террора». Типичным для того времени было высказывание на собрании заведующего Службой связи Коминтерна Мюллера¹: «Каждый член партии должен быть чекистом и на своем участке быть прозорливым, отвечать за свою работу и одновременно помогать органам НКВД». Разумеется, его самого постигла судьба жертв этого террора.

Нередко в подвалах НКВД замыкался дьявольский круг, начало которому было положено в аппарате ИККИ. И тот, на кого доносили, и тот, кто доносил, становились подсудимыми и получали одинаковый смертный приговор. А через какое-то время их судьбу разделял и следователь.

Документально подтверждалась причастность партийных организаций к сталинским репрессиям. Именно партком аппарата ВКП(б) готовил списки ненадежных людей и передавал их в райком партии и в НКВД. В них включали имена тех, у кого были партийные взыскания в прошлом, кто имел в своей биографии что-либо подозрительное, осмеливался по какому-либо поводу высказать мнение, расходившееся с официальными установками, и особенно те, кто проявлял «троцкистские и правые колебания». На одном из них, составленном в сентябре 1936 г., Котельников в течение двух лет помечал красным карандашом дальнейшую судьбу этих людей. Из 87 человек, названных в нем, возле 44 фамилий стояла его пометка об аресте². Котельников составил так-

---

¹ Псевдоним Бориса Мельникова, заведующего в 1936–1937 гг. Службой связи ИККИ. 25 мая 1937 г. арестован органами НКВД. 28 июля 1938 г. расстрелян.

² О себе Котельников сам написал в докладной записке руководству ИККИ и ЦК ВКП(б) от 1 июля 1939 г.: «...материал посылал на людей, которые, по-моему, вызывали политическое подозрение, как в Отдел кадров

же перечень людей, арестованных в различных подразделениях аппарата ИККИ.

Так, я вышел на материалы, которые надолго стали предметом моих дальнейших исследований¹, а сама эта работа сыграла огромную роль в освобождении от идеологических оков и переоценке истории Коминтерна². Но этот процесс не был одномоментным.

Материалы этой описи уточнили мои представления о многих проблемах истории Коминтерна. В том числе о жизни и работе рядовых сотрудников его аппарата, их взаимоотношениях, поведении в различных ситуациях. Если другие архивные документы раскрывали прежде всего политические сюжеты, выработку стратегических и тактических решений, идеологические и организационные проблемы и т. п., то эти материалы осветили внутренние моменты, связанные с функционированием аппарата ИККИ, показали его атмосферу. Они давали возможность посмотреть на многие вопросы как бы под другим углом зрения.

Но рассказал об этих документах не только для того, чтобы познакомить с ними читателя. Сделал это прежде всего, чтобы понять свое поведение, уяснить, что нового для себя извлек из них, после того как их нашел. И сразу возникло немало трудных и бо-

---

ИККИ, а также и в НКВД...я немало помог органам НКВД в изучении состава людей и изъятии многих врагов. Это была и есть моя партийная обязанность».

¹ На эту тему выступил в Маннгейме в 1992 г. на конференции, организованной известным германским историком Германом Вебером. В нем показал активную роль парторганизации Коминтерна в сталинских репрессиях. – См.: *Firsov Fridrich I. Die «Säuberungen» im Apparat der Komintern // Kommunisten verfolgen Kommunisten. Stalinistischer Terror und «Säuberungen» in den kommunistischen Parteien Europas seit den dreißiger Jahren. Herausgeben von Hermann Weber und Dietrich Staritz in Verbindung mit Siegfried Bahne und Richard Lorenz.* – Berlin: Akademie Verlag, 1993.

² Итогом моей работы в этом направлении стала статья «Коминтерн и сталинский террор» (*Firsov Fridrick. The Comintern and Stalin's Terror // E. Dundovich, F. Gori, E. Guercetti, eds. Reflections on the Gulag. With a Documentary Appendix on the Italian Victims of Repression in the USSR. Annali' della Fondazione Giangiacomo Feltrinelli* 2001. – Milano: Feltrinelli Editore, 2003. P. 105–138).

лезненных вопросов к самому себе. Выписал ли эти отрывки, так сказать, по привычке или потому, что понял их важность?

Разумеется, привычка сказалась, но все же главным было то, что увидел их значение. Думал, ли что смогу использовать их в работе? Ответ прост – нет, поскольку понимал, что их нельзя публиковать. Знал также, что архивисты при проверке моих выписок не пропустят эти цитаты, поэтому документы подобного рода фиксировал в тетрадках, которые скрытно выносил из Читального зала, а на проверку представлял другие выписки, содержание которых не давало оснований вырезать из тетрадей страницы или части страниц.

А дальше более сложное. Осознавал ли тогда в полной мере, о чем они говорят? Пожалуй, далеко не полностью. Об этом сужу по своим работам того времени. Хотя знакомство с этим материалом в определенной мере отразилось на выбираемых мною темах для исследования, отнюдь не пересмотрел тогда свои оценки деятельности Коминтерна, хотя эти документы просто кричали о том, какова была сущность так называемой Мировой коммунистической партии и ее лидеров.

Разумеется, эти документы способствовали углублению моих представлений о сталинской системе и ее времени. Но продолжить эту мысль и связать воедино эти складывавшиеся суждения о сути сталинской системы с осознанием того, что и позднейшая эпоха не изменила основ этой системы, что дело в самом характере установившегося строя в стране после Октября 1917 г., тогда еще не сумел. И, как мне кажется, дело было не только в том, хватало ли на это моих мыслительных способностей, скорее вступал в действие закон самосохранения, потому что невозможно было, поняв природу существовавшего строя, дальше излагать проблемы истории Коминтерна так, как делал это в те годы. Видимо здесь и проявилось, в частности, то двоемыслие, которое позволяло установить своего рода *Modus Vivendi*, образ мыслей, который позволял бы работать, сохраняя к себе какое-то самоуважение. Допускаю, что одновременно внутри меня как были находились два человека – один, поглощенный исследовательской страстью и для которого самоцелью было стремление узнать о Коминтерне как можно больше, и другой, который пытался эти

знания привести в систему, найти ответы на возникавшие вопросы, относившиеся не только к работе, но и мировоззрению в целом. И эти люди не существовали параллельно друг другу, а по своему боролись за мою душу.

Довольно точно оценил подобное состояние Владислав Смирнов, заметивший в своей автобиографической книге что подобного рода факты, противоречившие официальной идеологии, оказывались «на периферии нашего сознания»¹. Действительно, такого рода сведения оседали в голове как бы «мертвым грузом», поскольку их нельзя было использовать напрямую, но само их накопление в дальнейшем становилось фактором, способствовавшим преодолению этой идеологии.

Но не могу дать определенного ответа на то, почему так долго и медленно вызревало реальное понимание характера и сущности того исторического феномена, изучению которого по сути посвятил свою жизнь. Видимо, это оказалось возможным лишь тогда, когда сумел понять неверность этой самой идеологии. Согласен со словами Александра Николаевича Яковлева: «Увы, путь от сомнений к убеждениям не бывает ни легким, ни коротким».

---

¹ *Смирнов В.П.* От Сталина до Ельцина... С. 188.

III

ПЕРЕСТРОЙКА. ПРОЗРЕНИЕ

Новая ситуация.
Георгий Лукич Смирнов

Понятие Перестройки в Институт проникало с трудом. Егоров на партийном собрании заявил, что выдвинутый Горбачевым лозунг «Больше демократии, больше социализма!» означает не что иное как необходимость «больше социализма» в нашей жизни. Примерно в это время партком призвал коммунистов быть более бдительными. Это отнюдь не звучало в унисон с нараставшей в стране тенденцией пересмотра ошибок прошлого. Егорова «захлопали» на собрании московских лекторов. В то время так делала аудитория, чтобы согнать оратора с трибуны. Вскоре после этого его сняли с поста директора ИМЛ. Но он вел себя так, будто бы ничего не случилось. На заседании редакции VI тома Истории КПСС в привычной манере распек работников редакции за задержку с завершением подготовки тома. Лишь после того заседания стало известно о его снятии. Вскоре на пенсию ушел и Родионов.

На смену Егорову пришел Георгий Лукич Смирнов, бывший помощник Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева. Первым заместителем директора назначили Всеволода Петровича Кузьмина. По работе с ним был связан мало и поэтому не берусь высказывать о нем свое мнение. С приходом в Институт Смирнова обстановка в ИМЛ разительно изменилась. Разумеется, решаю-

щее значение имел тот поворот в общественной жизни, который воплотился в слове «Перестройка».

Впервые встретился со Смирновым на заседании Дирекции при обсуждении рукописи книги, посвященной истории взаимодействия КПСС и КП Кубы. Его готовил Отдел научного коммунизма. Мне поручили дать на нее отзыв. Такая форма взаимопроверки применялась впервые. Текст этой работы, представлявший собой малоконкретное описание строительства социализма на Кубе, показался мне никуда негодным. Сотрудник того Отдела Анатолий Павленко знал испанский язык. Он производил впечатление не совсем уравновешенного человека. Предположив, что он является основным подготовителем книги, пошел на заседание с тяжелым чувством, ожидая, что после моего выступления последуют крики и скандал. Но ошибся. Когда закончил говорить и взглянул на Павленко, увидел, что он улыбается и выглядит вполне удовлетворенным. Полагаю, что моя критика дала Смирнову обо мне какое-то представление.

В те дни по утрам бежал в газетный киоск, у которого еще до открытия выстраивалась очередь. Особенно большой она бывала по средам, когда продавался еженедельник «Московские новости». Сметались с прилавка и многие другие газеты и журналы. На их страницах появлялись одна за другой статьи публицистов и некоторых историков с разоблачениями преступлений сталинского режима. Публиковались воспоминания бывших узников Гулага.

Историко-партийное болото всколыхнула статья Юрия Афанасьева, выступившего в газете «Московские новости» с разъяснением, что понятие «Перестройка» для историков означает необходимость покончить с догмами сталинизма и прежде всего с фальсификацией истории советского общества. Группа историков партии после этого обратилась с протестом в ЦК КПСС. Это послужило поводом к едкой заметке в газете, что обычно люди, недовольные публикацией, их задевающей, обращаются в суд, но причем же здесь ЦК? Все, конечно, знали причем.

Афанасьев не посещал заседания Экспертного совета с тех пор как стал ректором Историко-архивного Института. Мы с ним как-то встретились на каком-то заседании в ИМЛ. Я, к сожалению, опоздал и не слышал его выступления. Тепло кивнули друг другу.

В другой раз вместе с ним, Мишей Шатровым, Володей Логиновым приехали в его машине на встречу историков и писателей, на которой от партийного руководства присутствовал Александр Николаевич Яковлев.

Открыл его Федосеев, говоривший о необходимости сотрудничества историков и писателей. Он даже не удержался от критических высказываний о Сталине. Писатели высказывали недовольство работами историков, а те ругали писателей. Больше всего критиковали тех, кто выдвинулся на восхвалении сталинских деяний. Один из ораторов обратился к этим людям с призывом уйти и освободить место для других.

Из той дискуссии запомнились два выступления. Афанасьев говорил об историках, погибших от сталинских репрессий. Сенсационно выступил Шатров, назвавший попыткой государственного переворота опубликованное в газете «Советская Россия» письмо Нины Андреевой из Ленинграда в защиту партийных принципов. Расценил эту публикацию как попытку явных и скрытых сталинистов помешать Перестройке и повернуть начавшийся процесс десталинизации вспять.

Заочно еще раз контактировал с Афанасьевым в связи с попыткой защитить заведующего отделом редакции журнала «Новая и новейшая история» Григория Яковлевича Рудого. Ветеран войны, известный германист, Рудой много лет руководил этим отделом. Однажды позвонил мне и сообщил, что после конфликта с ответственным секретарем журнала Вадимом Вознесенским его увольняют. Я приехал в журнал и подписал составленное Афанасьевым письмо в Отдел науки ЦК КПСС. Многие авторы Рудого также присоединились к этой жалобе. Зная Вознесенского еще со студенческих лет, он также был выпускником славянской кафедры Истфака, решил поговорить с ним. Вадим сказал, что Рудой нагрубил ему и ему пришлось написать об этом в заявлении главному редактору журнала. На это ответил, что Вадим – один из руководителей журнала и, по-моему мнению, не должен забывать, что Рудой его подчиненный. Следовательно, грубость Рудого была спровоцирована.

Руководство журнала, мне кто-то передал, выражало свое удивление моим вмешательством в эту историю. «Ведь Фирсова

мы печатаем всегда, чего же он жалуется?», – спрашивал заместитель главного редактора. Этому бюрократу от науки, видимо, в голову не могла прийти мысль, что человек может выразить свое возмущение тем или иным отвратительным фактом, даже если это событие не затрагивает его лично.

Новая должность

Кирилл, вернувшись на работу после лечения, пригласил меня к себе и сказал, что по состоянию здоровья вынужден отказаться от должности заведующего Сектором. Предложил мне заменить его. Это было где-то в начале 1987 года. Из событий, связанных с новым назначением, запомнилась лишь беседа с инструктором ЦК КПСС Николаем Александровичем Сламихиным, курировавшим наш Институт. Он знал о моем участии в подготовке решения проекта решения ЦК КПСС, предусматривавшего снятие некоторых ограничений для доступа к материалам архива Коминтерна. Это было поручение Смирнова, пришлось тогда поспорить с сотрудниками ЦПА, пытавшимися сохранить старые запреты. Не могу сказать, что удалось добиться многого, но все же в представленном в ЦК проекте постановления говорилось, что исследователи в соответствии с темами своих работ получают возможность ознакомления с документами Архива Коминтерна. Вскоре после приказа директора о назначении заведующим Сектором меня включили в состав Ученого совета Института.

Мы поменялись с Кириллом комнатами. В той ситуации он вел себя очень достойно. Даже попытался пропускать в дверь перед собой. На это сказал ему, что независимо от должностных пертурбаций остается моим старшим товарищем и ни в коей степени не должен мне давать почувствовать, что я стал его начальником.

Не ожидал, что на меня обрушится такое огромное количество каких-то формальных дел и встреч, которые стали забирать большую часть рабочего времени, возможность выбраться в архив становилась редкой удачей. Даже начал вести рабочий днев-

ник, чтобы не запутаться с предстоящими встречами, выступлениями и т. д.

Задумался о том, что надо поставить во главу угла. Новая обстановка, оживление общественной жизни в условиях Перестройки позволяли заняться проблемами истории Коминтерна, которые раньше оказывались по разным причинам вне сферы внимания. Доклад в этом плане подготовил для заседания Ученого совета и он вызвал к себе большой интерес.

Пришлось подключиться к той секторской работе, которой до этого практически не занимался – к подготовке заключительного, III-го тома «Георгий Димитров и Лейпцигский процесс». Основную работу по-прежнему выполнял Шириня, но поскольку на этот раз заседание редакционной коллегии состоялось в Москве, мне пришлось его вести. Правда, совершенно неожиданно для себя, получил подарок. В один из перерывов между заседаниями сказал Давиду Елазару, что меня очень интересует проблема сталинских репрессий и пытаюсь выяснить позицию Георгия Димитрова. Елазар ответил, что поможет в этом деле. Оказалось, что Димитров все годы после Лейпцигского процесса продолжал вести дневник, причем его машинописная копия за коминтерновские годы уже в течение многих лет хранилась в нашем архиве. Елазар сказал, что там имеется запись беседы Димитрова с писателем Леоном Фейхтвангером, и в ней очень резко оценивается процесс Зиновьева. Обещал предупредить Ендакову, чтобы она показала мне эти страницы дневника.

Дневник Димитрова

Несмотря на то, что имел право прочитать лишь несколько страниц дневника Димитрова, проштудировал его весь, возвращался к нему многократно, переписал из него огромное количество текста. Отныне располагал информацией, которая помогла иначе взглянуть на многие события 30-х годов. Однако не мог на него ссылаться, поскольку дневник не являлся собственностью ЦПА и не имел соответствующих архивных обозначений.

Елазар ошибся, приписывая Димитрову резкие оценки зинovieвского процесса. Эти слова принадлежали Лиону Фейхтвангеру, а Димитров фиксировал их во время беседы с ним и пытался безуспешно оспорить¹. Но в материалах секретариата Димитрова нашел его записи, свидетельствующие о том, что он подчас вел себя иначе, чем подавляющее большинство людей, входивших в сталинское окружение, что у него возникали сомнения в обоснованности некоторых арестов. Это он тщательно скрывал, особенно в разгар террора.

Довольно быстро Димитрову удалось добиться освобождения арестованного органами НКВД Христо Кабакчиева, своего старшего товарища, одного из руководителей в прошлом компартии Болгарии. За освобождение другого своего соратника Фердинанда Козовского вел долгую и упорную борьбу. Путем неоднократных обращений к руководству НКВД все же настоял на его освобождении. Несмотря на попытки энкаведешников арестовать представителя компартии Чехословакии Ченека Грушку, правда, это было тогда, когда спала волна массового террора, Димитров не позволил это сделать, хотя его убеждали, что тот подозревается в шпионаже.

Неоднократно перечитывая дневник, находил в нем новые моменты, которые помогли понять, почему Димитров фиксировал подчас протокольно свою деятельность, включал в эти записи копии полученных и посланных шифровок и почему в них почти совершенно не отражены его размышления по тому или иному важному событию, а лишь только его официальная позиция по этому поводу. В архиве обнаружил его выписки из протоколов допросов арестованных руководителей компартии Польши. Они приоткрыли мне не только многое в трагедии польских коммунистов, но и личную драму Димитрова, вынужденного активно участвовать в этой кровавой сталинской провокации, приведшей к мучению и гибели несколько тысяч человек.

---

¹ Более того в те дни Димитров выступил в печати со статьей, в которой однозначно писал: «Защищать подлых террористов – значит помогать фашизму». Свой авторитет победителя на Лейпцигском процессе использовал для провозглашения тезиса о справедливости вынесенного приговора, о якобы «доказанности» виновности подсудимых, которым-де дали возможность «сказать то, что они хотели».

Записи в дневнике стали не только его привычкой и объяснялись не только потребностью оставить у себя копии важных документов. У меня сложилась уверенность в том, что Димитров понимал, что доступ к этому дневнику имеет не только он. Этим, как мне кажется, объясняется и то, что тщательно записывал в нем свои восторженные эмоции по поводу успехов социалистического строительства в СССР, подчеркивал свое полное согласие со Сталиным. Волне естественно, если человек, оставаясь один на один с листом бумаги, на который заносит какие то факты и мысли, приходящие ему в голову, выразит в них свои сомнения, колебания или даже то, что не решится сказать вслух. Так вот, в дневнике такого вовсе нет. А между тем хорошо известно, что Димитров считал ошибочными сектантские установки Коминтерна конца 20-начала 30-годов. Но очень осторожно высказался за их пересмотр и исправление в своем письме к Сталину в июле 1934 г., а позднее, когда на VII конгрессе Коминтерна довольно резко критиковал подобного рода ошибки, то всегда делал это так, чтобы Сталин не воспринял критические высказывания Димитрова в свой адрес.

Судя по его записям, Димитров оказался вовсе не такой волевой и самостоятельной фигурой, как мы его представляли себе по Лейпцигскому процессу и VII конгрессу Коминтерна. По истории с репрессированием польских коммунистов я в общем знал о неблагоприятной роли его самого и коминтерновского руководства в этом деле. И дневник показал, что в событиях, связанных со сталинским террором, он выступал прежде всего как сталинский холуй, и участвовал в организации репрессирования коминтерновцев.

Ужасное впечатление производили некоторые записи высказываний Сталина. Приведу одну из них, сделанную вслед за торжественным обедом после демонстрации 7 ноября 1937 г.: «Хочу сказать несколько слов, может быть не праздничных. Русские цари сделали много плохого. Они грабили и поработщали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело – сколотили огромное государство – до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это госу-

дарство, как единое и неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу всех трудящихся, всех народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать».

И тут же Димитров зафиксировал свое выступление после этой речи с горячей поддержкой указаний Сталина и обещанием неуклонно следовать им в деятельности Коминтерна.

Димитров скрупулезно записывал в дневник содержание полученных от Сталина установок, особенно касавшихся того, как следует бороться с врагами СССР. Впрочем, тот, прочитав одну из резолюций верхушки Коминтерна о развертывании кампании против троцкистов, остался недовольным и произнес: «Вы все там в Коминтерне работаете на руку противника». Эти слова прозвучали весьма зловеще.

Сталин потребовал от Димитрова вызвать в Москву через Коминтерн с целью ареста Вилли Мюнценберга, видного деятеля компартии Германии. В двадцатые и в начале тридцатых годов он возглавлял по инициативе Ленина организацию Международная рабочая помощь, которая оказала помощь тысячам советских людей в период охватившего страну голода в 1921 году. Много сделал для распространения советского влияния на интеллигенцию Запада, возможно при этом работал и по заданию советской разведки. Вызвал у Сталина подозрение, и потому подлежал уничтожению. Добиться этой цели с помощью Коминтерна не удалось, но Мюнценберг все же погиб от руки советских агентов в 1940 году.

В послевоенное время Димитров, и это отражено в его дневнике, дал указание руководству болгарских коммунистов, чтобы от арестованных лидера Болгарского Народного Земледельческого Союза Николы Петкова и его сторонников получили признания в том, что они являлись агентами империалистических держав. Позорный опыт сталинских процессов нашел свое продолжение в расправе над Петковым, а также позднее над Трайчо Костовым и другими видными деятелями компартии, которые в угоду Сталину были обвинены в том, что являлись-де «агентами американских империалистов и фашистской клики Тито».

Суд над Костовым произошел уже после смерти Димитрова, но ему предшествовало отречение последнего от своего многолетнего соратника. Тяжело больной Димитров летом 1949 г. находился на лечении под Москвой. Елазар рассказал мне, что его в санатории навестил кто-то из давних друзей. Полагаю, что это была Стелла Благоева, в то время посол Народной Республики Болгария, а главное боготворившая Димитрова. Так вот, это человек поведал Елазару, что Димитров, несмотря на плохое самочувствие, заставил выйти на прогулку в санаторный парк и, убедившись, что поблизости нет никого из охраны, прошептал, что заслуживает того, чтобы быть вычеркнутым из истории. Он явно имел в виду дело Трайчо Костова, поскольку его последним выступлением в печати и стало осуждение этого человека

Эти слова показывают, что неуклонно следуя сталинской указке, он поплатился не только человеческим достоинством, мучился, сознавая совершенное предательство своих соратников. Возможно также, что эти слова привели непосредственно к смерти его самого. Исследование волос Димитрова показало, что он был отравлен ртутью.

В те дни, когда Елазар рассказал мне об этой истории, я ничего не знал о причине смерти Димитрова, хотя кое-какие слухи о его отравлении до меня доходили. Анализ, проведенный Петером Гылыбовым при перезахоронении Димитрова, это установил определенно, но сам факт отравления не был признан официально.

Если в некоторых вопросах Димитров и отличался в положительную сторону от других сталинских прихлебателей, то тем не менее оказался составной частицей сталинской системы, которая

заставила его вести себя и поступать так, как это было нужно этой системе. Ознакомление с дневником изменило многие мои суждения о личности его автора, да и об истории Коминтерна, хотя это произошло не сразу¹. Этот процесс был составной частью моего духовного освобождения от пут ленинских идей, своего рода прозрением, наступившим прежде всего в связи с самым крахом этих идей в стране, сбросившей коммунистическое господство.

Статья в журнале «Коммунист». Интервью и выступления

Первой попыткой по-иному посмотреть на историю Коминтерна стала совместная с Кириллом статья для журнала «Коммунист». Не сразу нашли новый подход к теме, первый вариант оказался в основном повторением старых истин, но редакция журнала с ним не согласилась. И тогда подготовили другой вариант. Помню, что

---

¹ Считаю дневник Димитрова важным источником не только по истории Коминтерна, но и по истории сталинской системы, помог Джонатану Бренту, руководившему публикацией издательством «Йелль Университи Пресс» многотомной документальной серии «Анналы коммунизма», получить у сына Димитрова право на издание дневника Димитрова. Обо всем этом Брент подробно поведал в своей книге воспоминаний (*Brent Jonathan. Inside the Stalin Archives: Discovering New Russia. 2008*). Также помог профессору Иву Банацу, редактировавшему издание дневника Димитрова на английском языке в этой серии и включившему в книгу по его мнению наиболее интересные отрывки из этого дневника, выбрать эти отрывки. В Болгарии дневник Димитрова был издан полностью на болгарском языке, но при этом издатели допустили в книге отдельные неточности, основываясь лишь на машинописной копии дневника. Сверив эту копию с микрофильмом рукописного оригинала дневника, выяснил, что в некоторых случаях в ней имелись пропуски, а также некоторые фамилии были названы неточно. Этими сведениями поделился с моим давним другом Бернгардом Байерляйном. Он использовал их при подготовке совместно с Владиславом Хеделлером публикации в Германии дневника Димитрова. Эта книга содержит часть дневника Димитрова, относящуюся к периоду деятельности Коминтерна.

положил перед собой листок бумаги и перечислил все пришедшие в голову ошибки и недостатки в деятельности Коминтерна, а затем уже написал более или менее связанный текст. Ни я, ни Кирилл при этом не подвергали сомнению общие основы, на которых возникла эта организация. Сосредоточили внимание на том, как Сталин, извратив ленинские установки, использовал Коминтерн в своих целях. Поэтому сегодня приходится констатировать, что в статье говорилось еще далеко не все, что следовало высказать.

Ее напечатали в 10-м номере журнала за 1987 год. В том же номере публиковались материалы XIX партийной конференции КПСС, постановившей, что партийные деятели должны участвовать в выборах на должности руководителей Советов. Партийные бонзы оказались в трудном положении, когда избиратели получали возможность повлиять на то, сумеют ли они остаться в своих креслах. На конференции опальный Ельцин публично потребовал прижизненную реабилитацию, а ответ, данный ему Горбачевым прозвучал не очень убедительно. И хотя он по-прежнему являлся лидером Перестройки, в одной из передач по телевидению Юрий Афанасьев предупредил его, что надо идти дальше по этому пути, иначе будет отодвинут в сторону.

В те дни мне приходилось часто выступать с лекциями, участвовать в различных встречах историков с зарубежными журналистами, несколько раз давал интервью журналу «Новое время». Поскольку говорил об истории Коминтерна не традиционно, уделял значительное внимание его сектантским ошибкам и воздействию сталинизма, репрессированию коминтерновцев, выступления проходили с успехом.

Запомнилась встреча группы историков с иностранными журналистами в клубе журналистов. В ней участвовали директор Института всеобщей истории Александр Чубарьян, главный редактор военно-исторического журнала, несколько других историков, а также бывший переводчик Сталина Павлов. Среди них ощущал себя «белой вороной», тяжело было слышать наевшие оскомину положения о вынужденном характере советско-германского пакта. Чубарьян связал его заключение с Мюнхенским договором 1938 г. Западных держав с Германией и Италией, по которому

Судетскую территорию Чехословакии передали Германии. Генерал-редактор, брызгая слюной, расписывал неожиданный характер нападения Германии на СССР, правда, упомянул, что в недрах Генерального штаба готовился план предварительного нападения на Германию. Но тут же оговорился, что он носил черновой характер и не должен рассматриваться как проявление намерения СССР напасть на Германию заранее¹. Доконало меня заявление Павлова о том, что присоединение к СССР территории Выборга в результате советско-финской войны 1939–1940 гг. проделали в интересах обеспечения безопасности Ленинграда. Не выдержал и возразил оратору, что согласно этой логике при наличии ракет и термоядерного оружия для гарантии обеспечения территории СССР придется требовать расширения советской границы до берегов Ламанша. В своем выступлении, ссылаясь на неопубликованные дневники Димитрова и говорил о том, что вслед за заключением пресловутого «Пакта Молотова–Риббентропа» термин «фашизм» применительно к Германии исчез в словаре Коминтерна вплоть до июня 1941 года.

На той встрече зарубежные журналисты допытывались от Чубарьяна его мнения по поводу положения в странах Прибалтики, где все сильнее нарастало настроение выйти из состава СССР. Чубарьян ответил на это словами, что недавно вернулся оттуда и всегда себя там чувствует «как дома». Меня это покорило. Несколько раз приходилось с детьми отдыхать в Эстонии в городке Пярну. Доводилось слышать такие разговоры и фразы, мол, «Что вы тут командуете?», «Убирайтесь к себе!» и некоторые другие высказывания, обращенные к бесцеремонным приезжим. Подчас в очереди в магазине продавец в первую очередь обслуживал местных. Я в таких случаях просто спокойно ждал, понимая, что нахожусь здесь в гостях и надо вести себя соответственно этому.

---

¹ Такое нападение действительно готовилось и документ, написанный в мае 1941 г. заместителем начальника Оперативного отдела Генштаба Красной Армии, генерал-майором А.М. Василевским (впоследствии начальником Генштаба, Маршалом Советского Союза), являлся важной составной частью этой подготовки (См.: *Солонин Марк*. 22 Июня, или Когда началась Великая Отечественная война? – М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 198, 202–203).

А когда в Москве в 1991 г. взорвалась «бомба», то есть была издана книга Виктора Суворова «Ледокол», которую подавляющее большинство советских историков, особенно так называемые военные историки, встретили в штыки, у меня она отнюдь не вызвала чувства неприятия. Еще до ее прочтения отвергал тезис о «Пакте» как антитезы «Мюнхену», да и многое, вроде понятия «окруженная крепость», вызывало у меня несогласие, поэтому слова генерала-редактора о составлении в Москве варианта плана превентивного нападения запомнились очень хорошо.

Я не исследовал профессионально проблемы, связанные с событиями, предшествовавшими июню 1941 г., не знал, решающих документов, которые еще очень долго будут упрятаны в архивах, и не хотел по этой причине ввязываться в дискуссию. Но это не означало, что у меня не было своего мнения по некоторым из этих вопросов. Считал неправильной трактовку «Пакта Молотова–Риббентропа» как своего рода «Антимюнхен». При всей гнусности «Мюнхена», отдававшего на съедение агрессору Чехословакию, он не сыграл роль запального фитиля для последующего выстрела и развязывания войны. А это сделал именно «Пакт», развязавший руки Гитлеру для нападения на Польшу. Более того, на деле превратил СССР в соучастника расчленения Польши и открыл путь к последующему поглощению прибалтийских государств.

В те дни я еще не знал о существовании секретных приложений к «Пакту», но очередность исторических событий то, что Сталин сознательно пошел на устранение барьера между границами СССР и Германии, каким тогда являлась Польша, говорили о многом.

Понимая антигуманную и агрессивную сущность сталинизма, вместе с тем еще не задумывался над тем, что он не упал с неба, а продолжил, развил и усугубил исходные установки большевизма.

Присутствовавший тогда в зале Анатолий Латышев в перерыве спросил меня, где хранятся дневники Димитрова. Ответил, что они находятся в Софии в архиве Института истории БКП. И он вскоре полетел туда и после этого в своих статьях привел некоторые выдержки из дневника Димитрова.

С Латышевым познакомился тогда, когда начал активно выступать по проблемам истории Коминтерна, особенно в связи со сталинскими репрессиями, и несколько раз мы выступали вместе, один после другого. Он рассказывал о репрессировании зарубежных коммунистов и политэмигрантов в СССР. Анатолий работал заведующим кафедрой Московской городской партийной школы, довольно часто приходил ко мне на работу, спрашивал о многом и старательно записывал наши разговоры. Но мы были друзьями и я этому не придавал значения.

Вспоминается также лекция в болгарском посольстве. Когда рассказал о ходатайствах Димитрова за арестованных НКВД болгарских политэмигрантов, после чего некоторое количество этих людей освободили, в зале наступила просто мертвая тишина. Но как только упомянул в этой связи участие в ходатайствах Коларова, начался какой-то шум. Видимо, у людей было иное представление о том человеке.

Пришлось мне выступать и на собрании московских писателей. Довольно подробно говорил о последствиях сталинского террора, особенно для польских коммунистов. Рассказал о гибели Ежи Чешейко-Сохацкого, одного из руководителей компартии. Арестованный в августе 1933 г., он в камере 4 сентября покончил с собой, оставив написанную кровью записку о своей невиновности. После ареста Сохацкого органами НКВД представитель КПП при ИККИ Белевский¹ и Пятницкий подготовили проект заявление ЦК КПП о разоблачении Сохацкого как агента польской охранки (дефензивы). Заявление, отредактированное по указаниям Сталина, Молотова и Кагановича, опубликовали и оно послужило основанием для новых репрессий.

Когда лекция закончилась, из зала ко мне подошла женщина, которая оказалась дочкой Сохацкого. Она подарила мне книгу своих стихов, среди них я нашел и стихи о ее отце.

Другим памятным событием стало интервью, которое дали сотрудник ИМРД Емельянов и я итальянским журналистам в ка-

---

¹ Член СДКПиЛ с 1913 г., КПП – с 1918 г., с 1925 г. член ЦК КПП, с 1926 г. – член Политбюро ЦК КПП. С 1935 г. кандидат в члены ИККИ. Арестован 11 сентября 1937 г., расстрелян 19 декабря.

ком-то здании на Садовой улице, принадлежавшем Министерству иностранных дел. Готовился приезд в Москву итальянского премьер-министра, и в этой связи организовали данное интервью. Емельянов был специалистом по истории итальянского рабочего движения. Ни до этого, ни после этого с ним не встречался. Слышал только, что он вскоре оказался в стане антисемитски настроенных русофилов, впрочем, в тот раз ничего такого ни в его поведении, ни в его выступлении не усмотрел.

Поскольку я говорил о тех проблемах истории Коминтерна, которыми тогда занимался, в том числе о репрессированных коминтерновцах, выступление встретили с интересом. Позднее даже прочитал в газете «Unitá», что впервые от советского историка слышали такую речь. Сразу последовали вопросы о том, могу ли привести какой-нибудь пример, подтверждающий то, что руководители Коминтерна пытались противодействовать репрессиям. Буквально сенсацией стал мой ответ, когда назвал Йозефа Ковальского и рассказал о том, как повел себя Тольятти в истории с доносом на Ковальского.

Примерно в это время Минаев взял меня с собой на совещание в ЦК КПСС, которое устроили инструкторы Международного отдела. Участвовало в нем человек 30–40. Увидел там немало знакомых лиц из Института Тимофеева и АОН при ЦК КПСС. Внятно не объяснили, с какой целью нас собрали. Сказали просто, что возникло желание послушать мнение коллег по проблемам международного коммунистического движения. Сейчас мне кажется, что это была попытка организовать своего рода «мозговую атаку», чтобы выявить новые идеи для оживления деятельности компартий, которые были явно не на подъеме. Руководство некоторых из них лишь на словах поддерживало идеи Перестройки. И это было вполне естественно, ибо непременным условием карьеры для руководящих кадров компартий в течение многих лет являлась демонстрация идейной преданности марксизму-ленинизму и подчеркивание независимости и самостоятельности своей партии, что отнюдь не исключало получение денежных дотаций от ЦК КПСС. Провозглашенное Горбачевым «новое мышление» не укладывалось в привычные идеологические каноны. Впрочем, возможно имелись и другие веские причины этой пассивности компартий.

Однако никаких свежих идей или аргументов не услышал. Запомнилось только выступление Минаева, которое мне показалось крайне неудачным. Он говорил о том, что следует отказаться от «дьяволизации» Информбюро компартий, которое существовало в 1947–1956 гг. и являлось своеобразной попыткой КПСС повлиять на поведение компартий Европы в послевоенный период. В документе Информбюро руководителей Югославии, осмелившихся воспротивиться сталинскому диктату, называли «Фашистской кликой Тито». Разумеется, слова Минаева тогда прозвучали явно не вовремя. Ну а мне лично его выступление лишний раз показало настрой мыслей моего непосредственного начальника.

В комиссии по «белым пятнам»

Еще до публикации нашей с Шириной статьи в «Коммунисте» участвовал в поездке в Варшаву на заседание Советско-польской исторической комиссии по «белым пятнам» в истории наших стран. Смирнов включил меня в комиссию не с первых дней ее работы. До этого уже прошло первое заседание комиссии в Москве. Началась подготовка второго заседания. В ней участвовали сотрудники из Института всеобщей истории, Института славяноведения и какой-то военный историк. Заметил, что некоторые мои коллеги в основном занимались тем, чтобы придумать темы совместных исследований, вроде судьбы советских военнопленных в годы советско-польской войны, или найти доводы, почему Советская Армия не пришла на помощь восстанию в Варшаве в 1944 году. Мучительно вызревало подлинное понимание причин Катынской трагедии. Для поляков этот вопрос не являлся проблемой, но для советских историков признать ответственность Сталина и его клики была чудовищно трудно. Валентина Парсаданова из Института славяноведения рассказывала о том, как разыскивает документы, связанные с Катынской трагедией. Она внятно не говорила, что расследованию чинят помехи, но ощущал никакой предвзятости с ее стороны, в отличие от некоторых других членов комиссии.

В те дни вместе с Тamarой Порфирьевой, работавшей в Отделе партийного строительства и специализировавшейся по истории Польской объединенной рабочей партии, получил возможность познакомиться с некоторыми материалами архива ЦК КПСС. Не нашли ничего по вопросу о Катыни. Принимавший нас инструктор Отдела ЦК сказал, что решение вопроса должно быть политическим, то есть не должно принести вреда авторитету КПСС.

В поездке в Варшаву участвовал Алексей Леонтьевич Нарочницкий, на кафедру которого меня приняли аспирантом. К этому времени стал академиком. Мы с ним беседовали мало, запомнился его ответ на мой вопрос, чтобы случилось, если бы не поражение Красной Армии под Варшавой в 1920 г. Он сказал, что государственная граница оказалась бы намного западнее и многих последующих событий вообще бы не произошло.

Из участников поездки помню Чубарьяна, Парсаданову, Валерию Журавлеву, Вилниса Яновича Сиполса, Олега Александровича Ржешевского, специалиста по критике буржуазной историографии, Инессу Яжборовскую. Она закончила нашу кафедру на год раньше меня. Мы с ней дружили со студенческих времен. На Истфаке входила в число лучших студентов, даже получала именную стипендию. Затем осталась в аспирантуре, а на работу поступила в ИМРД. Там выпустила несколько книг по истории польского рабочего движения, стала одним из ведущих специалистов по истории Польши.

Как-то мы с ней говорили о политической обстановке в этой стране. Я предположил, что руководителям народной Польши нет особого смысла так уж притеснять несогласных с ними, стоит только немного подвинуться на правительственной скамье и посадить на нее нескольких лидеров оппозиции, тогда станет все в порядке. Она возразила, что в этом случае прищельцы вытеснят со скамьи прежних ее хозяев.

Заседания в Варшаве производили весьма странное впечатление. Ржешевский пытался убедить поляков в том, что побоище в Катыни устроили немцы, даже попросил поляков дать ему такой аргумент для подтверждения этой версии. Ответом было холодное молчание. Сидеть на этих заседаниях было весьма неприятно. Заметил, что Сиполс, довольно активный защитник официальной

советской установки о том, что началу Второй мировой войны в значительной мере способствовала внешняя политика Западных держав, раздаривал свою недавно вышедшую книгу полякам, а те принимали этот подарок с весьма кислым видом.

В свободный вечер созвонился с Ковальским и посетил его. Он рассказал, что к нему неожиданно приехали итальянские журналисты и расспрашивали об истории с Тольятти. Журналисты, проверив мое интервью, убедились в том, что услышали от меня реальный факт.

Смирнов предоставил мне слово на последнем заседании комиссии. Зачитал написанный Кириллом и мною текст будущей статьи в журнале «Коммунист». Говоря о воздействии сталинизма на Коминтерн, естественно, затронул и вопрос о роспуске компартии Польши. Во время доклада в зале стояла глубокая тишина. Она завершилась аплодисментами со стороны поляков, их руководитель, профессор Ярема Мачишевский, закричал, что покупает доклад.

Получив известность у поляков, в то же время почувствовал явное недоброжелательство со стороны некоторых членов нашей делегации, Сиполс после этого выступления даже не отвечал мне, когда я с ним здоровался. Но Смирнов был доволен. Вообще он всегда очень тепло ко мне относился и говорил, что с интересом читает мои работы.

На прощальном приеме по поводу завершения нашего заседания члены польской делегации подходили ко мне с поздравлениями, то же сделал Смирнов, прямо признав, что я своим докладом исправил неблагоприятную ситуацию.

По возвращении в Москву нас пригласил к себе журнал «Международные отношения» на «круглый стол». Каждый поделился своими впечатлениями о развернувшейся дискуссии. Неприятно поразили слова Журавлева о том, что поляки из истории с Катынью делают целую драму. Вот, мол, немцы после того, как свергли Муссолини, расстреляли многих итальянцев, оказавшихся у них в плену, но никто же этого сегодня не обсуждает. Ржешевский подверг критике мой доклад. Я в ответ сказал кратко, что не стоит пытаться реабилитировать сталинские преступления.

Больше к работе комиссии меня не привлекали, но из письма Яжборовской узнал, что ее работа продолжалась до начала 1990 года. Была создана советская подкомиссия по Катыни в составе Смирнова, Парсадановой, Яжборовской и еще одного, незнакомого мне человека, без участия Ржешевского. Парсаданова получила доступ в Особый архив. Удалось доказать причастность НКВД к расстрелам поляков.

В связи с посещением Москвы президентом Польши Войцехом Ярузельским была подготовлена статья о Катыни. Ему передали две папки документов со списками жертв трех лагерей НКВД (Козельского, Старобельского и Осташковского). В конце концов Катыньское дело перешло в ведение Главной военной прокуратуры.

После августовских событий 1991 г. нашли секретное постановление ПБ ЦК ВКП(б) о судьбе польских военнопленных. На папке, содержащей материалы, связанные с Катыньской трагедией, стояли росписи всех руководителей ЦК КПСС, включая Горбачева, что доказывало, что они знали истину об этой расправе, но старались ее скрыть. 14 октября 1992 г. Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин передал президенту Польской Республики Леху Валенсе ксерокопии материалов, раскрывавших историю этой трагедии. Многолетние усилия руководства КПСС утаить правду об этом преступлении оказались тщетными.

Командировка в Белград

Тем временем работа в Секторе шла своим чередом. Завершалась подготовка III тома документального издания о Димитрове и Лейпцигском процессе. Возникла идея проследить по архивам социалистических стран, как разворачивалась в тех странах борьба за освобождение Димитрова. Еще раньше в Праге нашел документы, свидетельствовавшие о том, что власти Чехословакии были готовы пропустить Димитрова и его товарищей через территорию страны в случае их высылки из Германии.

Решили поискать сведения в архивах Румынии и Югославии. В Румынию поехал Сережа Цымбал, но ничего не нашел. Я отправился в Белград. Незадолго до отъезда достал из сейфа свою статью о тактике Коминтерна, пролежавшую там свыше 20 лет, и попросил директора о приеме. Рассказал, как она была написана, и предложил ее посмотреть и решить, можно ли теперь опубликовать. В Белграде жил в обычной гостинице, поскольку партийных не было в этой стране. Там и питался и пешком ходил в Институт истории Союза коммунистов Югославии, где работал в его архиве.

Директора Института встречал до этого несколько раз в Москве, сотрудницу Института Убавку Вуйошевич знал уже давно и она в тот раз меня опекала. Побывал и в государственных архивах. Ничего интересного найти не удалось, так что в этом смысле поездка ничего не дала. Но зато многое увидел в Белграде, по которому хорошо побродил. Магазины были забиты товарами. Поразило изобилие автомашин. Такого количества различных иномарок видеть не приходилось. В Москве тогда возле каждой обычно толпились зеваки.

Удалось увидеть и политическое событие. Поскольку в это время албанцы все более рьяно вытесняли сербов из Косово, те потребовали, чтобы власти их защитили. Возле здания парламента стояла толпа косовских сербов, требовавших вмешательства властей. Оно состоялось, и привело уже к бегству из Косово албанцев. Затем под защитой США те вернулись и вырезали массу сербов. Косово получило самостоятельность. И до сих пор эта проблема остается больной для Сербии.

В памяти осталось посещение дворца Тито, превращенного в мемориал, в котором находятся гробницы Тито и его жены. Он являлся сильной личностью, сумел не только возглавить освободительное движение против немцев и итальянцев, но и противостоять Сталину, на что другие зарубежные коммунисты не осмелились. Социализм, который пытались построить в Югославии, по своей форме отличался от советского, но не по сущности. Это была тоже диктатура. К тому же, в стране обострялись национальные противоречия, что привело к ее распаду страны, гражданским войнам, большой крови.

Что же касается сборника, то, хотя и получили его верстку, все же из печати он не вышел в связи с дальнейшим ходом событий.

Опубликование статьи о тактике Коминтерна

Когда вернулся в Москву меня вызвал к себе главный редактор журнала «Вопросы истории КПСС». Им тогда стал Касьяненко. Оказалось, что за время моего отсутствия статью прочитали в двух отделах ЦК КПСС, и Валентин Владимирович Загладин, в то время заведующий Международным отделом, начал ее даже сокращать и редактировать. Затем просто написал, чтобы Фирсов сам отредактировал статью. Этим и занялся, серьезно ее сократив, но добавил примечание, что в основу данной статьи легла рукопись, написанная в 1963 году. Кирилл считал, что такое примечание делать не стоит, но я с ним не согласился.

Заседание редколлегии прошло довольно сумбурно. Увидел, что многим страшно не хотелось публиковать статью, но и отвергнуть ее не решались. Поэтому ограничились требованием снять несколько цитат, в том числе выдержку из выступления Зиновьева в ИККИ по поводу предложения социал-демократам пойти с коммунистами единым фронтом. Он считал целью такого предложения внесение раскола в среду социал-демократов. Как только станет ясно, что они готовы принять это предложение, надо немедленно дополнить его новыми условиями, так чтобы те вновь продолжили его обсуждение и неизбежно при этом раскалывались. Нечто аналогичное относилось к лозунгу рабочего правительства, который следует использовать для того, чтобы вовлечь в его состав лидеров социал-демократов, а затем с треском из него выгнать, также содействуя расколу в их рядах. Публикация подобного рода высказываний, говорил ответственный секретарь журнала, нанесла бы непоправимый ущерб позиции коммунистов. Пришлось принять это требование.

Для меня важнее всего было сохранение антисталинской направленности статьи, вообще хотелось увидеть, наконец, ее опубликованной. Статью напечатали в 10-м номере журнала за 1987 год. Со времени написания ее первого варианта прошло около 24 лет. Вскоре после этого раздался звонок из ЦК. Оказалось, что Яковлев, вернувшийся из Монголии, где происходила встреча секретарей ЦК компартий социалистических стран, курировавших идеологическую деятельность, получил протест со стороны секретаря ЦК СЕПГ в связи с моей статьей. От меня потребовали объяснений.

Сотрудник ЦК сообщил мне по телефону, что немецкие товарищи недовольны искажением в статье роли Эрнста Тельмана и вообще оценкой событий 1923 г. в Германии. Ответил, что написанное в статье соответствует тексту Очерка по истории Коминтерна. Более того, в изданной берлинским Институтом марксизма-ленинизма биографии Тельмана, этот текст повторили, буквально слово в слово. Мой ответ приняли. Полагаю, что сыграло роль накопившееся к тому времени напряжение между московским и берлинским руководствами. Но, как мне передавали, Яковлеву не понравилось упоминание автора о том, что рукопись статьи написал давно. Уже гораздо позднее узнал, что Политбюро ЦК СЕПГ приняло по поводу моей статьи специальное решение, а ее генеральный секретарь Эрих Хонеккер в дневнике записал, что какой-то московский историк выступил с инсинуациями против Тельмана.

Когда в составе группы сотрудников Института в конце 80-х годов ездил в туристскую поездку в Армению, где нас принимал Институт истории КП Армении – филиал нашего Института, наша сотрудница, пышная и громогласная дама из Отдела научного коммунизма, сказала мне, что эта статья прозвучала для нее как гром среди ясного неба. Вернувшийся из Китая член делегации нашего Института передал мне китайский журнал с опубликованным переводом моей статьи. А через несколько лет увидел этот номер журнала «Вопросы истории КПСС» в руках Джонатана Брента, с которым у меня уже сложились дружеские отношения. Я обратил его внимание на примечание к статье. Как далеко бы смог уйти в своих исследованиях, если бы эта статья вышла вовремя!

Статья о расправе над компартией Польши

По поручению Смирнова вместе с Иной Яжборовской подготовил статью о взаимоотношениях Коминтерна и компартии Польши. Предварительно просмотрел в ЦПА материалы по истории этой партии. Документы, освещавшие ситуацию, в которой оказались польские коммунисты в период, когда на эту партию обрушились сталинские репрессии, произвели очень тяжелое впечатление.

Не знаю, почему не включил тогда в текст статьи найденный мной уже давно протокол заседания Бюро Делегации РКП(б) в ИККИ от 4 мая 1929 г., состоявшегося в кабинете Сталина (эту цитату опубликовал позднее в статье о работе над новой историей КПСС). Тогда постановили: «Принять все меры необходимые для обезвреживания ЦК КП от разъедающей партию провокации. Поручить коллегии ГПУ принять меры для выявления провокаторов в КПП»¹. Так, сталинские карательные органы были натравлены на КПП. Одной из первых жертв и стал Ежи Чешейко-Сохацкий.

Как правило, арестам предшествовали обсуждения в аппарате ИККИ, на которых людей заставляли каяться в различных политических ошибках. Этим подготавливались материалы для последующих допросов в застенках НКВД. И когда начались повальные аресты, руководитель Коминтерна услужливо вызывал в Москву из-за рубежа лидеров партии, которые затем оказывались «у Ежова». Подтверждение этого нашел в дневниковых записях Димитрова от 17 июня 1937 г.: «Приехал Ленский»². Вызывал

---

¹ Из 10 участников этого заседания 6 человек позднее были арестованы и погибли.

² Член СДКПил с 1903 г., член ЦК и Политбюро ЦК КПП в 1925–1937 гг., генеральный секретарь ЦК в 1929–1937 гг., член ИККИ в 1928–1937 гг., член Президиума ИККИ в 1931–1937 гг., член Политсекретариата ИККИ в 1931–1935 гг. Арестован 20 июня 1937 г., расстрелян 21 сентября.

также Рилски, Скулски¹ и Прухняк²». В других записях Димитрова сказано: «20.6.37. Л(енский) у «Ежова». 21.6.37. «Валецкий³ также». 7 июля – «Прухняк приехал – у Еж(ова)». Это – собственноручное подтверждение его содействия расправе над лидерами КПП. После ареста Ленского уже якобы от его имени требовали приезда в Москву других функционеров партии, которых ждала та же судьба.

В КПП, естественно, нашлись и свои эйзенберги. Секретарь представительства КПП при ИККИ Я. Боровский, безуспешно пытаясь спастись от неминуемого ареста, докладывал в письме от 10 июля 1937 г. к секретарю ИККИ Москвину⁴, курировавшему КПП и сделавшему много для разгрома этой партии: «Я дал материал на врагов народа, которых вспоминаю... Считаю, что дал на свыше 100 лиц за период 1935–36 и 37 гг.... Кроме того, будучи членом Общества политкаторжан, просмотрел книгу – “Автобиографический справочник” и выбрал всех поляков, бывших членов разных организаций. Громадное большинство из них вызывали сомнения, и я один напечатанный экземпляр дал тоже как материал».

Был потрясен, открыв в материалах секретариата Димитрова большую папку, насчитывавшую свыше 60 страниц, с его собственноручными выписками из 8 следственных дел лидеров КПП. Когда открыл папку и понял, что там находится, показалось, что подо мной закружился пол и сейчас рухну с кресла. Очевидно, Димитрову по указанию Сталина прислали показания арестованных лидеров партии. Димитров, зная, что эти материалы потом

---

¹ Член СДКПиЛ с 1909 г., КПП – с 1921 г., в 1935–1937 гг. член Политбюро ЦК КПП. Арестован в июле 1937 г., расстрелян 21 сентября.

² Член СДКПиЛ с 1903 г., КПП с 1917 г., входил в состав ЦК КПП с 1923 г., член ИККИ в 1921–1924, 1928–1935 гг., член Президиума ИККИ в 1926–1935 гг., кандидат в члены ИККИ в 1935–1937 гг. Арестован 7 июля 1937 г., расстрелян 21 августа.

³ Член Польской социалистической партии (левой) с 1906 г., с 1918 г. член КПП, член ЦК КПП в 1918–1920, 1923–1924 гг., член Политбюро ЦК КПП в 1923–1924 гг. В 1935–1937 гг. член ИКК. С 1925 г. сотрудник аппарата ИККИ. Арестован 21 июня 1937 г., расстрелян 20 сентября.

⁴ Михаил Москвин – кандидат в члены Секретариата ИККИ. Арестован органами НКВД 23 ноября 1938 г., расстрелян 2 февраля 1941 г.

заберут, сделал эти выписки, чтобы иметь хоть какое-нибудь обоснование для своих последующих действий.

Он переписывал показания, не делая никаких пометок ни в тексте, ни на полях, кроме подчеркиваний. Сравнение этих выписок и его последующих поступков показывает, что понял реальную цену «признаний». Выписки как бы доказывали, что в аппарате ИККИ действовала разветвленная шпионская агентура. Отсюда следовали неизбежная чистка этого аппарата, аресты всех подозрительных элементов и ликвидация самой КПП.

Иначе объяснить абсурдность этих выписок мне представляется просто невозможной. Так, Димитров зафиксировал «признание» Ленского, будто тот, с весны 1917 г., являясь агентом шпионской Польской военной организации (ПОВ), вступил в большевистскую партию «с целью поддержать большевистский переворот, чтобы в дальнейшем занять руководящие посты в Советском правительстве», затем вступил в заговор с левыми эсерами для свержения Советского правительства и продолжения войны с Германией и вел подрывную и диверсионную работу во время войны с Польшей в 1920 г., и тому подобное. Последующие поступки Димитрова показали, что он не поверил подобным показаниям.

Из «показаний» Игнаци Рыльского выписал его слова, будто Димитрова в марте 1933 г. выдал полиции его товарищ по будущей скамье подсудимых на Лейпцигском процессе Благой Попов, который-де «находился в связи с болгарской полицией». Последнего, как и многих других коминтерновцев, в 1937 г. арестовали органы НКВД, но Димитров дважды ходатайствовал перед этими органами за освобождение Попова как невинного в приписываемых ему преступлениях.

Почти во всех «признаниях» в качестве одного из главных руководителей не существовавшей в компартии Польши сети полицейских провокаторов называли Альфреда Лямпе, члена ЦК КПП, в тот период находившегося в заключении Польши. После вторжения советских войск в 1939 г. в восточные земли Польши он оказался среди тех, кого привезли в Москву, и он вошел в состав аппарата ИККИ.

Также Димитров зафиксировал в своих выписках слова о том, что Марцелий Новотко, который также пребывал в польской тюрьме, являлся будто бы провокатором. И именно Новотко позднее получил от Димитрова важнейшее задание. В числе других польских коммунистов во время войны его нелегально отправили на территорию оккупированной Германией Польши, и в 1942 г. он не только участвовал в создании новой партии вместо распущенной КПП, но даже возглавил ее руководство.

Когда при встрече с Георгием Лукичем рассказал ему о выписках Димитрова, тот спросил меня: «Зачем и для кого Димитров сделал эти выписки?». «Как для кого, – ответил я, – он сделал это для меня, чтобы можно было объяснить, спустя много лет, почему ему пришлось сделать последующие шаги».

Удалось найти посланный Димитровым Сталину проект постановления ИККИ о роспуске КПП. Он спрашивал мнение Сталина, когда опубликовать это постановление – до окончания следствия в отношении арестованных бывших руководителей польской партии или после того, как следствие будет закончено. 2 декабря 1937 г. Сталин на этом письме написал: «С роспуском опоздали года на два. Распустить нужно, но опубликовать в печати, по-моему, не следует»¹. Это означало ликвидацию партии и запрещение огласки этого факта.

Компартию Польши ликвидировали в конце 1937 г., а решение о ее роспуске 6 членов Президиума ИККИ – Димитров, Мануильский, Москвин, Куусинен, Вильгельм Флорин² и Эрколи подписали значительно позднее, лишь 16 августа 1938 года.

Изучив все эти материалы, набросал первый вариант статьи. Ина ее доработала, дополнив ссылками на польские публикации.

---

¹ Любопытно, что это был не оригинальный документ с резолюцией Сталина, а фотокопия. Объяснение этому, по моему мнению, такое. Все бумаги с пометками Сталина после того, как их рассылали тем людям, которым полагалось с ними ознакомиться, затем возвращались в секретариат Сталина. Из этого следует, что Димитров поручил сделать фотокопию этой страницы (копировальных машин тогда ее не существовало), чтобы сохранить у себя сталинское указание.

² Немецкий коммунист, член Президиума и Секретариата ИККИ.

Статью напечатали в двух номерах журнала «Вопросы истории КПСС», а также перевели на польский язык и опубликовали в Варшаве в сборнике под редакцией Яремы Мачишевского¹.

Пополнение Сектора

В Сектор пришли новые люди. Особо хочется выделить Сашу Ватлина, который уже защитил кандидатскую диссертацию по истории Германии. У нас не было ставки младшего научного сотрудника, но Никита Колпинский, ставший к тому времени заведующим Сектором произведений Маркса, передал мне ее из своего Сектора, и Саша стал нашим сотрудником. Он рос как ученый очень быстро, писал ярко, своеобразно, всегда с интересом читал его тексты. Как и у других молодых людей, пришедших в наш Сектор, сознание Саша не затуманивали те идеологические путы, которые мы преодолевали с большим трудом. Конечно, первое время и на них сказывалась господствующая идеология, но они сумели ее быстрее и легче преодолеть.

На ставку научно-вспомогательного сотрудника зачислили Вадима Стакло. Он только что закончил Истфак, специализировался по проблемам Латинской Америки. Великолепно владел компьютером. Позднее много лет проработал в издательстве Йельского университета. Мой бывший однокурсник Валерий Бондарчук, преподававший на Кафедре новой и новейшей истории Истфака, попросил меня взять к нам на такую же ставку Леночку Пархоменко, очаровательную девушку, итальянистку, очень способную.

Новое пополнение очень меня порадовало. Устроил им нечто вроде небольшого семинара по истории Коминтерна, причем они сами писали доклады и обсуждали их. Мы относились к ним как к нашим детям, но не баловали их. Через Сектор Маркса послал Сашу, а потом Леночку на годичную стажировку в Берлин в братский Институт.

---

¹ Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Red. Jarema Maciszewski. «Książka i Wiedza». – Warszawa, 1989.

Пришли к нам в Сектор и люди постарше. Леня Бабиченко раньше работал в Секции документов Коминтерна ЦПА, написал диссертацию по истории германской Красной помощи, организации, примыкавшей к КП Германии. Его научным руководителем был Саша Резников. После защиты ушел работать в Музей революции. А оттуда попросился к нам. Минаев убедил Егорова взять его старшим научным сотрудником.

Леня трудился старательно и добросовестно. Но его разедал какой-то комплекс неполноценности. Уже позднее, когда мы с ним перешли на работу в архив, несколько раз буквально меня огорошил, сперва нарушив нашу общую договоренность не публиковать ничего на тему сборника, который мы готовили с Байерляйном, другой раз – передав в журнал копию документа, который мы собирались включить в сборник «Коминтерн и сталинские репрессии». Бабиченко этого не знал. Найдя документ в архиве, не поставив меня в известность, решил его опубликовать. Вбил себе в голову, будто бы я хотел, чтобы он написал книгу и мы бы ее опубликовали под обеими нашими фамилиями. И я не смог его убедить, что это полная чушь. По-видимому, сказалась его психическое нездоровье.

Неудачным приобретением оказался Женя Хаванов. Специалист по истории КИМа, вместе с Грантом закончил аспирантуру АОН, а потом где-то в Поволжье преподавал историю партии. Был пропитан догматическими представлениями. Несколько раз упрекал меня в том, что отхожу от марксизма. Не прижился у нас, но зато потом прекрасно себя чувствовал в Высшей партийной школе. Еще под самый конец Институтского существования в Секторе поработали двое. Один – бывший сотрудник Отдела ЦК КПСС Виктор Никанорович Гребенников, специализировавшийся по Болгарии. Человек скромный, весьма дисциплинированный, писавший довольно неплохо. Последним к нам пришел Миша Пантелеев. Это было буквально в последние месяцы существования ИМЛ. Миша работал старшим научным сотрудником в Отделе истории партии, специализировался по истории Франции. Он оказался очень к месту, тем более, что мы потеряли нашу дорогую Дину Кунину. Я оставил его в Секторе после реорганизации Института и даже взял с собой в архив, когда покинул Институт.

Книги

В нашем здании две комнатухи занимала месткомовская библиотека, которая работала два дня в неделю после окончания служебных часов. В ней можно было перехватить пару-другую книжек, чтобы почитать вечерком. Поскольку люблю перед сном минут десять-пятнадцать подержать в руках детектив, то заглядывал в эту библиотеку. Вдруг заметил, прочитав несколько страниц, что знаю, о чем пойдет речь дальше. Взглянул на формуляр, прикрепленный к внутренней стороне обложки. На нем расписывались те, кто получал данную книгу. Среди других нашел и свою подпись. С тех пор, взяв в руки книгу с полки, сразу смотрел формуляр и на подписи читателей. Пользовался этой библиотекой, пока еще находил книжки, не имевшие на формуляре моей отметки.

С моим повышением по служебной лестнице наше положение в материальном плане несколько улучшилось. Повысилась зарплата, кроме того, оказалось, что руководящие кадры Института в предпраздничные дни могли получать в подсобке столовой небольшой продуктовый набор. В те дефицитные времена это представляло неплохое подспорье, и я, понимая свинский характер этой подачи, все же брал набор как и другие заведующие. Меня и Лиду прикрепили к Кремлевской поликлинике, находившейся в одном из Арбатских переулков, и это сыграло свою роль, поскольку состояние нашего здоровья быстро ухудшалось.

Но наиболее приятным стало то, что раз в месяц получал бюллетень так называемой Книжной экспедиции ЦК, по которому мог заказывать художественную литературу. Книги тогда превратились в один из самых больших дефицитов в стране. Теперь можно было их заказывать по списку. Не рассматривал это как собственную привилегию и дал возможность сотрудникам Сектора участвовать в приобретении книг. Каждый месяц пускал этот бюллетень по кругу. Бюллетень, естественно, оказывался испещренным пометками. Надо было только разобраться с тем, кто какие книги заказывал. Но с этим делом весьма успешно справлялся Дима Мысливченко, добродушный и спокойный,

весьма симпатичный парень, который пришел на работу в наш Отдел, вместе с другой молодежью. Его зачислили в другой Сектор, но он дружил с моими ребятами и непременно участвовал в заседаниях нашего семинара. Дима привозил из Книжной экспедиции большие связки книг, разносил их по кабинетам, причем, насколько помню, не разу при этом не перепутав, кому какую книгу или книги следует вручить. И тогда, по крайней мере для меня, наступал небольшой праздник.

Семейные проблемы

В нашей «большой» семье происходили перемены. Таня и ее муж Саша Граник, вместе с дочуркой Машей, эмигрировали. Они уже давно находились «в отказе» и, как только представилась возможность, уехали в США. Тани не упоминалась в моей анкете. Это мне напомнил Вадя, предупредив, что ни в коем случае нельзя провожать уезжающих, и с Таниной семьей мы простились у них дома. Если бы приехали в аэропорт, нас бы сфотографировали, а там уже и все остальное. В это время из-за этого можно было легко потерять работу. Для меня такое означало бы, что больше в архив не попаду. Тогда думали, что расставались навсегда. Но, к счастью, ошиблись.

Поскольку речь зашла о Таниной семье, придется сделать небольшое отступление. Женитьба Саши и Тани произошла в очень тяжелый для нашей семьи момент. Рива Самойловна тяжело болела и уже продолжительное время находилась в больнице. В молодости она была потрясающей красавицей, и ее дети унаследовали эту своеобразную еврейскую красоту. Моя теща являлась душой и, если так можно выразиться, энергетическим центром семьи Носиков. На ее плечи выпали забота и воспитание четырех детей и она этому посвятила свою жизнь без остатка.

За тяжелой болезнью Ривы Самойловны последовал очередной инфаркт Михаила Наумовича, как раз за несколько дней до свадьбы. Лида и Алена проводили почти все время в больнице рядом с родителями, Бориса тогда не было в Москве и из всей

нашей родни только я присутствовал на регистрации и свадьбе Тани и Саши.

Саша оказался очень интересным человеком. С ним занятно беседовать по самым разным вопросам. Он хорошо разбирается не только в своей специальности, поскольку как и Лида, и Таня закончила Институт связи, но и в литературе, кино, проблемах науки и политики. Не скрывает того, что слово и мнение Тани является решающим в их семье.

Собственно Таня и Саша «открыли» для нас Америку и подерживали позднее всех членов семьи, перебравшихся сюда вслед за ними. К Сашиному 60-летию Дима подготовил специальную фотогазету. В центре ее нарисовал средневековый корабль, а все члены семьи стали либо членами команды этого корабля, либо ее пассажирами. Так вот Саша изображен капитаном этого судна. Таким он является и в жизни осмотнительным, заботливым и умным капитаном нашей семьи. Завершив это отступление, вернусь снова в то, уже довольно далекое прошлое, к самому горькому и ужасному, что произошло тогда в моей жизни.

Мама

22 июня 1988 г. неожиданно умерла моя мама, Эсфирь Лазаревна Блох. Потерял самого близкого и любимого человека. Думаю, что похожу на нее не только внешне. Мне кажется, что унаследовал многое в характере, в том числе дружелюбие, доверие к людям, уступчивость и, в то же время твердость в жизненных принципах. Лида говорит о ней всегда с любовью, что нечасто бывает в отношениях свекрови и снохи.

Жизнь ее не баловала. Из-за «непролетарского происхождения» не смогла сразу после школы попасть в высшее учебное заведение. Пришлось пойти работать, чтобы получить трудовой стаж. Закончила Биологический факультет Университета, до войны работала во Всесоюзном институте животноводства, даже защитила кандидатскую диссертацию. (Недавно Гарик прислал мне найденный им перечень научных публикаций этого Института.

В нем нашел и названия маминых статей). Помню, как по вечерам они с бабушкой сидели за какими-то бумагами, подрабатывая деньги для оплаты взноса в дачный кооператив. Наконец, дачу построили в Малаховке, но содержать ее оказалось невозможным и пришлось продать две комнаты и половину участка. У нас осталась комната с террасой. Все летние месяцы мы проводили на даче. А 22 июня 1941 г., когда меня послали в магазин за хлебом, услышал там, что началась война. Дачу бабушка продала в 1947 г., а деньги, полученные за продажу, пропали вследствие денежной реформы.

Личную жизнь мамы нельзя назвать счастливой. Вышла замуж за своего одноклассника – Игоря Фирсова. Семейная жизнь не сложилась, и на последнем месяце беременности мама уехала из Казани, где они жили с мужем, к родителям, перебравшимся в Москву. Вновь с отцом они сошлись лишь в 1940 г., но вскоре отец ушел на фронт, его тяжело ранили и он после выздоровления вплоть до демобилизации служил в штабе Московского военного округа. В 1944 г. родился второй сын – мой брат Гарик. Каждый год в день моего рождения мама подносила его мне как бы в подарок, да так оно и было в действительности. Возиться с ним довелось мне не так уж много, правда, забирал его из детского сада. Однажды пошел с друзьями на каток и совсем выпало из головы, что надо ехать в детский сад. Но мама, в то время не совсем здоровая, сделала это за меня. И даже не упрекнула, а мне и сейчас за это стыдно.

Гарик не продолжил семейную традицию и подался в «технари». Окончил Станко-инструментальный Институт, в течение нескольких лет добивался, чтобы его взяли в Академический институт стали. Сначала стал там просто инженером, но с годами вырос в довольно известного специалиста в своей области, напечатал немало статей, участвовал в различных научных конференциях не только в разных городах России, но и за рубежом. Незадолго до нашего отъезда я побывал в его квартире. Вся комната, за исключением кровати и шкафа, была забита техническими справочниками, книгами по самым различным специальностям, журналами.

Не видел брата уже около 20 лет. Попытка организовать ему приезд сюда в отпуск провалилась, так как в посольстве США не дали ему визы, ведь он всего-навсего научный сотрудник Академического Института, а вдруг решит остаться нелегалом? К моему 75-летнему юбилею раздобыли даже ходатайство нашего конгрессмена о разрешении ему приехать сюда. Но в посольстве задали вопрос: «Ваше положение изменилось? Нет. Тогда почему вы считаете что наше решение должно быть другим?» Поэтому встрече нашей не суждено состояться. Общаемся только по телефону или с помощью компьютерной переписки.

Согревает то, что он не одинок, после работы проводит время на даче своей дочери Алены, в кругу членов ее семьи. Алена преподает в школе математику. Внук Гарика Егор, родившийся уже после нашего с Лидой отъезда в США, уже студент, так быстро течет время! Как она справляется с тремя мужиками – отцом, мужем и сыном, для меня загадка.

Мои отношения с отцом не сложились. Видимо, не смог ему простить, что в детстве не знал, что такое иметь папу. Однако кое-что от него унаследовал. Не только фамилию и отметку в паспорте, по которой считался русским, что наверняка помогло поступить в Университет и аспирантуру, но думаю и отношение к архивам. Отец по профессии – историк, после войны работал в архивах, стал даже одно время заместителем директора Исторического архива, затем – директором Центрального архива древних актов, позднее – директором Исторического архива в Ленинграде, размещавшегося в здании бывших Сената и Синода, недалеко от Зимнего дворца. В начале 60-х гг. ушел из семьи и переехал в Ленинград, где снова женился и у него родился третий сын – Коля.

После войны мама работала в лаборатории Института туберкулеза. Как-то раз побывал в их Институте. Обратил внимание на то, что мама и другие сотрудницы ее лаборатории, гораздо старше мамы, называли друг друга «девочки». Мне тогда это показалось странным. Сейчас бы этого не сказал. Во второй половине 50-х годов в этот Институт приехал американский профессор по фамилии Блох. Мама знала, что в США жила семья брата ее отца, уехавшая туда еще в начале века. Но не рискнула подойти к это-

му профессору и поинтересоваться, не являются ли они родственниками. Выйдя на пенсию, с удовольствием ходила на разные выставки, в музеи, даже плавала в бассейне. У нее часто собирались ее друзья, такие же милые старушки, в последние годы ее жизни мы с Лидой перенесли эти встречи в нашу квартиру. Очень любил наблюдать их, слушать их разговоры. Каждая встреча с мамой была радостью. Одно из самых приятных воспоминаний – как-то вскочил в поезд метро, а в вагоне сидела мама.

Лида напомнила мне о маминим посещении Американской выставки в Москве. Кто-то из администрации выставки обратил внимание на интеллигентную седенькую старушку, с интересом осматривавшую экспонаты выставки и чем-то отличавшуюся от других посетителей. Ее даже сфотографировали, к сожалению, не довелось увидеть журнала, поместившего мамину фотографию.

Радовался, что последние годы своей жизни она проводила на нашей даче. Поскольку следила за новыми публикациями, с дачи ездила в свою библиотеку, чтобы раздобыть толстые журналы, в то время самое популярное чтение российской интеллигенции. Когда ее правнучке Жене исполнилось чуть больше трех лет, их любимой игрой стал «Магазин», в котором каждая попеременно оказывалась то продавцом, то покупателем.

От мамы воспринял критическое отношение к окружавшей действительности. Долго этого не понимал, особенно того, что она всегда ненавидела правящий режим. А он много сделал для того, чтобы она к нему так относилась. С юности столкнулась с унижением, ведь Фира была дочкой служащего, значит человеком второго сорта. В 1952 г., когда пошли гонения на евреев, маму уволили и над ней, как и над другими евреями, нависла угроза депортации и гибели. После смерти Сталина она вернулась в Институт.

К этому страшному событию в моей жизни мысленно обращаюсь довольно часто по разным причинам. Недавно встретил в романе английского писателя Роберта Харриса «Призрак», книги которого читаю с большим интересом, диалог, как-то объяснивший мне мое состояние в те дни. Писатель спрашивает своего персонажа: «Скажите, вы не находите, что смерть матери, несмотря на горечь утраты, сделала вас сильнее? – Сильнее? –

В смысле уверенности в себе. То худшее, что могло случиться с вами, уже произошло, а вы уцелели. И тогда вы поняли, что можете действовать на свой страх и риск, по собственному усмотрению. – Возможно, вы правы, я никогда не думал об этом, но что-то во мне откликается на ваши слова».

Не хочу сказать, что эта цитата точно соответствовала моему состоянию, но то, что какой-то душевный перелом у меня тогда произошел, это я понимал вполне определенно. В тот ужасный день записал в дневнике, что теперь никогда не уступлю давлению, не буду скрывать свои мысли, кого-либо и чего-либо бояться. Стараюсь сдерживать эту клятву, хотя для меня самое трудное сказать кому-нибудь: «нет!». Разумеется, в жизни есть много вещей, которых приходится опасаться. Прежде всего, волнуешься за свою семью. Но это совсем другое дело.

Прошли мучительные дни организации похорон. Я был в тяжелом состоянии и сидел дома. Вдруг раздался телефонный звонок Всеволода Петровича Кузьмина. Он спросил меня, согласен ли я поехать в командировку в Японию. Разумеется, согласился. Поехать должны были другие, но что-то сорвалось и выбрали меня и другого человека.

Командировка в Японию

Моей спутницей стала сотрудница Сектора произведений Ленина Галя Волкова, сорокалетняя энергичная особа, не лишенная внешней привлекательности. Была близкой приятельницей Миши Вассера, которого знал довольно давно, а также Жени Витенберга, с которым дружил. Ее муж работал преподавателем в Академии КГБ. Довелось быть оппонентом на защите им кандидатской диссертации.

Перед поездкой Шаншиев проинструктировал и дал какие-то деньги для передачи их человеку, который будет работать с нами, а один из сотрудников, уже посещавших Японию, объяснил, что надо иметь с собой в виде подарков. Накупил альбомы с репродукциями картин из российских галерей, несколько бутылок хо-

рошего коньяка и взял еще какие-то мелочи для подарков, а также книги, изданные нашим Отделом.

Впервые выехал в командировку не в социалистическую страну. Шаншиев охотно помогал мне ездить туда, но почему-то не хотел посылать в капиталистические страны. После того как я стал зав. Сектором истории Коминтерна ситуация изменилась. Он даже предложил полететь в Англию. Оттуда прислали приглашение Саше Ватлину, но Шаншиев почему-то решил, что должен поехать Фирсов. Ответил ему, что никогда на такое не соглашусь. И Саша отправился в Лондон.

В Токийском аэропорту встретили переводчика. Передвигались по стране преимущественно на такси. В день приезда посетили Советское посольство. Беседа с Советником посольства состоялась в бронированной комнате, которая, по его словам, давала гарантию от прослушивания японской полицией. Разговор носил формальный характер. Побывали около Дворца Императора, прошлись по нескольким улицам и отправились в поездку по стране. Первая часть дня обычно отводилась на экскурсии, а после обеда, иногда после ужина, устраивались встречи с членами Общества японо-советской дружбы.

Еда в ресторанах заслуживает особого описания. Ели палочками, сначала ничего не получалось, затем приспособились. Кусочки рыбы приходилось макать в соус, то же делать с щепотками риса. Довелось попробовать фрукты, которые выращивают на Филиппинских островах, но в Европу они не попадают, так как не переносят транспортировки. У японцев заметен комплекс неполноценности в отношении Китая. Главным событием в этом плане стало посещение китайского ресторана.

Одеты японцы по-европейски. Но в каждом номере гостиницы имеется кимоно. Когда по дороге остановились в отеле, переводчик сказал, что можем прийти на ужин в кимоно. Мы оба соответственно тому, как это принято у нас, нарядились к ужину, и выглядели очень смешно, поскольку все японцы оделись в кимоно.

В картинной галерее нельзя использовать шариковые авторучки, чтобы не повредить живописи. Сильное впечатление произвел в Киото Сад раздумий. На сравнительно небольшой площади размещено 15 разных камней. С любого места видно только 14,

а один камень всегда остается невидимым. Потрясающе красивые чайные церемонии, церемониальность – важная составная часть японских обычаев. Парки полны ланей и оленей, спокойно расхаживающих среди людей. Религиозные храмы, крытые соломой, стоят друг возле друга, принадлежат разным конфессиям, но живут друг с другом в полном мире.

В Хиросиме побывали в Музее жертв атомной бомбардировки. Посетили кустарную мастерскую. Ее хозяин показал, как выращивает растения для изготовления краски, как делает косынки. На пляже даже искупались, но японцы в это время года уже не купаются.

Посетили и какое-то предприятие. Гале там пришлось выступать с рассказом о том, как живут советские женщины. У подножья знаменитой горы Фудзиямы несколько дней провели на сборах членов Общества. На митинге передал хозяевам наши книги. Затем на семинаре я рассказал о Перестройке и ответил на многочисленные вопросы. Присутствовали на спортивном соревновании. Нас попросили для его участников написать какие-то лозунги, которые затем перевели и начертали иероглифами на ленточках, которыми повязывали свои головы участники соревнования. Целый вечер мы сидели и изобретали «крылатые слова».

Однажды, приехав в какой-то город, выяснили, что полиция запретила нам его посещение, и пришлось улететь на рейсовом самолете. У трапа стоял человек и снимал на кинокамеру то, как мы поднимались по трапу в самолет. Вернулись в Токио, и в нашу честь дали прощальный официальный обед с руководящими деятелями Общества японо-советской дружбы. Япония оказалось таким миром, который нельзя сравнивать ни с какой другой страной. То, что они сделали со своей Родиной, прекрасно и не поддается описанию.

Снова Берлин

Во второй половине 1988 г. довелось побывать в Берлине в составе советской части совместной комиссии историков двух стран. Пригласил меня в поездку ответственный секретарь этой

комиссии Давид Самойлович Давидович, в прошлом сотрудник аппарата Коминтерна, работавший в Институте всеобщей истории. Он руководил изданием Германского ежегодника, в котором мне несколько раз довелось выступать со статьями. Давидович написал книгу о 1923 г. в Германии. В ней повторил официальный бред советской историографии, вроде утверждений о сознательной предательской роли Брандлера и Тальгеймера, содействовавших поражению пролетарской революции в этой стране. Был со мной очень любезен.

Позднее даже поделился воспоминаниями о своей работе в Коминтерне. Не позволил записывать свой рассказ на магнитофон, заметив, что уцелел именно потому, что никогда не оставлял никаких следов. Свои воспоминания, написанные собственноручно, прислал мне домой по почте.

В Берлин тогда приехали почти все известные историки-германисты. Среди них, к своему удивлению, увидел Дмитрия Михайловича Кукина, который после того как его ЦК снял с работы в ИМЛ, работал в Президиуме АН СССР, поскольку был членом-корреспондентом. Я имел путевку в санаторий, поэтому после заседания конференции в Берлине, вернулся домой, в то время как остальные члены нашей делегации поехали на север страны.

Провожавший на вокзал сотрудник германской части комиссии заехал за мной в гостиницу, когда я уже считал, что на поезд ехать поздно, но мы все же успели. Приехавший попрощаться Эрвин Левин отчитал этого незадачливого сопровождающего на перроне перед вагоном.

Вообще поездка оказалась малоприятной. Видимо, в связи с тем, что в нашу делегацию входил один тип, очень кичившийся тем, что в годы войны работал подпольным секретарем комсомола и участвовал в партизанском движении. О Хрущеве вспоминал с неприязнью, ко всем вязался с вопросом, попал ли Никита в историю или он влип в историю? Страшно хотелось оторваться от попутчиков и то, что предстояло быстро возвращаться в Москву из-за путевки в санаторий, оказалось спасением.

Крым

К тому времени я уже несколько лет подряд ездил в санаторий «Ай-Даниль» на Южном берегу Крыма. Сначала вместе с Володией Логиновым, а когда Егоров выгнал его из Института, вместе с Женей Витенбергом. Санаторий стоял на близко от моря. Его воздвигли на месте, где до того местное население никогда не жило. Это было не случайно. Как-то мы с Женей оказались там в сезон ветров. Чтобы пройти из нашего здания в стоявший в 15 метрах от входа овощной магазинчик приходилось держаться за веревку, натянутую между санаторием и этим домиком.

Территория санатория начиналась высоко в горах, где пролегало шоссе, связывающее Симферополь и Ялту. Примерно в 3-х километрах находился Гурзуф, куда мы часто ходили через виноградные плантации. Наблюдали, как собирали виноград, складывая в корзины пышные грозди. По дороге проходили через какой-то небольшой поселок, домики в котором выглядели просто лачугами. Пробирались в Гурзуф и тропинкой вдоль моря через завалы камней. Колоритны кривые улочки старой части городка. Но верхняя часть застроена уродливыми пятиэтажками.

За Гурзуфом начиналась территория детского лагеря Артек, простиравшаяся до подножия горы Аю-Даг или Медведь-горы. Туда совершили как-то раз экскурсию. Гора круто обрывалась в море. Однажды пришла в голову мысль – нельзя ли обогнуть Аю-Даг со стороны моря. Попробовал ее осуществить. Прошел территорию Артека, вдоль обрыва горы, который заканчивался пляжем. Тропка затем начала подниматься в гору, а потом и вовсе исчезла. Карабкаться вверх было не сложно. Внезапно понял, что нельзя обогнуть гору со стороны моря, в какой-то момент могу оступиться или камушек выскользнет из-под ноги. Невольно глянул вниз и стало не по себе. Далеко внизу волны бились о подножие горы. Решил спускаться. Это оказалось непросто. Если вверх лезть весьма удобно, то спускался вниз в левую сторону с большим трудом и риском.

Санаторий граничил со знаменитым Никитским Ботаническим садом, попасть в него можно было только с шоссе. Для этого

приходилось подняться по дороге на шоссе, пройти по нему довольно большое расстояние вдоль непроходимых зарослей дрека, чтобы затем по отходившей от шоссе дороге спуститься вниз к Ботаническому саду.

Но приятнее всего оказались прогулки по Солнечной тропе. Эта пешеходная дорога, насчитывавшая около 6 километров, простирается вдоль подножья Крымских гор высоко над уровнем моря от санатория «Ливадия» в окрестностях Ялты до санатория имени Розы Люксембург около Мисхора. Чтобы добраться туда, приходилось ехать автобусом от нашего санатория, ежедневно он отправлялся в Ялту в послеобеденное время, до конечной остановки недалеко от базара. Редкий день не совершал эту прогулку по Солнечной тропе. Когда шел по ней, ощущение было таким, будто надо мной нет никакого давящего атмосферного столба, что просто купаюсь в ласковом, благодатном воздухе. Дышалось легко, испытывал настоящую радость.

При входе на базар стоял обелиск, извещавший, что на нем навечно запечатлены названия победителей социалистического соревнования в честь 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Перечислялись коллективы предприятий, увековеченные за свои трудовые подвиги. Проходя мимо этого памятника советскому бюрократизму, подумал, насколько же показуха и чванливость вьелась в умы чинуш, не понимавших, что воздвигли монумент собственной тупости и притом, как считали, навечно.

Перед въездом в Ялту над тоннелем виадука висел транспарант с призывом превратить Ялту в коммунистический город. Набережная с ресторанчиками, гостиницами, магазинчиками была старой застройки, но выше ее громоздились кинотеатр, универмаг и прочие строения современных кубических форм. От набережной отходили прогулочные паровоходики, которые плавали вдоль побережья к Мисхору, несколько раз катался на них, любуясь видом побережья с моря. На набережной имелся полутемный подвальчик, в котором с удовольствием выпил стакан сладкого вина. Однажды в Ялте отдыхала Женя Севрюгина, мы еще в Москве назначили место и дату свидания, и я сводил Женю в этот погребок.

В последний раз побывал в крымском санатории где-то в конце 80-х гг. вместе с Лидой, которую даже удалось вместе с Грантом Адибековым и Жанной вывести на Солнечную тропу.

Как-то раз нам с Витенбергом дали путевки в дом отдыха «Малый Ахун», находившийся недалеко от Сочи. Тогда много купались в море, но моим основным развлечением стали походы на гору Большой Ахун. Подымался вверх по дороге, подчас крутой, а назад бежал трусцой. Под конец даже подъем проделывал трусцой. Сейчас просто не верится, что мог такое совершить. Однажды повел туда всю нашу компанию. По дороге из-за поворота выскочила машина. Я шел самым крайним и едва успел отпрыгнуть. Домой в тот год вернулся просто стройным человеком. К сожалению, как всегда, хужоба быстро прошла.

Записи воспоминаний коминтерновцев. Разные встречи.

Использовал всякую возможность, чтобы записать на магнитофонную ленту воспоминания коминтерновцев. Расшифровала эти записи Леночка Пархоменко. Запомнилась встречи и рассказы Вильгельмины Славуцкой. Ее навещал подряд три дня и на запись ушли две катушки пленок.

Маленькая, совершенно очаровательная старушка, которая в юности жила в семье своего дяди, видного советского экономиста Моисея Ильича Фрумкина, рассказала, как забавлялась кремлевская молодежь. Очень любили звонить по вертушке, чтобы огоршить абонента чем-то неожиданным. Но однажды по наугад набранному номеру им ответил сам Сталин. Повела о своей первой встрече с Бухариным. Как-то шла вместе с несколькими приятелями по улице Кремля, яростно споря о творчестве одного поэта. Неожиданно их нагнал Николай Иванович, сходу включившийся в разговор и державшийся с молодыми людьми очень дружелюбно.

По линии ЦК комсомола Мишку (таков был ее псевдоним) направили с подпольным заданием в Германию. Там перешла на

работу в Западноевропейское бюро ИККИ и стала неофициальным секретарем Георгия Димитрова. Очень тепло говорила о нем, о разных неожиданных ситуациях, в том числе об их совместной поездке в одном купе. Димитров при этом разыгрывал роль жениха, ухаживавшего за своей невестой.

Однако почти ничего не узнал о ее коминтерновской работе, поскольку она занималась секретными делами. Это, как раз меня интересовало больше всего. Видимо, запрет рассказывать о такой деятельности сохраняется у таких людей на всю жизнь. Упомянула имя Тольятти, который, по ее словам, критически относился к Сталину. Димитров, обсуждая с кем-то кандидатуру возможного автора статьи о Сталине, услышав предложение поручить написать статью Эрколи, сказал, что этого делать не стоит, поскольку его позиция известна. По ее словам, Димитров настоял на том, чтобы Мишка вышла замуж за руководителя германского комсомола Курта Мюллера. Вместе с ним приехала в СССР после прихода к власти в Германии Гитлера. В Москве ее устроили в Отдел международной связи ИККИ, но там задержалась недолго. Через некоторое время с мужем уехала в Горький, где он работал в парткоме автомобильного завода.

Вскоре Курта послали на подпольную работу в Германию. Довольно быстро его арестовали. В гестапо так избили, что его мать, которой показали фотографию арестованного сына, не узнала сына. Впрочем, и Мишку тоже ожидал арест. Когда следователь заявил ей, что она действовала по приказу своего мужа-шпиона, ответила ему, что ее муж, как и она, сидит в тюрьме, но в германской, где его пытаются за антифашистскую деятельность. Славуцкая заметила, что знала об ответе Тольятти на просьбу ходатайствовать за ее освобождение. Тот сказал, что делать это бесполезно. На свободу она вышла только после смерти Сталина.

Услышал от нее очень важный для меня факт. В камере одно время находилась вместе с Бертой Циммерман¹, женой Фрица Платтена². Та раньше возглавляла курьерскую службу в Отделе

---

¹ Арестована органами НКВД 4 июня 1937 г. и расстреляна 2 декабря.

² Швейцарский социал-демократ, организатор компартии Швейцарии. В 30-х гг. работал в аппарате ИККИ. В 1937 г. арестован органами НКВД, погиб 22 апреля 1942 г.

международной связи ИККИ Когда ее арестовали, то предъявили обвинение на основе «показаний» арестованного ранее Вильгельма Кнорина. Берта отрицала свою вину и ей устроили с ним очную ставку. Вернувшись в камеру горько расплакалась и сказала Мишке: «Ты бы видела Кнорина, это был не живой человек, а какой-то кусок мяса, который не мог даже говорить, а лишь кивал следователю. Я не уверена, что вообще его понимал. И как я могла негодовать на этого человека, когда из него выбили человеческую душу?».

Я знал об избияниях подследственных. Эту делали следователи НКВД, особенно Ланфанг, допрашивавший и пытавший арестованных сотрудников аппарата Коминтерна. Немало узников замучили пытками насмерть, в том числе бывшего секретаря Интернациональной Контрольной Комиссии Коминтерна Яна Анвельта. Пятницкому удалось продержаться после ареста около полгода, прежде чем он начал давать «признательные показания». При этом пытки и избияния, после того, как дал первые «признания», становились еще сильнее. Его сокамерник вспоминал, что, готовясь к допросам, Пятницкий одевал на себя все, что мог, чтобы хоть как-то уменьшить боль от ударов.

К сожалению, и в наши дни выходят из печати книги, в которых «признания» подследственных воспринимаются как доказательство их вины¹. Авторы таких опусов – явные или скрытые

---

¹ Так, один из западных историков всерьез утверждает: «Следователи часто использовали пытки и унижение, но эти методы предназначались для того, чтобы вырвать признание, а не просто для унижения личности. Как только признания были получены, пытка прекращалась. По крайней мере некоторые люди в НКВД, решив, что обвиняемые невиновны, вели себя достойно и оберегали людей. Доказательство или вера в виновность или невинность человека вновь становилась критерием, определяющим обращение (с заключенным – Ф.Ф.) в таких делах, политика и практика не имели цели терроризировать граждан». (*Thurston Robert W. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941.* – New Haven and London: Yale University Press, 1996. P. 89). Когда встречаешь подобного рода утверждения, возникает ощущение, что это либо апологетика сталинизма, либо возрождение риторики времен «салемакских ведьм» в XVII веке в Америке. Ведь мучители тех несчастных женщин тоже могли сказать о себе, что они, мол, только преследуют колдуний и никоим образом не посягают на человеческую личность.

сталинисты или люди, не осознающие характер цитируемых и воспроизводимых в их «работах» документов.

Удалось мне записать и воспоминания Бориса Николаевича Пономарева после его выхода на пенсию. Созвонился с ним и попросил дать интервью. Он согласился и встретил меня в своем новом рабочем кабинете в здании ЦК КПСС. Это был выше среднего роста сухощавый старик, очень любезный¹. Объяснил ему, что хочу записать его воспоминания о работе с Димитровым, предупредив, что не надо говорить об общих проблемах политики, меня интересуют личные моменты, подробности и т. д. Он согласился и я включил магнитофон. В тот же миг Пономарев преобразился. Встал из-за стола и деревянным голосом начал говорить о той роли, которую Коминтерн играл в борьбе с фашизмом на международной арене. Я прервал его и повторил, что меня интересуют лишь частные моменты. Он, однако, продолжал повторять общие фразы.

Дело несколько сдвинулось, когда попытался заставить его отвечать на конкретные вопросы. Поведал о том, как устроил встречу Димитрова с московскими прокурорами, которые, проверяя аресты сотрудников аппарата Коминтерна, пришли к выводу, что часть из них арестовали необоснованно. Рассказ Пономарева упомянул в комментариях к публикации в журнале «Проблемы мира и социализма» письма академика Варги Сталину, в котором говорилось о тех последствиях, которые имели на аппарат Коминтерна неожиданные аресты его сотрудников.

Шаг за шагом преодолевая апологетическое восприятие Коминтерна, раскрывая воздействие сталинских догм и указаний на политику этой организации, все же пытался найти хотя какое-нибудь противодействие со стороны руководителей Коминтерна репрессиям. Мне казалось, что это подтверждают некоторые документы архива, в том числе только что упомянутое письмо венгерского коммуниста Евгения Варги Сталину от 28 марта 1938 г., которое нашел в бумагах секретариата Димитрова. Он писал

---

¹ Обратил внимание, как он удивился, когда я достал из «дипломата» небольшой магнитофон, привезенный из Японии, и поставил его на письменный стол. Он посмотрел на него с любопытством, и я подумал, что ему до этого никогда не приходилось иметь дело с такой штуковиной.

о деморализующем воздействии репрессий на аппарат Коминтерна, включая его руководство. «Главной причиной этой деморализованности является ощущение полной беспомощности в делах, касающихся арестов политэмигрантов... Многие иностранцы каждый вечер собирают свои вещи в ожидании возможного ареста. Многие вследствие постоянной боязни полусумасшедшие, неспособные к работе»¹.

О Пономареве осталось впечатление, как о человеке весьма банальном. Он всегда послушно реализовывал ту политическую установку, которую в данный момент давал очередной партийный генсек.

К сожалению, не удалось записать на магнитофон рассказы двух сотрудников аппарата ИККИ, прежде всего Григория Захаровича Соркина, который навещал меня довольно часто. В аппарате ИККИ работал на руководящих постах в Службе связи ИККИ. В послевоенные годы его арестовали по делу «Еврейского антифашистского комитета». Он выжил. Иногда вспоминал какие-то факты, но когда я собрался с ним поговорить об этом основательнее, серьезно заболел и я его больше живым уже не увидел.

В Секторе Шаншиева работал один по мои тогдашним представлениям весьма пожилой, но физически очень крепкий человек – Григорий Джавадович Оганесов. Как-то он мне сказал, что во время массовых арестов сотрудников Коминтерна ему поручалось установить накануне на месте ли тот или иной человек. А на утро выяснялось, что ночью того «забрали». И тоже, когда я захотел записать воспоминания Оганесова, и пришел для этого в его кабинет, узнал, что он оказался в больнице и в Институт уже не вернулся.

Однажды ко мне в кабинет зашел французский историк-коммунист, занимавшийся историей движения Сопротивления во Франции. Очень хорошо помню тему нашей беседы. Его интересовало, знаю ли я какие-нибудь документы, относящиеся к деятельности КПФ во время начала Второй мировой войны. Осталось

---

¹ Мужество против беззакония. Документы Архива Коминтерна о борьбе за спасение коммунистов-интернационалистов от сталинских репрессий // Проблемы мира и социализма. 1989. № 7. С. 90.

в памяти, как он жестко характеризовал режим, существовавший в то время во Франции. Сказал, что это был по существу фашистский режим, поскольку деятельность компартии запретили и свою газету партии пришлось издавать подпольно. Я бы не придал тому разговору особого значения, если бы он не заметил, что в историографии движения Сопротивления во Франции существует мнение, будто бы КПФ не сразу вступила в движение Сопротивления и даже пыталась войти в контакт с гитлеровскими оккупационными властями, что он решительно отрицал. В действительности именно так и происходило, в чем я убедился позднее, когда уже работал в архиве как его сотрудник.

Компартию запретили 26 сентября 1939 г., после того, как, подчиняясь директивам Коминтерна, объявила начавшуюся войну империалистической с обеих сторон. Дезориентация, вызванная заключением пакта Молотова–Риббентропа в коммунистическом движении, привела к тому, что в Бельгии, Норвегии и Франции, оккупированных германской армией, компартии пробовали договориться с оккупационными властями о легальном издании своих газет. Руководство КПФ предприняло попытку получить согласие на издание газеты «Юманите»

11 июля 1940 г. Димитров из полученной из Бельгии шифровки узнал, что КПФ посылала своего представителя – Дениз Рейде к немецким властям с таким поручением. Вернувшись оттуда, Рейде встретила с руководителем подпольной сети компартии М. Треаном, чтобы доложить ему об этом посещении. Но в этот самый момент французская полиция, следившая за ней, арестовала их обоих.

Руководство компартии, обеспокоенное арестом Треана, поручило адвокату-коммунисту Роберу Фуассону добиться его освобождения. Фуассон сообщил немецким властям, что полиция арестовала Треана из-за того, что тот пытался добиться разрешения на легальное издание «Юманите». После этого Треан и Рейде выпустили на свободу.

Но руководитель немецкой администрации Отто Абец передал через Фуассона предложение встретиться с Треаном для обсуждения вопроса об издании газеты. Лидеры КПФ в этой ситуации решили, как писал в своем докладе в Москву Жак Дюкло, воз-

главлявший в то время руководство подпольной партии, «чтобы Треан (вместе с депутатом товарищем Катла¹, с Дениз Рейде и адвокатом Фуассон) явился на встречу» с Абецом.

Димитров проинформировал Сталина о сложившейся ситуации. Переговоры с оккупантами расценил как серьезную ошибку, которая угрожала скомпрометировать партию. Через Бельгию послал указание КПФ о категорическом запрещении дальнейших встреч с Абецом и его агентами. Руководство компартии немедленно заверило Коминтерн о прекращении всяких переговоров с Абецом, возложив вину на Фуассона, которого исключили из партии.

Таким образом, попытки представить деятельность КПФ в первый период войны как последовательную борьбу с оккупантами, как об этом писали в своих мемуарах Морис Торез и другие руководители компартии, а также историки-коммунисты, повторявшие эти утверждения, не соответствовали действительности. Идеологизированный подход к историческим фактам неизбежно загоняет историка в тупик.

В то время в моем кабинете нередко происходили любопытные встречи. Однажды, вошел какой-то человек лет 50–60. Говорил довольно быстро, нервно расхаживая перед моим столом. Однажды оказался в тюремной камере с умирающим ээком. И тот поведал ему такую историю: жил, мол, в середине 20-х годах на побережье Черного моря, в районе Новороссийска и плывал на катере. Как-то к нему подошел местный энкаведешник и сказал, что надо тайно вывести в море человека, а затем привести его обратно. В своем пассажире узнал Сталина. Когда они выплыли далеко в море, на поверхность всплыла подводная лодка. Катер причалил к той лодке и оттуда в нее перебрался какой-то человек, который вместе с пассажиром спустился в каюту катера. В том человеке опознал Гитлера. Затем тот вернулся на подводную лодку, а катер со Сталиным поплыл к берегу. Рассказчик, по его словам, понял, что его ждет неизбежное устранение, как опасного свидетеля, и воспользовавшись тем, что у руля находился он

---

¹ Имеется ввиду Жан Катала, кандидат в члены ЦК КПФ, депутат парламента. В мае 1941 г. арестован полицией Виши, 24 сентября расстрелян.

один, а пассажир оставался в каюте, закрепив руль, тихонько прыгнул в воду, доплыл до берега и, не возвращаясь домой, исчез из города. Скрывался несколько лет, жил по подложным документам, но связался с уголовниками и однажды его арестовали и бросили в тюрьму. Впрочем, эту историю скрыл от следствия и рассказал сокамернику перед смертью.

Закончив свое повествование, посетитель посмотрел на меня, явно желая узнать мое мнение об этой истории. Я не понял, кто стоит передо мной, психопат, авантюрист или провокатор. Мне уже пришлось как-то после своей лекции разговаривать с одним профессором, который убеждал меня в том, что Сталин был тайным агентом царской охранки, но вот-де документы об этом либо исчезли, либо погибли люди, знавшие эти дела. Я тогда уклонился от ответа аргументом, что этой темой всерьез не занимался. В данном случае не сомневался, что выслушал вранье. Просто сказал, что эта история мне кажется весьма сомнительной по многим причинам. Мой собеседник тут же исчез.

Но порой такие встречи носили совсем иной характер. Однажды ко мне пришла молодая женщина, внучка Александра Тивеля с целью что-нибудь узнать о своем репрессированном деде. Я встречал его имя в коминтерновских документах, и даже имел написанную им вместе с другим коминтерновцем – Мауно Хеймо, книгу «10 лет Коминтерна в решениях и цифрах», изданную в 1929 г, которой пользовался как справочником. С удовольствием рассказал ей о судьбе деда и показал эту книгу.

Другая встреча оказалась совершенно иной. Пришла пожилая женщина и попросила что-нибудь рассказать о ее отце Борисе Васильеве, также расстрелянном НКВД. Я кое-что знал об этом человеке. Старый большевик, он заведовал Организационным отделом в аппарате ИККИ в 20-начале 30-х годов. Сделал немало для внедрения в компартии большевистских установок, что в действительности привело их к тому, что те стали по существу инструментами Москвы. В 1937 г. его арестовали и расстреляли. Видел ее глаза и понимал, что она хочет услышать о своем отце только хорошее. Поэтому сообщил ей немного о том, чем занимался Организационный отдел ИККИ и о той роли, которую сыг-

рал в большевизации компартий, но отнюдь не вдавался в оценку этой деятельности.

Поскольку в этой главе речь идет о судьбе некоторых коминтерновцев, продолжу эту тему сюжетом, относящимся к 1990 г. Мне позвонили из Петрозаводска и предложили подготовить к печати перевод с изданной в Финляндии книги воспоминаний Айно Куусинен, второй жены Отто Куусинена. Я согласился, но с условием, что перевод будет полностью соответствовать оригиналу без каких-либо сокращений.

Айно с 1923 по 1931 годы работала в аппарате ИККИ, затем ее послали на нелегальную работу среди финских иммигрантов в США. Ее рассказ о внутренней жизни аппарата ИККИ, повседневном быте коминтерновцев, скучнейших партийных собраниях, реальной борьбе за власть внутри этой организации существенно обогатил мои знания, почерпнутые в архиве, и подтвердил многие выводы к которым пришел. Вернувшись в Москву в 1933 г., она перешла на работу в советскую военную разведку и ее послали в Японию. В 1937 г. ее, как и Рихарда Зорге, отозвали в СССР. Но тот сказал ей, что в ближайшее время выехать не сможет, так как порвутся с трудом отлаженные связи. Утром 1 января 1938 г. Айно арестовали. В смертельной, сверхчеловеческой схватке с ежовско-бериевскими следователями сумела выстоять, сохранить человеческое достоинство. Главы воспоминаний Айно о годах тюрьмы и лагерей содержат бесценные сведения об этой стороне советской жизни. Следователей больше всего интересовали сведения об Отто Куусинене и от нее добывались, чтобы она признала, что тот является английским шпионом.

Освобожденную после войны, Айно вновь арестовали в мае 1949 г. и приговорили к пятнадцати годам лагерей. На свободу вышла лишь в октябре 1955 г. Только после смерти Отто Куусинена получила возможность уехать из СССР, что она и сделала 23 февраля 1965 года. Подготовка к печати ее воспоминаний¹ стала для меня большим удовольствием.

---

¹ *Куусинен Айно*. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания 1919–1965. – Петрозаводск: Карелия, 1991.

«Сталин и Коммунистический Интернационал»

На длительную стажировку в Высшую партийную школу приехал Эрвин Левин. Пригласил его к нам в гости. Выйдя из дома его встречать, поскользнулся и как-то нелепо упал, подвернув правую ногу. С трудом встал, доковылял до троллейбуса, встретил его у метро, привез к нам, а потом проводил обратно до метро. Все это время нога отчаянно болела. Вернувшись домой, снял ботинок. Нога сильно распухла. Пришлось вызывать скорую помощь. Машина отвезла меня в Загородную больницу. Рентген показал перелом, наложили гипс. Два месяца пришлось провести дома. Хотя передвигаться по квартире пришлось с костылем, но уже не было боли.

Возникшее свободное время использовал для выполнения давно задуманной идеи. Редакция журнала «Вопросы истории» предложила написать статью «Сталин и Коммунистический Интернационал». Ее в 1989 г. опубликовали в двух номерах этого журнала, а затем перепечатали в сборнике «История и сталинизм», перевели на немецкий и дважды издали в Германии¹. К тому времени уже основательно изучил документы фонда Сталина в ЦПА. Удалось выявить довольно много материалов о роли этого человека в эволюции Коминтерна. Эту тему ранее лишь частично осветил в статье о тактике единого фронта. Теперь гораздо полнее и подробнее рассказал о методах с помощью которых он добивался централизации компартий и их безусловного подчинения Исполкому Коминтерна.

В середине двадцатых годов Сталин в своих выступлениях постоянно использовал термины «отсечение», «вивисекция», «снятие голов». При этом подчеркивал, что не является сторонником подобного метода решения спорных вопросов, но всегда добав-

---

¹ *Фирсов Ф.И.* Сталин и Коммунистический Интернационал // История и сталинизм. Сост. А.Н. Мерцалов. – М.: Политиздат, 1991; Die Komintern und Stalin. Berlin: Dietz Verlag, 1990. S. 65–132; Theodor Bergman / Mario Kessler (Hg.) Aufstieg und Zerfall der Komintern. Studien zur Geschichte ihrer Transformation (1919–1943). – Mainz: Podium Progressiv, 1992. S. 37–84.

лял, что без таких мер обойтись нельзя. Понятие ведущей роли партии истолковывал как командование, связывая авторитет руководителя со страхом подчиненных. Предпочитал взять под свою защиту людей чем-либо замаранных, которых благодаря этому можно было держать в послушании. И устранял тех, кто имел собственное мнение и отстаивал его.

Суть сталинских методов борьбы за власть состояла в том, чтобы изобразить противоборствующую сторону как посягающую на основы партии и Советской власти, приписать ей антиленинскую направленность, а себя представить верным учеником и продолжателем дела Ленина. Помимо всякого рода интриг и инсинуаций, решающую роль играло при этом то, что всегда сохранял возможность воздействовать на партийный аппарат и ведущие кадры партии в нужном направлении. Цель его действий состояла в установлении и укреплении своего самовластия. Этому благоприятствовало формирование бюрократической командно-административной партийно-государственной системы, пирамиду которой возглавил он сам. И в нее вписал и аппарат Коминтерна, который превратился в специфическую часть механизма, функции которой состояли в оказании внешнеполитической поддержки системе.

Мне попала в руки интереснейшая книга писателя Александра Никонова, две цитаты из которой хочу привести: «Сталин был в СССР единственным свободным человеком. А все остальные в его стране были статистами и безмолвными исполнителями его воли, его пуговичками, шнурками, обшлагами, гвоздиками в его сапогах. Один Сталин и был – империей». А вот другая: «В СССР никто, кроме одного человека, не был защищен от карающего меча, который мог обрушиться на любую голову, словно повинуюсь генератору случайных чисел. В стране торжествовал кровавый абсурд. Человеческое достоинство в таких условиях угнеталось максимально, а наружу выползали, поскольку всячески культивировались властью, худшие человеческие качества».

К этим словам добавил бы, что в истории человечества трудно найти более зловещую фигуру чем Сталин, принесший своими преступлениями соотечественникам столько зла, мучений и смерти, сколько не сделал никто другой, превративший свою власть в чудовищное смертоносное орудие.

В статье проследил, как внедрилось в политику и практическую работу Коминтерна понятие «социал-фашизм», как нацеливались компартии на нанесение главного удара по социал-демократии и к чему такая политика приводила на практике. Версия об опасности троцкизма стала идеологическим прикрытием репрессий внутри страны.

На статье сказалось наше с Кириллом представление, будто Димитров убедил Сталина в необходимости нового подхода к социал-демократии и возможности сплочения антифашистских сил на общедемократической платформе. Сталин рассматривал это как тактический ход, использование антифашистского движения во внешнеполитических целях, но не отказывался от враждебности к социал-демократии. Мы тогда считали, что антифашизм лежал в основе инициативы Димитрова, но последующие события показали, что главным для него являлось следование в фарватере сталинской политики. После заключения пакта Молотова–Риббентропа и встречи Димитрова со Сталиным термин «фашизм» исчез из словаря Коминтерна. Поэтому я ошибался, когда писал, что руководители Коминтерна не смогли увидеть насаждение Сталиным режима, являвшегося разновидностью «казарменного коммунизма». Они сами были частицей этого режима и всемерно содействовали установлению сталинского самовластия.

Старательно разыскивал случаи отпора сталинским репрессиям. Находя хотя бы малейшее подтверждение этому, рассказывал о нем в своих лекциях, стремился сделать его общеизвестным. О ходатайствах Димитрова в защиту репрессированных говорил, например, в телевизионном интервью болгарским телевизионщикам, приехавшим ко мне домой. Беседовал с ним, сидя в кресле, скрывая таким путем свою загипсованную ногу.

Незадолго до описываемых событий пришлось участвовать в совместной симпозиуме с болгарскими коллегами в Софии. Мы приехали туда в большом составе во главе Минаевым. По просьбе директора Музея Димитрова остался в Софии после завершения симпозиума. Меня повозили по музеям и памятным местам и я выступал в какой-то огромной аудитории, переполненной людьми. Среди них оказалось много ветеранов компартии. В своем докладе упомянул ходатайство Димитрова за освобождение

Благоя Попова из застенков НКВД. До самой своей смерти Попов, умерший уже в Болгарии после освобождения из концлагеря в середине 50-годов, так и не узнал, что Димитров и Коларов выступали в его защиту.

Все еще не понимал, что борьба Димитрова и его соратников за спасение арестованных коминтерновцев лишь частица большой проблемы, связанной с ролью Коминтерна в сталинских репрессиях. Эта организация срослась с режимом, использовалась им в своих целях. Выявлять благородные поступки Димитров и его товарищей в то ужасное время было важно во многих отношениях, просто в чисто человеческом плане, но не следовало их воспринимать как определяющее направление их деятельности. Ошибался, когда сделал вывод в статье, что сталинщина подорвала Коминтерн. В этой формулировке сказались мои надежды на то, что Перестройка, смыв наслоения сталинизма, сможет вернуть идее социализма ее светлое содержание.

Катализаторы сознания

Долго не мог найти места, где следовало бы рассказать о тех прочитанных книгах, которые помогли мне в буквальном смысле превозмочь идеологические шоры прошлых лет. Здесь мне придется нарушить привычную хронологию повествования, поскольку речь пойдет о прочитанных в те годы, а также много позднее работах, но их объединяю, поскольку они в той или иной степени сыграли роль в освобождении от привычных политических и идейных воззрений, которые впитал в себя с юности, даже не понимая, что они мешали смотреть на мир открытыми глазами и воспринимать реальность такой, какой она являлась в действительности, а не такой, какой ей следовало быть по тем канонам. Они помогли мне продумать и проанализировать прожитые годы и найти тон, как рассказать об этом в данных воспоминаниях.

И в первую очередь следует назвать книгу Роберта Конквеста «Большой террор». Русский перевод книги, изданной в Флоренции, дал мне почитать Миша Шатров. Перечитал ее несколько

раз, выписками из книги заполнил две толстые тетради. Его выводы о причинах, которые привели к террору, объяснение, почему Сталин расправился со своими соперниками и миллионами советских граждан, оказали на меня огромное влияние. С тех пор стал горячим поклонником этого выдающегося историка, перечитал многие его работы. Полностью разделяю высказанные им идеи о тоталитарном характере сталинского режима. На меня произвели сильное впечатление теплота и сочувствие автора к простым людям, ставшим жертвами сталинского террора.

Много лет спустя довелось вновь прочитать эту книгу, изданную уже в четвертый раз. Порадовался человеческому и научному долголетию этого историка. Разумеется, он основательно углубил и дополнил новыми сведениями и аргументами свой анализ причин, сущности и последствий Большого террора. Но основные выводы, сформулированные им в первом издании книги, полностью подтвердились – это прежде всего тезис о том, что массовый террор готовился заранее и контролировался центром, что претворяли его в жизнь его по приказу Сталина. Диктатор использовал партийно-государственные структуры сверху донизу как послушный механизм осуществления своих планов. В книге показано, что Большой террор стал неизбежным последствием характера Советского общества и правления коммунистической партии.

«Очень трудно передать те чувства, которые испытывали советские граждане в 1936–1938 годах, – пишет Конквест. – Это постоянный липкий страх каждую ночь, что арест может произойти еще до рассвета... Любой чувствовал, что может оказаться следующей жертвой. Страх по ночам и старание продемонстрировать днем восторженную преданность системе лжи стали постоянным условием жизни советских граждан»¹. Население приучили к молчанию и повинновению, к страху и подчинению.

В стране сложился большой привилегированный слой людей, которые не обладали правом собственности над средствами производства, но ими распоряжались. Привилегии любого из них зависели в конечном счете от прихоти правителя. Историк едко

---

¹ *Conquest Robert. The Great Terror: A Reassessment.* – Oxford: University Press, 2008. С. 252.

и точно заметил, что «сталинизм можно рассматривать как средство индустриализации в том же смысле как каннибализм в качестве средства получения высоко протеиновой еды»¹.

Меня порадовало, что нашел в этой книге несколько ссылок на нашу с Иной Яжборовской статью о сталинской расправе над компартией Польши.

Такое же сильное впечатление произвела книга австрийского экономиста Фридриха Хайека «Путь к рабству». В ней идет речь о тоталитаризме, о методах манипулирования в этих странах массами, опровергаются иллюзии о социализме, как обществе свободных и равных людей, показывается, к чему на деле ведет плановая экономика. Автор убедительно доказывает, что насилие и террор являются характерной чертой, даже сутью такого государства.

Книги Конквеста, труд Хайека убеждают меня в том, что научный анализ дает возможность не только постичь прошлое, но и увидеть в современности направление развития общества. И очень горько от того, что на моей Родине не только не преодолено наследие позорного сталинского режима, но наоборот в самых разных формах оно оказывает воздействие на жизнь сегодня и на будущие события.

Наряду с такими книгами в моей жизни большую роль сыграли воспоминания моих сверстников и людей несколько старше меня о сталинском времени. Они помогли осознать и оценить тот путь преодоления идейных пут, который довелось пройти. Прежде всего назову книгу Юрия Карякина «Перемена убеждений». Его фраза о ликвидации в голове сначала сталинской заслонки, затем – ленинской, а потом – марксистской, вросших в душу и отторгавших все живое, стала как бы факелом, осветившим мой долгий путь прозрения.

Это какая-то удивительная книга! Перечитывая ее, нашел не только строки, объяснившие мне мой собственный путь освобождения от идеологических оков, но и состояние при написании книги о шифровках, когда он пишет о полном сосредоточении на работе, до крайнего изнеможения. При этом оказывается, что она (работа) «становится еще и страшно интересной. Я бы сказал да-

---

¹ *Conquest Robert. The Great Terror...* С. 461.

же: гибельно интересной. Ты просто находишь вдруг три-четыре невидимых стороннему взгляду штриха, и в общую картину входит новый свет»¹. Меня просто обожгли эти строки, они очень живо напомнили мне состояние эйфории, в котором пребывал, когда на экране компьютера появлялся текст глав книги о шифровках Коминтерна, и ту наступившую после того, как поставил последнюю точку, опустошенность, которая уложила меня на больничную койку.

Также и дневники и воспоминания Анатолия Черняева объяснили мне многое в моем поведении, особенно мучавшее меня противоречие между тем, что постепенно стал понимать, и сознательными попытками отбросить идейные оковы, на что потребовалось много лет, в общем почти все годы работы в Институте. Вот, например, что записал Черняев, прочитав машинописный текст дневника Георгия Димитрова: «Впечатление ошеломляющее: вся кухня политики, которую делал Сталин. Он предстает, как преступный, мелочный, пошлый и ничтожный человек. Димитров так не думал, конечно, и ничего подобного не писал, но это само собой вылезает из едва ли не повседневных его контактов со Сталиным, из произносимых тостов, записок, заметок, телефонных звонков, которые скрупулезно фиксируются в дневнике».

Прочитанное в этих и других книгах налагалось на мой собственный опыт и способствовало тому, что мне становились яснее путь, которым шел долгие годы, те препятствия, которые приходилось преодолевать, чтобы посмотреть на то, что делал, более свободно и спокойно.

Журнал «Проблемы мира и социализма»

Весной 1989 г. побывал в Праге по приглашению журнала «Проблемы мира и социализма». До этого в нем опубликовал документы о попытках Димитрова добиться освобождения некоторых

---

¹ *Карякин Юрий*. Перемена убеждений (От ослепления к прозрению). – Москва: Радуга, 2007. С. 115.

репрессированных политэмигрантов, а также статью «Расскажут Архивы Коминтерна» об отрицательном воздействии на деятельность этой организации сталинских указаний и о репрессиях, обрушившихся на многих коминтерновцев.

Вместе со мной поехала сотрудница ЦПА Валя Щетилина, которая обрабатывала материалы, связанные с деятельностью компартии Италии. Она не принадлежала к числу моих друзей. Когда позднее по просьбе итальянцев готовил материалы для сборника о Коминтерне и КПИ, Ира Мительман, которую привлек к участию в подготовке того сборника, показала мне надпись, сделанную рукой Щетилиной на папочке с архивными документами: «Не показывать Фреду». В ней находился список подозрительных итальянских политэмигрантов, составленный Отделом кадров ИККИ. Он предназначался для пересылки в НКВД. Показал директору архива Кириллу Андерсону эту надпись, чтобы знал, в каких условиях мне приходилось работать. Он промолчал. К тому времени наши отношения с ним уже испортились.

Журнал размещался в массивном здании бывшего католического монастыря. В нем работали представители многих компартий. Меня приняли тепло. Приятной оказалась встреча с бывшим коллегой по Сектору произведений Маркса Юрой Харитоновым, который занимал пост освобожденного секретаря партийной организации. Познакомился с Сергеем Ястржемским. Позднее он перешел на работу в Международный отдел ЦК КПСС, а затем стал главным редактором какого-то журнала в Москве, в котором опубликовал интервью с тогда мало кому известным Владимиром Путиным. С грустью наблюдал, как этот талантливый человек превратился в «чиновника особых поручений» у Ельцина, а затем у Путина, дослужившись до должности одного из помощников последнего.

Работники журнала взяли у меня интервью. В нем высказался в том духе, что социализм еще не потерял права на существование, что отражало мои представления времен Перестройки. Вместе с тем с горечью говорил о постоянном дефиците самых насущных предметов.

Значительную часть своего доклада посвятил разоблачению воздействия сталинских установок на политику Коминтерна.

Противопоставлял им ленинский курс на отстаивание позиций в дискуссии единомышленников, стремление сообща искать ответы на жгучие вопросы современности с учетом конкретно-исторических условий, национальных особенностей и традиций. В числе политических деятелей РКП(б), сыгравших существенную роль в разработке политических установок Коминтерна, называл Зиновьева, Бухарина, Радека и Троцкого.

Доклад восприняли далеко не однозначно. Один старый коммунист спросил, а зачем нужно вообще говорить о репрессиях. На это ответил, что если мы об этом молчим, то наши идейные противники используют это молчание против нас. Об этом необходимо знать и прежде всего для того, чтобы извлечь необходимые уроки. Присутствовавшие в зале представители Института истории КПЧ во главе с Иваном Кремпой, как мне тогда показалось, остались недовольны моим выступлением.

Еще ранее новый директор пражского Института рассказал мне, что Сталин перед арестом Рудольфа Сланского звонил Клементу Готвальду и высказал сомнение в необходимости этого ареста. Но придя к себе домой, Готвальд обнаружил, что его жилище прослушивается. Он позвонил Сталину и сказал ему об этом. Тот ответил, что ему нужно знать, что думают люди. Этот же директор с гордостью сказал мне, что КПЧ не пострадала от сталинского террора. Не стал его разочаровывать. Хотя и в меньшей степени, чем другие компартии, эта партия тоже понесла человеческие потери по прихоти диктатора.

Семидесятилетие основания Коминтерна. Встречи с читателями

Обстановка в стране осложнялась. В политическом плане преобразования продвинулись так далеко, что начал меняться политический строй, властные позиции КПСС ослабли. Экономическое положение продолжало ухудшаться, товары, в первую очередь продовольственные, быстро исчезали с прилавков магазинов. Я еще надеялся, что это временные трудности, которые удастся

преодолеть, хотя это свидетельствовало о развале системы. В моих глазах все эти неприятности компенсировались ветерком свободы, возможностью говорить о прошлом без прикрас. Но продолжалась война в Афганистане, которую с большим трудом удалось остановить и вывести оттуда советские войска. Менялись в лучшую сторону отношения страны с Западом, в то же время развалились социалистические режимы в восточноевропейских странах. Как только народам этих стран стало ясно, что горбачевское руководство не пойдет на применение военной силы для сохранения правящих режимов, эти режимы пали.

Для меня лично тогда имело прежде всего значение, что наступила семидесятилетняя годовщина возникновения Коминтерна. Наши новые наработки по истории этой организации становились известными научной общественности. Намного чаще общались с читателями.

Газета «Правда» опубликовала в виде интервью своего редактора Александра Ильина три полосы по проблемам истории Коминтерна. Оно открылось совместным интервью Минаева, Ширини и моим: «Ленин и Коминтерн». В нем традиционно подчеркивалась основополагающая роль Владимира Ильича в формировании этой организации и формулировании ее идейно-организационных и политических позиций.

Хорошо помню, как шла правка текста второго интервью, когда Ильин задавал вопросы нам с Кириллом. Оно называлось «Коминтерн: время испытаний» и было посвящено послеленинскому этапу истории этой организации. Накануне его опубликования значительную часть рабочего дня провел в редакции газеты, правя вместе с Ильиным верстку, затем в проверочном отделе газеты, где проверщик с помощью энциклопедических справочников уточнял каждый факт, упомянутый в интервью. Центральной идеей стало отрицательное воздействие Сталина на Коминтерн, превращение его в жестко централизованную организацию. Помимо навязанных ей леворадикальных сектантско-догматических установок, она оказалась под жестким сталинским контролем. Лавина репрессий во вторую половину 30-х годов распро-

странилась и на аппарат Коминтерна и руководящие кадры многих компартий.

Газета «Neues Deutschland», центральный орган СЕПГ, напечатала редакционную статью с резкой критикой нашей публикации. Судя по тому, что вслед за этим многие немецкие коллеги пользовались всяким случаем, чтобы сообщить мне о своей симпатии, окрик руководителей СЕПГ отнюдь не имел тех последствий, на которые они рассчитывали. Позднее немецкие коллеги перевели и издали в Берлине наши интервью в «Правде».

В той же серии также появилось интервью Мухамеджанова и Хаванова о борьбе Коминтерна против фашизма и войны. В нем, помимо рассказа о VII конгрессе Коминтерна и значении его решений, затрагивалась и проблема отрицательного влияния на антифашистскую деятельность Коминтерна пакта Молотова–Риббентропа.

Годовщину основания Коминтерна мы отметили научной конференцией. С удовольствием увидел на ней многих московских коллег. Конференция чуть не началась со скандала. Только председательствующий, заместитель директора Института Михаил Петрович Мчедлов, открыл заседание, Искандер Ундасынов из ИМРД попросил предоставить ему слово для выступления вне очереди. Но Мчедлов отказал ему. Когда же Ундасынову дали слово, оказалось, что он хотел сказать об отрицательном воздействии Краткого очерка истории Коминтерна на советское коминтерноведение. Он говорил об этой работе как о навязывании про сталинских установок в историографии. Никто его не поддержал. Ему ответил в своем выступлении Шириня, остановившийся, в частности, на критике в этой книге сталинских левацко-догматических положений и негативных последствиях вмешательства Сталина в деятельность Коминтерна.

Удивило меня выступление Минаева. Он сказал, что суд над Бухариным был правомерен, поскольку даже такой человек как руководитель компартии Швейцарии Жюль Эмбер-Дро публично выступил с разоблачением Бухарина. Ответ Минаеву дал Саша Ватлин, заметивший, что Эмбер-Дро ранее являлся сторонником Бухарина и его стремление отмежеваться от Бухарина связано с желанием спасти собственную голову.

Свое выступление озаглавил так: «Коминтерн: опыт, традиции, уроки – нерешенные задачи исследования». Говорил, что наступила пора освободиться от навязанных сталинизмом догматических схем, от вольных и невольных искажений и «фигур умолчания», что не следует смотреть на работы зарубежных историков о Коминтерне как бы через амбразуру. Подчеркнул, что необходимо отказаться от представления, будто Коминтерн в своей деятельности являлся самостоятельным, ибо существу его политика определялась внешнеполитическими интересами Советской страны. К числу первоочередных тем, нуждавшихся в исследовании, отнес место и роль ВКП(б) в Коминтерне, конкретный анализ последствий грубого вмешательства Сталина в дела этой организации и компартий.

В те дни приходилось чаще обычного выступать на встречах историков с читателями, в студенческих аудиториях, на кафедрах высших учебных заведений. В числе авторов журнала «Вопросы истории» участвовал во встрече с читателями, прошедшей в огромном зале здания, построенного для художественных выставок. Вел ее главный редактор журнала Искендеров. Моим соседом оказался Антон Владимирович Антонов-Овсеенко, сын известного большевика, арестованного 25 октября 1917 г. в Зимнем дворце министров Временного правительства, впоследствии начальника Главного Политического Управления Красной Армии, в 1937 г. расстрелянного сталинскими палачами. Антон также много лет провел в концлагерях. После этого стал известным публицистом, написал несколько книг. В них рассказывалось о том как в «театре Сталина» готовились кровавые, драматические спектакли, завершавшиеся гибелью их участников

Мне довелось в те дни неоднократно выступать вместе с Антоном. Во время одной такой встречи он рассказал мне поучительную историю. Ему приходилось много общаться в заключении с уголовниками. Верить этим людям и полагаться на них нельзя, говорил Антон. Человек, с которым ты разделял тюремную баланду, который клялся тебе в вечной дружбе, оказавшись в твоём доме, неизбежно тебя обворует.

Снова в Италии

Неожиданно пришло приглашение из Института Грамши участвовать в научной конференции, посвященной Сталину. Вместе с заместителем директора Валерием Журавлевым, Владимиром Козловым и Геннадием Бордюговым вылетели в Рим. Из Москвы туда прибыли и представители других научных учреждений. Среди них находился известный историк коллективизации Виктор Петрович Данилов. Мы с ним после этого неоднократно встретались, он с энтузиазмом рассказывал о подготавливаемых им публикациях по истории советского крестьянства. В хрущевские времена возглавлял партком Института истории, который активно боролся за разоблачение сталинского режима. После отставки Хрущева подвергся нападкам со стороны администрации своего Института и рабелепствующих историков. Но держался весьма мужественно, а его труды получили международное признание.

В Италии уже знали мои работы, в которых содержалась критика Сталина и сталинизма, чем и объяснялось эта поездка. Впрочем, приглашение отнюдь не означало, что ты поедешь на это мероприятие. Необходимо было решение Дирекции. Так было, например, со мной, когда меня пригласили в Австрию. По указанию Шаншиева пришлось отказываться со ссылкой будто не могу ехать по личным причинам.

Из Рима в городок Урбино, где в местном Университете проводилась конференция, поехали на автобусе. Я набрался нахальства и попросил у всех иностранцев, сидевших в автобусе по монетке. Тогда я еще собирал монеты¹. В числе пассажиров ров

---

¹ С детства собирал марки, а в старших классах перешел на коллекционирование монет. Среди них оказалась копейка, выпущенная при Петре I, именно с того времени и начали хождение медные копейки, денга времен Анны Иоанновны. Главной в ней стала французская серебряная монета 1793 г. На ней был помещен профиль Людовика XVI, которому в тот год отрубили голову, а на другой стороне монеты крылатый ангел писал что-то в свиток, находившейся перед ним на подставке. Прочитывалось слово «Конституция». Внизу монеты была надпись «5-й год Свободы». В коллекции

оказался американский профессор Роберт Даниэльс, прилично говоривший по-русски. Он подарил мне свою книгу по истории внутривнутрипартийной борьбы в ВКП(б). Михал Рейман, которого встретил на конференции, сказал мне, что в этой книге говорится о всех перипетиях той борьбы: «Хочешь что-либо узнать и написать, посмотришь, а там уже все сказано».

На конференции выступал по-русски, хотя привез и итальянский перевод своего текста¹. Его мне сделала Леночка Пархоменко. А председательствовал на том заседании Евгений Амбарцумов, заместитель Тимофеева, в то время известный критик советского режима. Он во время перерыва спросил меня, почему не выступлю по вопросу о Катыни, где погибли тысячи польских офицеров, взятые в плен Советской Армией. Следовало, по его мнению, устроить пресс-конференцию с приглашением иностранных журналистов. На это ответил, что не считаю себя специалистом по этой проблеме. Такую глупость не мог сделать и по простой причине, что это было просто невозможно в нашем Институте.

Впрочем, все же влип в неприятную историю. Власти Чехословакии не выпустили из страны для участия в конференции Милоша Гаека, видного историка, которого после советской интервенции 1968 г. исключили из КПЧ и уволили. Встречался с ним в Праге. Он показал мне дом, в котором родился Карл Каутский, будущий идеолог немецкой социал-демократии. Конференция приняла протест к правительству Чехословакии. Я присутствовал на том заседании. Журавлев и другие заседание пропустили. Ко мне подошел Козлов и позвал на совещание. Он сказал, что возмущен тем, что в его отсутствие приняли такое заявление и предложил мне подписать их протест. К своему стыду, внося в него какое-то изменение, поставил свою подпись. Это говорит о том,

---

оказались и две каких-то совершенно древних монетки и малюсенькая серебряная чешуйка XVII века, видимо полушка, из клада, обнаруженного при перестройке здания ЦПА. Ее подарил мне сотрудник фотосекции ЦПА, с которым у меня сложились дружеские отношения.

¹Мое выступление опубликовано в материалах конференции (*Firsov Fridrich. Lo stalinismo e il Komintern // L'età dello stalinismo. – Roma: Editori Riuniti, 1991*).

что все еще оставался послушным начальству совком, что и раньше. На заключительном заседании Журавлев в своем выступлении зачитал этот документ. Зал шумом отреагировал на него. Признался Рейману в своей проступке. Тот сказал, что не советует мне общаться с другими иностранцами. Эта оплошность отравила надолго настроение и испортила впечатление от конференции.

Вернувшись в Рим, побродил по Колизею, даже посидел на его трибуне, посетил еще несколько любимых мест. Ко мне подошла группа мальчишек с каким-то вопросом. Когда пытался что-то ответить, почувствовал, как в кармане шарит чья-то рука. Зажав карманы, бросился бежать. С тех пор, как только видел толпу ребятишек на улице, опрометью убегал оттуда.

Бернгард Байерляйн

В Москве, как и по всей стране, шла подготовка к Первому съезду народных депутатов. Партийные кандидаты не выдерживали словесной дуэли с теми, кто выступал с демократических позиций. Надо отдать должное москвичам и ленинградцам – они высказались в пользу тех, кто заявил о своей оппозиции властям. Сначала предвыборные дискуссии, а затем заседания самого съезда затмили все другие передачи телевидения.

Партийное руководство делало все, чтобы получить большинство голосов на съезде, для этого вводились выборы по различным спискам – отдельно от КПСС, от различных общественных и профессиональных организаций, чтобы обеспечить выбор делегатов, угодных руководству. Ну и провинция, особенно среднеазиатские республики, тоже проголосовала так, как было положено. В результате на съезде преобладало, как его метко назвал Юрий Афанасьев, «агрессивно-послушное большинство», но все же появилась и демократическая оппозиция, объединившаяся в Межрегиональную группу.

В это время в Институт из Германии приехал Бернгард Байерляйн, статный красавец, полный интересных идей, склонный ско-

рее к грандиозным проектам, чем к повседневному копанию в архивных залежах. Прекрасный организатор, хороший оратор, а главное, что очень ценю в людях, верный и надежный человек. Мы с ним как-то сразу прониклись симпатиями друг к другу и наша дружба уже насчитывает годы. Он говорит на многих языках, я тогда – на остатках своего английского, почти совсем забытого с школьных времен. Несмотря на это мы отлично понимали друг друга.

Бернгард предложил вместе заняться темой репрессированных коминтерновцев. Меня она уже давно интересовала, но как первый этап исследования предложил выяснить вопрос, пытались ли руководители Коминтерна защитить своих подчиненных от разгула репрессий, вызволить кого-нибудь из застенков и т. д. А уже потом выйти на саму тему репрессий. Бернгард согласился со мной. С самого начала контактов с иностранными исследователями меня очень порадовал тот факт, что они воспринимали меня как своего коллегу, знатока коминтерновской истории и его архива. Это чувство очень помогло в дальнейшем.

Однако позднее убедился, что у Западных историков распространены совершенно различные течения и школы, как, впрочем, и у российских. Одни стремятся строить исследования на основе анализа совокупности фактов, не подгоняя их под какую-то схему или идеологические каноны, с такими мне удавалось довольно быстро найти общий язык, а с некоторыми из них даже подружился. Другие, утвердившись в какой-то концепции, подбирают факты и документы, соответствующие ей. Поскольку в архивах можно найти материалы почти любого сорта, то они, опираясь на такого рода сведения, доказывают справедливость своей концепции, игнорируя данные, ее опровергавшие.

Встретился даже и такой уникум, который всерьез отстаивает тезис, будто в СССР в 30-х годах «не было широко распространенного страха»¹. Естественно, в советских архивах или в газетах нет никаких материалов, документально подтверждающих это страх, но достаточно почитать многие воспоминания, опубликованные дневниковые записи, чтобы понять, что страх за свою жизнь и жизнь близких охватил тогда миллионы людей.

---

¹ *Thurston Robert W. Life and Terror in Stalin's Russia. P. XIX.*

Другой «исследователь» всерьез утверждает, что митинги во время сталинских шоу-процессов, когда «единодушно» принималось требования расправиться с «врагами народа», были ничем иным, как давлением масс на власть¹. Хорошо известно, что собрания и митинги проводились по указанию партийных инстанций, соответствующим образом подготовлялись, на таком мероприятии невозможно было высказать иное мнение. Такого человека немедленно бы арестовали.

Общим моментом, характерным для этих исследований, является отношение к документам из советских партийных и государственных архивов как к адекватному отражению действительности того времени. Но они не только в значительной степени соответствовали политике правящего режима, а составлялись, готовились в духе идеологических установок и представлений, свойственных этому режиму, а подчас и заранее фальсифицировались, чтобы создавать необходимую видимость. Во время допросов в НКВД от арестованных любыми способами добивались необходимых следствию признаний, и подписанные арестованными показания являлись доказательством их «вины».

Историк, не может доверять этим вырванным пытками и страданиями «признаниям», подтверждающим якобы вину обвиняемых на сталинских «шоу-процессах»². Документы того периода, сохранившиеся в архивах, отличаются той же степенью «правдоподобия» в изображении реальной картины тех лет, как и газеты. В этом характерная черта абсолютного большинства архивных материалов, относившихся к деятельности партии, государства,

---

¹ Chase William J. *Enemies Within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934–1939.* – New Haven and London: Yale University Press, 2001. P.146–147.

² К сожалению, мне приходилось не раз встречать в исторических сочинениях попытки трактовать результаты «шоу-процессов» и показания на них обвиняемых как доказательство их вины, вымышленных попыток террористических актов и прочих «преступлений» обвиняемых. Как правило, суждения такого рода принадлежат историкам-сталинистам, но не только им. Иногда они свидетельствуют о непрофессионализме исследователя или о каких-то иных причинах, определяющих тенденциозный характер работ подобного историка.

средств массовой информации, всей документации, связанной с идеологией и репрессиями. Некоторые документы сознательно уничтожались при чистках архивов. К этому можно добавить еще то, и это хорошо известно по многим воспоминаниям, что часто тайные указания и не фиксировались в письменных документах, а отдавались устно, но при этом беспрекословно выполнялись. Ведь нет ни одного письменного распоряжения Сталина о проведении массового террора, но этот террор имел место и главным организатором его в СССР был диктатор этой страны. То же относится к заранее запланированным убийствам.

Подчас отсутствие в архивах документов служит некоторым историкам основанием утверждать, что раз нет архивного документа, то это означает, что такого события, о котором пишут другие историки, опиравшиеся на другого рода источники, не было (наиболее типичным является пример российского историка Костырченко, который в своих работах утверждает, что поскольку в архиве нет документов о подготавливавшейся по сталинской указке расправе с евреями в 1953 г., то, дескать, такого распоряжения не было¹). Этот аргумент несостоятелен по многим причинам, в частности, потому, что есть многочисленные воспоминания людей, принимавших участие в организации той несостоявшейся расправы, к тому же, ряд в этом смысле важнейших архивов, либо их наиболее ценная часть, закрыты для исследователя и реальные доказательства приходится собирать буквально по крохам.

---

¹ Несостоятельность утверждений Костырченко убедительно опровергнута в книге Федора Лясса («Последний политический процесс Сталина. Несостоявшийся юдоцид»). Автор этой книги, мать которого по замыслу следствия должна была играть ключевую роль в несостоявшемся процессе над «убийцам в белых халатах», выдержав муки длительной бессонницы, бесконечных допросов, выстояла и тем способствовала срыву процесса. Лясс подробно исследует сталинский антисемитский план уничтожения еврейского народа в СССР как заключительную главу в его политике массового террора, и доказывает, что только неожиданная смерть тирана спасла этот народ от геноцида. Лясс реконструировал схему сталинских преступлений, имевших одни и те же этапы и завершавшихся массовым террором и геноцидом.

Советские историки, изучавшие позорную историю Катынской трагедии начали приближаться к своим открытиям через установление документов о том, что военная охрана лагерей польских военнопленных была снята весной 1940 г, то есть тогда, когда этих военнопленных уже не было в этих лагерях.

Отличительной чертой работ историков – «неоревизионистов» является то, что категории и понятия, используемые при анализе ситуации в демократических странах, применяются в отношении сталинской системы и советского строя вообще, традиционная схема взаимоотношений гражданского общества и государства распространяется на сталинский режим, что совершенно недопустимо. Свою точку зрения на подобного рода работы я выразил в статье, опубликованной в известном ежегоднике, издаваемом в Германии¹.

Однако вернусь к теме этой главы. Гости Института тогда размещались в новой партийной гостинице, тогда – лучшем отеле Москвы. Как-то приехал к Бернгарду в гостиницу и мы пошли обедать в ресторан. В зал вошла группа народных депутатов из какой-то среднеазиатской республики. Впереди шел человек, осанкой и поведением показывающий, что является главным среди них. По-видимому, это был Первый секретарь компартии данной республики. Остальные вели себя с ним как раболепные прихвостни. Довольно типичная картинка того времени.

После того, как мы с Байерляйном договорились подготовить сборник документов о попытках коминтерновских руководителей противостоять репрессиям, убедил куратора нашего Отдела Мчедлова поддержать это предложение. Соответствующую бумагу послали в Отдел науки ЦК КПСС. Но там она не вызвала одобрения. Заведующий Сектором ЦК Горшков сказал, получив это предложение, что позиции партии слабеют под натиском демократов, а тут еще Фирсов предлагает заняться репрессированными коминтерновцами, то есть пытается подлить масла в огонь. Словом, из этой затеи ничего не получилось.

---

¹ *Firsov Fridrikh. Soviet History During the Great Terror. Critical Notes on Recent Historical Publications // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 2006. – Berlin: Aufbau-Verlag GmbH, 2006. S. 258–266.*

Я действительно хотел через освещение попыток руководителей Коминтерна противостоять репрессиям выйти на само исследование репрессий коминтерновцев. Уже немало знал о том, что коминтерновское руководство и Отдел кадров ИККИ, а также руководство парторганизации аппарата ИККИ участвовало в репрессировании коминтерновцев, в еще большей степени – политэмигрантов, а также польских коммунистов.

Аресты сотрудников аппарата ИККИ и политэмигрантов руководители ИККИ воспринимали как очищение от враждебных и подозрительных элементов. В августе 1936 г. Мануильский в письме Димитрову доложил, что Отдел кадров ИККИ передал в НКВД материал на 3 тысячи человек, подозреваемых в том, что они являются шпионами, провокаторами, диверсантами. «Фактом является также и то, что целый ряд крупнейших дел, касающихся наиболее засоренных провокацией и чуждыми антипартийными элементами партий польской, румынской, венгерской и других, были поставлены Отделом кадров правильно и своевременно. – говорилось в этом письме. – В Центральном комитете ряда партий с помощью Отдела кадров были выявлены чуждые элементы, агенты классового врага». Впрочем, эти цифры относились еще к осени 1934 г. и, разумеется, оказались многократно превышены в период массового террора.

Проводимая в то время кампания чистки аппарата Коминтерна проводилась по непосредственному указанию руководства ИККИ и сопровождалась увольнениями, а вслед за тем и арестами значительного числа людей. 20 февраля 1935 г., выступая на партийном собрании, Димитров заявил: «Нужны особые мероприятия, особые методы работы, чтобы аппарат Коминтерна был бы обеспечен от проникновения в него агентов врага и от опасности двурушничества». Имелись в виду постоянная проверка и информирование руководства обо всем, что представляется опасным. «Кто не сигнализирует своевременно всякую подобную опасность, – утверждал руководитель Коминтерна, – тот является пособником врага». На деле речь шла об информировании карательных органов.

Однако не раз вести об аресте тех или иных лиц заставляли руководителей ИККИ врасплох. Арест человека, близкого кому-

нибудь из их среды, нес потенциальную опасность и для них самих. Собственно дело обстояло именно таким образом. В НКВД на каждого сотрудника аппарата ИККИ, а тем более на его руководителей, существовали дела, в которых накапливались сведения, которые могли пустить в подходящее для этого время. Знали ли об этом лидеры Коминтерна? Полагаю, что знали или во всяком случае подозревали. Этим в определенной степени определилась и мгновенная реакция Димитрова на весть об аресте Кабакчиева.

Но все же Димитров обратился с ходатайствами о пересмотре дел репрессированных лишь тогда, когда «ежовщина» прекратилась и появилась надежда, что ее последствия можно будет исправить. В 1939 г. по его указанию переслали в органы НКВД свыше 130 писем Димитрова и заявлений родственников заключенных с просьбой о пересмотре дел и освобождении невиновных людей.

Но делал это он очень осторожно. Как правило, его ходатайства касались тех людей, которых он хорошо знал, то есть болгарских политэмигрантов, или тех, о ком просили его некоторые секретари ИККИ и члены Президиума ИККИ. Иногда Димитров ограничивался пересылкой в прокуратуру или руководителям НКВД полученных им писем от родных и близких арестованных.

Чаще всего эти ходатайства оканчивались безрезультатно. Обычно в ответ приходили сухие официальные подтверждения приговоров, основанных на фальсифицированных результатах следствия – на «признаниях» обвиняемых или показаниях других подследственных.

Об этом свидетельствует то, что одни и те же фамилии повторялись в посланном Димитровым Берии списке с просьбой пересмотра дел арестованных от 7 декабря 1938 г. на 131-го человека и в представленном Маленкову списке от 3 июля 1940 г. на 122-х человек. Однако результаты этих просьб Димитрова несколько изменились, после того, как он получил от прокуроров Якунина, Курова и Гитмана информацию о том, что в прокуратуре Московского военного округа собран материал, свидетельствовавший об аресте людей, невиновных в тех преступлениях, в которых их обвиняли. Это подтверждало рассказ Пономарева.

Имея на руках эти сведения, Димитров вновь обратился в ЦК ВКП(б) с ходатайством в защиту группы репрессированных политэмигрантов. Он не только встретился с секретарями ЦК ВКП(б) Ждановым и Андреевым для обсуждения трений между прокуратурой и НКВД по делам политэмигрантов, но и в письме Андрееву от 7 февраля 1941 г., ссылаясь на московских прокуроров, настаивал на пересмотре дел репрессированных болгарских политэмигрантов. «Не подлежит также сомнению, – говорилось в этом письме, – что и в рядах арестованных политэмигрантов других национальностей (немцев, австрийцев, балканцев и др.) имеется немало честных и преданных коммунистов, дела которых следовало бы пересмотреть и исправить совершенную в отношении таких людей ошибку». К письму Андрееву был приложен перечень на 132 человек.

О том, что в этот раз были достигнуты иные результаты, свидетельствует новое ходатайство Димитрова. В этот раз оно было послано 22 ноября 1943 г. на имя наркома госбезопасности СССР Всеволода Меркулова. В нем говорилось о судьбе 40 человек. «Мы считаем, что они являются жертвой клеветы, – писал Димитров. – В этом мы убеждены на основе тщательного и систематического изучения и знания наших кадров. До подлого нападения фашистской Германии на Советский Союз по нашей просьбе был начат пересмотр дел арестованных членов КП Болгарии. Более 150 человек было освобождено». Таким образом ходатайства Димитрова все же способствовали освобождению какой-то части невинно осужденных людей. Это отнюдь не меняло общую ситуацию, хотя действительно принесло спасение небольшой части репрессированных.

Сентябрьская конференция

В сентябре того же 1989 г. состоялась научная конференция, подготовленная совместными усилиями нашего Института, АОН и ИМРД на тему: «Рабочее движение и общественный прогресс». В ней участвовали наши коллеги из многих городов страны, а

также немецкие и болгарские ученые. В рамках конференции работала секция «Коминтерн – международная организация коммунистов». Выступил на ней с докладом «Международная организация коммунистов. Механизм функционирования».

К тому времени я уже получил звание профессора. Оно присваивалось не только преподавателям, но и ученым, не ведущим профессиональной преподавательской деятельности, а имеющим свою научную школу. Это подразумевало наличие не менее пяти человек, защитивших кандидатские диссертации под научным руководством этого человека. Поскольку к тому времени у меня уже было таких пять учеников, Ученый совет Института присвоил мне это звание и ВАК утвердил это решение, выдав соответствующий аттестат.

Характеризуя Коминтерн, выдвинул в докладе тезис, что попытка создать в его лице могущественную, дисциплинированную, строго централизованную организацию, направляющую и координирующую практическую деятельность и международное революционное пролетарское движение, руководящую повседневной борьбой рабочих разных стран, превышала ее возможности и обрекала эту деятельность на неудачу. Впервые также, хотя еще очень осторожно, был поставлен вопрос о финансировании Коминтерном компартий, имевшим определенные последствия.

В докладе привел отрывок из письма Клары Цеткин Пятницкому о превращении Коминтерна «в мертвый механизм, который, с одной стороны, проглатывает приказы на русском языке, и, с другой, выдает их на различных языках, механизм, превративший огромное всемирно историческое значение и содержание русской революции в правила Пиквикского клуба». Письмо это прислал Горбачеву профессор Зигфрид Бане, автор многих работ по истории Германии после Первой мировой войны и коммунистического движения в этой стране. Канцелярия Горбачева переслала письмо в наш Институт. Позднее познакомился с этим удивительно милым и скромным человеком, который был в свое время научным руководителем Байерляйна.

Цитата Цеткин настолько точно характеризовала перерождение Коминтерна, что с тех пор приводил ее в своих работах неоднократно. Она была высказана не оппозиционером, а человеком,

остававшимся до конца верным своим коммунистическим убеждениям, и, как выяснилось позднее, чуть ли не единственным исключением из плеяды видных фигур этого движения, о которой можно сказать, что не была замарана грязью.

Пожалуй, тогда даже не понимал полностью всего значения этого высказывания Цеткин. Констатируя, что директивы Сталина сказывались на многих важнейших сторонах деятельности Коминтерна, работе его аппарата, что для Сталина эта организация являлась инструментом политического диктата, все еще полагал, что руководство этой организации стремилось вырабатывать и осуществлять политику, отвечающую общим принципам коммунистического движения и задачам, которые диктовались действительностью. Таким представлял себе положение дел в Коминтерне. Продолжал искать понимание сути изучаемой проблемы в рамках прежней парадигмы, то есть по известному выражению Ленина, получался шаг вперед и два шага назад.

Ина Яжборовская в своем выступлении, посвященном отбору, функционированию и ротации кадров в Коминтерне, также развивала тезис о громоздкости его организационной структуры, усилении централизма и внедрении строгой иерархичности. Обратила внимание на то, что формирование руководящего состава ИККИ шло по линии сосредоточения реальной власти в руках исполнительного органа, тех людей, которые проводили в жизнь указания Сталина.

В выступлениях других ораторов предпринимались попытки проанализировать деятельность Коминтерна с точки зрения идейно-теоретической подготовки кадров (Леонид Бабиченко), формирования облика политической партии (Михаил Басманов из АОН). Ширина говорил об упрощенном коминтерновском представлении, что только последовательные революционеры защищали интересы трудящихся, а все другие участники рабочего движения являлись его предателями. Но вину на раскол рабочего движения все же возложил на социал-демократию, лидеры которой оценивали компартии с позиций доктрины тоталитаризма и приравнивали их к фашизму. Здесь, как мне кажется, следует иначе расставить акценты. Обозначение компартий как «коммуно-фашизма» родилось в ответ на то, что Коминтерн записал

социал-демократию в «социал-фашизм». Останавливаясь на проблеме антифашистского единства, Ширина как преграду на пути создания такого единства прежде всего назвал антикоммунизм. Но ведь удалось добиться сотрудничества рабочих партий в движении Сопротивления в годы Второй мировой войны.

Интересным мне показалось выступление ленинградского историка Юрия Михайловича Чернецовского, специалиста по истории германского рабочего движения, на тему: Коминтерн и социал-демократы в 1919–1922 годах. Мы были знакомы давно, с симпатией относились друг к другу. Когда довелось побывать в Ленинграде, Чернецовский, работавший в Ленинградской Высшей партийной школе, показал мне здание, в котором размещалось данное учреждение. Это был Потемкинский дворец, в котором в 1917 г. состоялась Апрельская конференция большевиков.

В изучение социал-демократии Чернецовский внес немало свежих мыслей и новых сведений. Опроверг традиционное утверждение о враждебном отношении Каутского к Октябрьской революции 1917 года. Привел цитату из его статьи, написанной 11 ноября, в которой тот заявил, что если большевикам удастся преодолеть объективные трудности, то начнется новая эпоха человеческой истории. Последующая полемика Каутского и других лидеров социал-демократии с Лениным велась не по вопросу о правомерности революции, а в связи с методами ее осуществления. Кстати, именно за это критиковала большевиков тогда и Роза Люксембург, работа которой в годы существования СССР оказалась недоступной советским читателям.

Саша Ватлин говорил об истоках «левого поворота» в политике Коминтерна, связанного с левацкой оценкой стихийного выступления венских рабочих против реакционной юстиции и фашизма 15 июля 1927 г., в котором руководство Коминтерна во главе с Бухариным ошибочно увидело начало нового революционного подъема в Европе. Некоторые участники конференции посвятили свои выступления вопросам взаимоотношений Коминтерна и конкретных компартий. Сергей Иванович Семенов и Марина Давыдова разбирали проблемы латиноамериканских компартий, Марклен Тихонович Мещеряков (профессор АОН) – компартии Испании, Ира Мительман – Итальянской компартии.

Конференция показала, что назрела необходимость в новой книге по истории Коминтерна, чтобы исследовать ряд серьезных проблем, ранее не ставших предметом научного анализа, в том числе углубить критику ошибок этой организации и анализ воздействия на нее сталинизма. Материалы этой конференции, как и предыдущей, посвященной 70-летию основания Коминтерна, издали под моей редакцией ротاپринтным способом. Позднее несколько раз приходилось встречать ссылки на эти сборники в книгах и статьях различных авторов, в том числе и зарубежных, по истории Коминтерна.

В Институте состоялась конференция, посвященная Бухарину. Выступил на ней с сообщением «Бухарин в Коминтерне», Саша Ватлин – на тему: «Бухарин и «левый» поворот Коминтерна». Я говорил, что Бухарин стремился действовать соответственно тому, как понимал ленинские принципы руководства, допуская при обсуждении вопросов их широкое обсуждение. Но прежде всего он являлся представителем ВКП(б) и поступал соответственно. Оказавшись в конфликте со Сталиным, который с неизбежностью вел к его поражению, в письме последнему просил дать ему возможность провести VI конгресс Коминтерна, после чего добровольно уйдет с политической сцены. Сталин не внял этой просьбе. В кулуарах конгресса и на заседаниях его комиссий Молотов, Бессо Ломинадзе и другие остро критиковали Бухарина, о нем распространялись всяческие слухи среди делегаций компартий. Практически после конгресса он не занимался коминтерновскими делами, номинально оставаясь членом руководства ИККИ, пока Апрельский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. не исключил его из членов Политбюро ЦК ВКП(б), вслед за этим Бухарина сняли со всех постов в ИККИ.

Материалы конференции издали в книге «Бухарин: человек, политик, ученый»¹.

---

¹ В 2012 году в Москве под редакцией Г. Бордюгова вышел из печати сборник «Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина». Находясь в заключении, оказавшись в ситуации неизбежной гибели, опороченный клеветой до нельзя и к тому же вынужденный следовать навязанным ему «правилам игры», он написал труд под названием «Философские арабески», который по существу представлял собой осмысление философского

Серебряный бор

Меня включили в состав авторского коллектива для написания нового варианта Очерка истории КПСС. Горбачевское руководство решило, как и прежние лидеры партии, что необходим такой труд. Курировал эту работу Александр Николаевич Яковлев, а непосредственно отвечал за нее его помощник Владимир Павлович Наумов. Он раньше работал в нашем Институте. У меня с ним сложились теплые отношения. Наумов на одном из заседаний в кабинете директора в докладе о внутрипартийной борьбе в ВКП(б) говорил о том, что за различными идеологическими прикрытиями скрывалась борьба за реальную власть в партии. Эта концепция соответствовала моим выводам.

Решил сначала написать что-то вроде «болванки» о конгрессах Коминтерна. Рукопись о двух первых конгрессах получилась размером что-то около 200 страниц. Написанным остался недоволен. Текст показался мне каким-то сухим. Чтобы сделать его более читабельным, привлек в качестве соавтора Сашу Ватлина, сделавшего несколько вставок. Передал тексты Наумову, но сказал ему, что работе мешает загрузка секторскими делами. Он предложил пожить на даче ЦК в Серебряном бору, куда поехали тогда некоторые члены авторского коллектива. Смирнов согласился на это при условии, что я, в случае необходимости, появлюсь на работе. И разрешил на пару месяцев поехать на эту дачу.

Так, оказался на даче в Серебряном бору. Впервые побывал там еще в студенческие годы. В жаркий день несколько человек

наследия Ленина. Это свидетельствует об огромном мужестве ее автора, который завершил в тюрьме свои философские исследования, отражавшие его коммунистическое мировоззрение. Эта работа стала своеобразной идейной подготовкой к предстоящему процессу, выработкой тактической линии поведения на этом процессе. Разумеется, его представления о гуманном социализме, видение перспективы развития человеческого общества страдали иллюзиями и утопичны. И Бухарин как политический деятель несет свою и немалую долю ответственности за то, что произошло с Россией в прошлом веке. Но нельзя забывать и о том, что он был одним из тех, кто понял опасность фашизма и делал все, что мог для мобилизации сил, способных ему противостоять.

из нашей группы сели в троллейбус и через всю Москву приехали туда. Придя на городской пляж, полезли в воду. Доплыл до буйка и потрогал его. Течение загнало ноги под буюк и пришлось вцепиться в него. С берега закричали, чтобы отпустил буюк, но не сразу смог это сделать. Михал Рейман крикнул: «В чем дело? Тебе помочь?». Но все-таки сумел кое-как отплыть.

Вообще обнаружил, что в такой ситуации самым неприятным для меня оказалось привлечь к себе внимание. В Сочи, заплыв метров на тридцать, наткнулся на шарообразную медузу. От неожиданности шарахнулся в сторону и тут же свело ногу. Недалеко плавали люди, но удержался от крика. Сразу представил себе, как потом все будут на меня смотреть с сочувствием. «Нет этого не сделаю ни за что!» И со сведенной болью и поджатой ногой потихоньку поплыл к берегу. У самого берега боль прошла и нога заработала, как полагается.

Когда мы жили на Новохорошевском шоссе, по выходным отправлялись в Серебряный бор всей семьей. Гулять по сосновой роще, берегу канала доставляло огромное удовольствие. Сотрудники Института могли получать для катаний лыжи на лыжной базе ЦК КПСС. Лыжные ботинки нам давали на время из кладовой Института. Лида просила брать с собой Олечку, а я, к моему стыду, этого не делал, отговариваясь тем, что она будет медленно ходить. И сейчас Лида это нередко мне вспоминает.

Часть сосновой рощи была перегорожена высокими заборами. В глубине участков стояли деревянные дачи, в фильме по роману Аксенова «Московская сага» – это дача Градовых. И подобных дач там имелось немало. В них жила московская, главным образом партийная, элита. Мне показали дачу, на которой пребывал под охраной недолговечный афганский коммунистический правитель Бабрак Кармаль.

Дача, в которой разместились будущие авторы, оказалась кирпичным двухэтажным домом. В холле находился огромный камин, перед которым стояли кожаные кресла. На первом этаже размещался большой кинозал со сценой. В каждой комнате имелось все необходимое, кроме телевизора, который стоял в особом помещении. Днем все сидели в своих комнатах и работали. Если надо было отправиться по делам в Москву, то утром можно было

уехать туда на машине, обратно также привозили. По вечерам обычно собирались около телевизора в 9 часов вечера, чтобы посмотреть передачу «Время». Разумеется, встречались и в столовой, и в кинозале, где показывали фильмы по нашему заказу из цеховской фильмотеки. Тогда впервые увидел на экране Арнольда Шварценеггера в фильмах про Конона.

На даче встретил несколько человек, среди них – Володю Логинова, члена-корреспондента АН СССР Юрия Александровича Полякова и Олега Александровича Ржешевского из Института истории СССР. Более неприятного человека, но всегда любезного, разговаривающего с приторной улыбкой, трудно себе представить. Когда в редколлегии журнала «Вопросы Истории», членом которой он являлся, обсуждалась моя статья «Сталин и Коминтерн», Ржешевский выступил против ее публикации, назвав меня «могильщиком Коминтерна». Поляков после окончания Университета даже поработал с Димитровым. На просьбу что-нибудь о нем рассказать, ответил, что сделает это только за деньги. По-видимому, это следовало воспринять как шутку. Был еще один историк из Ленинграда, Виталий Старцев.

Поляков и Ржешевский – это кристально чистые фигуры, бессребреники, как и подобает настоящим советским ученым. Подтверждением является грустная история, которую они рассказали мне. Завершив научную командировку в Германии, сели в самолет, чтобы возвратиться домой. Но какое-то количество марок оставалось у них неизрасходованным. По-видимому, не желая вывозить из страны валюту и тем причинить ей ущерб, они, оставив в самолете чемоданы то ли в проходе, то ли на сидениях, бежали, чтобы потратить опустылевшие марки. Как им удалось выскочить из самолета, в который вливалась толпа пассажиров, мне не ясно, сделать это трудно. Вернувшись, не нашли чемоданов. Оказалось, что стюардесса после бессмысленных вопросов, чьи эти чемоданы, получила от пилота указание оставить их за бортом. Такая перестраховка, хоть и свидетельствовала о заботе о безопасности пассажиров, все же была ненужной. Ведь известно, что наши люди не террористы, и поэтому такой поступок нельзя считать правильным и за него следовало наказывать. Об этом позаботились несчастные, лишившиеся своего имущества. «Хоть так

не хорошо с нами поступили, мы бы и не подали в суд, – заметил Поляков, – если бы пилот удосужился спросить всех пассажиров, кому принадлежат чемоданы». Полагаю, что советская Фемида сумела наказать обидчиков.

Владимир Козлов и Геннадий Бордюгов, пришедшие в ИМЛ из Института истории СССР, работали тогда совместно. Володя отличался весьма угрюмым характером. Гена, наоборот, был приветливым и доброжелательным. Я даже удивлялся, как они могут писать вдвоем. Они тогда довольно часто публиковались в газетах и журналах. Как-то довелось читать их главу для будущих Очерков истории КПСС. В сносках вместо названий источников стояли одни номера. При обсуждении заметил, что меня как читателя обидело недоверие ко мне авторов.

В печати тогда началась критика Ленина. Одним из первых высказался по этому поводу Владимир Солоухин, принадлежавший к писателям русофильского направления. С ответом ему выступили Логинов, Козлов и Бордюгов. Однажды увидел их, сидящих в креслах около камина, они проговаривали варианты ответа. В то время в прессе вновь возникла тема немецких денег, полученных Лениным и большевиками для борьбы против участия России в войне. Спросил у Володи, что он думает по этому поводу. Ответил, что в годы войны в стране оказалось много немецких денег, и не исключал, что какая-то их часть могла попасть к большевикам, но это, дескать, не имело большого значения. Мне показалось, что он просто ушел от разговора по существу, так как отрицать эти сведения было уже невозможно, а рассматривать их всерьез просто не хотел. Почувствовал, что для него эта тема неприятна. Его слова свидетельствовали, что для моего друга «ленинская тема» не подлежит пересмотру и сомнениям.

Содружество Козлова–Бордюгова позднее распалось. В августе 1991 г. они ушли из Института. Козлов стал заместителем директора какого-то научного института в системе Министерства просвещения. Директор этого института, мой однокашник Михаил Кузьмин, при встрече мне сказал, что Козлов перешел потом на работу в Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). При этом стер все файлы с информацией в своем служебном компьютере.

С Геной, впрочем, поддерживал связь и позже. Он затеял и осуществил весьма интересное дело – издание первых книг молодых историков. Одной из них стала книга Саши Ватлина, попросившего написать послесловие, что сделал с удовольствием. В том же издательстве вышла книга Гранта Адидбекова, но под рубрикой «Первое издание в России». Вновь жизнь свела меня с Бордюговым через много лет, когда уже находился в США.

Из Института также в составе группы оказался Николай Барсуков. Он специализировался на хрущевских годах. Любил рассказывать о снятии Хрущева, но делал это туманно, бессвязно. Однажды принес какую-то верстку и ненавязчиво положил его на стол. Не помню, задал ли кто-нибудь вопрос, что это такое, хотя всем и так было все ясно. Николай, кстати, потребовал от меня, чтобы я отметил свое вселение на дачу. Пришлось отправляться в ближайший магазин за водкой. Как-то с возмущением сказал: «Всегда считал, что Рой Медведев врет в своих книгах. Один лишь раз использовал его цитату, и тут же выяснилось, что это тоже вранье».

Медведев был весьма почитаемым на Западе историком, писал много о партийной верхушке, о Сталине и его окружении. Считался диссидентом, его труды в Союзе не издавали, зато широко печатали на Западе. Печальную роль сыграл во время I съезда народных депутатов, когда возглавил комиссию по коррупции и, как полагаю, развалил расследование коррупции среднеазиатской верхушки.

Николай часто вспоминал, как в студенческие годы входил в состав парткома и как они верховодили на Истфаке МГУ. Теперешние времена его явно не устраивали. С горечью признался: «У меня были деньги на книжке, а теперь я нищий». С таинственным видом сообщил нам о подготовке демократами веревок с крюками и веревочных лестниц для штурма стен Кремля во время демонстрации.

Мы с Лидой участвовали в одной из таких демонстраций, шедшей по Садовой улице и завершившийся митингом на Манежной площади. Более прекрасных людей, с просветленными лицами, радостно выкрикивавших «Литва», «Ельцин», ни раньше, ни потом не видел. Рядом с нами в шеренге шел милицкий

офицер. По его лицу видно было, что понимал, какие последствия может иметь для него этот его поступок.

Увидел на трибуне в числе организаторов митинга Юрия Афанасьева. В дальнейшем он отошел от участия в руководстве демократическим движением и сосредоточился на ректорской работе. Его Институт после августа 1991 г. переехал в помещение Высшей партийной школы при ЦК КПСС на Миусской площади и преобразовался в Гуманитарный Университет.

Однажды на дачу приехали Александр Яковлев и Владимир Наумов. На встрече мы сидели за отдельными столиками, а они за столом перед нами. Яковлеву задавали вопросы. Каждый, вставая, называл себя и место своей работы. Я, в частности, поинтересовался, нельзя ли познакомиться с Особой папкой Политбюро ЦК КПСС, поскольку решения о Коминтерне попадали в нее, а без этих материалов писать о Коминтерне невозможно. Он ответил, что только Горбачев может смотреть материалы этой папки. «Ну и пусть Горбачев сам пишет эту историю», – подумал я тогда.

На той встрече Виталий Лельчук из Института истории СССР заметил, что изучение архивов опровергает официальную версию, будто в результате первых двух пятилеток СССР превратился в индустриальную державу.

Подытоживая итоги встречи, Яковлев сказал, что руководство партии не дает хода многочисленным доносам и жалобам, поступающим к ним на многие выступления Логинава. «Вообще получилось почему-то так, что при социализме все время видны самые худшие черты человеческой личности». Он добавил, что их все время толкают на применение насилия. «Мы никогда не пойдем на насилие. Если применяют насилие, мы уйдем». Получилось далеко не так. Насилие применялось, но, как бы без ведома Горбачева – в Тбилиси лопатками забивали демонстрантов, в Вильнюсе штурмовали здание телевидения, танки выпускали на московские улицы.

Часть авторов представила на обсуждение свои тексты. Обсуждения в кабинете Наумова носили весьма острый характер. Выявилось, что никакого единодушия среди членов коллектива не сложилось. Обсуждали главу Полякова об Октябре. В ней собы-

тия тех дней излагались в традиционном ключе. Я в своем выступлении сказал, что самой большой бедой международного рабочего движения был раскол, и это его ослабило и сделало неэффективным. Пока мы всерьез с этим не разберемся, учитывая аргументы различных течений в рабочем движении, будем жевать привычные объяснения. Поляков ответил, что, конечно, есть друзья и есть враги Октября и тут не о чем говорить. Ему возразил Алик Ненароков¹, заметивший, что так нельзя относиться к замечаниям. По сути дела высказана новая историческая концепция и не следует от этого просто отмахиваться.

Резкими были споры при обсуждении рукописи Виталия Старцева. На него нападали за то, что свел подготовку Октября к деятельности Ленина. «Главное, о чем надо писать, это то, что революция подлинно народная, носила широкий характер, а не была только делом Ленина и результатом обстоятельств», – с апломбом утверждал Валентин Шелохаев, сотрудник Отдела истории партии. По итогам обсуждений никаких решений не принимали, скорее они стали своего рода информацией Наумову. Поляков убеждал его, что надо начинать публикацию отдельных глав для обсуждения, но Наумов к этой идее отнесся скептически.

Обстановка на даче заметно портилась, хотя внешняя любезность во взаимоотношениях сохранялась. Горячий спор возник при обсуждении опубликованных в печати официальных сведений о жертвах сталинского террора. Вместо ходивших в литературе сведениях о погибших 20 миллионах, там было сказано о 3 миллионах человек. «Вот это точно, – говорил Козлов, – это конечно ужасно, что погибли 3 миллиона, но нечего писать небывалые о десятках». Ему вторил Логинов: «Да ведь не было такого количества мест в тюрьмах и лагерях. Один человек сказал мне, что Гитлер убил 20 миллионов, в Сталин – 40, поэтому он больше

---

¹ В своих очень интересных воспоминаниях (*Ненароков А.П.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. Книга вторая. Свеча в доме. – М.: АИРО-XXI, 2009) Алик очень тепло упоминает меня. За что я его благодарю. Но хочу внести маленькую поправку – я у «Белого дома» находился лишь в ночь с 19 на 20 августа 1991 г., и никакой медали за это не получал.

ненавидит Сталина, чем Гитлера». Не помню, возразил ли кто-нибудь на эти рассуждения. Я не располагал тогда конкретными цифрами, да и сейчас они еще не названы, но считал и тогда и полагаю так в настоящее время, что число жертв сталинского террора гораздо больше 3 миллионов.

Как-то в коридоре увидел Ржешевского, говорившего по телефону-автомату. Видимо, в его комнате телефона не было. Услышал, как он произнес: «Контролировать ситуацию будем мы». К чему это относилось не знаю, имел ли он в виду нас, или ситуацию у себя на работе? Скорее последнее. Мы тогда все находились под контролем, правда, этого не понимали, как и вся страна. Но контроль явно начинал давать сбои, винтики механизма расшатывались. Понимание этого постепенно, но далеко не сразу приходило в голову. Во всяком случае что-то ощущалось.

Хотя, пожалуй, это понимал мой сосед по обеденному столу Виталий Семенович Лельчук. Его помнил по Истфаку, он учился на пару курсов старше. Невысокого роста, крепкий физически, сильно напоминал Сегалю, кстати, они знали друг друга. Занимался экономическими проблемами 30-х годов. Рассказал мне, что академик Павел Васильевич Волобуев предлагал перейти в Отделение исторических наук, обещая, что получит звание члена-корреспондента. Но Виталий остался в Институте истории СССР.

В группу входил Олег Хлевнюк, бывший аспирант Лельчука, работавший в редакции журнала «Коммунист». Часто его видел в нашем архиве, в комнате, где стояла картотека ЦК КПСС, содержащая перечень повесток дня заседаний руководства партии. По его просьбе участвовал в комментировании полученных ЦПА от наследников Молотова писем к нему Сталина. Удалось выяснить и доказать архивному начальству, что Молотов неправильно датировал некоторые письма. Их опубликовал журнал «Известия ЦК КПСС», который начали издавать в то время. В нем печатались материалы о текущей жизни и деятельности ЦК партии, о ее истории.

Этот тогда еще сравнительно молодой человек вскоре выпустил несколько книг, посвященных биографии Серго Орджоникидзе, деятельности Политбюро ЦК ВКП(б). Сейчас он – признанный ведущий специалист по этой теме, важнейшей для истории страны того периода.

В подвале стояла ксерокопировальная машина и по вечерам проводил там время. Скопировал комплект журнала «Социалистический вестник», издававшимся российскими меньшевиками в США. К моему копированию проявил интерес Козлов. Я не знал, могу ли это делать, и на всякий случай сделал ему такой же экземпляр. К тому же, Логинов как-то мне шепнул, чтобы я был «осторожен с этим рыжиком».

В США отдельными книгами переиздали журнал «Бюллетень оппозиции», выходявший под редакцией Льва Троцкого. На деле редактором был его сын Лев Седов, убитый по приказу Сталина. Скопировал журнал и предложил приготовить копию Лельчуку, но он отказался, сказав, что ему пришлют из США эти книги.

Еще до переезда на дачу по поручению Смирнова написал справку о Коминтерне в начале второй мировой войны. Для этого в архиве мне даже скопировали протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за август-сентябрь 1939 года. Меня поразило, что Политбюро принимало решение далеко не только по политическим вопросам, а по существу контролировало все виды деятельности в стране, вплоть до кастрации жеребцов. Когда находился на даче, мне позвонил консультант из Международного отдела ЦК КПСС и сказал, что справку решено опубликовать в журнале «Известия ЦК КПСС». Из нее выбросили упоминание дневника Дмитрова, поскольку официально в нашем распоряжении нет этого дневника. Думаю, что скорее дело было в том, что привел запись Дмитровым разговора со Сталиным, который весьма конкретно обрисовал мотивы подписания советско-германского договора о ненападении. Также сняли ссылку на публикацию Юрия Фельштинского, заменив его работу книгой какого-то немецкого автора. Несмотря на мое возражение, статью напечатали без моего имени.

Становилось все более ясно, что мы занимаемся пустым делом. С таким настроением покидал дачу. Хотя еще состоялось несколько обсуждений, работа замирала. Вскоре о создании Очерка истории КПСС совсем забыли. Единственным упоминанием о ней в печати стала небольшая публикация статей нескольких авторов, с моим участием, в журнале «Коммунист».

Перечитывая дневники Черняева обратил внимание на его запись от 6 октября 1990 г., то есть примерно того времени, когда покидал дачу в Серебряном бору: «Был у меня Наумов – бригадир по написанию “Очерка истории КПСС”. Подняли такие пласты, что мир переворачивает. Не было у нас истории почти целый век. То, что мы знали и чему нас учили – сплошная липа и ложь. Это касается и своих – революционеров, большевиков. Это касается и Белой России, касается и всего народа в целом». Эта запись подтверждает мое представление о невозможности в то время написать историю партии как строго научный труд.

Затея с созданием Очерка истории КПСС еще в те дни мне была не очень понятной, состав авторов этого труда мне показался странным и далеко недостаточным. Возможно, впрочем, что знал не всех предполагаемых авторов. Пришлось прочесть немало книг по истории компартий, не говоря уже о КПСС, в написании многотомной истории которой довелось принять участие. Снова хочу подчеркнуть, что создание истории той партии, в которой состоишь, а еще и по указанию ее руководства, не может дать другого результата, кроме апологетического произведения. Она должна и будет иметь явную пропагандистскую направленность и неизбежно канет в Лету, как только сменится данное партийное руководство.

Не скажу, впрочем, что напрасно провел там время. Как мне кажется, понял настроение своих коллег, что было крайне важным, поскольку до этого приходилось тесно общаться лишь с небольшим числом людей из этой среды. Какая-то кошка пробежала между мной и Володей. Приятельские отношения сохранялись, но кое-что, на что раньше не обращал внимания, начало меня раздражать. Прежняя дружба (с моей стороны) исчезала. Посмотрел на него другими глазами. Очень не понравилась его реакция на сообщение об официальных числах жертв сталинских репрессий, обеспокоила уклончивость по поводу немецких денег.

Логинов, разумеется, историк-профессионал высокого класса. Во времена Перестройки его часто приглашал на свои передачи один популярный телеведущий, сказавший мне, что Логинов свободно плавает в море истории. Впрочем, эти телевизионные интервью закончились тогда, когда он решительно высказался

против уничтожения памятников коммунистической эпохи. После августа 1991 г. во многих местах сносили памятники Ленину, в обязательном порядке украшавшие все города, да и не только города. Возможно, сыграла роль и новая ситуация, толкование исторических фактов стало иным, концепция Логинова уже не устраивала ведущего телепередач, а может быть повлияло исчезновение интереса к истории.

Во время путча 1991 г. руководство ИОН объявило о своей поддержке ГКЧП. Не знаю, как вел себя в это время Володя, но уверен, что его симпатии не могли быть на стороне путчистов, ведь в случае победы путчистов его наверняка бы арестовали. Когда после провала путча и роспуска КПСС ИОН закрылся, Володя остался работать в том же здании, которое отошло Фонду Горбачева. Это еще раз подтверждает, что Володю не воспринимали как сторонника путчистов. Впрочем, возможно его сблизила с Горбачевым в тот момент то, что они оставались сторонниками социализма, правда, «с человеческим лицом». У меня к моменту путча уже исчезли иллюзии в отношении социализма.

Володя как-то спросил меня, что ты будешь делать, если начнется бунт, по словам Пушкина нет ничего ужаснее русского бунта. Ответил ему, что в такой ситуации останусь на стороне порядка, на стороне власти. Он на это заметил, что надо быть революционером до конца и находиться на стороне народа. Действительность посмеялась над нами. Когда рушился коммунистический строй, я пошел на площадь перед зданием Верховного Совета РСФСР, где тогда пребывали Ельцин и его сторонники. Володя сохранил верность Ленину и продолжает писать книги об этом «самом человечном из людей». Каждому – свое.

Женя Витенберг

Вернувшись из Серебряного бора в Институт, застал новую ситуацию в Отделе. Исчез Ежов. Вместо него завсектором назначили Женю Витенберга. Он значительно моложе меня, веселый и компанейский паренёк. Мы с ним дружили, и, хотя о политике никогда не разговаривали, полагаю, что о многом думали одинаково.

во. Хорошо знал английский язык, защитил докторскую диссертацию по теме буржуазной историографии, посвященной Советской стране. Я улыбнулся, когда услышал от него, что западные ученые всерьез рассуждают о социализме в СССР. К тому времени уже пришел к выводу, что если можно было так называть сложившуюся в стране систему, то это был казарменный социализм, а не то, что имели в виду Маркс и Энгельс.

Витенберг сохранился в моей памяти как интересный человек, весьма энергичный, целеустремленный, хороший организатор, любитель веселых компаний. Его пунктиком был «женский вопрос», просто не мог пропустить ни одно смазливое личико, чтобы не испробовать на нем своих чар, и почти всегда добивался успеха.

На нашей последней встрече Женя, занимавшийся статистикой банков в России, сказал, что материально вполне обеспечен, заходя в магазин, не стесняется в средствах. Жил он на улице Коминтерна. Это просто удивительно! Разумеется, вряд ли кто из живших тогда на этой улице знал, что это такое.

Однажды мы с ним поехали отдыхать на теплоходе по Волге. Активного Женю дружно избрали старостой группы. Вместе с нами был Юра Малов, работавший в Отделе партийного строительства. Этот высокий, сильный и спокойный человек терял хладнокровие только во время игры в пинг-понг, когда мы с ним яростно сражались на палубе теплохода. Хотя друзья запаслись запасом «горючего», им его хватило только до первой длительной остановки. Всюду, где теплоход останавливался, спешили найти соответствующий магазин. Продовольственные магазины были такими только по названию, в одном из них на аккуратно застеленных белой бумагой полках полностью отсутствовали любые товары.

Днем плыли, по ночам теплоход стоял, пришвартовавшись к пристани или к борту другого теплохода. Осмотрели многие волжские города. Всюду посещали музеи. Купались в Волге ниже Куйбышева (теперь снова Самара). Теплоход достиг самой южной точки маршрута – Таганрога вечером. Бросились в Азовское море. Пришлось долго брести по воде, пока удалось окунуться. А когда вынырнули, расохотались. Все оказались зелеными, поскольку вода зацвела. Пришлось бежать на теплоход и отмывать-ся в душе.

Все же в целом, это была удачная поездка, удалось побывать во многих городах России и полюбоваться Волгой, хотя она очень изменилась с тех пор, как я побывал на ней в детстве. Из-за всяких преобразований в некоторых местах казалось, что вода не течет, а стоит неподвижно.

Лекции по истории Коминтерна

Снова началась активная лекционная деятельность. Заведующий Кафедрой истории КПСС на факультете МГУ, занимавшемся переподготовкой преподавателей, предложил прочитать несколько лекций по истории Коминтерна. Лекции читал регулярно для каждого набора слушателей. Обычно это были 4 лекции. К ним специально не готовился, просто, идя на лекцию, представлял себе, о каких годах пойдет речь. Преподаватели истории партии задавали подчас провокационные вопросы. Позднее от сотрудника Кафедры узнал, что на меня поступали доносы, будто в своих лекциях настаиваю на суде над КПСС. Но вместе с тем были и отзывы, весьма положительные. На кафедре встретил своего сокурсника Дмитренко, имя которого в студенческие годы было Сталин. Естественно, теперь он назывался Сергеем, хотя я по привычке называл его Сталинчиком (ударение на втором слоге). Моя преподавательская деятельность закончилась после августа 1991 года.

Несколько раз довелось выступать перед студентами Дипломатической академии МИД СССР. Среди своих коллег в этой Академии встретил Владлена Георгиевича Сироткина, выпускника МГПИ имени Потемкина. С ним не раз встречался на разных мероприятиях, в том числе на Круглом столе в Музее революции СССР, где рассказывал о репрессировании коминтерновцев, а он – сотрудников Наркомата иностранных дел. Сироткин предложил мне участвовать в Круглом столе в редакции журнала «XX век и мир». Ранее упоминал, что среди тех, кого встретил в редакции журнала был Юрий Карякин. Мне было приятно увидеть там Юрия Афанасьева. И совершенно неожиданным стало появление в комнате, где проходило заседание, академика Андрея Дмитрие-

вича Сахарова и Елены Боннэр. Она сказала мне, что ее отец работал в аппарате ИККИ, а после ареста, вслед за которым последовал арест его жены, они с братом решили, что он примет фамилию отца – Алиханова, а она – матери.

Сахаров пришел прямо с заседания II съезда народных депутатов СССР, был явно усталым и немногословным. Запомнился его ответ на вопрос, можно ли создать бомбу, которая могла бы расколоть земной шар. Сказал, что вполне возможно и назвал примерную сумму долларов, в которое обошлось бы создание такой бомбы. Через несколько дней Сахарова не стало. Встреча с ним осталась в моей памяти как одно из самых ярких событий.

Среди участников заседания находился сотрудник редакции Глеб Павловский. В то время вел себя как ярый демократ. Он нетерпеливо прервал меня, когда я пытался в нескольких фразах рассказать о том, чем являлся Коминтерн, и заявил, что это совсем неинтересно. Но его не поддержали Карякин и Афанасьев.

Прочитал несколько лекций по истории Коминтерна аспирантам Института, поскольку в ИМЛ появилась аспирантура. А затем меня включили в состав Экзаменационной комиссии и пришлось принимать у них экзамены по спецкурсу, прочитанному мною. В психологическом плане эти экзамены оказались не очень приятным делом. Чувствовать себя в шкуре человека, оценивавшего научную подготовку аспиранта, и ставить после этого в ведомость соответствующую оценку, было не по душе. Очень хотелось побыстрее пропустить ребят через эту процедуру и поставить им всем пятерки. Впрочем, было приятно в ответах услышать те положения, которые высказывал им в лекциях.

В те дни приходилось заседать в Ученых советах Института Тимофеева, ИОНа и Академии общественных наук, членом которых стал даже раньше, чем вошел в состав Ученого совета ИМЛ. Несколько раз выступал оппонентом, в качестве члена Совета, на защите докторских диссертаций. В том числе на защите докторской Сашей Панцовым¹.

---

¹ Наши добрые отношения с Сашей, сложившиеся в Москве, с годами переросли в дружбу, особенно после того, как он вместе с женой переехали на работу в США. Ныне он – известный специалист по истории Китая, автор

На одном из заседаний Ученого совета ИМРД обратил внимание на осанистого, пожилого человека. Сосед шепнул, что это член-корреспондент АН СССР Иосиф Григулевич. Не подозревал, что увидел одну из самых таинственных фигур прошлого. Уроженец Вильно, член нелегальной КП Польши, затем функционер Международной Рабочей Помощи во Франции, по поручению Коминтерна посланный в Аргентину, Григулевич, представлял собой тот тип людей, который меня очень интересовал. Сотрудник Коминтерна, ставший агентом НКВД и советским шпионом. Такой путь прошли многие, начиная от знаменитых Рихарда Зорге и Леопольда Треппера. Только далеко не у всех он оказался таким черным. По заданию НКВД организовывал первую безуспешную попытку расправы с Троцким в 1940 г., После его убийства Григулевича вместе с другими энкаведистами наградили орденом. Умудрился превратиться в послевоенные годы в посла Коста-Рики в Италии и при Ватикане. Этому мастеру грязных дел поручили убийство Иосипа Броз-Тито, после того как Тито стал врагом Сталина № 1. По какой-то причине от идеи этого покушения отказались. В дальнейшем, написав немало книг по истории Латинской Америки, стал видным советским ученым, а о его позорном прошлом узнали лишь после смерти этого человека. Поистине, какие разнообразные судьбы были у тех, кто в какой-то момент связал свою судьбу с Коминтерном!

Поездка в Западный Берлин, Вупперталь, Амстердам

В начале 1990 г. получил от германского историка Теодора Бергмана приглашение принять участие в конференции, посвященной Троцкому.

Бергман некогда состоял в КП Германии, но его исключили из нее в конце двадцатых годов, во времена очищения партии по

интереснейших работ, в том числе биографии Мао Цзедуна, переведенной и опубликованной в США и других странах.

сталинской указке от так называемых правых. Остался сторонником Ленина и в период Перестройки попытался объединить историков, занимающейся этой проблематикой. В конференциях, которые по его инициативе проводились в Вуппертале, принимали участие историки из многих стран, сторонники самых различных взглядов. Приезд участников из СССР оплачивал он сам. Встретился с ним на квартире Вильгельмины Славуцкой. Узнал, что меня уже приглашали на первую конференцию, посвященную Розе Люксембург, но Шаншиев заменил меня Козловым.

Три конференции – в Западном Берлине, Вуппертале и Амстердаме, в которых предстояло участвовать, по времени следовали одна за другой. Первая проводилась в Западном Берлине и я вылетел туда самолетом. Впервые на аэродроме вышел не со всеми пассажирами, прилетевшими из Москвы в Германскую Демократическую Республику, а, пройдя узкий коридор, оказался в той части аэродрома, которая обслуживала жителей Западного Берлина. Встречать меня должен был Михал Рейман, которого не видел много лет. Он просил подождать его в скверике недалеко от здания аэропорта.

Неожиданно на ту же скамеечку опустился бывший чемпион мира по шахматам Михаил Таль, фотографии которого видел много раз. Он мне улыбнулся и сказал: «Все мы немного Штирлицы». Я кивнул, но подумал, что мы с ним все же мало похожи на героя многосерийного сериала «Семнадцать мгновений весны» по книге Юлиана Семенова. Вскоре подошел Рейман и отвез меня в отель.

Михал переводил мое выступление, в котором я пытался раскрыть роковые последствия вмешательства Сталина в дела КП Германии. Доклад вызвал интерес у аудитории. Организатор конференции сказал кому-то (я стоял недалеко и расслышал его слова), что вот выступает коммунист, но справедливо говорит о сталинском терроре.

Тогда познакомился с профессором Германом Вебером, ведущим исследователем истории КПГ, много сделавшим для освещения тех последствий, которые имел сталинизм для судьбы этой партии. С этим видным ученым, грозой историков ГДР, установились, добрые, товарищеские отношения. С удовольствием при-

нял его приглашение и участвовал вместе с Ватлиным в организованной им конференции в Маннгейме, несколько раз выступал в редактируемых Вебером сборниках, в том числе в книге, которую выпустили в его честь немецкие историки¹.

Западный Берлин произвел огромное впечатление. Михал сводил меня в какой-то продовольственный универмаг. Среди экспонатов, размещенных в витринах, бросился в глаза брусок полукопченой колбасы в метр шириной и высотой. Он уверил меня, что раз эту штуку выставили, значит в течение дня кусками продадут.

Из Берлина на поезде поехал в Вупперталь, где конференция уже начала работу. Сел в поезд не на Центральном вокзале, а на одной из последующих станций. Все купе в вагоне, как мне говорили сидевшие в них пассажиры, были заняты. Придя к заключению, что придется провести дорогу в вагонном коридоре, сел на откидной стульчик. Тут из какого-то купе вышел парень, взял меня за руку, ввел в купе, и усадил, а мой чемодан забросил на верхнюю полку. На станции в Вуппертале меня встретили и привезли на конференцию.

Там среди других лиц с радостью увидел Сашу Ватлина и Бернгарда Байерляйна. На самой конференции познакомился с Александром Сергеевичем Каном, сыном профессора Сергея Борисовича Кана, которого знал в аспирантские годы. Тот работал на той же кафедре Нарочницкого, где я три года провел в аспирантуре. Александр жил в Швеции и преподавал там в одном из университетов. Мы позднее виделись с ним много раз, подружились. Когда сказал ему, что собираюсь уехать в США, он ответил: «Ты правильно делаешь. Тебе наверняка будет трудно. Но проживешь две жизни вместо одной». Кан, разумеется, знал, что говорил.

На конференции встретил Светлану Николаевну Гурвич, дочь Бухарина от первого брака. После ареста Николая Ивановича бросили в тюрьму и ее мать и Светлану. В один из допросов, на

---

¹ См. *Firsov Fridrich. Das Eingreifen Stalin in die Politik der Kommunistischen Partei Deutschlands // Sozialismus und Kommunismus im Wandel. Hermann Weber zum 65. Geburtstag. – Köln: Bund-Verlag, 1993.*

столике, за который ее посадили, увидела на покрывавшей столик бумаге пометку, сделанную рукой матери. Таким же образом передала матери сигнал, что находится в том же заключении. Основанием для приговора, по которому попала в концлагерь, послужило то, что следствие «установило», что она является дочерью Бухарина.

Несмотря на беды и испытания, выпавшие на ее долю, сохранила веру в социализм и являлась большой поклонницей Горбачева. В это время уже стало известно о конфликте между ним и Ельциным. Когда услышала от меня, что в этом конфликте я на стороне Ельцина, заявила, что не ожидала от меня такого. Дескать, многие хорошо знают Фирсова как сторонника Перестройки и вдруг он оказывается в числе тех, кто критикует ее зачинателя. Наши отношения разладились.

Свое выступление о деятельности Троцкого в Коминтерне прочитал по-немецки и по-русски¹. Перевела мне его текст на немецкий язык Вильгельмина Славущская. Огромный зал, в котором проходила конференция, оказался довольно плотно заполненным. Тех, кто приехал на эту конференцию впервые, Бергман однажды вечером отвез на прием к бургомистру, который рассказал нам об этом городе, возникшем в результате слияния трех расположенных вблизи друг от друга городков В результате появился Вупперталь, ставший одним из самых крупных в ФРГ центров.

Нарушу хронологию событий и продолжу рассказ о другой конференции в Вуппертале. Мне снова пришлось там побывать в 1993 г. по приглашению того же Бергмана. В этот раз ее посвятили Ленину. Снова увидел массу знакомых лиц, в том числе Байерляйна, Бордюгова, Ватлина, Кана, Козлова, Полякова, Старцева. Мне показалось, что в этот раз Бергман был не доволен тем, что говорили некоторые выступавшие. Во всяком случае после моего выступления, в котором я сказал, что основанный по ини-

---

¹ См. *Firsov Friedrich I. Leo Trotzki und die Politik der Komintern zu Beginn der zwanziger Jahre // Leo Trotzki. Kritiker und Verteidiger Sowjetgesellschaft. Beiträge zum internationalen Trotzki-Symposium. Wuppertal 26. – 29. März 1990. Theodor Bergmann / Gert Schäft (Hg.). Mainz: Decaton Verlag, 1993.*

циативе Ленина Коминтерн с его жесткой централизацией не мог распространить свое влияние на основную часть западноевропейского рабочего класса, задал мне вопрос, содержание которого, как и мой ответ в памяти не сохранились, но по его смыслу видно было, что Бергман не согласен с моей трактовкой вопроса. Критически он отнесся и к выступлению Саши Ватлина.

Однако свое несогласие с нами выражал весьма сдержанно. Когда же выступал Байерляйн, я, правда, не очень понимал его речь, а спрашивать сидевшего рядом Александра Кана было неудобно, Бергман вдруг громко произнес какую-то реплику. После нее Бернгард прервал свое выступление и отошел от трибуны. Спросил Кана, что случилось. Оказывается, Бауерляйн услышал: «Хватит трепаться!» Впервые столкнулся с некорректным поведением на такого рода мероприятиях.

Старцев в своем выступлении утверждал, что Ленин видел своим преемником Льва Троцкого. Во время перерыва заседания возразил ему, напомнив, что Ленин в своем Письме к съезду упомянул о его небольшевизме. Это закрывало последнему путь к тому, чтобы возглавить большевистскую партию. Виталий ответил, что так не считает.

Из других событий той конференции в памяти остался довольно забавный эпизод. Поскольку при приглашении меня предупредили, чтобы сам покупал билеты на самолет, а стоимость которых возместят в Вуппертале, как и некоторые другие россияне в конце конференции встал в небольшую очередь к окошку, в котором выдавали валюту в качестве оплаты билетов. Среди нас оказался Поляков. Кто-то при этом спросил его: «Юрий Александрович! А почему вы здесь, ведь вам билет оплачен Академией наук?» На это он с достоинством ответил, что вернет Академии деньги, потраченные на оплату самолета.

В обратный путь Александр Кан проводил меня до вокзала и предупредил, что следует сойти на второй остановке, чтобы попасть в аэропорт. По какой-то причине этого не сделал. А когда контролер проверил мой билет (показал ему также и билет на самолет), то сказал мне, чтобы на первой же остановке сошел с поезда и поехал обратно. Поскольку у меня в запасе оставалось несколько часов, ничего страшного не произошло, и я вовремя оказался в аэропорту.

Вернусь к первой конференции. Группа югославских историков приехала в Вупперталь на небольшом автобусе. После конференции они собирались отправиться в Амстердам. Мне также, как и Байерляйну, предстояла поездка туда, и они пригласили воспользоваться их автобусом. Это было весьма кстати, поскольку не представлял, как доберусь в Амстердам. В паспорте у меня была виза Нидерландов.

Вместе с нами в автобусе поехал Пьер Брюэ, французский профессор, занимавшийся Троцким и издавший на французском языке собрание сочинений этого «демона революции». Довольно пожилой, статный человек, внешне похожий на известного киноактера Жана Маре.

По дороге заночевали в гостинице, недалеко от дома Байерляйна, кажется, это было в Кельне. В доме Бернгарда впервые увидел компьютер. Не знал, как им надо пользоваться, но очень захотелось его иметь. Познакомился с коллегой Бернарда Брижит Штудер, историком из Швейцарии. Она в какой-то момент непринужденно легла на пол, чтобы что-то напечатать на своем маленьком компьютере.

Из Германии наш автобус переехал в Нидерланды. Из-за меня на границе произошла небольшая заминка. Немецкие пограничники долго вертели в руках мой паспорт. Бернгард им сказал, что я не собираюсь возвращаться в Германию, поскольку улетаю в Москву из Амстердама, и показал мой авиабилет. Разрешили переехать границу.

В Амстердаме конференцию проводил Институт социальной истории. Он хранит в своем архиве подлинники рукописей Маркса и Энгельса, документы Социал-демократии Германии, вообще материалы истории рабочего движения. Институт довольно тесно сотрудничал с Сектором произведений Маркса и Энгельса ИМЛ. А теперь планировал выпустить книгу, подводящую итоги исследования истории Коминтерна. Руководил конференцией и затем подготовкой книги заведующий Отделом этого Института Юрген Ройян. Меня, как и других историков из различных стран, именно с этой целью пригласили в Амстердам.

На заседаниях присутствовал мой давний друг Феликс Тых. Меня сопровождал и переводил мне с голландского и немецкого

сотрудник Института, его звали Питер, фамилию, к сожалению, не помню. Он сказал, что сначала считал меня каким-то советским бюрократом, но нашел в компьютере перечень моих работ и после этого проникся ко мне уважением. Обсуждение проблемы шло за огромным круглым столом. Договорились, что каждый напишет обзор изданий, выпущенных в его стране по истории Коминтерна, а также проследит историю взаимоотношений компартии этой страны с ИККИ.

Естественно, на мою долю выпала задача осветить проблемы взаимоотношений Коминтерна и ВКП(б). Заверил своих голландских коллег, что постараюсь выполнить это поручение. Состоялась длительная беседа с Ройяном. Речь шла не только о будущей книге. Я говорил, как тяжело жить с сознанием, что люди в разных странах опасаются агрессии со стороны моей Родины. Мне пришлось побывать в многих странах Европы. Повсюду жители заняты своими проблемами и отнюдь не озабочены тем, чтобы «осчастливить» народы других стран, навязав им свои взгляды. Наследие Коминтерна должно остаться в прошлом и остаться предметом исследования историков. Это становилось мне все более понятным.

Поскольку самолет, на который имел билет, улетал в Москву через три дня после завершения конференции, меня перевели на эти дни в другую гостиницу, расположенную в самом центре Амстердама. Это позволило возобновить знакомство с этим чудесным городом, не похожим ни на какой-нибудь другой. Оставшиеся дни провел, шатаясь с утра до позднего вечера по его улицам, вдоль каналов, наслаждаясь видом трехконных фасадов домов, глядящих на каналы, вдоль берегов которых стояли баржи с их обитателями.

В одном из магазинов на скопившиеся в результате этой поездки деньги купил небольшой компьютер, довольно тяжелый ящик с небольшим оконцем, являвшемся, как выяснилось, монитором. Отдельно прилагался принтер. Свершилась мечта идиота! С трудом мог поднять это творение человеческих рук. Но разобраться в нем оказалось свыше моих возможностей. Выход нашла Оля, которая просто забрала его себе и довольно быстро научилась сначала на нем играть, а затем и работать.

Заказанную мне статью написал, и это позволило уяснить многое в вопросе о роли ВКП(б) в деятельности Коминтерна. Новый директор партархива, которому, конечно, Шахназарова донесла о том, что работаю над статьей, проявил к ней интерес. Но в ответ на его вопрос сказал, что статья основывается на анализе фактического материала, введенного в обращение советскими историками, и не предусматривается привлечение архивного материала. Таким образом, отменил попытку архива стать цензором этой работы.

Состоялось несколько встреч авторов в Амстердаме. На одной из них встретил Левина. ГДР уже не существовало, он получал небольшую пенсию. Его семье пришлось отказаться от шикарной квартиры в центре города, которую они получили в недавние годы. Эрвин, разумеется, был невеселым. Но мы с ним тогда собственно почти и не общались. Официальные отношения не дают устойчивых личных связей.

На какой-то из встреч моим переводчиком стала Оля, к тому времени овладевшая голландским языком. Я оказался чуть ли не в центре внимания собравшихся, поскольку мог отвечать на многие вопросы, касавшихся самых разных сторон деятельности Коминтерна. Было очень приятно, что рядом стояла дочь и видела, с каким интересом и уважением зарубежные коллеги выслушивали мои разъяснения.

К сожалению, несмотря на то, что почти все авторы написали свои статьи, книга в свет не вышла. Последующие события, в том числе открытие для исследователей Архива Коминтерна, изменили ситуацию. Организаторам книги стало ясно, что появились новые перспективы, и они отказались от издания той книги.

Краткий визит в Берлин

Новое руководство правящей в ГДР партии, сменившей название СЕПГ на ПДС (Партия демократического социализма), прислало приглашение Аркадию Ваксбергу, Логинову и мне (собственно, сначала у Ваксберга спросили, кого из историков он бы рекомен-

давал, и он назвал нас с Володей) выступить в партийном клубе по некоторым проблемам Перестройки. В последний момент Ваксберг по какой-то причине отказался от поездки и поехали мы с Володей.

Берлин в ту поездку мне показался совершенно другим. Чувствовался кризис режима. Многие чиновники и партийные функционеры ушли в отставку, на переднюю сцену вышла молодежь, не позволившая распустить партийные организации. В то время велись переговоры об условиях воссоединения обеих частей страны. Сам партийный клуб был переполнен, причем люди, в основном молодежь, приходили туда семьями, приводили с собой детей. Нам задали множество вопросов и не только о Перестройке.

Вернувшись домой, на заседании Ученого совета Института рассказал о поездке, закончив ее свое словами, что надо доверять молодежи. Мое выступление выслушали довольно спокойно, но Минаев не упустил возможность связать, что пока Фирсов разъезжал по Европе, приходилось заниматься повседневными делами Отдела без его участия.

Полагаю, что он просто искал случай как-то задеть меня. Хотя наши с ним отношения формально оставались нормальными, зрело взаимное недовольство. Однажды Минаев увидел на столе секретаря-машинистки текст статьи Саша Ватлина, в которой тот критически написал о Ленине. Саша оставил ей рукопись, чтобы та ее отпечатала. Схватив этот текст, вызвал меня и начал кричать, что надо немедленно отделаться от Ватлина, что вообще такого человека надо загнать туда, где Макар телят не гонял. Ответил ему, что этого не будет, что если он хочет расправиться с Сашей, немедленно положу на стол свое заявление об уходе с работы. Минаев поостыл и вопрос о Саше больше не поднимал.

«Неизвестный Коминтерн»

Упрек Минаева, что мои поездки мешали работе Сектора, был несправедлив. В тот период по моей инициативе в Секторе развернулась подготовка сборника, который мы называли «Неизвест-

ный Коминтерн». Хотели в нем подытожить итоги исследований, подробнее рассказать о проблемах, которые ранее не рассматривались. В работе участвовали коллеги из других учреждений. Игорь Михайлович Кривогуз написал статью на тему: Коминтерн и идея мировой революции. Ина Яжборовская более подробно изложила затронутую в ее выступлении на конференции тему ротации кадров аппарата Коминтерна.

Из статей секторских авторов мне запомнилась работа Гребенникова о Коминтерне и политэмигрантах в СССР. Автор проанализировал многие вопросы, связанные с жизнью и деятельностью политэмиграции в СССР, подчеркнул, что многие из них оказались жертвами сталинских репрессий. Я выбрал для себя тему, с которой выступал на конференции – механизм функционирования Коминтерна. Мои коллеги активно выявляли новый материал, пытались ставить новые проблемы.

Работа по сбору материалов, созданию авторских текстов и редактированию, которым занимался я сам, завершилась в начале 1991 года. Когда мы начали подготовку сборника, Минаев спросил меня, почему решили так его назвать. Я ответил, что намерены написать о Коминтерне так, как он выглядит в свете архивных документами. Это ему не понравилось, но никаких шагов против подготовки сборника он не делал.

Из событий того времени в памяти сохранилось участие в семинаре Отдела научного коммунизма. Жора Багатурия выступил на нем с докладом о марксовом понимании социализма и о том обществе, которое существовало тогда в СССР. Он полагал, что согласно взглядам Маркса не следует считать, что в нашей стране построен социализм, скорее его основы. Я же в своем выступлении сказал, что возникшая в СССР система является казарменным социализмом, что нельзя забывать о широком использовании в сталинские времена рабского труда заключенных для возведения индустриальных объектов, прокладки каналов и т. д. Мое выступление встретило негативную реплику со стороны Смирнова, но это был отнюдь не начальственный рык на ересь, высказанную подчиненным. Хотя другие участники семинара меня не поддержали, все же приведенное выше свидетельствует о свободном характере обсуждения в Институте проблем,

считавшихся давно уже решенными партией. Ведь ранее любое несогласие с официальными установками воспринималось как враждебная вылазка, за которой неизбежно должно было последовать наказание. Материалы этого семинара были изданы в виде ротапринтного сборника.

Следует рассказать еще об одном событии, показывающем общую ситуацию. Касьяненко организовал встречу с читателями журнала «Вопросы истории КПСС». Пригласил меня в ней участвовать и, в частности, попросил рассказать об истории здания, в котором будет проводиться встреча. Имелся ввиду первый корпус Института. Я с удовольствием порылся в архиве, удалось найти кое-что интересное. Выяснил, что в зале Ученого совета во время войны проводились заседания Секретариата ИККИ. В кабинете на том же этаже, где располагался кабинет Димитрова, в одном отсеке с ним и отделенным от него приемной был кабинет его помощника – Б.Н. Пономарева. На 4-м этаже, в большом кабинете, где теперь находился партком Института, работал секретарь ИККИ Мануильский. В 1941 г. немецкая бомба упала и разорвалась позади 2-го здания.

На встрече сначала выступили сотрудники журнала, потом слово предоставили мне. Выступление начал с краткого сообщения об истории этих зданий, но после этого перешел к проблемам, которые разрабатывает наш Сектор. Когда закончил говорить, поднялся какой-то слушатель. Довольно раздраженным тоном заявил – вот, дескать, вы разбираете исторические вопросы, рассказываете о том, что сделали КПСС и Коминтерн и какие при этом допускались ошибки и кто в этом повинен. Но здесь присутствующим важно знать, как накормить народ, как собрать больше зерна и так далее. А если мы этого не сделаем, то вскоре нас здесь и не будет.

Этим заявлением Касьяненко был просто ошарашен. Поскольку я находился на ораторской трибуне, то и ответил этому человеку примерно следующее – если вы от нас, историков, ждете совета, как накормить народ, то такой совет мы вам дать не сможем. Мы можем объяснить, почему в прошлом получалось так, что люди оказывались голодными. А уж, что в этой ситуации надо делать, решайте сами. Этот обмен репликами достаточно ясно показывал, что назревали серьезные перемены.

Семейные дела

В это время в моей семье произошло важное событие. Наташа уехала в Америку. Она выехала по гостевой визе, но осталась в США. Уехала не одна. Вместе с ней, как я узнал позднее, тем же самолетом вылетел Миша Сулькин. Он появился в нашей семье недавно, был Лидиным сослуживцем, изредка привозил Лиду домой на своем «Москвиче». Между Наташей и Мишей установились свои отношения.

Миша мне понравился и, когда Наташа вскользь поинтересовалась, что о нем думаю, сказал, что производит впечатление надежного человека. Не знаю, имели ли мои слова значение, хотя она позднее мне их напомнила, но Наташа и Миша сошлись. В нашей семье свой выбор делали сами дочери. Мы с Лидой в эти дела не вмешивались. В США они первое время оказались в очень непростой ситуации, немного помучились. К счастью, мы с Лидой этого не знали. Они поженились, а Миша даже сумел получить постоянную работу, а по этой причине – рабочую визу.

Будущее непредсказуемо. В Америке Наташа обрела себя, пройдя через очень непростые годы, стала ведущим работником важной для иммигрантов службы социальной опеки. Ее имя много значит в нашем небольшом городке. Миша трудится на ниве программирования, часто помогает мне справиться с непослушным компьютером. Их дети – Лизанька и Девик буквально выросли на наших с Лидой руках.

Лизу, а потом Девика регулярно возил довольно далеко на занятия тэквандо. Она преуспела в этом виде спорта и даже получила черный пояс. Сейчас Лиза заканчивает известный в США Университет в Брандайсе, посему вижу ее не часто. Девик занимался тэквандо недолго, затем переключился на теннис, баскетбол и бейсбол, играет в составе команд весьма прилично. Он учится в так называемой *high school*, то есть находится на последней стадии школьного обучения, и нам с Лидой еще достается иногда радость встречи его после школы, когда автобус привозит его из Бостона. Кроме того они оба занимались музыкой, причем Лиза даже выступала несколько раз в концертах в Нью-

Йорке. Мне очень нравились в ее исполнении «Лунная соната» и «К Элизе» Бетховена.

Вернусь на многие годы назад. На работе меня по поводу отъезда Наташи не тревожили, и я решил промолчать. Все же Сергей Цымбал меня как-то спросил о Наташе. Его отец был генералом КГБ, то есть соответствующая информация появилась. Но к тому времени Наташа с Мишей поженились и у него уже была рабочая виза. Так что с невинным видом ответил, что они там по рабочей визе. И Сергей больше не возникал.

В дни, когда Наташа собиралась уезжать в США, по просьбе итальянского журналиста Франческо Бигацци работал над статьей «В те тридцатые годы». Статью не удалось опубликовать, получилась довольно большой. Установил для себя гораздо яснее, чем это понимал раньше, связь Коминтерна с тем, что происходило в Советском Союзе в те годы и его функцию. Пришел к выводу, что он использовался режимом как видимость международной поддержки всего того, что этот строй творил, демонстрируя как бы внешнеполитическое одобрение сталинского режима и террора. Пожалуй, этой статьей завершил эволюцию своих представлений о Коминтерне и его роли, далее шло осмысление этой новой позиции, выявление различных моментов в истории этой организации, которые вооружали меня новыми доказательствами и убеждали в адекватности этого вывода.

Мне тогда очень помогла книжка «Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы» Эдика Клопова и его бывшего однокурсника Лени Гордона, также работавшего в Институте Тимофеева. Книга представляла собой анализ того, что происходило в СССР в сталинское время.

Летом 1990 г. попал надолго в больницу. Произошло это так. Перед поездкой в Берлин в связи с заседанием редколлегии серии «Лейпцигский процесс и Георгий Димитров» обратился в поликлинику за справкой о состоянии здоровья. Это – рутинная процедура для получения загранпаспорта. Мне сделали анализ крови, а когда пришел к врачу за справкой, та предупредила, что предстоит срочная госпитализация. На наивный вопрос, можно ли ее отложить на несколько дней, чтобы съездить в командировку,

как-то странно на меня посмотрела и сказала, что нельзя. Через пару дней за мной приехала машина и отвезла в больницу.

Это оказалась больница 4-го Управления Минздрава СССР на улице Грановского, так как после назначения меня заведующим Сектором мы с Лидой обслуживались уже Первой поликлиникой этого Управления, которая опекала руководящие кадры партийного и управленческого аппарата. Толком не понимал, в чем было дело, и только, когда перед отъездом в США, получив поликлинике свою историю болезни, узнал, что положили меня с предположительным диагнозом рака крови. К счастью, диагноз не подтвердился, но продержали в больнице довольно долго. Описывать свое больничное сидение не буду, но только скажу, что все передачи о XXVIII съезде КПСС увидел в телевизоре, имевшемся в палате. Разумеется, хорошо запомнилась сцена, когда Ельцин, когда его выдвинули в состав нового ЦК КПСС, зачитал свое заявление о выходе из партии и покинул зал заседания. Все очевиднее становилось, что назревают решающие события.

Нельзя не вспомнить разговоры в Институте в связи с Вильнюсскими событиями в январе 1991 года. Применение военной силы для захвата зданий телевидения, радио и Министерства финансов Литовской республики некоторые сотрудники Отдела восприняли вполне в духе черносотенной передачи Александра Невзорова об омоновцах, то есть «наших», сражавшихся с литовцами. Огорчительно было слышать это из уст молодого человека, правда, он не состоял в штате нашего Сектора. Я и мои друзья тогда поняли, что эти события знаменовали собой начало краха Перестройки.

Конфликт на заседании Дирекции

В Институте тем временем тоже наступили перемены. Из ЦК прислали нового директора, бывшего завсектора, курировавшего Институт – Михаила Константиновича Горшкова. Смирнова назначили советником директора. Пошли разговоры о предстоящем сокращении. Мы продолжали работать над сборником «Неизвестный Коминтерн». После завершения этой работы передал ее в дирекцию для принятия решения о публикации. Получили

весьма положительные отзывы от коллег из АОН. Перед заседанием Грант Адибеков, ставший к тому времени Ученым секретарем Института, прислал материалы к заседанию. Среди них было заключение ЦПА на нашу книгу, подписанное тогдашним директором архива И.Н. Китаевым.

Обычно архив давал заключения, в которых говорилось, какие сноски на материалы ЦПА разрешаются, а какие нет. Эти заключения подлежали обязательному исполнению. Но данный документ носил совсем иной характер. Это была реакция на приведенные в работе материалы негативного характера о Коминтерне. Меня обвиняли в том, что стремлюсь показать Коминтерн в дурном свете, опорочить в духе буржуазной историографии его отношения с ВКП(б). Позднее узнал, что автором отзыва считалась Шахназарова, а писала его Мира Неволлина.

Перед заседанием ко мне подошел Китаев и стал извиняться за отзыв, дескать он вовсе не хотел сказать ничего дурного. Я промолчал. Позже Юра Амиантов сказал мне, что он и Ахапкин предупредили Китаева, что такие отзывы архиву давать не годится.

Но на заседании Китаев повел себя по-другому. Пробормотав, что не все замечания следует считать правильными, начал зачитывать куски из заключения, содержавшие наиболее острую критику текста. Подчеркнул, что это правильные оценки недостатков книги. После Китаева слово предоставили мне. Встав с места, сказал, что за несколько минут до этого Китаев извинился передо мной за такой отзыв, а теперь же вновь его повторяет. Рукопись читали специалисты и дали позитивные заключения. Документ Китаева же просто политический донос.

Эти слова привели присутствующих в состояние оцепенения. Горшков начал что-то мямлить. Мчедлов заметил Китаеву, что с этим делом надо разобраться. Заседание не приняло никакого решения. Позднее все же получил разрешение на передачу текста в Издательство. К сожалению, последующие события привели к тому, что книга осталась в рукописи. Желаящие могут познакомиться с ее текстом в архиве Гуверовского института. Но эта работа имеет смысл только как показатель медленного преодоления некоторых апологетических представлений о Коминтерне.

Перечитав текст этой главы, задумался над тем, что в двух случаях против меня выдвигались политические обвинения (ко-

гда-то на заседании парткома – в троцкизме и опорочивании истории партии, а теперь на дирекции – в сознательной клевете на историю Коминтерна), которыми прикрывались совсем другие мотивы, связанные с личной неприязнью и идеологически противостоянием. Видимо, поняв это и обоснованно считая, что нет смысла переходить к научной аргументации, в своем ответе концентрировал внимание на естественном конечном итоге такого столкновения, в случае признания состоятельности обвинений. Если они отвечали действительности, то должен быть определенный результат, в первом случае – наиболее худший – арест, во втором – научная и политическая дисквалификация.

Такой ответ приводил к тому, что обвинение как бы рассыпалось, хотя в каждом случае на это были свои причины. Принимая во внимание решающее значение обстановки, в которой проходило обсуждение, пойдя на максимальное обнажение сути проблемы, способствовал раскрытию ложной позиции нападающей стороны. Научно аргументированная полемика отходит на задний план, если в споре преобладают политические и идеологические ярлыки, скрывающие какие-то личные мотивы или амбиции.

Флоренция и Рим

Неожиданно получил приглашение хорошо мне знакомого итальянского корреспондента Франческо Бигацци на представление книги о судьбе итальянцев, ставших узниками Гулага. В нее вошли выдержки из документов архива НКВД, содержавших допросы арестованных. В предисловии, написанном Бигацци вместе с историком Джанкарло Ленером, упоминалось и мое имя.

Надо было получить визу в итальянском посольстве. Оно размещалось в бывшем Денежном переулке, где в 1921 г., где жила во время III конгресса Коминтерна Клара Цеткин, которую навещал Ленин. Законного срока для получения визы не оставалось. В посольство поехал сам Бигацци и устроил эту визу.

В Риме в аэропорту меня встретил представитель газеты, приехавший для этого вместе с женой из Флоренции. Узнал его

по объявлению с моим именем у выхода пассажиров с багажом в общий зал. Поехали во Флоренцию, по дороге предложили выпить кофе. Остановились возле какой-то бензоколонки и зашли в ее лавчонку. Я увидел ряды кофейных банок разных сортов. После Москвы, где уже забыли запах кофе, это произвело на меня шоковое впечатление.

Во Флоренции меня поселили в отеле на берегу Арно. Поскольку самолеты Аэрофлота тогда в Италию летали раз в неделю, а представление книги в Риме должно было произойти в конце недели, все дни провел в этом городе. Состоялись формальные встречи в журнале, разговоры с какими-то сотрудниками, но остальное время был предоставлен сам себе.

Ходил по Флоренции с раннего утра и до вечера, заскакивая на несколько минут в отель, пожевать сушки и немного полежать отдохнуть. Проводил все время на улицах и площадях. Поднялся на небольшую гору, у подножья которой расположился город, и угодил на территорию какого-то монастыря. На центральной площади, помимо скульптуры «Давида» Микеланджело, любовался скульптурной группой «Похищение сабинянок» Бенвенуто Челлини.

В субботу меня привезли в Рим, где встретился с Бигацци и его соавтором. На презентации книги выступили несколько бывших коммунистов. Что-то говорил и я. Переводила мое выступление невестка одного из лидеров партии в прошлом, Руджиерио Гриеко. После этого состоялся прием в особняке герцогини, покровительницы издательства, выпустившего книгу. На следующий день отправился домой. В отеле мне вызвали такси. Сказал водителю, что мне надо в аэропорт, как мне посоветовал Бигацци, и через полчаса был уже там.

Реорганизация Института

В июне 1991 г. ИМЛ переименовали в Институт истории и теории социализма при ЦК КПСС. Вместо нашего Отдела возник Сектор истории международного коммунистического движения

в составе Отдела политической истории. Заведовать Сектором назначили меня, а Отдел возглавил Валерий Журавлев. Когда стало известно о предстоящей реорганизации, Минаев пришел ко мне с просьбой взять его в этот Сектор. Ему ответил, что, сожалению, свободных ставок нет. Предпочел сохранить в составе Сектора Шириню, которого отправил на пенсию, но мне удалось для него выхлопотать полставки. В Сектор влились несколько человек из бывшего Отдела партийного строительства, в памяти осталась только Тамара Васильевна Порфирьева. Спокойный и доброжелательный человек, мы с ней хорошо сотрудничали во время работы Комиссии по «белым пятнам». Они образовали группу по изучению Информбюро коммунистических и рабочих партий, существовавшего в 1947–1956 годах.

Горшков считал, что это более важное дело, чем исследование истории Коминтерна. Пытался ему возражать и доказывал, что сохранение Сектора истории Коминтерна гораздо важнее и составляет специфику нашего учреждения. С этой целью попросил приема у секретаря ЦК КПСС по идеологии Александра Дзасохова. Меня весьма вежливо приняли в приемной этого начальника, его помощник обещал разобраться с просьбой, но ничего не сделали.

В последние месяцы правления КПСС, размываемого потоком демократического движения, события общего порядка происходили с большой скоростью, а наша институтская жизнь как бы замирала. Уволили Иру и Женю, Валя еще до этого перешла в Отдел научного коммунизма. Моя любимая компания распалась.

Меня включили в комиссию, рассматривавшую протесты сотрудников на увольнение. Предстояло расставаться с людьми, многих из которых знал годами. Независимо от того, как относился к ним лично, чувствовать себя лицом, участвующим в решении вопроса о работе знакомого человека, было тяжело и неприятно. Особенно противно проходило обсуждение вопроса о Труше. Этот бездельник не хотел признать, что годами ничего не делал, а лишь занимался своими делишками. Комиссия единогласно одобрила представление об его увольнении

В новом штатном расписании Института Сектора произведений Маркса и Ленина объединили в один Отдел. Его заведующим назначили Мчедлова. У меня с ним были хорошие отношения.

Его дачный участок располагался недалеко от нашего. За ним приходила служебная машина и он приглашал меня ехать вместе с ним и его женой в Москву. Как-то сказал мне, когда мы встретились в перерыве в саду Института, что Горбачев, став Президентом СССР, предал КПСС. Я в ответ кивнул, но не стал ничего говорить. Все-таки мы с ним эти события расценивали по-разному.

На перевыборном партийном собрании сменили состав парткома. Новым секретарем стал Юра Малов. Журавлев выдвинул в состав парткома мою кандидатуру, но я категорически запротестовал, ссылаясь на занятость работой, и собрание согласилось со мной.

В это время началось буквально бегство из рядов партии. В академических институтах оно принимало повальный характер. У нас один молодой человек из Сектора Витенберга заявил о выходе из партии. И его даже не уволили из Института. Как-то Ученый секретарь ИОН сказал в разговоре со мной, что не пристало соскакивать с телеги, которая катится под откос. Я согласился с ним. Не то, чтобы у меня сохранились остатки веры в КПСС. Этого давно уже не было и я неоднократно выходил на митинги демократов. В один из них, состоявшийся напротив зала Чайковского, на улице Горького, мы пошли с Леней Бабиченко. На транспаранте тогда увидел надпись: «Пусть живет КПСС на Чернобыльской АЭС!». Но выйти из партии, членом которой был более 40 лет, все-таки не решился. Пусть будет, что будет. А между тем дело шло к концу.

Власти уже показали, что добровольно уйти не намерены. Кровавые события произошли в Тбилиси и Вильнюсе. В Москве как-то на улицах появились танки и войска, правда, крови тогда не было пролито. Становилось ясно, что надвигаются смутные времена.

Снова дела семейные

В те дни Оля, это произошло, когда мы вместе с ней пошли на какую-то демократическую демонстрацию, сказала мне, что они с Димой решили уехать. Полностью одобрил их намерения и доба-

вил, чтобы они не связывали свое решение с возможными последствиями для меня, что мешать им не намерен. Здесь у нее нет никаких хороших перспектив, так что даю добро. Болезненным для нас с Лидой было не только то, что мы оставались без детей, но и потому, что они увозили с собой Женечку.

Произошло это 25 августа 1991 года. Формально Олина семья отправилась по туристской путевке в Нидерланды. В Амстердаме под конец срока поездки пошли в полицию и заявили, что не хотят возвращаться. Началась их эмигрантская жизнь. Она не стала такой тяжелой, как было у Наташи первое время после ее переезда в США, все-таки Голландия имеет лучшие социальные условия для тех, ищет в этой стране убежище. Но все же помotalись по лагерям для иностранцев, пока, наконец, не получили постоянное жилье на самом юге страны, в небольшой деревушке, на границе с Бельгией.

Следующей оказались Лидина младшая сестра Алена с ее мужем Димой Поповым. Хочется сказать немного об этом удивительно милом и скромном человеке. По профессии он ювелир, его изделия пользуются большим спросом за их необычность и изящность, но болезнь глаз помешала ему заниматься любимым делом. Когда я спросил у Лиды, кого бы она привела мне в пример как человека благородной души, она назвала Димочку. И это, пожалуй, наиболее точная его характеристика. Впрочем, Диме свойственно некоторое упрямство и занудство, но это мелочи, и как сказала Алена подруга Таня Восленская, которую в нашей семье называют Буля, что Дима – это человек без дерьма (она, правда, употребила более крепкое слово, в душе, что совершенно справедливо). Алена и Дима, уехав в туристскую поездку в Италию, перебрались затем в США к Тане. Мы с Лидой остались в Москве вдвоем, вернее втроем с Тиночкой.

Олино семейство пустило свои корни в Нидерландах. Оля теперь доцент в Университете Маастрихта, занимается совершенно непонятным для меня делом обучения студентов с помощью компьютерной техники. Дима стал одним из членов правления Маастрихтской синагоги. Женечка, закончив Университет в Утрехте, поучилась и в Израиле и в Берлине, ныне – политолог, объехала многие страны, поработала в международной организа-

ции в Нью-Йорке, а теперь трудится в аналогичной организации в Гааге.

Она вышла замуж за голландца Аннэ Порта, родившегося в Турции сына миссионера. Ее выбор нам очень понравился. Каждая моя встреча с Аннэ превращается в длительный разговор об истории. Биография его очень необычна, он учился в турецкой школе, а на завершающий год поехал в Индию. В Институте учился, как и Женя в Лейдене, где они и познакомились, а затем в Нью-Йорке. Выдержал огромный конкурс и его приняли на работу в нидерландский МИД. Добрый, внимательный и отзывчивый человек огромного роста, внешне красив до неприличия, быстро сошелся с нашей молодежью и стал одним из членов нашей разрастающейся семьи.

Младшая Олина дочка Ривочка начинает свою студенческую жизнь в Университете Лейдена, Она отменно рисует, музицирует, поет, участвует в любительских спектаклях, но при этом выбрала для себя специальность – химию. Каждое лето проводит у нас. И что очень важно, наша молодежь просто обожает друг друга, также близки они и со своими многочисленными двоюродными и троюродными сестрами, что нас очень радует.

Наши с Лидой дочери стали замечательными людьми, которыми мы гордимся, а внуки – постоянный источник радости, волнений и тревог. Словом, жизнь не останавливается.

Я в те давние дни не прекращал интенсивно работать. Но некоторые традиционные сюжеты вроде истории конгрессов Коминтерна перестали меня интересовать. Хотелось понять, чем являлась эта организация так сказать изнутри (такое название дал, в частности, моему докладу на российско-финском симпозиуме в Москве, в котором меня пригласил участвовать академик Волобуев), а также раскрыть реальную роль, которую играл Коминтерн под влиянием сталинизма. Отсюда следовала необходимость основательнее заняться проблемой – Коминтерн и сталинские репрессии.

Задумал и новую тему – Коминтерн и советская разведка. Перечитывая выписки из дневника Димитрова, обратил внимание на две его записи. 20 августа 1941 г. он принял в своем кабинете (мне в нем приходилось бывать не раз, поскольку там распола-

гался кабинет директора Института) начальника внешней политической разведки Фитина, а 24 сентября – начальника военной разведки Голикова. Договорился с ними о взаимном сотрудничестве для связи с границей, переброске людей за границу и вообще о координировании работы всех этих организаций.

Заметил также, что в дневнике часто упоминалось слово «шифровка» и они цитировались. Читая их, не мог себе представить, что через несколько лет напишу книгу о шифровках Коминтерна.

Рассказал о своей задумке Саше Ватлину. При реорганизации Института он ушел от нас на другую работу. Мне очень не хотелось отпускать Сашу, но не имел возможности перевести его на должность старшего научного сотрудника, чтобы его зарплата существенно выросла, а у Саши к тому времени семья стала большой, росли два сына, поэтому и в голову не приходило уговорить его задержаться на некоторое время в Институте. Саша, хорошо помню, в ответ на мои слова воскликнул: «О, в какую интересную сторону вы хотите повернуть исследование!».

Но заняться всерьез этой проблемой смог значительно позднее, когда в конце 1991 г. перешел на работу в архив, о чем пойдет речь позднее. И одним из первых документов на который тогда натолкнулся, было соглашение, подписанное в начале августа 1921 г. от имени Коминтерна Зиновьевым и Пятницким, а от имени разведывательных служб Советской республики заместителем начальника Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ВЧК) Иосифом Уншлихтом и начальником в то время военной разведки Зейботом. В нем шла речь о разделении функций за рубежами страны между представителями Коминтерна и уполномоченными разведывательных служб. Разведка не должна финансировать компартии, что входило в функцию Исполкома Коминтерна, а представители Коминтерна обязаны оказывать всяческое содействие органам разведки. Как говорится, яснее не скажешь. Ну а сами шифровки, которые в конце концов увидел тогда же в архиве, показали мне, как реализовывалось само это взаимодействие.

То, что мне, в конце концов, довелось сделать на основе анализа этих шифровок и других документов, которые удалось изучить, и стало книгой. И важнейшим выводом, который в ней был

сделан на основе обширных документальных материалов, было то, что Коминтерн превратился по существу в одну из разведывательных служб СССР.

Путч

Теперь вернусь немного назад к 19 августа 1991 года. Услышав сообщение по радио об образовании ГКЧП, чтобы «не допустить развала страны», поехал в ЦПА. Настроение было подавленным. Перестроечные установки, как я тогда понимал, обанкротились¹. Предвидел, что новая власть, собственно, только Горбачев и некоторые близкие к нему люди не остались в ее составе, быстро примется за тех, кто посмел усомниться в правильности политики КПСС. Это означало, что в какой-то момент доберутся и до меня. Видеть никого не хотелось, особенно Шахназарову. Работать тоже не было мочи.

В читальный зал заглянула Таня Солодова, у которой когда-то был оппонентом. Она предложила пойти погулять. Мы вышли на улицу Горького, а затем добрались пешком до Белого дома, в котором тогда размещалось правительство Российской Федерации. И тут увидел, что молодые люди тащат к Белому дому доски и бревна, что на проезде к нему стоят пустые автобусы и даже троллейбусы, отключенные от проводов электросети. На одном из автобусов красовался плакат со словами: «Забьем заряд мы в тушку Пуго», перефразировка знаменитого стихотворения Лермонтова «Бородино»: «Забил снаряд я в пушку туго». Пуго яв-

---

¹ Здесь сказалось мое тогдашнее представление о Перестройке как попытке соединить демократию и социализм. На деле шла речь о демонтаже тоталитарной социалистической системы, чтобы мирным путем заменить ее демократическим строем, превратить страну в цивилизованное государство. В этом смысле довести Перестройку до завершения было невозможно. Советский строй преобразовать в демократическое общество было нельзя. Но сам по себе этот процесс разрушения тоталитарной системы оказался исторически необходимым и оправданным. Однако превращение страны в нормальное общество, если и произойдет, то на это потребуется немалый исторический срок.

лялся Министром внутренних дел СССР и одним из членов ГКЧП. Увидев все это, сказал Тане: «Ты знаешь, а власть КПСС кончилась».

Уже писал, что Оля в те дни собиралась уехать из страны. Решил сделать что-нибудь, чтобы Женечка запомнила наше расставание. Мы с ней поехали в «Макдональдс», а затем сфотографировались. На обратном пути домой, на станции метро услышал, как какой-то молодой человек кричал, чтобы люди шли к Белому дому, что его надо защищать. Около него стояли два милиционера, явно не знавшие, как с ним поступить.

Вечером по телевидению показали репортаж о возведении баррикад вокруг Белого дома. Решил пойти туда. Было довольно холодно, шел сильный дождь. Оделся тепло и сказал Лиде, что оставаться дома не могу. Она смолчала. С собой захватил маленький зонтик и крохотный радиоприемник, который привез из Японии. Вокруг Белого дома кипела активность. Повсюду стояли толпы людей. Позднее узнал, что Гарик и многие мои друзья тоже в это время находились у Белого дома, но никого из знакомых не встретил. Около меня собирались люди, и мы слушали передачи «Эха Москвы», новой московской радиостанции, уже успевшей показать себя голосом молодой российской демократии.

Видел, как формировались отряды, которые рассылали вокруг Белого дома. С одним отрядом дошел до конца переулка, где он расположился. Затем вернулся к Белому дому. Недалеко от него стояло несколько танков. Вдруг раздался страшный грохот. Это танк начал менять свою позицию. Ко мне подошла какая-то девушка, явно под хмельком, и спросила, что тут делаю. Ответил, что я сторонник демократии, она явно не поверила, продолжала попытываться, член ли я КПСС. Сказал, что да, но тем не менее не могу сидеть дома в такой момент. Почти весь вечер околачивалась около меня, а я прикрывал ее зонтиком от дождя. Когда прозвучал по громкоговорителю голос о том, что ожидается нападение, девушка исчезла. Никакого нападения не произошло, и ближе к 12-ти ночи решил отправиться домой на метро, пока оно не закрылось. Уже позднее узнал, что после того, как ушел, произошли трагические события и погибли трое юношей.

На следующий день побывал на Дзержинской площади, где собралось много людей, видел, как какой-то парень пытался взобраться на памятник Дзержинскому. Оттуда поехал к Белому дому. Настроение у людей было совсем иным, нежели вчера. Недалеко от дома стоял обгорелый троллейбус. Толпа плотно заполнила площадь позади Белого дома, но все вели себя довольно спокойно.

КПСС обанкротилась и декретом Президента Российской Федерации Бориса Ельцина была распущена. После этого наш Институт превратился в фикцию. Поскольку все архивы были объявлены государственными, ЦПА от него отделился и стал самостоятельным. Я находился в приемной Дирекции, когда туда приехали Юра Амиантов и Олег Наумов из архива, подписать протокол об отделении архива от Института. Для меня это означало потерю всякого смысла оставаться дальше в Институте-призраке.

Конференция в Афинах

Через несколько дней после этих событий довелось снова побывать в Афинах, где состоялась научная конференция, посвященная тридцатым годам. На ее организацию дала деньги знаменитая английская актриса Ванессы Редгрейв. С нашей стороны инициативную роль играл Российский государственный гуманитарный университет. По-видимому, включил меня в состав делегации Виталий Лельчук. После этой поездки мы с ним встретились только раз. Это было во время заседания Конституционного суда, когда решался вопрос о том, заслуживает ли КПСС окончательного запрещения и следует ли оценить ее деятельность как преступную. Виталий присутствовал там в качестве эксперта со стороны обвинения. Как известно, суд ответил на этот вопрос отрицательно. И хотя партия после этого не восстановилась, вместо нее на политической арене появилась Компартия России во главе с Зюгановым. Хрен редьки не слаще.

В Афинах встретил много знакомых. Помимо Володи Логинова (он входил в состав комиссии, готовившей конференцию,

впрочем, на самой конференции молчал, за что на него очень обижался Лельчук) и Миши Шатрова, там присутствовали Женья Витенберг, Лельчук, заместитель директора нашего Института и мой начальник Журавлев, который приехал на нее с женой, а на самой конференции безмолвствовал, Саша Панцов из ИМРД, еще кое-кто из этого Института и из других учреждений Академии наук СССР, несколько преподавателей из Гуманитарного Университета, в том числе Наталья Басовская, известный публицист из газеты «Известия» Отто Лацис, бывший политзаключенный Лев Разгон, а также единственный сохранившийся к тому времени подлинный троцкист Иван Яковлевич Врачев, которого не смогли погубить ни тюрьма, ни многолетняя ссылка, ни ретивые сталинские соколы. Участвовали Владимир Павлович Наумов, Олег Хлевнюк, а также академик Волобуев с женой-историком, его помнил еще по Истфаку, когда он был ярым сталинистом, он сам мне об этом напомнил на конференции. Приехал даже артист Василий Лановой, который как-то выступил перед российскими участниками конференции с чтением стихов Пушкина. Читал их великолепно.

На конференции познакомился с внуком Троцкого Севои Волковым, которого ранили в ногу во время первого покушения на Троцкого. Брат Редгрейв сказал мне, что возглавлял когда-то троцкистскую партию в Англии. Встретил также коллег из Франции, в том числе Пьера Брюэ, и из других стран. От Компартии Греции выступил легендарный Манолис Глезос, приветствовавший участников конференции. Он сорвал гитлеровский флаг после вступления германских войск в Афины и тем открыл Движение Сопротивления в Греции. Его схватили немцы и бросили в концлагерь. И позднее, после освобождения страны он провел многие годы в заключении.

Поскольку мы прилетели туда после совсем недавно провалившегося путча коммунистов, настроение было тревожным. Я переживал, что будет дальше с нашим Институтом, с моей работой. Понимал, что Институту, существовавшему на деньги, которые он получал от ЦК КПСС, предстояло найти иные средства, чтобы не закрыться. За столом во время обеденного перерыва Наумов мрачно сказал, что вот мы приехали из одной страны, а вернемся назад через несколько дней в совсем другую страну.

Со мной в комнате оказался Яков Этингер, приемный сын Якова Гиляриевича Этингера, одного из главных персонажей в «деле врачей», замученного в заключении до смерти. Якова тоже арестовали, допрашивали как и других, подозревавшихся в заговоре с целью убийства руководителей страны. Работал старшим научным сотрудником в Институте, занимавшемся советской внешней политикой, имел степень доктора исторических наук.

Единственное, что он мне рассказал, касалось личности директора этого Института академика Евгения Примакова. Охарактеризовал его как лукавого человека, настроенного просоветски и отнюдь не прогрессивного деятеля, каким его в то время многие воспринимали. Когда видел его на экране, мне он представлялся человеком не очень симпатичным, вел он себя как-то капризно и высокомерно, производил впечатление опытного чиновника, настроенного не очень демократически.

На конференции Волобуев произнес свою речь вполне в духе XX съезда КПСС, когда критиковали культ личности Сталина, но не ставили под вопрос само существование коммунистической системы. Интересно выступил Евгений Плимак из ИМРД. Небольшая дискуссия разгорелась между Львом Разгоном и Олегом Хлевнюком. Последний говорил, что до середины 30-х годов ничто не свидетельствовало о последующем обострении террора. Разгон, прошедший много лет в сталинских концлагерях, резко выступил против этого утверждения, доказывая, что это была лишь видимость спокойствия и Сталин систематично готовил Большой террор. Шатров рассказывал, как наш Институт травил его пьесы, мешал ему доказывать, что Ленин был полной противоположностью Сталину. Также, как академик, полностью придерживался версии о хорошем Ленине и плохом Сталине.

В своем выступлении на конференции я говорил о Коминтерне и сталинском терроре. К тому времени сложилось мое представление о том, что Коминтерна превратился в составную часть механизма сталинской системы. Последствием этого стала гибель многих его работников.

Меня в тот момент больше всего занимал вопрос, что делать теперь, поскольку старая жизнь явно кончилась, а дальнейшее совершенно неясно. Разговорился об этом с Волобуевым, кото-

рый явно зауважал меня после моего выступления. Сказал ему, что Архив Коминтерна, который находится в бывшем ЦПА, обладает огромным количеством документов, публикация которых вызовет сенсацию. Академик заметил, что встретится с начальником государственной архивной службы Рудольфом Пихоей и предложит, в составе архива создать звено для публикации документов Коминтерна, а меня рекомендует на эту работу. Ответил, что приму такое предложение с удовольствием и что в нашем Секторе есть группа людей, вполне подготовленных к такой работе.

Эта идея возникла у меня еще раньше. В Москву приезжал Александр Некрич, который жил в Бостоне и работал в Гарвардском университете. Он давно находился в дружественных отношениях с Борисом Носиком. Мы с ним тогда тоже общались. Когда он приехал в Москву, мы встретились в архиве. Его интересовали документы Коминтерна в связи с началом Второй мировой войны. Я к тому времени написал статью на тему: Коминтерн и начало войны, и дал ему прочитать рукопись статьи. Он также считал целесообразным создать в архиве специальное подразделение для работы по публикации документов Коминтерна. Сказал мне, что будет перед своим отъездом говорить с Пихоей об этом и рекомендует меня для руководства этим подразделением. Не знаю, какой разговор с Пихоей – академика или Некрича сыграл свою роль, или имели значение оба разговора, а также какие-то иные причины, но вопрос в дальнейшем решился именно таким образом.

Афинская конференция имела значение для меня, во-первых, – разговором с академиком и тем, что именно тогда понял, что наша дружба с Володией Логиновым закончилась. Во время конференции он сообщил мне, что его пригласили задержаться на несколько дней после нее и участвовать в другой, которую проводит компартия. Ему предоставили возможность на свой выбор пригласить кого-нибудь из нашей делегации. И он предложил это мне. Я очень обрадовался. Хотелось хоть немного задержать свое возвращение в Москву, поскольку следовало принять решение, что делать дальше, а обстановка оставалась крайне неопределенной. Затем случайно узнал, что подобные предложения

Володя сделал и нескольким другим участникам нашей конференции, но со мной о ней больше не заговаривал. Меня это очень обидело. Считал, что наша многолетняя дружба обязывает его как-то объясниться и сказать, почему наша с ним договоренность не реализовалась. Но он об этом даже не подумал и просто остался в гостинице, когда мы сели в автобус, чтобы ехать на аэродром. И хотя после этого мы виделись и разговаривали несколько раз по телефону, но уже без привычной теплоты. Дело, конечно, не в той обиде. Я уже давно понимал, что жизнь нередко делает чужими близких, закадычных друзей и что для этого нет необходимости в каких-то острых конфликтах или чрезвычайных ситуациях. Все происходит само собой. Все же было как-то обидно и больно, что не сохранилась многолетняя дружба с человеком, которого когда-то очень высоко ценил.

Конференция в Ла-Шо-де-Фон

Вскоре после этих событий мы с Сашей Ватлиным (подобного рода мероприятия планировались и готовились задолго до их проведения) полетели на конференцию в Швейцарию, где отмечалась сотая годовщина со дня рождения Жюль Эмбер-Дро. Приглашение на нее получил еще во время конференции в Амстердаме. Мне предложили подготовить доклад о механизме реализации власти в Коминтерне. Поскольку этой темой я уже занимался, написал его быстро, а Оля успела до своего отъезда перевести текст на английский язык¹.

Эмбер-Дро одно время являлся секретарем ИККИ, его сняли с этой должности по требованию Сталина как сторонника Бухарина. Вернулся на Родину, но не покинул КП Швейцарии, а даже стал ее генсеком. Позднее его исключили из партии, и он ушел в социал-демократическую партию, которую возглавил. Это была

---

¹ См. *Firsov Friedrich. Mechanism of Power Realization in the Comintern // Centenaire Jules Humbert-Droz. Colloque sur l'Internacional communiste La Chau-de-Fonds 25–28 septembre 1991. Actes. La Chau-de-Fonds: Fondation Jules Humbert-Droz., 1992.*

неординарная личность. Он написал воспоминания о своей коминтерновской жизни. Я купил их в Белграде и позднее использовал при описании того, как Сталин «чистил» аппарат Коминтерна.

Конференция состоялась в родном городе Эмбер-Дро Ла-Шоде-Фон и ее организовал фонд, посвященный этому человеку. Прилетели в Цюрих, довольно долго ждали Байерляйна, который обещал встретить. Он приехал на мини-автобусе, приспособленном для семейных путешествий. Машину одолжил Бернгарду его приятель. И по горным дорогам привез нас к городку, в котором должна была состояться конференция.

Интересно, что некоторые мои выводы встретили возражение со стороны профессора Андрэ Лассара, руководившего конференцией. Он считал явным преувеличением утверждение, что Сталин стоял за кулисами этой организации, руководители которой превращались в его марионеток. Западный человек, даже маститый ученый, оказался не в состоянии понять специфику советского однопартийного государства и сущность сталинской диктатуры. Еще когда он пригласил меня на конференцию в Амстердаме участвовать в этом мероприятии и предложил тему доклада, ответил ему на своем ломаном английском: «Если обычный человек может ходить на руках, после соответствующей тренировки, то мы, советские люди, постоянно ходим на ушах, хотя я не могу объяснить, как такое вообще возможно». Не знаю, понял ли он эти слова, но улыбнулся, что, видимо, означало, что их смысл до него дошел. Но принять мои доводы, основанные на фактах, этот человек, воспитанный в принципах демократии, не смог.

Присутствовали там дочь и сын Эмбер-Дро. Они рассказали нам с Сашей, как они жили в Москве в гостинице «Люкс», общезжитии сотрудников Коминтерна. Мы участвовали в открытии памятника их отцу.

Встретили там и сына Фрица Платтена, друга Ленина, человека спасшего его жизнь в 1918 г., прикрывшего его, когда в того стреляли. Сын тоже носил это имя. Фриц позднее прислал нам с Сашей в Москву посылки с продовольствием, что в тех условиях было совсем не лишним, поскольку в магазинах просто не было

продуктов. Так что мне довелось быть знакомым со швейцарскими и московскими потомками Фрица Платтена старшего.

В последний вечер конференции ее участники собрались в ресторане. Там познакомился с известным французским историком Анни Крижель. Когда-то она входила в компартию Франции, но уже давно покинула ее ряды, а ее труды по истории показывали КПФ в истинном свете. Крижель впоследствии приезжала в Москву и работала в нашем архиве.

В конце ужина Байерляйн обратился ко всем присутствующим с краткой речью. Сказал, что на конференции присутствуют два историка из России, что положение в этой стране очень тяжелое, а потому предложил пустить шапку по кругу, чтобы собрать денег в помощь этим людям. Для меня инициатива Байерляйна оказалась неприятным сюрпризом. Но собравшиеся отнеслись к этой затее вполне спокойно и фуражка Бернгарда быстро наполнилась различными купюрами. Он хотел отдать эти деньги мне, но мы с Сашей предложили ему сохранить их у себя, чтобы можно было их в дальнейшем использовать. И действительно, вскоре Бабиченко поехал в Германию, жил в той же гостинице, где мы вместе с югославами останавливались, когда заехали к Бернгарду. Так, я на практике узнал, что такое солидарность и взаимопомощь западных историков.

Обратно мы с Сашей поехали поездом в Базель. Аэродром оказался на границе с Францией, так что взлетая, самолет неизбежно оказывался в воздушном пространстве другой страны.

Последние дни в Институте

В Институте тем временем ситуация ухудшалась, разлагающе действовала неопределенность. Группа активистов собралась на заседание. Женя Витенберг притащил и меня. Приняли решение добиваться изменения названия и статута Института, который отныне должен существовать на самостоятельно заработанные деньги. Подготовили обращение к сотрудникам, предложив назвать его Независимым институтом социально-политических

проблем. Все под ним подписались. К моей подписи Женя приписал: «защитник Белого дома». Я запротестовал, но он убедил меня, что так нужно для придания большего авторитета этой бумаге. Неохотно согласился с его доводом, мне такая приписка казалась глупой и неуместной.

В дирекции сначала испугались, решив, что их выгоняют, но после того как Женя успокоил Горшкова, тот принял новое название Института, и насколько я понял, начал торговать территорией и зданиями, чтобы как-то сохранить Институт. И второй корпус ушел к Московской епархии. Сотрудников из этого корпуса, в том числе и меня, переселили в 1-е здание. Я к тому времени твердо решил уходить из Института.

Мне позвонил Володя Волков, ставший к тому времени директором Института славяноведения и балканистики. Он предложил перейти в его Институт, уверив, что для меня там найдется интересная работа. Очень тронутый этим предложением, я сердечно поблагодарил его и ответил, что приму его в том случае, если не удастся перейти на работу в архив. Этого хотел страстно, поскольку понимал, что только в этом случае сохранится возможность работы с архивным фондом Коминтерна.

В архиве подошел к Юре Амиантову и выразил желание пойти на любую должность в архив, причем меня совсем не интересует, какой будет зарплата. Мы к тому времени остались с Лидой вдвоем, оба получали пенсию и нам достаточно было этих небольших денег. Юра обещал выяснить ситуацию. В архив назначили нового директора – Владимира Петровича Козлова, профессионального архивиста, человека порядочного и демократически настроенного. Попросил его меня принять и в разговоре с ним сказал, что мой Сектор обладает необходимыми навыками исследовательской и публикаторской работы документов Коминтерна и мы готовы перейти на работу в архив. Козлов, видимо, уже имел соответствующее указание от Пихои и некоторую информацию обо мне. Принял меня тепло и согласился с моими аргументами. Правда, позднее, когда представил ему список сотрудников, объяснил, что может взять в штаты всего троих. Я выбрал Бабиченко и Пантелеева.

Наше новое подразделение называлось Секцией публикации документов международного коммунистического движения. Меня назначили заведующим Секцией. Вскоре Шахназарова передала мне вместе со ставкой Лену Нечаеву. Вадима Стаско удалось пристроить в ИМРД, сказались наши хорошие отношения с Тимофеевым. Начался новый, к сожалению, кратковременный, но весьма плодотворный отрезок моей жизни. Но это, как говорят, уже другая история.

Гораздо важнее сказать, что закончился почти тридцатипятилетний срок моей работы в Институте. Большую часть своей сознательной жизни провел в стенах этого учреждения, придя в него только что закончившим аспирантуру молодым человеком, а покидал профессором, доктором исторических наук, получившим, как полагал, некоторую известность как специалист по истории Коминтерна. Развеялись иллюзии, связанные с социалистическими идеалами, с краткой, но бурной для меня деятельностью периода Перестройки.

Несмотря на то, что провел в этом Институте большую часть своей научной жизни и именно там стал специалистом в сравнительно узкой, но для меня дорогой, профессии – историка-коминтерноведа, покидая его, испытывал чувство облегчения. Все эти годы меня незримо давило то, что являюсь винтиком в этой громадном идеологическом механизме, призванном навязывать общественным наукам жесткие партийные установки, следить за политической чистотой научной мысли (естественно, в том понимании, которое вкладывал в это понятие ЦК КПСС) и искоренять инакомыслие. Лично для себя я оправдывал свою работу в ИМЛ возможностью изучать в архиве документы Коминтерна. Но можно ли это, действительно, воспринимать как оправдание? Ответить на этот вопрос не берусь.

Достаточно вспомнить то тяжелое чувство, которое я испытал, взяв в руки Четвертый том Истории КПСС, в тексте которого не осталось ни одной написанной мной критической фразы об ошибках в деятельности Коминтерна, без чего и по моему тогдашнему пониманию освещение истории этой организации являлось наукообразной видимостью его истории. По той или иной причине руководство Института не использовало меня в идеологических

кампаниях, которые временами развертывались в стране, не заставляло писать разгромные рецензии на рукописи, которые «следовало» раздраконить. Впрочем, такие попытки имели место, но я сумел от них отбиться. Но это все же не давало основания гордиться своей работой, что вполне естественно для человека, занимающегося любимым делом. Поэтому вспоминаю с теплым чувством годы работы в Секторе истории Коминтерна, но, к сожалению, не могу этого сказать о других годах.

К этому следует добавить и то, что вынес из многолетних занятий своей исторической темой. Идеологические шоры, заранее определенный, навязанный путь исследования теми или иными партийными установками, интересами властных структур, по существу, сковывает, осклапляет научную мысль. Она несовместима с авторитарной властью. Научный поиск, создание текста, раскрывающего подлинную реальность происходивших событий, нуждается в дискуссии, свободном обмене мнениями, а не в заранее определенных и установленных сверху доктринах, диктуемых политической целесообразностью. Вполне допустимо рассматривать цепь событий под определенным углом зрения, но нельзя забывать при этом, что такое исследование будет носить односторонний, ограниченный характер и оно не отвечает задаче воссоздания реального отражения прошлого. Все эти рассуждения вызваны стремлением понять мое душевное состояние в тот момент, когда покидал Институт.

То, что сказано выше, относится к прошедшим временам, когда историку приходилось работать в жестко детерминированных рамках и отход от официальной идеологии немедленно повлек бы за собой то или иное наказание. Уже не существует Институт марксизма-ленинизма, одной из функций которого являлся идеологический контроль в сфере общественных наук, да и само это учение потеряло в глазах общества свое значение. Но означает ли это, что вместе с этим ушло в прошлое стремление навязать историкам жесткие ортодоксальные рамки, объявить те или иные проблемы, этапы российской истории, не подлежащими критическому анализу исследователя? Подчас приходится встречать в печати и с самых высоких официальных трибун заявления о том, что исторические труды должны прежде всего иметь для читате-

ля воспитательное значение, пробуждать патриотизм, чувство гордости за великие свершения и прочее и прочее. Возникают различные попытки установить контроль за исследовательской деятельностью, приписать исследователю, затрагивавшему острые и подчас весьма болезненные моменты прошлого, стремление сфальсифицировать и исказить историю. Это вновь и вновь свидетельствует о том, что вопрос об отстаивании историком права на свободу творчества в своем исследовании продолжает оставаться актуальным и жизненно важным для развития исторической науки.

Сделав этот небольшой экскурс, хочу вновь вернуться к событиям прошлых лет, когда мне пришлось расстаться с Институтом. Главным, разумеется, было то, что больше не существовало страны, в которой прожил большую часть жизни. Вернее, страна-то осталась, но изменились ее рубежи и строй, хотя не было ясным, каким он станет позднее. Я одобрял падение коммунистического режима, принесшего столько горя и бед народу и превратившего мою Родину в страшилище для других народов. Первое время верил, что в ней победит демократия и человек станет свободным от государства. И вновь ошибался.

Что будет дальше, летом 1991 года не понимал. Прошла эйфория после падения обанкротившейся партийно-государственной системы, экономическое положение оставалось катастрофическим. Из магазинов почти исчезли продовольственные товары. За хлебом приходилось долго стоять в очереди без уверенности, что сумеешь его купить. Деньги обесценились. Грозил голод. К счастью, правительство Гайдара, отпустило цены, которые буквально прыгнули вверх. И через некоторое время, как будто из ниоткуда, на полках появились различные товары, о существовании которых мы просто забыли. Но купить их большинство населения оказалось не в состоянии, ибо не имело денег. Вот почему реформы Гайдара, спасшие народ от голода и разрухи, встретили глухое недовольство и его имя отнюдь не пользуется популярностью в новой России.

К краху «коммунистического призрака», вызванного совокупностью причин общего характера, я все же оказался не совсем подготовленным, хотя понимал тупиковость ситуации и невоз-

возможность сохранения прежнего порядка. Многие годы провел в своеобразной теплице, поглощенный своей страстью к архивным документам, пытаюсь восстановить и объяснить недавнее прошлое. При этом для меня многие реальные события оставались как бы в стороне, казались не главными (А.С. Черняев в своем «Дневнике помощника Президента СССР. 1991 год» очень точно назвал такое состояние «глухотой совести и ума») в сравнении с коминтерновской загадкой, разрешению которой отдал отпущенное мне время и большую часть умственной энергии. Но именно эти реалии в конечном итоге имели решающее значение и определили, помимо всего прочего, те выводы, к которым пришел, преодолев революционные мифы и саму идеологию, лежавшую в основе деятельности этой организации.

Поскольку теперь живу в другой стране, мои сегодняшние размышления о том, что происходит в России, не опираются на то, что смог бы увидеть своими глазами, находясь там, а лишь на полученную различными способами информацию, которая, разумеется, не может быть достаточно полной. Поэтому ограничусь лишь несколькими словами. Много вызывает большую тревогу, хотя надежда на лучшее будущее моей Родины все же остается. С Россией связан многими поколениями предков, их могилами и большей частью своей жизни. От того, в каком направлении она станет развиваться, помимо прочего, будет зависеть не только жизнь тех моих близких и друзей, их семей и детей, которые остались там, но в немалой степени будущее моих внуков, которые ныне живут в США и Нидерландах. На этом поставлю точку.

КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Эта глава возникла неожиданно. Не предполагал, что ею закончу воспоминания, но, как иногда случалось в моей авторской работе, сама жизнь привела к такому решению. Как сказано в песенке Окуджавы: «Так природа захотела...». Мемуары открываются словами о завершении книги, посвященной шифровкам Коминтерна, логично будет их закончить кратким рассказом об американском варианте книги.

Дело сдвинулось после выхода в Москве первого издания книги. Со мной заключили договор и нашли переводчицу. Ею оказалась Линн Виссон, как мне сообщили, переводчица ООН и преподавательница одного из университетов. Все время, пока она работала над переводом, мы с ней регулярно переписывались. Между нами сложились нормальные отношения автора и переводчика.

Получив перевод книги и прочитав его, почувствовал, что очутился в тупике. Обнаружил, причем далеко не единожды, что при переводе соединялись куски фраз из разных абзацев. Подчас просто выпадали целые абзацы, имевшие важное смысловое значение. В каждой главе сноски обозначались по-разному. Если в одной главе это были римские цифры, то в следующей за ней использовались арабские цифры, в третьей вместо знака сноски после текста цитаты в скобках просто ставилась цифра, а в конце главы шел перечень этих цифр с текстами сносок и т. д.

Над исправлением неточностей перевода, сопоставляя его с оригиналом на русском языке, работал не меньше 9 месяцев. Издательство за это время приступило к подготовке публикации «Архива Сталина». Это грандиозное мероприятие, естественно, потребовало массу сил и времени, так что работать с проверкой перевода моей книги и ее редактированием оказалось некому. Я это понимал и, допуская, что моя книга появится несоро.

Но случилось иное. Вадим Стаско, ставший заведующим Отделом Издательства, позвонил мне и спросил, как я отнесусь к тому, если над текстом книги поработают Харви Клер и Джон Хейнс, несколько сократят ее содержание и, доработают, чтобы она больше соответствовала публикации научного исследования в США, дополнив ее некоторыми материалами. При этом книга выйдет как работа трех авторов, а я буду называться «старшим автором»¹. Ответил Вадиму, что очень рад таким соавторам, исследования которых ценю очень высоко. С ними познакомился еще в 1992 г., когда они приезжали изучать документы Архива Коминтерна, а я уже являлся сотрудником архива. Между нами установились хорошие товарищеские отношения, которые с годами только укрепились. Издательство и три соавтора подписали новый договор об издании книги.

Через несколько месяцев получил от своих коллег по Интернету текст будущей книги. Прочитав его, понял, что мне повезло. Даже подивился тому, как они из сумели из того же материала создать нечто весьма отличное от оригинала, хотя концепция книги, оценочные моменты деятельности Коминтерна, характер описываемой эпохи, сталинского диктата и другие весьма важные для меня позиции полностью сохранились. Соавторы не только проявили полное понимание того, что по этому поводу было ска-

---

¹ Пользуясь удобным случаем, хочу рассказать об одной своей оплошности, о которой весьма сожалею. Когда Издательство начало готовить публикацию документальной серии «Анналы коммунизма», одним из первых появился сборник «Секретный мир американского коммунизма», над которым работали Харви Клер и Джон Хейнс. К этому времени в Издательство из Москвы переслали по моему предложению копии шифровок из Архива Коминтерна, относившихся к взаимоотношениям ИККИ и КП Америки. Джонатан Brent счел целесообразным опубликовать на основе этих шифровок новый сборник и предложил мне совместно с Клером и Хейнсом над ним поработать. В связи с этим включил меня в число соподготовителей сборника Клера-Хейнса, учитывая, что новый сборник также появится как результат совместного труда тех же соподготовителей. Однако позднее стало ясно, что этих шифровок явно недостаточно для публикации самостоятельного сборника. Клер и Хейнс частично использовали их в другой документальной публикации той серии. К счастью, эта история никак не отразилась на моих отношениях с этими коллегами.

зано, но в ряде случаев подтвердили выводы, сделанные в ней, другими фактами и аргументами.

В русском варианте на первом месте оказался рассказ о самих шифровках Коминтерна. Они рассматривались как документальный источник, без изучения и введения в научный оборот которого освещение истории Коминтерна получалось не полным, упускались те стороны деятельности этой организации, которые по существу имели решающее значение. В книге исследовался процесс подготовки и отправления шифрованных директив Коминтерна, анализировались способы шифровки и расшифровки документов, в том числе и применявшихся шифров, говорилось и о тех, кто это непосредственно делал, и о тех, кто их получал, а затем уже о том, какую роль эти закодированные послания сыграли в практической деятельности Коминтерна и в жизни компартий. Естественно, последнее охватывало большую часть книги, но все же меня прежде всего интересовали эти шифровки как таковые.

Мои соавторы пошли по другому пути. Они исходили прежде всего из того, что шифровки представляли собой закодированные директивы Коминтерна и поставили во главу угла выявление их значения для деятельности компартий, исследование того нового, что вносили эти документы в изучение деятельности этой организации. При этом, если в русском варианте те или иные общеисторические события затрагивались как бы мимоходом, теперь они освещались по существу в связи с анализом роли тех или иных шифровок Коминтерна. В работе в полной мере отразился накопленный коллегами исследовательский опыт, их авторское мастерство.

Написал Клеру и Хейнсу, естественно, о согласии с полученным мною текстом, дав ему самую положительную оценку и поблагодарив их за проделанный труд. Кроме того, сделал целый ряд, как мне показалось, необходимых уточнений.

Попросил восстановить один эпизод, который мне казался весьма интересным для читателя. Он связан с деятельностью советской разведывательной сети в Западной Европе, за которой закрепилось название «Красной капеллы». В частности, речь шла о том, чтобы связать руководителя этой организации Леопольда

Треппера с видным функционером Службы связи Коминтерна в тот период Клеманом (его настоящее имя Эжен Фрид), который тогда находился в Брюсселе. В этом духе соответственное поручение было дано Димитровым Клеману 14 декабря 1941 г.

Текст отправленной из Москвы шифровки гласил: «Установите через вашего человека или, если возможно, непосредственно связь с человеком наших друзей. Назначается явка на девятнадцатое и запасная на двадцать первое декабря около кинотеатра “Агора” у главного входа с площади в 16 часов. Человек друзей будет курить трубку и держать в руках журнал “Берлин–Рим–Токио”. Он будет держать в руках коричневый портфель и одет во все коричневое: коричневая палка, шляпа, костюм, перчатки. Явившийся на свидание ваш человек должен держать в руках такой же журнал “Берлин–Рим–Токио”, в зубах держать трубку, которую не курит. Ваш человек спрашивает у человека друзей спички, тот берет зажигалку, которая не имеет бензина, и потом спички. Человек друзей спрашивает у вашего человека, не знает ли он, что за фильм идет в кино “Метрополь”. Он получает ответ: “La femme”. Получение подтвердите».

Той встречи не произошло и Клеман напрасно прождал «человека наших друзей», то есть советского разведчика, около кинотеатра «Агора», поскольку Трепперу в это время из-за провала бельгийской части его организации пришлось срочно бежать в Париж. Полагал, что стоило сохранить этот эпизод в книге. Русскому читателю он наверняка напомнит анекдот, связанный с популярной кинокартиной «Подвиг разведчика»: «Тук-тук. “Кто там?” “Здесь продается Славянский шкаф?” “Шпион Иванов живет выше этажом”».

Кроме того, поскольку уже зашел разговор о «Красной капелле», приведу и другой пример, он сохранился в сокращенном виде в американской книге, но русскому читателю его будет знать полезно.

Начальство ГРУ, под командованием которой находилась эта разведывательная сеть, не осознало своевременно, что существенная часть этой сети провалилась. Германская контрразведка зверским пытками вынудила большинство арестованных разведчиков сотрудничать с ней и они как бы продолжали посылать

в Москву разведывательную информацию, но уже это была информация, выгодная немецкой контрразведке.

В ГРУ не поверили Трепперу, сообщившему о провале в Брюсселе группы, руководимой офицером советской разведки Константином Ефремовым (псевдоним Паскаль). Также не смогли правильно оценить и полученное Димитровым 29 декабря 1942 г. из Франции сообщение об исчезновении Лео (Треппера): «Лео исчез около 12-ти дней тому назад, а вместе с ним человек, дублировавший его, и женщина, работавшая с ними. Агент по связи Лео, встречающийся с одним из наших товарищей, сообщил нам об этих фактах и по его словам аппарат не затронут». К тому времени в ГРУ уже поступила шифровка Треппера от 25 декабря о его «работе». На деле это была радиограмма, посланная по приказу контрразведки. Его арестовали еще 24 ноября и после ареста он заявил о своей готовности работать на немцев. Но сделав этот шаг, убедил немцев, что ему непременно следует появляться на улицах Парижа, чтобы Москва не пришла к выводу об его аресте.

В ГРУ не сомневались, что с Треппером все в порядке. Об этом свидетельствуют шифровки, посланные ГРУ через Коминтерн французскому подполью и Трепперу. В них шла речь о необходимости встречи Треппера со связным, выделенным для этого Французской компартией. А эта встреча, которую жаждала и германская контрразведка, чтобы разгромить подпольную партию, все никак не получалась. Треппер «появлялся» на условленном месте, но от КПФ никто не показывался.

А происходило это потому, что ни в Москве руководители ГРУ, ни германская контрразведка в Париже не знали, что задолго до этих событий Треппер договорился со своим связным не встречаться в местах, назначаемых Москвой, а в иных, о которых могли знать только они. При этом встреча должна начинаться ровно за двое суток плюс два часа до намеченного срока. В результате немцам пришлось принять предложение Треппера о его встрече с другим связным компартии, которой была владелица кондитерской Жюльетта Муссье. О ней знал только Треппер, и она ни с кем, кроме Треппера, не могла вступать в контакт.

Во время первого посещения кондитерской Треппер сумел предупредить Муссье, что принесет ей свое послание, которое

необходимо передать другому лицу, как только он покинет кондитерскую. После этого и Жюльетта и это человек должны исчезнуть до конца войны. Готовясь ко второй встрече, по ночам на нескольких клочках бумаги написал свое сообщение начальнику ГРУ. Оно и содержало известие о провале разведывательной сети и об организованной контрразведкой радиоигре с ГРУ. Только после того, как руководство КПФ получило от Муссье этот документ и сообщило об этом в Москву, там поняли, что с конца 1942 г. и до июня 1943 г. получаемые от Треппера и членов его организации шифровки являлись на деле немецкими фальшивками. Само сообщение Треппера переслали в Москву через радиостанцию Клемана лишь в июле. С этого момента радиоигра развивалась уже по другим правилам.

Рассказанное выше предваряет тот документ, о котором пойдет речь. В архиве среди шифровок Коминтерна, связанных с перепиской с Треппером, оказалась и депеша, которая, как будто опровергала все ранее сказанное о неудачах установить контакт с Треппером. В русском переводе шифровки руководителя подпольной компартии Франции Жака Дюкло, поступившей Димитрову 27 мая 1943 г. и пересланной начальнику ГРУ Ивану Ильичеву, говорилось: «Получил сообщение относительно встречи, состоявшейся между Лео и Мишелем. К сожалению, последний исчез и несомненно арестован. Есть возможность, если Лео желает, обеспечить ему, согласно его указаний, встречу с Дювалем, которого он знает». (Мишель – связной Треппера, Дюваль – кличка Фернана Пориоля, организатора нелегальной радиосвязи КП Франции).

Ни Димитров, ни Ильичев не обратили внимания на несуразицу в тексте шифровки. С одной стороны, в ней говорилось о состоявшейся встрече Лео и Мишеля. Но затем было сказано об исчезновении Мишеля и возможности организовать встречу Лео с Дювалем. А из Москвы как раз и требовали организовать встречу Треппера с его связником, то есть с Мишелем, и именно ответом на это требование и явилась депеша Дюкло. Разгадка этой несуразицы состоит в том, что шифровку Дюкло перевели неточно. В ее французском оригинале о контакте Лео и Мишеля было сказано следующее: «*Bien reçu communication concernant rendez-vous*

donné par Leo à Michel.» Сочетание слов «donner un rendez-vous» означает «назначать встречу», поэтому в оригинале первой фразы депеши в действительности говорилось: «Получил сообщение относительно встречи, назначенной Лео Мишелю». Тем самым становится понятно, что эта встреча не состоялась.

Из интересных сюжетов, которые не попали в американскую книгу, стоит также упомянуть один, связанный с организацией совместно советской военной разведкой и Коминтерном, перелета двух хорватских летчиков, служивших в германской армии, через фронт в распоряжение частей Красной Армии на своих самолетах 14 мая 1943 г.

После такого пространныго отступления продолжу рассказ об американской книге. Текст ее представили в Издательство, которое в соответствии с существующей практикой разослало его рецензентам, имена которых, естественно, соавторы не знали.

Первая рецензия полностью соответствовала поговорке, что первый блин получается комом. Рецензент, упомянув, что в книге разбираются шифровки Коминтерна, которые, по его мнению, не имели серьезного значения, рассматривал рукопись под углом зрения, будто бы та повествовала о народном фронте во Франции, гражданской войне в Испании и прочих хорошо известных событиях. На этой основе сформулировал вывод, что публиковать работу не следует.

Я написал Вадиму и своим соавторам, что не могу расценить эту рецензию как объективный анализ манускрипта. Они ответили довольно единодушно, что надо ждать дальнейших откликов на рукопись.

Хейнс в своем письме в издательство в связи с этим отзывом, отметил, что в книге впервые излагаются документы (телеграммы), о которых вообще раньше не знали. И ценность этой работы, а не недостаток, как полагает первый рецензент, как раз состоит в том, что они приведены для того, чтобы другие историки могли бы осознать их сущность и лучше оценить значение этих новых данных.

Через несколько дней получил от Вадима вторую рецензию. Она оказалась полной противоположностью первой. Ее автор положительно отозвался о том, что в научный оборот вводится зна-

чительный массив нового документального материала по истории Коминтерна, выразил согласие с важностью этих сведений для изучения не только Коминтерна и деятельности компартий, но и освещения тех событий, о которых предыдущий рецензент писал как общеизвестных. Приведя в своем отзыве ряд рекомендаций, автор, заявил, что «решительно высказывается за публикацию. Книга содержит много интересных сведений как для специалистов, так и рядовых читателей». Этот отзыв, разумеется, поднял мое настроение.

Третья рецензия даже превзошла вторую. Рецензент высоко оценил документальные материалы, подчеркнув, что в дальнейшем без их использования не следует изучать историю Коминтерна и компартий. Отнес эту оценку и к исследуемым в книге событиям, которые предшествовали войне и произошли в годы войны. Особо выделил аспект книги, связанный с разведывательной деятельностью Коминтерна и его сотрудничеством с советской разведкой. Разумеется, рецензент, также решительно высказался за публикацию книги.

Однако возникла новая проблема. Вадим Стакло сообщил мне и моим коллегам, что переходит на преподавательскую работу в один из университетов, находящийся недалеко от Вашингтона и известил нас, что редактором нашей книги будет Кристина Такер. Заочно я познакомился с ней. Она написала, что книга на нее произвела прекрасное впечатление. Книга была принята комиссией издательства. Наступила пора подготовки наборного текста, выполнения ряда нормативов издательства по ее оформлению, составлению некоторых текстов, которые обычны в изданиях такого рода, вроде списков сокращений, аббревиатур, терминов и т. д. Работу эту выполняют мои коллеги, я им в этом помогаю. Остается ждать выхода книги в свет.

* * *

Подводя итоги написанному, могу сказать, что мне очень повезло, судьба оказалась ко мне благосклонной. Разумеется, сказанное прежде всего относится к моей личной жизни, семье, ближайшему окружению, друзьям. Удалось повидать немало интересного,

побывать во многих странах, стать очевидцем и даже в какой-то степени участником событий, в результате которых Россия изменилась. Но не в этом только дело.

Осуществилась возможность реализовать себя как историка, при этом мои научные интересы совпали с делом, которым занимался. Удалось найти массу неизвестных ранее документов и, что наиболее важно, написать на их основе несколько исследований, которые вышли в свет. В них рассказать о том, к каким выводам пришел в оценке истории Коминтерна, которую изучал многие-многие годы. Подчеркну, что это моя оценка и мои выводы, будущее их подтвердит или опровергнет. Но я сделал то, что смог. Однако, получилось так, что настолько был поглощен этими занятиями, что многие внешние события как бы шли стороной.

С годами в моем миропонимании произошли перемены. Долго надеялся, что возможно соединить социализм и демократию. В преодолении этой иллюзии, как ни странно, определенную роль сыграли занятия историей Коминтерна. В конце концов, ощутил себя сторонником демократического строя. Когда ход событий потребовал от меня сделать четкий выбор, сделал это. Мои ожидания и надежды не оправдались, но не жалею об этом выборе и считаю его правильным.

Закончить воспоминания о годах, составивших основную часть моей жизни, хочу словами прославленного американского киноактера Марлона Брандо, которые попались мне на глаза в один из дней, когда завершал редактирование рукописи: «На идиш есть слово: “seychel”, дающее ключ к пониманию самых глубинных аспектов еврейской культуры. Оно означает “стремиться приобрести новые знания и оставить после себя мир лучше, чем он был при твоём появлении”».

Линн, 2007–2013 годы

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абец Отто – 363, 364
Абрамов Б.А. – 106
Август – см. Экштейн Август – 111
Августа (Авочка) – см. Логинова
Августа – 73, 74
Агостини Мария – 92
Адибеков Грант – 163, 242, 262,
267, 297, 358, 397, 421
Адибекова Жанна – 358
Адоратский В.В. – 125
Айно – см. Куусинен Айно – 366
Акопян Акоп – 40, 41
Аксенов В.П. – 394
Акунин Борис – 9
Алахвердов Жора – 61, 107
Александр – см. Кан А.С. – 409–
411
Александр II – 181
Александр Иванович – см. Собо-
лев А.И. – 141, 146, 148, 150,
153–155, 157–159, 167, 174, 175,
177, 182, 184, 195, 216, 236–238,
241–243, 245, 248–252, 266, 267,
275, 282
Александров Владимир – 175, 176,
217, 219, 220
Алексей (Алеша) – см. Хланта
Алексей – 82
Алена, Аленка – см. Носик Алена –
95–97, 347
Алена – см. Сулова Алена – 350
Алик – см. Ненароков Алик – 399
Алиханов Геворк – 406
Амбарцумов Евгений – 380
Амиантов Юра – 215, 230, 421, 431,
438
Анастасия Ивановна – см. Карту-
нова А.И. – 64, 65, 118–120, 141,
142, 145–148, 150–153, 155, 174,
252
Анастасия Константиновна – см.
Воробьева А.К. – 25, 26, 29, 36,
37
Анатолий – см. Латышев Анато-
лий – 330, 331
Анатолий Григорьевич – см. Его-
ров А.Г. – 212
Анвельт Ян – 360
Андерсон Кирилл – 374
Андерсон М.Ф. (Миша) – 113, 116,
234
Андреев А.А. – 388
Андреев Н.А. – 24
Андреева Нина – 320
Андрей – см. Свердлов А.Я. – 99,
100
Аникеев В.В. – 268
Анка Поль – 91
Анна Иоановна – 379
Аннэ – см. Порта Аннэ – 427
Антон – см. Антонов-Овсенко А.В. –
237
Антон – см. Носик Антон – 92
Антонов Юра – 237
Антонов-Овсенко А.В. – 378
Антонюк Д.А. – 241, 269

- «Аполлон» – 291
Аркадий – см. Ваксберг Аркадий – 72
Арманд И.А. – 26, 27
Арманд Инесса – 26
Арнштам Л.О. – 136
Ася – см. Бутылькова Ася – 274
Афанасьев Юрий – 220, 319, 320, 328, 381, 398, 405, 406
«Афина Паллада» – 291
Ахапкин Ю.А. – 170, 230, 421
Ахматова Анна – 92
Ахмедов М.С. – 45
- Б**
Бабиченко Леня (Babičenko Leonid) – 143, 288, 345, 390, 425, 437, 438
Багатурия Жора – 42, 416
Байерляйн Бернгард (Bayerlein Bernhard H.) – 143, 327, 345, 381, 385, 389, 409–412, 436, 437
Банац Иво – 327
Бане Зигфрид (Bahne Siegfried) – 315, 389
Барабанщикова Л.Н. – 167
Барсуков Николай – 397
Басманов Михаил – 236, 252, 390
Басовская Н.И. – 432
Бах И.А. – 41, 42, 246
Бах Иоганн Себастиан – 203
Белевский Ян – 331
Бергман Теодор (Bergman Theodor) – 367, 407, 410, 411
Берия Л.П. – 110, 387
Бернгард – см. Байерляйн Бернгард – 143, 327, 345, 381, 385, 389, 409–412, 436, 437
Берри Клэр – 91
Берри Мирна – 91
Берта – см. Циммерман Берта – 359
Бетховен Людвиг ван – 419
Бигацци Франческо – 419, 422, 423
Благоева Стелла – 326
Блох Э.Л. (Фира) – 348, 350
Боев Петко – 182
Болен Вацлав – 262
Бондарчук Валерий – 142, 344
Бондарчук Катя – 164
Боннэр Е.Г. – 406
Боргезе Полина – 127
Бордига Амадео – 260
Бордюгов Геннадий – 13, 17, 379, 392, 396, 397, 410
Борис – см. Носик Борис – 17, 91, 271, 434
Борис – см. Яковлев Борис – 36
Борис Григорьевич – см. Тартаковский Б.Г. – 40, 42, 169, 193, 194, 285
Борис Николаевич – см. Пономарев Б.Н. – 269, 284, 361, 362, 387, 417
Борисова Наташа – 167
Борко Юра – 139
Боровский Я. – 341
Боучек Милош – 295
Брандлер Генрих – 60, 143, 199, 355
Брандо Марлон – 451
Брасанс Жорж – 91
Брежнев Л.И. – 112, 131, 183, 240, 251
Брент Джонатан (Brent Jonathan) – 13, 327, 444
Брокгауз – 29, 162
Брушлинский В.К. – 42
Брюэ Пьер – 412, 432
Булгаков М.А. – 150
Бутыльков Дима – 274, 426
Бутылькова Ася – 274
Бутылькова-Порта Женя – 273, 274, 278, 426, 427
Бутылькова Эсфирь Соломоновна – 274
Бухарин Н.И. – 44, 102, 117, 126, 145, 152, 199, 200, 205, 259, 308, 358, 375, 377, 391–393, 409, 410, 435

В

- Вадим – см. Вознесенский Вадим – 320
- Вадим – см. Стакло Вадим – 17, 269, 344, 439, 444, 450
- Вадя – см. Сегаль Вадя – 66–70, 72, 73, 261, 280–282
- Ваксберг Аркадий – 72, 182, 414, 415
- Валенса Лех – 336
- Валентина Михайловна – см. Ендакова В.М. – 102, 155, 198, 226, 227
- Валерия Эммануиловна – см. Кунина В.Э. – 37, 41, 119, 161, 166, 167, 177, 184, 197, 261, 268, 297, 302, 345
- Валецкий Хенрик – 341
- Вальтер Артур – 146, 302, 310
- Валя – см. Гетман Валя – 58, 61, 62, 166, 167
- Валя – см. Груздева Валя – 161, 164–167, 198, 248, 268, 284, 290, 291, 297, 302
- Валя – см. Христова Валя – 181, 285
- Валя – см. Смирнова Валя – 33, 291
- Валя – см. Цырлина Валя – 17, 161, 165, 221, 227, 234, 253
- Ван Гог Винсент – 222
- Ван дер Люббе – 136, 178
- Варга Е.С. – 361
- Василевский А.М. – 329
- Васильев Борис – 365
- Вассер Михаил – 205, 352
- Васьль – см. Илько Васьль – 82, 84
- Ватлин Саша (Vatlin Aleksandr) – 17, 143, 228, 231, 313, 344, 353, 377, 391–393, 397, 409–411, 415, 428, 435–437
- Вебер Герман (Weber Hermann) – 315, 409
- Вебер Саша – 284, 285
- Веласкес де Куэльяр Диего – 255
- Венер Герберт – 127, 306
- Вениамин – см. Иванов Вениамин – 29, 32, 48, 446
- Визбор Юрий – 91
- Виктор – см. Фогельсон Виктор – 43
- Виктор Эммануил – 127
- Вильгельмсон Виктория – 310
- Виссон Линн – 443
- Виталий – см. Лельчук Виталий – 398, 400, 401, 431, 432
- Виталий – см. Старцев Виталий – 395, 399, 410, 411
- Витенберг Женя – 8, 34, 240, 352, 356, 358, 403, 404, 425, 432, 437, 438
- «Витт» – 87
- Владимир – см. Пятницкий Владимир – 125, 126
- Владимир Ильич – см. Ленин В.И. – 132, 185, 199, 205, 208, 376
- Владимир Яковлевич – см. Зефин В.Я. – 21
- Владлен – см. Степанов Владлен – 28, 97, 124, 125, 230
- Вознесенский Вадим – 320
- Волков Володя – 126, 438
- Волков Сева Эстебан – 432
- Волкова Галя – 352, 354
- Волкогонов Д.А. – 227, 234, 235
- Волобуев П.В. – 400, 427, 432, 433
- Володя – см. Горбунов В.В. – 219, 238, 239
- Володя – см. Деготь В.А. – 22
- Володя – см. Козлов Владимир – 379, 396
- Володя, Володька – см. Логинов Владлен – 55, 66, 69, 73, 74, 78, 90, 100, 119, 131, 132, 139, 191, 212, 213, 217, 237, 239, 247, 254, 320, 356, 395, 396, 398, 399, 401–403, 414, 431, 434

- Володя – см. Масич Володя – 239
Володя – см. Мосолов Володя – 15, 35, 42, 215
Вольтер – 22, 203
Волынская Галя – 73
Волынский Юра – 73
Воробьева А.К. – 25, 26, 29, 36, 37
Восленская Тая (Буля) – 426
Врачев И.Я. – 432
Вуйошевич Убавка – 337
Вульман Галя – 131
Вульф Виталий – 220, 221
Выгодский Виталий – 30, 33, 42, 109
Высоцкий Владимир – 86, 91
Вышинский А.Я. – 72
- Г**
Габсбурги – 209
Гаглов И.И. – 169, 170, 172
Гаек Милош – 380
Гайдар Т.А. – 441
Галич Александр – 86, 91
Галкин Веня – 25, 29
Галя – см. Волкова Галя – 352, 354
Галя – см. Спирина Галя – 241
Гарик – см. Фирсов Гарик – 16, 94, 240, 348–350, 430
Гарин Эраст – 271
Гашек Ярослав – 87, 210
Гейдрих Рейнхард – 210
Гелий – см. Ковганкин Гелий – 29
Гена – см. Бордюгов Геннадий – 13, 17, 379, 392, 396, 397, 410
Гена – см. Зиборов Гена – 240
Геннадий Григорьевич – см. Куранов Г.Г. – 58
Георгиев Юра – 239, 252, 288, 299
Георгий Лукич – см. Смирнов Г.Л. – 15, 33, 34, 291, 317–319, 321, 333, 335, 336, 340, 393, 401, 416, 420
Геринг Германн – 272
Гетман Валя – 58, 61, 62, 166, 167
Гиацинтова С.В. – 214
Гирш Вернер – 305
Гитлер Адольф – 255, 283, 330, 359, 364, 399
Гитман – 387
Глезос Манолис – 432
Гойя Франциско Хосе де – 255, 256
Голиков Г.Н. – 101
Голиков Ф.И. – 428
Голль Шарль де – 171
Голуб Павел – 44
Голубева Е.В. – 226
Гольман Л.И. – 27, 32, 34, 106
Гончаров Лева – 80
Гопнер С.И. – 50, 51, 78
Горбачев М.С. – 185, 244, 285, 300, 318, 328, 332, 336, 389, 398, 403, 410, 425, 429
Горбунов В.В. – 219, 238, 239
Гордон Леня – 419
Горшков М.К. – 385, 420, 421, 424, 438
Горький А.М. – 24, 130, 271, 359, 425, 429
Готвальд Клемент – 211, 375
Готович Хосе – 228
«Градовы» – 394
Грамши Антонио – 246, 379
Граник Маша – 96, 347
Граник Саша – 17, 347, 348
Грант – см. Адибеков Грант – 163, 242, 262, 267, 297, 358, 397, 421
Гребенников В.Н. – 268, 345, 416
Григорий – см. Кислов Григорий – 236, 237
Григорьев Саша – 177, 184
Григорян С.М. – 39, 40
Григулевич И.Р. – 407
Гриeko Руджеро – 423
Грубер Йозеф – см. Штейнгардт Карл – 301
Груздева Валя – 161, 164–167, 198, 248, 268, 284, 290, 291, 297, 302

Грушка Ченек – 323
 Гугуцидзе С.В. – 108
 Гурвич Светлана – 409
 Гуренич Ира – 72
 Гуренич Люсик – 72
 Гусак Йозеф – 209
 Гылыбов Петер – 326

Д

«Давид» – 128, 423
 Давидович Д.С. – 355
 Давыдова Марина – 391
 Далин Александр (Dallin Alexander) – 269
 Далин В.М. – 184
 Данилов В.П. – 35, 379
 Даниэльс Роберт – 380
 Дасковский Саша – 94
 Даузакер Берта – 310
 Дворкина Майя – 127, 195
 Деборин Г.А. – 99, 100, 121, 122, 207
 Девик – см. Сулькин Девик – 418
 Деготь В.А. – 22
 Деграс Джейн – 48, 49, 299
 Деннис Юджин (Райен Тим) – 246
 Джеймс – см. Рейх Яков – 173
 Дзасохов А.С. – 424
 Дзержинская Софья – 303
 Дзержинский Феликс – 191, 303, 431
 Дима – см. Бутыльков Дима – 274, 426
 Дима – см. Мысливченко Дима – 346
 Димитров Георгий (Хельмут) (Dimitrov) (Dimitroff) – 12, 20, 85, 98, 118, 124, 136, 147, 164, 177–184, 216, 225, 231, 240, 251, 266, 268–270, 284, 288, 289, 322–327, 329–331, 336, 340–343, 359, 361, 363, 364, 369, 370, 373, 386–388, 395, 401, 417, 419, 427, 446–448
 Димочка – см. Попов Дмитрий – 17, 95, 426

Димочка – см. Сегаль Дима – 68, 279, 281
 Дина Эммануиловна – см. Кунина Д.Э. – 161, 166, 167, 177, 184, 197, 261, 268, 297, 302, 345
 Дмитренко Сталин (Сергей) – 405
 Долгорукий Юрий – 24
 «Дон-Кихот» – 255
 Донков Игорь – 131
 Донской Марк – 95
 Дорфман Р.С. – 43, 75, 96, 193, 347
 Дрейпер Теодор – 236
 Дробижев Володя – 220, 274
 Дронке – 35
 Дубчек Александр – 88, 209
 Дюваль – см. Пориоль Фернан – 448
 Дюкло Жак – 363, 448

Е

Евгений Николаевич – см. Соколов Е.Н. – 58, 59, 61, 62, 109, 141, 142, 147, 152, 159, 166, 167, 260, 268
 Евзеров Р.Я. – 285
 Евсей Исакович – см. Спиваковский Е.И. – 85
 Евстигнеев Евгений – 44
 Евтушенко Евгений – 99, 113
 Егоров А.Г. – 42, 184, 212, 213, 215, 225, 237, 239, 254, 286–288, 296–298, 300, 318, 345, 356
 Ежов В.Д. – 282, 283, 403
 Ежов Н.И. – 340, 341
 Екатерина II – 22
 Елазар Давид – 180–182, 322, 323, 326
 Елена Прокофьевна – см. Подвигина Е.П. – 106, 107, 119
 Елизавета Ивановна – 26
 Ельцин Б.Н. – 15, 317, 328, 336, 374, 397, 403, 410, 420, 431
 Емельянов – 331, 332

Ендаков Михаил – 226
 Ендакова В.М. – 102, 155, 177, 198,
 225–227, 322
 Еремеев Борис – 300
 Ермолаева Р.А. – 24, 131
 Ефремов Олег – 44
 Ефремов Константин (Паскаль) –
 447

Ж

Жанна – см. Адибекова Жанна –
 358
 Жаров Лева – 74, 131
 Жданов А.А. – 388
 Женя, Женечка см. Бутылькова-Пор-
 та Женя – 273, 274, 278, 426, 427
 Женя – см. Витенберг Женя – 34,
 240, 352, 356, 358, 403, 404, 425,
 432, 437
 Женя, Женечка – см. Сегаль Женя –
 67, 68, 70, 74, 280
 Женя – см. Севрюгина Женя – 156,
 161, 163–167, 211, 287, 357
 Женя – см. Фирсов Женя – 46
 Живков Тодор – 180
 Жижка Ян – 211
 Жолдак И.А. – 50, 52
 Жора – см. Алахвердов Жора – 61,
 107
 Жора – см. Багатурия Жора – 42,
 416
 Журавлев Валерий – 334, 335, 379–
 381, 424, 425, 432

З

Загладин В.В. – 338
 Замыслова З.А. – 50
 Запотоцкий Антонин – 211
 Заставенко Г.Ф. – 141, 142, 147
 Захаров М.А. – 136
 Зверев Слава – 40, 164
 Здравомыслов Андрей – 300
 Зевин В.Я. – 21

Зевин Я.Д. – 21
 Зейбот – 428
 Зиборов Гена – 240
 Зиянин М.В. – 183
 Зиновьев Г.Е. – 24, 102, 117, 126,
 143, 145, 172, 198–200, 212, 218,
 261, 287, 308, 322, 338, 375, 428
 Зорге Рихард – 240, 366, 407
 Зоря – см. Казьмина Зоря – 42, 221,
 253
 Зотов М.А. – 213
 Зошенко М.М. – 193
 Зоя – см. Тихонова Зоя – 125
 Зубок Л.И. – 78
 Зюганов Г.А. – 431

И

«Иван Денисович» – 113
 «Иванов» – 446
 Иванов Вениамин – 29
 Иванов Н.Н. – 32, 48
 Игнатов Владимир – 230
 Игорь – см. Кошель Игорь – 70, 73
 Игорь Михайлович – см. Криво-
 гуз И.М. – 217, 416
 Изикович Найоми – 96
 Изикович Нина – 96
 Изикович Нир – 96
 Илек Богумил – 262
 Ильин А. – 376
 Ильичев Иван – 448
 Илько Василь – 82, 84
 Ина – см. Яжборовская Ина – 17,
 334, 336, 340, 372, 390, 416
 Инесса Александровна – см. Ар-
 манд И.А. – 26, 27
 Иовчук М.Т. – 184
 Ира – см. Мительман Ира – 17,
 131, 161, 165, 248, 374, 391
 Ирвинг Вашингтон – 255
 Искендеров А.А. – 247, 378
 Искров М.В. – 32, 137, 138, 141,
 146, 191, 192, 216, 277, 293

К

- Кабакчиев Христо – 323, 387
 Каганович Л.М. – 70, 331
 Казьмина Зоря – 42, 221, 253
 Каменев Л.Б. – 25, 102, 145
 Кан А.С. – 409–411
 Кан С.Б. – 409
 Канова Антонио – 127
 Каракалла – 127
 Карасев В.Г. – 220
 Карасик Юрий – 132
 Кармаль Бабрак – 394
 «Кармен» – 254
 Карпинский Лен – 99
 Картунова А.И. – 64, 65, 118–120, 141, 142, 145–148, 150–153, 155, 174, 252
 Карякин Ю.Ф. – 9, 45, 69, 372, 373, 405, 406
 Касьяненко В.И. – 105, 107, 338, 417
 Катала (Катла) Жан – 364
 Катаяма Сен – 65, 66
 Катенька – см. Толмачева Катя – 43, 162
 Катя – см. Бондарчук Катя – 164
 Катя – см. Попова Катя – 216, 342, 370
 Каутский Карл – 380, 391
 Кашницкая Люся – 304
 «Квазимодо» – 170
 Керф Вилли – 305
 Кива Алексей – 252
 Кирилл (Кирилл Кириллович) – см. Шириня К.К. – 148, 149, 155, 158–160, 163, 164, 167, 168, 175, 176, 179–183, 188, 197, 203, 212, 236, 240, 241, 247, 248, 251, 256, 270, 273, 275, 284, 286, 292, 297, 321, 327, 328, 335, 338, 369, 376
 Киров С.М. – 24, 311
 Кислик Д.С. – 88, 253
 Кислов Григорий – 236, 237
 Кисляков Вальтер – 302
 Китаев И.Н. – 269, 421
 Клеванский А.Х. – 45–47, 79, 96, 292–294, 296
 Клеман – см. Фрид Эжен – 446, 448
 Клер Харви – 444, 445
 Клигер Саша – 96
 Клопов Эдик – 139, 140, 419
 Кнорин Вильгельм – 178, 360
 Коба – см. Сталин И.В. – 136
 Кобзон Иосиф – 135
 Ковалева Лида – 71
 Ковальский Йозеф – 303, 332, 335
 Ковганкин Гелий – 29
 Козлов В.П. – 38, 307, 438
 Козлов Владимир – 379, 380, 396
 Козовский Фердинанд – 323
 Колар Франтишек – 293, 294
 Коларов Василь – 331, 370
 Коликов Коля – 183
 Колпинский Никита – 33, 35, 56, 344
 Кольцов М.Е. – 31
 Кольцов Петя – 215, 253, 254
 Коля – см. Фирсов Коля – 350
 «Конон» – 395
 Конквест Роберт (Conquest Robert) – 370–372
 Конюшая Р.П. – 33
 Королев Николай – 141, 142, 146, 153, 166–168, 174, 175, 247, 286, 287
 Костов Трайчо – 326
 Костырченко Г.В. – 384
 Косульников А.П. – 45, 111
 Котельников Федор – 311, 314, 315
 Кошевой П.К. – 238
 Кошелева Людда – 231
 Кошель Игорь – 70, 71, 73
 Кошель Тася – 71
 Красин Ю.А. – 250
 Крейбих Карел – 210

Кремпа Иван – 251, 294, 295, 375
Кривогуз И.М. – 217, 416
Крижель Анни – 437
Кристалинская Майя – 43
Ксенофонтов Игорь – 177
Кузько В.А. – 129, 198
Кузьмин Валентин – 106, 118
Кузьмин В.П. – 352
Кузьмин Михаил – 396
Кузьмин Н.Ф. – 101, 105, 119, 121,
147, 318, 352, 396
Куйбышев В.В. – 288, 404
Кукин Д.М. – 48, 100, 101, 106,
119, 131, 355
Кун Бела – 200, 201, 205
Кунина В.Э. – 37, 41, 119
Кунина Д.Э. – 161, 166, 167, 177,
184, 197, 261, 268, 297, 302, 345
Куранов Г.Г. – 58, 59, 61, 62, 64, 65,
101, 141, 142, 146–148, 153, 235
Курелла Генрих – 305
Куров – 387
Курочкина О.И. – 49, 50, 53, 55, 98,
166, 167, 198
Курт – см. Мюллер Курт – 359
Куусинен Айно – 366
Куусинен О.В. – 117, 289, 311, 343,
366

Л

Лавров Р.А. – 55, 139
Лакшин В.Я. – 156
Лановой Василий – 432
Ланфанг А.И. – 310, 360
Лариса – см. Роговая Лариса – 228,
231
Лассар Андрэ – 436
Латышев Анатолий – 330, 331
Лацис Отто – 432
Лебедев В.С. – 113
Лебедева Роза – 29
Лев Исаакович – см. Гольман Л.С. –
27, 32, 34, 106
Левин Эввин – 198, 203, 355, 367,
414
Левитан Ю.Б. – 70
Лейбзон Б.М. – 60, 85, 147
Лекомцев Г.З. – 148
Лельчук Виталий – 398, 400, 401,
431, 432
Лена – см. Нечаева Лена – 170, 172,
439
Лена, Леночка – см. Пархоменко
Лена – 344, 358, 380
Ленер Джанкарло – 422
Ленин В.И. – 20–22, 24–26, 36, 48,
50, 59, 78, 98, 99, 101, 104, 115,
121–123, 130, 132, 139, 142, 143,
145, 146, 148, 158, 163, 167, 168,
172–176, 184, 185, 194, 198–201,
204–208, 210, 212–216, 218, 219,
230, 238, 243, 245, 246, 253, 254,
256, 257, 259–261, 270, 286, 290,
292, 297, 298, 304, 325, 352, 368,
376, 390, 391, 393, 396, 399, 403,
408, 410, 411, 415, 422, 424, 433,
436
Ленский Юлиан – 340–342
Леня – см. Бабиченко Леня – 143,
288, 345, 390, 425, 437, 438
Лео (Leo) – см. Треппер Леопольд –
407, 446–448
Леонид Михайлович – см. Мина-
ев Л.М. – 243, 268, 269, 282, 283,
287, 288, 296, 297, 302, 332, 333,
345, 369, 376, 377, 415, 416, 424
Лермонтов М.Ю. – 429
Лещенко Лев – 43
«Либуша» – 210
Лида – см. Фирсова Лида – 11, 16,
43, 66, 71, 75, 76, 82, 83, 89–91,
93–96, 108, 109, 114, 127, 152,
165, 193, 194, 248, 267, 268, 274–
278, 280–282, 296, 346–348, 350,
351, 358, 394, 396, 418, 420, 426,
427, 430, 438

- Лиза (Лизанька) – см. Сулькина
Лиза – 418
- Лина – см. Финкельштейн Лина – 90, 139, 162
- Линдер И.Б. – 264
- Логинов Владлен – 55, 66, 69, 73, 74, 78, 90, 100, 119, 131, 132, 139, 191, 212, 213, 217, 237, 239, 247, 254, 320, 356, 395, 396, 398, 399, 401–403, 414, 431, 434
- Логинова Августа – 73, 74
- Лозовский Александр – 253
- Локшина Х.А. – 271
- Лолобриджида Джина – 127
- Ломинадзе Бессо – 392
- Ломоносов М.В. – 212
- Лондон Джек – 281, 353
- Лопес Рамон – см. Меркадер Рамон – 234
- Лунев И.И. – 240, 245
- Любимов Ю.П. – 73
- Людвик XVI – 379
- Люксембург Роза – 301, 357, 391, 408
- Лямпе Альфред – 342
- Лясс Ф.М. – 384
- М**
- Мадьяр Людвиг – 310–312
- Майя – см. Дворкина Майя – 127, 195
- «Макар» – 415
- Макаров Н.И. – 112
- Макдермотт Кевин (Mcdermott Kevin) – 228, 231
- Маклуглин Барри (Mccloughlin Barry) – 228, 231, 233
- Малашенко Лариса – 231
- Маленков Г.М. – 70, 387
- Малов Юрий – 404, 425
- Мальш А.И. – 39, 116
- Мансур – см. Мухамеджанов Мансур – 240, 262, 377
- Мануильский Д.З. – 126, 178, 226, 311, 343, 386, 417
- Мао Цзедун – 407
- «Маргарита» – 150
- Маре Жан – 412
- Марина – см. Смолина Марина – 227
- Мария – см. Агостини Мария – 92
- Марк – см. Пшедецкий Марк – 186
- Марк – см. Сегаль Марк – 68, 279
- Маркс Карл – 19, 20, 24, 25, 28, 30, 32, 33, 36, 39, 40, 42, 43, 56, 62, 69, 116, 125, 132, 174, 192, 205, 285, 344, 374, 404, 412, 416, 424
- Марьина Валентина – 78
- Масич Володя – 239
- Матвеев Рудик – 237
- Матвеева Новелла – 91
- Матковский Н.В. – 76
- Махмуд – см. Эсамбаев Махмуд – 135
- Мачишевский Ярема (Macieszewski Jarema) – 335, 344
- Маша – см. Граник Маша – 347
- Маяковский В.В. – 44
- Медведев Рой – 397
- Мельников Борис (Мюллер) – 79, 314
- Мельникова Галя – 79, 314
- Меркадер Рамон (Лопес Рамон) – 233–235
- Меркулов Всеволод – 388
- Мертенс Эрн – 305
- Мерцалов А.Н. – 367
- Мещеряков М.Т. – 391
- Мжаванадзе В.П. – 298
- Микеланджело Буонаротти – 127, 423
- Миклухо-Маклай Николай – 92
- Микоян А.И. – 44
- Минаев Л.М. – 243, 268, 269, 282, 283, 287, 288, 296, 297, 302, 332, 333, 345, 369, 376, 377, 415, 416, 424

Минин – 21
Минц И.И. – 192
Мира – см. Невалина Вельмира – 127, 229, 261, 421
Миронов Андрей – 9
Миронова Галя – 297
Мисюра В.И. – 81, 82
Мительман Ира – 17, 131, 161, 165, 248, 374, 391
Михал – см. Рейман Михал – 87, 88, 137, 138, 209, 380, 381, 394, 408
Михаил – см. Труш Михаил – 297, 424
Михаил Наумович – см. Носик М.Н. – 267, 268
Миша – см. Носик Миша – 279
Миша – см. Пантелеев Миша – 345, 438
Миша – см. Сулькин Миша – 418
Мишель (Michel) – 448, 449
Мишка – см. Славущая Вильгельмина – 72, 358, 408, 410
Мишка – см. Шатров Михаил – 44, 73, 74, 136, 213, 320, 370, 432
Млечин Леонид – 113
Модильяни Амадео – 92
Молок Флуранс – 47
Молотов В.М. – 70, 107, 329–331, 363, 369, 377, 392, 400
Морозов А.И. – 268
Морозов Л.Ф. – 106
Москвин Михаил – 341, 343
Мосолов Володя – 15, 35, 42, 215
Мочалин Н.И. – 278, 286, 298
Мочалова Вика – 92
Мочалова Нина – 92
Мурильо Бартоломе Эстебан – 255
«Мурка» – 194
Муссолини Бенито – 256, 260, 335
Мусье Жюлетта – 447, 448
Мухамеджанов Мансур – 240, 262, 377

Мчедлов М.П. – 377, 385, 421, 424
Мысливченко Дима – 346
Мюллер – см. Мельников Борис – 314
Мюллер Альберт – 305
Мюллер Курт – 359
Мюллер Рейнхард – 228, 306, 307
Мюнценберг Вилли – 325

Н

Набоков Владимир – 91
Найоми – см. Изикович Найоми – 96
Наполеон – 39, 127, 171
Нарочницкий А.Л. – 334, 409
Наумов В.П. – 393, 398, 399, 402, 432
Наумов Олег – 431
Наташа – см. Сегаль Наташа – 280–282
Наташа – см. Сулькина (Фирсова) Наташа – 16, 113, 114, 152, 193, 273, 274, 282, 418, 419, 426
Невзоров Александр – 420
Невалина Вельмира – 127, 229, 261, 421
Недорезов А.И. – 78–81
Нейман Гейнц – 305
Некрич А.М. – 434
Ненароков Алик – 399
Неру Джавахарлал – 151
Неруда Ян – 87, 211
Нечаева Лена – 170, 172, 439
Никита – см. Колпинский Никита – 33, 35, 56, 344
Никита – см. Хрушев Н.С. – 354
Никитин С.А. – 80
Никитин Сергей – 91
Николай – см. Барсуков Николай – 397
Николай – см. Смирнов Николай – 33
Николай Николаевич – см. Иванов Н.Н. – 32, 48

Николай Федорович – см. Кузьмин Н.Ф. – 101, 105, 119, 121, 147, 318, 352, 396

Никонов А.П. – 368

Нина – см. Мочалова Нина – 92

Нина – см. Хмара-Миронова Нина – 70

Ниночка – см. Изикович Нина – 96

Нир – см. Изикович Нир – 96

Новотко Марцелий – 343

Носик Алена – 95–97, 347

Носик Антон – 92

Носик Борис – 17, 91, 96, 271, 347, 434

Носик М.Н. – 267, 268

Носик Миша – 279

Носик Тая – 95–97, 348

Носик-Агостини Сандра – 93

О

Обичкин Г.Д. – 28, 31, 32, 51, 97, 98

Обичкин Олег – 32

Оганесов Г.Д. – 362

Окуджава Булат – 91

Ольга Ивановна – см. Курочкина О.И. – 49, 50, 53, 55, 98, 166, 167, 198

Ольга Константиновна – см. Сенекина О.К. – 19, 20, 34, 37, 39

Оля, Олечка – см. Фирсова Ольга – 16, 68, 75, 77, 89, 90, 93, 108, 193, 194, 273, 274, 278, 394, 413, 414, 425–427, 430, 435

Орджоникидзе Серго – 400

Особова (Данилова) Инна – 23, 35, 253

П

Павел – см. Рейман Павел – 87, 88

Павлик – см. Хмара-Миронов Павел – 68, 70

Павленко Анатолий – 319

Павлик – см. Хмара-Миронов Павел – 68, 70

Павлов В.Н. – 328, 329

Павлов Тодор – 183

Павлова Г.Е. – 241

Павловский Глеб – 406

Пантелеев Миша – 345, 438

Панцов Саша – 17, 217, 406, 432

Парсаданова Валентина – 333, 334, 336

Пархоменко Лена – 344, 358, 380

Паскаль – см. Ефремов Константин – 447

Педосов А.И. – 247

Перминова Алла – 58, 61

Персиц М.А. – 123

Петков Никола – 326

Петр – см. Кольцов Петя – 215, 253, 254

Петр Николаевич – см. Поспелов П.Н. – 30, 97–100, 112, 141

Петр I – 379

Петров П.С. – 235, 236

Петров Ю.П. – 119, 131

Пик Вильгельм – 58

Пименов Володя – 220

Питер – 413

Пихоя Рудольф – 434, 438

Платтен Фриц – 436

Платтен Фриц (старший) – 359, 436, 437

Плевако Саша – 79

«Плейшнер» – 44

Плимак Евгений – 433

Подвигина Е.П. – 106, 107, 119

Познер Владимир – 9

Покровский Валя – 219

Покровский М.Н. – 265

Поливода Света – 279

Поляков Ю.Н. – 395, 396, 398, 399, 410, 411

Пономарев Б.Н. – 269, 284, 361, 362, 387, 417

Попов Благой – 342, 370
 Попов Дмитрий – 17, 95, 426
 Попов Юра – 80
 Попова Катя – 96
 Пориоль Фернан – 448
 Порта Аннэ – 427
 Порфирьева Тамара – 334, 424
 Поспелов П.Н. – 30, 97–100, 112, 141
 Поспелова Велта – 30
 Потемкин Ф.В. – 18, 80, 405
 Прасолов С.И. – 292, 293
 Примаков Е.М. – 433
 Прухняк Эдвард – 341
 Пуго Б.К. – 429
 Путин В.В. – 374
 Пушкин А.С. – 20, 403, 432
 Пшедецкий Марк – 186
 Пьеха Эдит – 43
 Пятницкий Владимир – 125, 126
 Пятницкий Игорь – 125, 147
 Пятницкий Осип – 123–126, 147, 331, 360, 389, 428

Р

Радволина-Литвакова Ида – 309
 Радек К.Б. – 126, 199–201, 262, 375
 Раденкова Петра – 17
 Разгон Л.Э. – 432, 433
 Разумова А.Л. – 124, 310
 Ракоши Матиас – 199, 272
 Раскольников Ф.Ф. – 254
 Рафаэль Санти – 127
 Редгрейв Ванесса – 431, 432
 Резников Саша – 148–153, 177, 218, 245, 247, 248, 345
 Рейган Рональд – 283
 Рейде Дениз – 363, 364
 Рейман Михал – 87, 88, 137, 138, 209, 210, 380, 381, 394, 408, 409
 Рейман Павел – 87, 88
 Рейнхард – см. Мюллер Рейнхард – 228, 306, 307

Рейсберг Арнольд – 203, 204
 Рейх Яков (Томас, Джеймс) – 173
 Рембрандт Харменс ван Рейн – 222
 Реммеле Герман – 305
 Ржевский О.А. – 334–336, 395, 400
 Рива Самойловна – см. Дорфман Р.С. – 43, 75, 96, 193, 347
 Роговая Лариса – 228, 231
 Родари Джанни – 95
 Родионов П.А. – 159, 204, 217, 287, 288, 292, 296–298, 318
 Розенталь Света – 227, 228
 Розов В.С. – 43
 Рой Мабендранат – 167, 175, 245, 287, 397
 Ройян Юрген – 412, 413
 Рокитянский Яша – 174
 Рудик – см. Матвеев Рудик – 237
 Рудой Г.Я. – 320
 Руколь Б.М. – 79
 Румянцева Нелли – 27
 Рутгерс Сибольд – 173
 Рыков Н.И. – 145
 Рыльский Игнаци – 308, 342
 Рябов Феликс – 38, 86
 Рязанов Д.Б. – 20, 36, 95, 125

С

Савицкая Р.М. – 172
 Салмин Алеша – 220
 Сандра – см. Носик-Агостини Сандра – 93
 «Санчо Панса» – 254
 Сафаров Георгий – 311
 Сахаров А.Д. – 406
 Саша – см. Ватлин Саша – 17, 143, 228, 231, 313, 344, 353, 377, 391–393, 397, 409–411, 415, 428, 435
 Саша – см. Вебер Саша – 283–285
 Саша – см. Граник Саша – 17, 96, 218, 347, 348
 Саша – см. Григорьев Саша – 177, 184

- Саша – см. Клеванский А.Х. – 45–47, 79, 292–294, 296
Саша – см. Панцов Саша – 17, 217, 406, 432
Саша – см. Резников Саша – 5, 6, 148–153, 177, 218, 245–249, 345
Саша – см. Фрид Саша – 93, 279, 446
Свердлов А.Я. – 99, 100
Свердлов Я.М. – 99
Света – см. Поливода Света – 279
Света – см. Розенталь Света – 227, 228
Светлана – см. Гурвич Светлана – 409
Свобода Людвиг – 24, 87, 379
Севостьянов Г.Н. – 195
Севрюгина Женя – 161, 163–167, 211, 287, 357
Севрюгина Н.Г. – 163
Сегаль Вадя – 66–74, 261, 279, 280, 282, 400
Сегаль Дима – 68, 279, 281
Сегаль Марк – 68, 279
Сегаль Наташа – 280–282
Сегаль (Яковлева) Женя – 67, 70, 74, 280
Седов Лев – 401
Семенов С.И. – 302, 391
Семенов Юлиан – 44, 408
Сенекина О.К. – 19, 20, 34, 37, 39
«Сенька» – 250
Серафима Ильинична – см. Гопнер С.И. – 50, 51, 78
Сергей – см. Цымбал Сергей – 241, 244, 296, 337, 419
Сергей Иванович – см. Прасолов С.И. – 292, 293
Сергей Иванович – см. Прасолов С.И. – 292, 293
Серета А.И. – 24
Серов А.К. – 136
Серова Валентина – 136
Синани – см. Скалов Георгий – 312
Сиполс В.Я. – 334, 335
Сирков Димитр – 268
Сироткин В.Г. – 405
Скалов Георгий – 312
Скороходов Глеб – 271
Слава – см. Смирнов Владислав – 15, 317
Славик – 82
Славуцкая Вильгельмина – 72, 358, 408, 410
Сламухин Н.А. – 321
Сланский Рудольф – 293, 375
Слепов Л.А. – 121
Сметана Бедржих – 87
Смирнов Владислав – 15, 317
Смирнов Г.Л. – 15, 34, 318, 319, 321, 333, 335, 336, 340, 393, 401, 416, 420
Смирнов Николай – 33
Смирнова Валя – 33, 291
Смолина Марина – 227
Снегов А.В. – 97
Соболев А.И. – 141, 146, 148, 150, 153–155, 157–159, 167, 174, 175, 177, 182, 184, 195, 216, 236–238, 241–243, 245, 248–252, 266, 267, 275, 282
Совокин А.М. – 254
Созин Иван – 116
Соколов Е.Н. – 58, 59, 61, 62, 109, 141, 142, 147, 152, 159, 166, 167, 260, 268
Солженицын А.И. – 113
Соловьев А.А. – 64
Солодова Таня – 429
Солонин Марк – 329
Солоухин В.А. – 396
Соркин Г.З. – 362
Сорокин А.К. – 13, 229
Сохацкий – см. Чешейко-Сохацкий Ежи – 331, 340
Спиваковский Е.И. – 85, 159, 198
Спирин Л.М. – 78

Спирина Галя – 241
Стакло Вадим (Staklo Vadim) – 17, 269, 344, 439, 444, 450
Сталин И.В. (Stalin) (Хозяин) – 15, 20, 28, 31, 50, 52, 64, 70, 72, 85, 97–101, 106–108, 110, 111, 113, 115, 116, 118, 120, 121, 123, 124, 131, 144, 145, 156, 158, 160, 182, 186, 194, 226, 228, 253, 254, 269, 282, 289, 317, 320, 324–328, 330, 331, 333, 337, 340, 341, 343, 351, 358, 359, 361, 364, 365, 367–369, 371, 373, 375–379, 384, 390, 392, 395, 397, 399–401, 405, 407–409, 433, 435, 436, 443
Станишев Димитр – 285
Старинов И.Г. – 100
Старцев Виталий – 395, 399, 410, 411
Степанов Владлен – 28, 97, 124, 125, 230
Степанова Е.А. – 20, 27, 28, 97, 124, 125, 168, 247
Стучебникова М.В. – 97
Суворов Виктор – 330
Сулькин Девик – 418
Сулькин Миша – 418
Сулькина Лиза – 418
Сулькина (Фирсова) Наташа – 16, 113, 114, 152, 193, 273, 274, 282, 418, 419, 426
Суслов Егор – 166, 167
Суслов М.А. – 36, 111, 166, 167, 183, 246
Суслова Алена – 350

Т
Тавровская Г.М. – 195
Таль Михаил – 408
Тальгеймер Август – 60, 144, 199, 201, 355
Таня – см. Носик Таня – 95–97, 348
Таня – см. Солодова Таня – 429

Тартаковский Б.Г. – 40, 42, 169, 193, 194, 285
Тася – см. Кошель Тася – 71
Твардовский Александр – 113, 156
Тельман Эрнст – 143, 339
Темкин Я.Г. – 121, 122, 186, 285
«Теркин» – 113
Тивель Александр – 365
Тим – см. Тимофеев Т.Т. – 112, 140, 246
Тимофеев Т.Т. (Райен Тим) – 112, 140, 246
Тинка – 273, 278
Титаренко С.Л. – 217
Тито (Броз) Иосип – 326, 333, 337, 407
Тихонов Н.А. – 127, 169
Тихонова Зоя – 124, 127, 169
Толмачева Катя – 43, 162
Толмачева Лидия – 43
Тольятти Пальмиро – 117, 178, 303, 332, 335, 359
Томас – см. Рейх Яков – 173
Торез Морис – 117, 250, 364
Треан Морис – 363, 364
Треппер Леопольд – 407, 446–448
«Триппер» – 36
Трофимов К.С. – 58, 59, 118
Троцкий Л.Д. (Trotzki Leo) – 102, 126, 145, 200, 205, 212, 234, 235, 260, 287, 292, 375, 401, 407, 410–412, 432
Труш Михаил – 297, 424
Турок-Попов В.М. – 216
Тучочкин Юра – 139, 227–229
Тых Феликс – 228, 304, 412

У

У – см. Ульяновский Р.А. – 150, 169
Удальцов Е.И. – 38, 49
Удальцов И.И. – 296
Узар Марина – 291

Ульбрихт Вальтер – 146, 154, 203
 Ульяновский Р.А. – 150, 169
 Ундасынов Искандер – 377
 Уншлихт Иосиф – 428
 Успенский Эдуард – 132
 Устинов Виктор – 131

Ф

Файнберг Этта – 313
 Фалтыс Антонин – 210
 Федоров-Давыдов Герман – 220
 Федосеев П.Н. – 39, 41, 42, 141, 146, 148, 152, 155, 183, 320
 Фейхтвангер Леон – 322, 323
 Феликс – см. Рябов Феликс – 38, 86
 Феликс – см. Тых Феликс – 228, 304, 412
 «Фемида» – 396
 Фельштинский Юрий – 401
 Финкельштейн Лина – 139
 Финкельштейн Тадик – 90, 139, 162
 Фира – см. Блох Э.Л. – 348, 350
 Фирсов Гарик – 16, 349, 350
 Фирсов Женя – 46
 Фирсов И.Н. – 349
 Фирсов Коля – 350
 Фирсов Н.Е. – 125
 Фирсов Фридрих (Firsov Fridrikh) (Firsow Friedrich) – 143, 146, 250, 269, 271, 297, 305, 315, 320, 338, 353, 367, 380, 385, 409, 410, 415, 435
 Фирсова Лида – 11, 16, 43, 66, 71, 75, 76, 82, 83, 89–91, 93–96, 108, 109, 114, 127, 152, 165, 193, 194, 248, 267, 268, 274–278, 280–282, 296, 346–348, 350, 351, 358, 394, 396, 418, 420, 426, 427, 430, 438
 Фирсова Ольга – 16, 68, 75, 77, 89, 90, 93, 108, 193, 194, 273, 274, 278, 394, 413, 414, 425–427, 430, 435
 Фитин П.М. – 428

Флорин Вильгельм – 343
 Флуранс – см. Молок Флуранс. – 47
 Фогельсон Виктор – 43
 Франко Франциско – 255
 Франц Иосиф I – 83, 87
 Франц Фердинанд – 195, 223
 Франциск Ассизский – 129
 Францов Ю.П. – 176
 Фред – см. Фирсов Фридрих – 25, 37, 40, 193, 374
 «Фредди» – 119
 Фрид Саша – 93, 279
 Фрид Эжен – 446
 Фридрих Великий – 203, 372
 Фриц – см. Платтен Фриц – 436
 Фрумкин М.И. – 358
 Фрунзе М.В. – 81, 280
 Фуассон Робер – 363, 364
 Фукидид – 266
 Фучик Юлиус – 295
 Фюрнберг Фридль – 269

Х

Хаванов Женя – 345, 377
 Хайек Фридрих – 372
 Хальс Франц – 223
 Харитонов Юра – 374
 Харрис Роберт – 351
 Хеделер Владислав – 228
 Хеймо Мауно – 365
 Хейнс Джон – 444, 445, 449
 Хейфец Виктор – 228
 Хейфец Лазарь – 228
 Хельмут – см. Димитров Георгий – 178
 Хланта Алексей – 82–85
 Хлебников Н.М. – 168, 169
 Хлевнюк Олег – 400, 432, 433
 Хмара-Миронов Павел – 68, 70
 Хмара-Миронова Нина – 70
 Хозяин – см. Сталин И.В. – 31
 Хонеккер Эрих – 339

«Хоттабыч» – 134
 Христова Валя – 181, 285
 Хрушев Н.С. – 22, 37, 44, 97, 98,
 110–113, 156, 203, 234, 297, 298,
 355, 379, 397
 Хубер Петер – 228

Ц

Цергибель Карл – 117
 Цеткин Клара – 122, 173, 199, 204,
 213, 214, 389, 390, 422
 Циммерман Берта – 359
 Цымбал Сергей – 241, 244, 296,
 337, 419
 Цырина Валя – 17, 161, 165, 221,
 227, 234, 253

Ч

Чапаев В.И. – 168
 Челлини Бенвенуто – 423
 Чернецовский Ю.М. – 391
 Чернуха Зоря – 197, 249
 Черняев А.С. – 185, 373, 402, 442
 Черняк Юра – 19
 Чешейко-Сохацкий Ежи – 331, 340
 Чубарьян Александр – 328, 329, 334
 Чурбанов Лева – 141, 142, 147, 253
 Чуркин С.А. – 264
 Чухрай Григорий – 96
 Чухрай Павел – 96

Ш-Щ

Шакирова Лера – 221
 Шаншиев Г.Н. – 299, 352, 353, 362,
 379, 408
 Шарапов Ю.П. – 48
 Шатагин Н.И. – 31, 97
 Шатров (Маршак) Миша – 44, 73,
 74, 136, 213, 320, 370, 432, 433
 Шахназарова Элеонора – 170, 229,
 233, 307, 414, 421, 429, 439
 Шацкая Наташа – 241
 Шварценеггер Арнольд – 395
 «Швейк Йозеф» – 88, 210, 211

Швейцер Альбер – 91
 Шелепин А.Н. – 113
 Шелохаев Валентин – 399
 Шепилов Д.Т. – 70
 Шириня К.К. – 60, 141, 142, 147–
 149, 152–155, 157–159, 166, 167,
 172, 174–177, 179, 182–184, 197,
 198, 211, 216, 225, 235, 236, 241–
 243, 245, 247, 251, 252, 258, 268,
 270, 271, 273, 282, 286, 297, 302,
 322, 333, 377, 390, 391, 424
 Шмераль Богумир – 208–210, 262
 Шолохова Женя – 71, 74
 Шопен Фредерик – 305
 Шпрингер Аксель – 203
 Штейнгардт Карл (Грубер Йозеф) –
 301
 «Штирлиц» – 408
 Штрезман Густав – 144
 Штудер Брижжит (Studer Briggit) –
 412
 Шуберт Герман – 305
 Шульте Фриц – 305
 Щетилина Валя – 374
 Щукин Б.В. – 214

Э

Эберлейн Гуго – 26, 143, 301
 Эйзенберг Иосиф – 312, 313
 Экштейн Август – 111
 Элеонора – см. Шахназарова Элео-
 нора – 170, 229, 233, 307, 414,
 421, 429, 439
 Эль-Греко – 255
 Эмбер-Дро Жюль (Humbert-Droz
 Jules) – 377, 435, 436
 Энгельс Фридрих – 19, 20, 24, 25,
 28, 32, 33, 35–37, 40, 42, 56, 62,
 125, 285, 404, 412
 Эрвин – см. Левин Эрвин – 198,
 203, 355, 367, 414
 Эрколи – см. Тольятти Пальмиро –
 117, 178, 288, 303, 343, 359
 Эсамбаев Махмуд – 135

Эсфирь Соломоновна – см. Бутылькова Э.С. – 274
Этингер Я.Г. – 433
Этингер Яков – 433
Эфрон – 29, 162

Ю

Юницкая Рая – 139
Юра – см. Антонов Юра – 237
Юра – см. Ахапкин Ю.А. – 170, 230, 421
Юра – см. Вольнский Юра – 73
Юра – см. Туточкин Юра – 139, 227–229
Юра – см. Черняк Юра – 19
Юра – см. Юрченко Юра – 58, 61
Юрченко Юра – 58, 61

Я

Яжборовская Ина – 17, 334, 336, 340, 372, 390, 416
Яковлев А.Н. – 317, 320, 339, 393, 398

Яковлев Борис – 36
Якунин – 387
Ян – см. Кремпа Иван – 251, 294, 295, 375
Ярузельский Войцех – 336
Ястржемский Сергей – 374

В-Т

Buckmiller Michael – 305
Chase William J. – 383
Dundovich Elena – 315
Feltrinelli Giangiacomo – 315
Gori Francesca – 315
Guercetti Elena – 315
Kessler Mario – 367
Lorenz Richard – 315
Meschkat Klaus – 305
Schäft Gert – 410
Staritz Dietrich – 315
Thurston Robert W – 360, 382
Timofeeva Tanja – 143

ИЗДАНИЯ АИРО В 2001–2013 гг.

2001

- Стивен Козн.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Ленарт Самуэльсон.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. («АИРО – Первая публикация»).
- А.П. Ненароков.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО – Монография»).
- И. Ротарь.* Под зелёным знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12).
- Новые концепции российских учебников по истории / Сост. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13).
- Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей – к 60-летию профессора Харуки Вада / Под редакцией Г. Бордюгова, Н. Исин, Т. Томита.
- Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма / Составители М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов.
- Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.
- Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под редакцией И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой.
- С.В. Константинов, А.И. Ушаков.* История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.
- А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.* Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.
- В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов, Ф.Д. Крюков, И.А. Родионов / Составители А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.

2002

- Анна Гейфман.* В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Беттина Зибер.* «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 14).

- Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Промышленность Урала в XIX–XX веках. Сборник научных трудов / Под редакцией В.П. Чернобровина.
- Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.
- Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.
- Б.И. Чехонин.* Как богатеют, не воруя (по странам и континентам). *Synopsis operandi* профессора Аймермахера / Составитель А.И. Ушаков.
- С.Б. Веселовский.* Подмосковье в древности. Три очерка.
- Фёдору Крюкову, певцу Тихого Дона.
- Вадим Смиренский.* Разбор сюжетов.

2003

- Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет / Составители Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков.
- Марк Юнге.* Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачёва. («АИРО – Первая публикация в России»).
- И.А. Гордеева.* «Забывшие люди». История российского коммунитарного движения. («АИРО – Первая монография»).
- Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова.
- In Memoriam. Г.М. Адиебеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов / Составители Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.
- Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.
- Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.
- Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 / Составитель В.Э. Молодяков. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.
- Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Сост., введение, коммент. В.А. Невежина.

2004

- Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.

- Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.
- Из старых тетрадей. С.Б. Веселовский. Страницы из Дневника. 1917–1923. В.С. Веселовский. Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.
- Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.
- Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.
- Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht. Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.
- Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.
- Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.
- А.А. Куреньшев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО – Монография»).
- Россия: удачи минувшего века / Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.
- Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.
- Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. («АИРО – Первая публикация в России»).

2005

- Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. («АИРО – Первая монография»).
- Жанат Кундакбаева. «знаком милости Е. И. В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО – Монография»).
- В.Д. Соловей. Русская история: новое прочтение. («АИРО – Монография»).
- С.И. Валянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО – Монография»).
- П.Б. Уваров. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО – Монография»).
- 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО – Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН) / Под редакцией Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Лотара Майера.
- Б.Г. Тартаковский. Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО – Первая публикация»).
- Б.Г. Тартаковский. Из дневников военных лет. («АИРО – Первая публикация»).
- Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО – Первая публикация». Публ. В.Э. Молодякова / Под редакцией Г.А. Бордюгова.
- Норман Неймарк. Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Стивен Коэн. Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)
- Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Кьяри, Борис Соколов, Андрей Турков. Великая война: трудный путь к правде. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).

- Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).
- Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов.* Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).
- Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацуро Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) / Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.
- Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.
- Жанат Кундакбаева.* Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.
- Владимир Самарин.* Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.
- Борис Соколов.* Моя книга о Владимире Сорокине.
- 60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005). Совм. с Фондом Фридриха Науманна.
- Ст. Б. Веселовский.* Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи / Сост. А.Г. Макаров и С.Э. Макарова.
- Рой Медведев.* Социализм в России?
- Япония 2004–2005. Ежегодник.

2006

- Дмитрий Люшкин.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).
- А.Г. Ложкин.* Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).
- Ф.Г. Куначёва.* Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).
- В.Э. Молодяков.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).
- Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой / Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).
- Молодёжь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.
- Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.
- Э. Саблина.* 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под редакцией и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).
- Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А.Г. Макаров и С.А. Макаров.
- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Генна-

- дия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.
- Портрет современного японского общества.
- В.Э. Молодяков.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).
- Н.А. Четырину.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).
- П. Павленко.* Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.
- Павел Гвоздев.* Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации. Япония. Ежегодник. 2006.
- Сергей Валянский.* Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).
- В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

- Я.В. Леонтьев.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина Каргина.* Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. Тепляков.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. Гоголев.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. Колесов.* Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих Фирсов.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).
- С.И. Валянский.* Язык мой – враг мой.
- Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.
- Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.
- Япония открытая миру. Коллективная монография.
- В.Г. Воловников.* О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).
- В.Д. Соловей.* Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.
- С.Ф. Платонов.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.

Александр Рабинович. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).

Николай Андреев. Первые стихи.

Владимир Путин. Рано подводить итоги.

Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.

Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.

Константинов С.В. «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.

Леонид Козлов. В диалоге с прошлым.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Козна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.

Стивен Козн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.

Е.В. Суrowцева. Жанр «письма вождо» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).

А.А. Куренышев. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).

Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера.

Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.

Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.

Роберт Эдельман. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.

А.Г. Тепляков. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

В. Волков, С. Соколов. Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).

Н.В. Кравчук. История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).

В.А. Рябинин. Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».

- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В.Н. Томилин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).
- Н.И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).
- Эрик Кулевиц.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).
- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*
- Ф.Д. Крюков.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. Возвращаясь на улицу Юности.
- Л.А. Боева.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).
- Б.В. Соколов.* Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).
- Япония 2009. Ежегодник.
- Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.
- А.К. Конопацкий.* Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Венков А.В.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО–XXI. 2010 г. – 884 стр.
- Кравчук Н.В.* История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII–XV вв. – М.: «АИРО–XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов.* Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.

- Виктор Кригер.* Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская.* Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940–1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО-XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.
- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО-XXI. 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО-XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Оболение власти. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Коэн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.

- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.
- А.А. Куренных.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Сурицева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.
- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Коэн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).
- Р.А. Медведев.* «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 228 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.
- Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с.
- 20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО-XXI, 2011. – 172 с.
- Япония 2011. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2011. – 288 с.
- Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2011–280 с.
- А.Д. Цыганок.* Русский взгляд на израильские войны: Вторая Ливанская – 2006 и в секторе Газа – 2009. – М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2011. – 352 с.

2012

- Чермен Касаев.* Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк.* Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Агеносов.* Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.:

- АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 208 с.
- А.Г. Ложкин.* Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография»).
- Синто: память культуры и живая вера. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенцев.* Донцы. Из истории донского казачества. – М.: АИРО-XXI, 2012 г. – 180 с.
- Н.В. Кравчук.* Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 104 с.
- А.Д. Цыганок.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 432 с.
- А.А. Куреньшев.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 404 с.
- Т.А. Филиппова.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография»).
- А.Н. Соломатин.* Основы подготовки журналистов для работы в районах военных действий и экстремальных ситуациях. Программа курса лекций. Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 32 с.
- А.Д. Цыганок.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Гареева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 448 с.
- Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2012–224 с.
- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / А.В. Макутчев; под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2012. – 450 с.
- Эльгена Васильевна Молодякова. К 75-летию со дня рождения. Библиографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и И.Л. Тимониной. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 120 с. + 8 с. илл.
- С.С. Михайлов.* Погост Николо-Шатур: История мешёрского прихода. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. – 104 с.: ил. Б. тир. (Б-ка альм. «Мешёра-край»).
- Мешёра-край: альм. по истории и культуре Мешерского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мешёры «Гуслиц. перекрёсток». – М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.Г. Шаповал.* История сел Дунилово и Горицы. От неолита до современности. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российская провинция»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 268 с.
- Федор Крюков.* Православный мир старой России. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 200 с.
- Федор Крюков.* Картинки школьной жизни старой России. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 328 с.

- Светлана Лурье.* Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография»).
- Федор Крюков.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 362 с.
- Алексей фон Лампе* – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 320 с. – («АИРО – первая публикация»).

2013

- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул.* Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
- А.Ю. Каратеев.* Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).

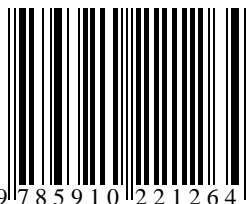
Научное издание

Фридрих ФИРСОВ

34 ГОДА В ИНСТИТУТЕ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА.
Воспоминания историка

Компьютерная верстка и техническое редактирование — С.П. Щербина

ISBN 591022126-4

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.08.2013
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 30,0
Тираж 800 экз. Зак.